

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 183 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
IV

TARTU 1966

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 183 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
IV

TARTU 1966

Redaktsioonikolleegium:

J. Ananjeva, H. Kadari, J. Mäll, P. Vihalem.
Vastutav toimetaja: E. Laasik.

Редакционная коллегия:

Ж. Ананьева, Х. Кадари, И. Мялл, П. Вихалем.
Отв. редактор: Э. Лаасик.

TARTU ÜHISKOOL

Keelte ja kirjanduse instituut

А. е. ш.

RIIGI PÕHIFUNKTSIOONID

Õigustead. dokt. P. Vihalem

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

1957.—1960. aastal ilmus meil rida teoseid ja artikleid, mis käsitlesid riigi funktsioonide küsimust. Nendes juhtiti õigusega tähelepanu mõnede varem esitatud seisukohtade ekslikkusele. Samal ajal aga anti täiesti uus teoreetiline käsitlus riigi põhifunktsioonidest, tõstes nende arvu kolmelt rohkem kui kümnele. Selliste seisukohtadega ei saa aga kuidagi nõustuda.¹

Riigi põhifunktsioonide õige õpetus eeldab kõigepealt õiget arusaamist sellest, mida me mõistame riigi põhifunktsioonidena.

Riigi tegevuse analüüs ja selle liigitamine alade järgi on üheks riigi ja õiguse teooria põhiprobleemiks. Kui õpetus riigimehhanismist ehk riigiaparaadist vaatlleb riiki staatilisena, liikumatuna, siis õpetus riigi põhifunktsioonidest vaatlleb riiki dünaamilisena, liikuvuses. Kui esimene vastab küsimusele, kes moodustavad riigi, kellest ta koosneb, milline on ta organisatsiooniline struktuur, siis teine vastab küsimusele, mida riik teeb, kuidas ta tegutseb.

Nn. loomuliku ehk peaklassifikatsiooni hulka kuuluvaid riigi tegevuse kõige laiaulatuslikumaid, kõige laiema mahuga ja klassifikatsioonis kõige kõrgemalseisvamaid liike nimetame riigi põhifunktsioonideks. Antud klassifikatsiooni kui riigi tegevusalade kõige põhilisema klassifikatsiooni uurimine on riigi ja õiguse teooria aineks, sest viimase ülesandeks on anda ülevaade riigi ja õiguse põhiprobleemidest, riigi- ja õigusealastest kõige tähtsamatest küsimustest.

Teiste õigusteaduslike distsipliinide ülesandeks on uurida mitte-põhilisi riigi tegevusalade klassifikatsioone, neid riigi funktsioone, mida me ei nimeta põhifunktsioonideks. Riigi ja õiguse teooria ülesanne piirdub nende funktsioonide lühikese iseloomustamisega.

¹ Autor on allpool toodud seisukohti esitanud teoses «Riigi põhifunktsioonid», TRU rotaprint, Tartu 1961, 109 lk., ja Rostovis 1960. a. peetud ettekandes (vt. trükitud teesid — Теоретические вопросы развития Советского государства и права в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Ростов 1960, lk. 64—65).

Arvestades seda, et nn. loomuliku ehk kõige põhilisema klassifikatsiooni juures tuleb põhifunktsioone jagada ühe jagamisaluse põhjal, et üksikud põhifunktsioonid ei tohi teistega osaliselt või täielikult kattuda, ühte langeda, et siin on tegemist laiaulatusliku üldistusega — siis on loomulik, et põhifunktsioone ei saa olla palju.

Riigile ebaolulised ja vähem ulatuslikud tegevused võime riigi põhifunktsioonide käsitluses kõrvale jätta.

Analüüsidest kõigi ekspuataatorlike riikide tegevusi, võime neid jagada kahte põhilisse liiki: ühelt poolt ekspuataatorliku riigi tegevus oma territooriumil asuvate töötajate suhtes, mis kindlustab viimaste alistumist ekspuataatorlikule korrale, ja teiselt poolt sama riigi tegevusi, mis on suunatud sellele, et riikliku sunniaparaadi abil laiendada ekspuateerimise ulatust väljaspool oma territooriumi elavatele töötajatele, või ära hoida seda, et kallaletungiga väljast haaraksid välismaa kapitalistid osa ekspuateerimist seniste kapitalistide käest enda kätte. Sellekohaselt võiksime öelda, et ekspuataatorlikul riigil on kaks põhilist laadi tegevust ehk põhifunktsiooni:

- 1) töörahva mahasurumine ehk ohjeldamine ja
- 2) tegevus sõjalisel alal.

Niisugune ekspuataatorliku riigi tegevuse liigitamine on sellepärast kõige põhilisemaks liigituseks, et me mõistaksime kõige paremini nii kogu riigi tegevuse ühtsust, selle olemust, iseloomu kui ka kõige olulisemaid erinevusi üksikute riiklike tegevuste juures. Me mõistame, missuguseid riigi tegevusi on kõige rohkem, mis on riigi tegevusele tüüpilised ja mis on ebatüüpilised ja juhuslikud.

Millised põhifunktsioonid on aga sotsialistlikul riigil? Juba riigi mõiste määratlemise juures näeme, et tunnused, mis käivad ekspuataatorlike riikide kohta, ei ole kohaldatavad üldse või ei ole kohaldatavad täies ulatuses sotsialistlike riikide kohta, eriti sel juhul, kui viimased eksisteerivad sel perioodil, kui kapitalistlik süsteem on likvideeritud, kuid kommunismile pole veel jõutud. Sotsialistliku riigi tegevuse põhiline osa ei ole käsitatav ainult klassivaenlaste mahasurumisena. Sellepärast tuleb sotsialistliku riigi põhifunktsioone käsitleda kahes põhigrupis:

1. Ekspuataatorlike klasside vastu suunatud sotsialistliku riigi põhifunktsioonid.
2. Sotsialistliku riigi põhifunktsioonid, mis on seotud sotsialismi või vastavalt kommunismi ülesehitamisega.

Esimese grupi põhifunktsioonid haaravad tegevust klassivaenlaste ohjeldamisel, teise grupi põhifunktsioonid distsipliini hoidmisel töötajate hulgas.

Esimese grupi põhifunktsioonideks on:

- 1) ekspuataatorlike klasside ohjeldamine oma riigi territooriumil,

2) sotsialistliku ühiskonna kaitse kodanlike riikide kallale-
tungide vastu.

Teise grupi põhifunktsioonideks on:

- 1) majandusliku töö põhifunktsioon,
- 2) kultuurialase töö põhifunktsioon.

Selline klassifikatsioon lähtub ühiskonna, nii vastava riigi kui ka kogu maailma riikide klassikoosseisust, riiklike tegevuste mahust ja nende seosest riigivõimul olevate klasside põhiees-
märkidega.

Selles klassifikatsioonis näidatud põhifunktsioonide arv ja selle muudatused ning põhifunktsioonide iseloom annavad omakorda lähtealuse riigi peamiste arenguperioodide kindlaksmääramisele.

Samuti võimaldab selline jaotus paremini mõista sotsialistliku ja kodanliku riigi põhilist erinevust ja selgemini näidata riigi väljasuremist.

Riigi põhifunktsioonide käsitlus on tihedalt seotud ka proletariaadi diktatuuri ja üldrahvaliku riigi probleemistikuga. Eksplua-
taatorite mahasurumine ja sõjalise kaitse põhifunktsioonid on teostatavad diktatuuri näol, majanduslik ja sotsiaal-kultuuriline riigi tegevus ei teostu diktatuuri kujul. Proletariaat, distsiplinee-
rides oma klassi liikmeid, ei kasuta nende suhtes diktatuuri. Proletariaadi diktatuurile on seega omased esimesed kaks põhifunkt-
siooni, üldrahvalikule riigile kaks viimast põhifunktsiooni. Lisame veel, et riigikaitse põhifunktsiooni teostamine sünnib selle ees-
märgiga, et ohjeldada või maha suruda klassivaenlase agressiooni. Need tegevused kuuluvad diktatuuri valdkonda. Selle eesmärgi saavutamiseks on vaja armeed, on vaja nii armees kui ka väljas-
pool seda oma klassi liikmete hulgas distsipliini kindlustada. Nende ülesannete teostamine ei mahu diktatuuri mõiste alla.

Riigi põhifunktsioonide teostamine kodanlikus riigis tähendab kodanluse diktatuuri töörahva suhtes.

1. Riigi sise- ja välispõhifunktsioonid

Paljud nõukogude autorid kõnelevad riigi sise- (sisestest) ja välis- (välistest) põhifunktsioonist (põhifunktsioonidest). Selle terminoloogia kasutamise vastu räägivad järgmised asja-
olud. Need nimetused ei too esile tegevuse sisu, vaid vormi, nad ei näita tegevuse klassiiseloому (kes tegutseb kelle vastu). Kui kasutada ka sotsialistliku riigi vastavate põhifunktsioonide juures nimetust «sise» ja «välis», siis ei näe me vähemalt põhifunkt-
sioonide nimetustes seda, et ekspluataatorliku ja sotsialistliku riigi põhifunktsioonid on oma sisult põhiliselt erinevad.

Nimetused «sise» või «välis» jätavad mulje, et välispõhifunkt-
sioon haarab absoluutselt igasugust riigi tegevust, mis on seotud teiste riikidega, ja sisepõhifunktsioon samuti absoluutselt iga-

sugust riigi tegevust, mis on suunatud sisemaale. Sellega liidetakse kõige ulatuslikum väline tegevus — sõjaline ala — suhteliselt väikseulatuslike, mitmesuguste ja pealegi teisejärgulise tähtsusega küsimustega. Sisepõhifunktsiooni termin hõlmab mahasurumise kui ekspluataatorliku riigi kõige laiaulatuslikuma tegevuse kõrval samuti suhteliselt väikseulatuslikku, mitmesugust ja teisejärgulise tähtsusega tegevust. Sisult erineb sõjaline tegevus väga oluliselt rahulikust kaubavahetuse arendamisest või kultuurialasest koostööst.

Samuti ei ole selge, millist tegevust tuleks vaadelda välis-, millist sisepõhifunktsiooni teostamisena. Kas näiteks armee tegevus sisemaal, eriti väljaõppe, sõjariistade ja -varustuse hankimise alal, lugeda sise- või välispõhifunktsiooni hulka kuuluvaks? Kui seesugust tegevust lugeda sisepõhifunktsiooni hulka kuuluvaks, siis oleks sõjaline ala lõhestatud kahe põhifunktsiooni vahel.

Sotsialistliku riigi välisfunktsioonidena esitatakse riigi ja õiguse teooria 1960. ja 1963. a. ilmunud õpikutes kolm funktsiooni: 1) võitlus rahu säilitamise eest kogu maailmas, rahuliku kooseksisteerimise eest kapitalistlike riikidega; 2) maa kaitse välise kallalitungi vastu, sotsialistliku korra kaitse agressiooniohu vastu välistelt imperialistlikelt jõududelt ja nende agentuurilt sihiga restaureerida kapitalismi ja 3) kõigi sotsialistlike maadega vennalik koostöö ja seltsimehelik vastastikune abi.

N. M. Minasjan eraldab võitlust rahu eest kogu maailmas rahuliku kooseksisteerimise poliitika teostamisest kui omaette funktsiooni ja lisab veel juurde iseseisva funktsioonina nõrgalt arenenud maadele abi osutamise funktsiooni, mis seisneb peale muu abis võitluseks iseseisvuse ja suveräänsuse eest.

Niisuguste käsitluste puuduseks on kõigepealt see, et sotsialistliku riigi tegevus rahu kindlustamiseks lahutatakse mitmeks iseseisvaks osaks, funktsiooniks, neid omavahel liitmata.

Teiseks nimetatud käsitluste puuduseks on see, et sotsialistlike maadega koostöö teostamise funktsioon oma sisult hõlmab peale tegevuse rahu kindlustamiseks ka majandus- ja kultuurialast tegevust. Peale selle ei ole nimetus — rahu säilitamiseks peetav võitlus — küllalt täpne põhifunktsiooni nimetusena, kuna see hõlmab ka sotsialismimaade koostöö sõjalisel alal ja sotsialistliku riigi riigikaitsealase tegevuse. Vastavad autorid loevad aga viimased tegevused iseseisvate põhifunktsioonide hulka kuuluvateks.

Õigem on käsitleda kogu sotsialistliku riigi välist julgeolekut teenivat tegevust nii sise- kui ka välispoliitika alal ühtse põhifunktsioonina. Sotsialistliku riigi tegevusel siseriigis kaitsevõime tõstmisel ja rahvusvahelisel areenil rahu kindlustamiseks kogu maailmas ning sõjapropaganda keelamisel on ühtne siht, eesmärk, ülesanne. Riigi välise julgeoleku kindlustamine on ühtne probleem. Sotsialistliku riigi nimetatud tegevus tuleb eraldada majan-

dus- ja kultuurialasest tegevusest rahvusvahelisel areenil ja käsitada ühtse põhifunktsioonina. Tähelepanelikult uurides V. I. Lenini seisukohti, NLKP dokumente, näeme, et seal käsitatakse rahu säilitamise probleemi ühtse küsimusena, juhitakse tähelepanu kõigile neile jõududele, faktoritele, mis kindlustavad rahu ja sotsialistliku riigi julgeolekut, osutatakse nende faktorite erikaalule rahu kindlustamisel. Sellepärast on õige rääkida sotsialistliku riigi kaitsmisest või rahu eest peetavast võitlusest kui ühtsetest sotsialistliku riigi põhifunktsioonidest.

Seda põhifunktsiooni on otstarbekohane käsitleda kolmes osas:

1) sotsialistliku riigi tegevus siseriigis oma kaitsevõime organiseerimise alal;

2) sotsialistliku riigi tegevus ühtse kaitse korraldamiseks teiste sotsialistlike riikidega;

3) sotsialistliku riigi koostöö kodanlike maade rahvaste ja valitsustega rahu kindlustamisel.

Riigi tegevuse m a h u seisukohalt lähtudes on selge, et sotsialistliku riigi tegevus oma relvastatud jõudude loomise alal ületab kaugelt ülejäänud kaks tegevuse liiki. See muidugi ei tähenda, et sotsialistliku riigi julgeoleku tagamisel oleksid kaks viimast faktorit alati vähem tähts a d, vähema osatähtsusega rahu kindlustamise ürituses. On ilmne, et ühe väikese sotsialistliku riigi julgeoleku tagamisel on tema enda jõudude osatähtsus väike võrreldes kogu sotsialistliku leeri sõjalise võimsusega. Tegevust rahu kaitse alal arendab ta aga siiski peamiselt oma kaitsevõime loomisel, riigiaparatuuri suur osa on ametis selle ülesandega, mitte aga sidepidamisega teiste sotsialistlike riikidega, millega on vaja suhteliselt vähe teelda.

Mis puutub sotsialistliku riigi sidemete loomisse kapitalistlike maadega, siis on otstarbekohane tegevusi rahu kindlustamiseks eraldada neist sidemetest, millega arendatakse majandus- ja kultuurialast koostööd.

Seda sotsialistliku riigi riigikaitse ehk rahu kindlustamise põhifunktsiooni kolmandat allosa võime omakorda vaadelda mitmes osas. Kõigepealt on otstarbekohane tutvuda erinevate ühiskondlike kordade ja maade rahuliku koosseksisteerimise printsiibiga.

Kuna mitmesugused kodanlikud riigid suhtuvad erinevalt sõja ja rahu küsimustesse, siis arendavad ka sotsialistlikud riigid nende suhtes erinevat tegevust. On kodanlikke riike, kellega näiteks Nõukogude riik sõlmib vastastikuse abistamise lepinguid agressiooni ühiseks tagasilöömiseks (Soome). Teiste kodanlike riikide suhtes avaldavad sotsialistlikud riigid tegevust, mis aitab esimesil ajada neutraalset poliitikat ja eemale jääda agressiivsetest blokkidest. Sotsialismileeri riigid osutavad majanduslikku abi nõrgalt arenenud maadele, toetavad nende võitlust koloniaalsest ikkest vabanemiseks või kaitsevad koloniaalikest vabanenud riikide iseseisvust, sõltumatust. Seesuguse abi ja toetuse mõte seisneb selles, et

toetada ennekõike võitlust rahu eest, kindlustada sellega sotsialismileeri julgeolekut. Sellepärast on otstarbekohane seesugust sotsialistliku riigi tegevust käsitleda peamiselt rahu eest peetava võitluse põhifunktsiooni raamides.

Sotsialistlikud riigid arendavad ka teatavat tegevust selleks, et toetada rahvusvahelise töölisklassi ja mitmesuguste ühiskondlike organisatsioonide ja inimgruppide võitlust rahu eest. Rahvusvahelise töölisklassi ja nimetatud organisatsioonide enda võitlus ei kuulu loomulikult sotsialistliku riigi funktsiooni raamidesse, kuid ka seda on vaja näidata, kuna see kergendab vastava funktsiooni teostamist samuti, nagu sotsialistliku riigi ühiskondlike organisatsioonidegi tegevus ei kuulu riigi funktsiooni raamidesse, kuid kergendab riigi funktsioonide teostamist.

Mis puutub lõpuks kirjanduses esitatud kolme riigifunktsiooni — 1) koostöö ja vastastikune abistamine sotsialistlike riikide vahel, 2) abi osutamine nõrgalt arenenud maadele ja 3) sidepidamine kapitalistlike maadega —, siis ei ole otstarbekohane niisuguseid tegevusi lugeda sotsialistliku riigi põhifunktsioonideks. Need tegevusalad on esiteks oma mahult suhteliselt väikesed võrreldes riigikaitse, ekspluataatorite ohjeldamise ning riigi majandus- ja kultuurialase tegevusega. Nii näiteks moodustab väliskaubandus kodanlike riikidega nõukogude kaubanduse (nii sise- kui väliskaubanduse) kogumahust suhteliselt väikese osa (alla ühe protsendi, sotsialistlike riikidega kolm korda rohem). Ka kodanlikel riikidel esineb vastavat tegevust — koostööd teiste kapitalistlike maadega ja teatavat sidepidamist ka sotsialistliku leeri riikidega. Sidemed kodanlike riikide endi vahel on üldiselt tihedamad kui mõne sotsialistliku riigi sidemed kodanlike riikidega. Siin tuleb muidugi arvesse võtta seda, et kodanlike riikide väliskaubanduslikes suhetes ei mängi peaosa riik, vaid erakaupmehed. Teatavatel juhtudel aga haarab ka kodanlik riik suure osa kaubandussuhete teostamisest enda kätte (näiteks kodanliku Eesti väliskaubandus 1918—1919, maršalliseeritud Ameerika Ühendriikide väliskaubandus pärast Teist maailmasõda, litsentsüsteemid jne.).

Rahvusvahelisel areenil tegutseb suhteliselt väike arv Nõukogude diplomaate, välisministeeriumi töötajaid, riigikaitse alal siseriigis aga miljonid riigiaparaadi töötajad. Tegelikult võib muidugi väheste diplomaatide tegevusel olla väga suur tähtsus. Samuti võivad meie riigi julgeolekule olla suure tähtsusega mitmesugused sündmused välismaal, millest meie diplomaadid polegi osa võtnud. Oma riigi funktsioonide puhul arvestame me ainult oma riigiorganite tegevuse mahtu.

Riik, diktatuur ja õigus ei ole mõeldavad ilma sunniaparaadita, sunni ähvardamiseta, kasutamisetä. Niisuguste funktsioonide, nagu sotsialistlike riikide koostöö funktsioon, kapitalistlike maa-

dega sidepidamise funktsioon jt. puhul kasutatakse aga minimaalsel määral sundi.

Abi osutamisel teisele riigile, näiteks raha laenamise puhul, võib see piirduda ühekordse aktiga — raha üleandmisega.

Peamine põhjus aga, miks põhilises klassifikatsioonis ei ole õige käsitada koostööd sotsialismileeri maadega omaette põhifunktsioonina, on see, et me siin muudame liigituse alust, sisulise tunnuse asendame vormiliselega — organisatsioonilise küljega. Sisuliselt jaguneks siis aga riigikaitse, majandus- või kultuuri-alane töö mitme põhifunktsiooni vahel.

Iga põhifunktsiooni juures tuleb eraldi näidata, kuidas toimub koostöö sotsialismileeri riikide vahel, milline osa on siin sidemete olemasolul kapitalistlike maadega. On otstarbekohane majandusliku põhifunktsiooni eri allfunktsioonide juures näidata koostööd sotsialistlike riikide vahel majanduslikul alal. Siin tuleb käsitleda rahvamajanduslike plaanide kooskõlastamist tootmise ja kaubanduse alal, leiutiste ja muu tehnilise dokumentatsiooni vastastikust tasuta vahetamist, madalama arengutasemega maade abistamist jne.

Ka kultuuri alal toimub sotsialistlike riikide vahel tihe koostöö. Nõukogude riik tutvustab oma kodanikele ka kapitalistlike maade eesrindlikke kultuurisaavutusi. Kodanlike riikide tegevus sel alal on palju väiksem kasvõi juba sellepärast, et seal riik ise vahenditult kultuuri tutvustamist ei korralda, vaid sellega tegelevad eraettevõtted.

Riigi ja õiguse teooria õpikus on otstarbekohane käsitleda kõiki üldisi küsimusi koostöö alal teiste riikidega enne üksikute põhifunktsioonide käsitlemise juurde asumist.

Üldist laadi käsitluses tuleb anda näiteks üldine ülevaade koostööst sotsialismileeri riikide vahel, nende vahekordadest kodanlike riikidega. Sotsialistlike riikide koostöö ja sotsialistlike riikide suhtlemise osas kodanlike riikidega tuleb tähelepanu juhtida selle vabatahtlikkusele, osaliste võrdõiguslikkusele, vastastikusele kasusaamisele, nende suveräänsuse austamisele ja mittevahelisele teise riigi siseasjadesse, sotsialistlike riikide koostöö puhul vastastikusele abile. Selline ülevaade riigi ja õiguse teooria õpikus, nagu sotsialistliku riigi mõistet käsitlev peatükkki, võimaldab paremini mõista järgnevat peatükki, mis käsitleb riigi nelja põhifunktsiooni.

Kõige ulatuslikumalt tuleb muidugi käsitleda sotsialistliku leeri koostöö küsimust. Siin tuleb kõigepealt näidata põhjusi, miks sotsialistliku leeri riigid peavad olema tihedas koostöös. Oma riigikaitse jõude ühendades, kasutades majanduslikul alal rahvusvahelist tööjaotust, andes üle teistele riikidele neil puuduvaid tooraineid, vahetades vastastikku saavutusi teaduse ja kultuuri alal, tugevdab iga sotsialistlik riik oma jõude.

Moskvas 14.—16. novembril 1957. a. peetud sotsialistlike maade

kommunistlike parteide ja töölisparteide esindajate nõupidamise deklaratsioonis märgiti: «Sotsialistlikud riigid on liitunud ühiseks koostööks nende astumisega ühisele sotsialismiteele, sotsiaalse ja majandusliku korra ning riigivõimu ühise klassiolemusega, vastastikuse toetuse ja abi vajadusega, huvide ja eesmärkide ühtsusega võitluses imperialismi vastu ning sotsialismi eest, kõigile ühise marksismi-leninismi ideoloogiaga.»

2. Sotsialistliku riigi majandus- ja kultuuriala põhifunktsioonid

Kui kodanlikul riigil on ainult kaks põhifunktsiooni ja mõlemad on diktatuuri teostamiseks, siis sotsialistlik riik arendab majanduse, kultuuri, tervishoiu ja muudel aladel laiaulatuslikku tegevust. Sellise tegevuse maht ja ulatus ei jää sugugi maha ei ekspluataatorlike klasside mahasurumise ega sotsialistliku isamaa kaitse põhifunktsiooni omast.

Marksismi õpetamise metoodika seisukohalt on teoreetilise selguse mõttes otstarbekohane käsitada sotsialistliku riigi tegevust majanduse ja kultuuri alal mitte ühtse, vaid kahe eraldi põhifunktsioonina, võttes muidugi arvesse, et nende vahel on tihe seos. Viimane on olemas aga ka riigi teiste põhifunktsioonide vahel. Terminoloogiliselt on liigne lisada majandusalasele tegevusele sõna «organisatoorne», kuna ka kultuurialane töö, isamaa kaitsmine ja ekspluataatorlike klasside mahasurumine on seotud organisatoorsete abinõudega, organiseerimisega.

Sotsialistliku riigi majandusalase töö põhifunktsiooni tuleb juba sellepärast kultuuritöö (kultuuri-, haridus- ja kasvatusalase töö) põhifunktsioonist lahus käsitleda, et majandus on ühiskonna baasiks, kultuur aga pealisehituseks. Mõlematel aladel tehtav riiklik töö on selleks ka küllalt ulatuslik, kvantiteedilt küllalt suur, et teda eraldi põhifunktsioonina käsitleda. Rääkides näiteks kommunistlike ülemineku eeltingimustest, kõneleme eraldi majanduslikust ja kultuurilise taseme tõstmisest. Mõlemat põhifunktsiooni teostavad Nõukogude riigiaparaadis eri osad. Tööstuse juhtimisega tegelevad vastavad ministriumid, kuna kultuuriküsimustega haridus- ja kultuuriministriumid ning teised vastavad keskused.

Majandusalase töö põhifunktsiooni on omakorda otstarbekohane riigi ja õiguse teooria seisukohalt jagada allosadeks, mida me ei nimetaks enam riigi põhifunktsioonideks, vaid lihtsalt riigi funktsioonideks ehk riigi põhifunktsioonide suhtes allfunktsioonideks. Siin tuleb kõigepealt arvesse sotsialistliku riigi tegevus ühiskondliku tootmise organiseerimise alal. Riigi ja õiguse teooria kui üldistava distsipliini alal ei oleks vaja eraldada planeerimise funktsiooni iseseisvaks funktsiooniks, nagu seda mõned autorid teevad. Kuivõrd planeeritakse tootmist, haarab seda tegevust ka

tootmise organiseerimise funktsioon. Riigi teiseks funktsiooniks majandusliku töö alal on toodetud materiaalsete hüvede jaotamise organiseerimine. Jaotamine toimub meil praegu põhiliselt sotsialistlikul printsiibil: igäühelt tema võimete kohaselt, igäühele tema töö järgi. Selle funktsiooni teostamisega tegelevad meil eriti palgaküsimustega ja kaubandusalaga tegelevad riigiorganid. Ka see funktsioon haarab planeerimise ülesanded vastaval alal. Nende kahe riigifunktsiooni teostamisele on kõrgema riigi- ja parteiorganite otsustes pühendatud märkimisväärne osa. Viimastel aastatel on meil antud rida seadusandlikke akte õigemaks palga ja pensioonide korraldamiseks. Kolhoosid on üle läinud rahalisele töötasule.

Otstarbekohane oleks majanduslaselise töö põhifunktsiooni kolmanda alafunktsioonina käsitleda sotsialistliku ja isikliku omandi kaitsese funktsiooni.

Sotsialistliku omandi kaitsmine on palju tihedamalt seotud tootmise ja jaotamise organiseerimisega kui näiteks kultuurialase tegevusega. Need riigiorganid, kes organiseerivad tootmist ja jaotamist, hoolitsevad põhiliselt ka sotsialistliku omandi säilitamise eest. Neil põhjustel oleks õige lügeda sotsialistliku kui ka isikliku omandi kaitsmist üheks majandusliku töö alafunktsiooniks.

Sotsialistliku riigi teiseks põhifunktsiooniks tuleb lügeda kultuurialast tööd, mis hõlmab kodanike, eriti kasvava noorpõlve kommunistliku kasvatamise, haridusala korraldamise, teaduse ja kunsti arendamise. Kultuuritöö põhifunktsioon on tihedalt seotud riigi majanduslaselise põhifunktsiooniga. Majanduse areng annab aluse ka kultuuriliseks arenguks. Kõrge kultuurilise taseme saavutamine, kõrge teaduse ning hariduse tase mõjustab omakorda produktsiooni tõstmist. Selleks, et saavutada kommunistlikule ühiskonnale ülemineku jaoks vajalikku tootmistaset, on vaja oluliselt tõsta nõukogude rahva moraalsel ja hariduslikul tasel, on vaja veel suuremat teaduse õitsengut.

Majandus- ja kultuuritöö kõrval arendab sotsialistlik riik ka laiaulatuslikku tegevust oma kodanike elu ja tervise kaitseseks.

Tekib küsimus, kas kodanike elu ja tervise kaitsmine moodustab sotsialistliku riigi omaette põhifunktsiooni või võib seda ühendada kultuurialase põhifunktsiooniga. Arvestades seda, et kodanike elu ja tervise kaitsese alase töö maht on väiksem majandus- ja kultuurialase tööst, oleks vahest otstarbekohane seda riigi tegevust oma põhilises osas liita kultuurialase töö põhifunktsiooniga. Siin tuleb ka seda arvestada, et kehakultuuri viljelemine on juba üle läinud ühiskondlikele organisatsioonidele samuti nagu rida tervishoiuküsimusi.

Tervishoiualase töö ühendamise kasuks kultuurialase tööga räägib ka see asjaolu, et riigieelarve kulude põhiliigituses käsitletakse neid koos, nimetades vastavat osa sotsiaalkultuuriliste ürituste finantseerimiseks. Eraldi aga näidatakse riigi eelarves kulu-

sid rahvamajanduse finantseerimiseks, mis räägib samuti selle kasuks, et tuleb eraldada majandusliku töö põhifunktsiooni kultuurialase töö põhifunktsioonist.

Nii majandus- kui kultuurialaseid sotsialistliku riigi põhifunktsioone iseloomustab see, et nende teostamine seisab vahetult sotsialismi, praegu kommunistliku ühiskonna ülesehitamise eesmärgi teenistuses, kuna ekspluataatorite mahasurumine ja sotsialistliku isamaa kaitse funktsioonid on tingitud kapitalismi olemasolu faktidest, nende teostamine kindlustab vaid sotsialismi või vastavalt kommunismi ülesehitamist, nad on vaid kaudselt sotsialismi või kommunismi ülesehitamise teenistuses, otseselt nende tegevustega uut ühiskonnakorda ei rajata.

Viimaste põhifunktsioonide teostamine on suunatud ekspluataatorite vastu, kuna majandust ja kultuuri korraldatakse töörahva organiseerimisega, oma töötavate klasside liikmete distsiplineerimise kaudu. Siin on peameetodiks veenmine, sest sund (mitte teraval kujul) teises järjekorras tuleb arvesse ainult distsiplineerimatute töötajate suhtes. Sotsialistliku isamaa kaitsmise ja ekspluataatorite mahasurumise juures on aga esiplaanil sund, vägivald, mis on suunatud vaenuliku klassi vastu.

3. Küsimus sotsialistliku riigi muude, nn. sisepõhifunktsioonide olemasolust

Mõned autorid esitavad ühe tähtsama riigifunktsioonina sotsialistliku korra kaitse funktsiooni. Kuigi sellise funktsiooni mõistet on teataval juhtudel vaja kasutada, ei ole ta riigi ja õiguse teoorias esineva riigi põhifunktsioonide põhiliigituses tarvilik. Siin esineb sama kaalutlus kui eespool mainitud, nn. välisfunktsiooni puhul, sest sel juhul haaratakse ühte funktsiooni nii sotsialistliku riigi tegevus ta arengu esimeses peamises etapis vaenulike klasside mahasurumise alal kui ka riigi tegevus oma töötavate klasside üksikute liikmete distsiplineerimise alal. Kui sellesse funktsiooni haaratakse sotsialistliku omandi kaitse, sotsialistliku korra kaitse üldse, tekib küsimus, mis siis majandus- ja kultuurialasele põhifunktsioonile ja isegi riigikaitse põhifunktsioonile veel üle jääb. Ka ei oleks õige lõhestada ilma vajaduseta majandusalase töö juhtimist kahte ossa, millest esimeses osas vaadeldakse majanduselu korraldamise norme ja teises osas norme, millega nende täitmist garanteeritakse. Kriminaalõiguslikel normidel pole teist sihti ega ülesannet kui nendel normidel, mille mittetäitmise korral rakendatakse kriminaalsanktsioone. Otstarbekohasem on seega riigi ja õiguse teooria seisukohalt vaadelda riigi funktsioonide õpetuses majanduselu organiseerimist korraldavat tegevust koos selle elluviimist tagava tegevusega. Seega vaatleksime siin riigi tegevust töö korraldamise alal vabrikutes koos kont-

rollimist ning kriminaal-, administratiiv- ja distsiplinaarvastutust korraldavate normidega.

Kõrvuti riigi põhifunktsioonide süsteemiga võime luua teisejärgulisi klassifikatsioone, kus näiteks eritleksime riigi tegevust ühelt poolt õigusnormide väljaandmise ja teiselt poolt nende täitmise garanteerimist kindlustavate normide ja abinõude alal. Esimesel juhul võiksime tinglikult rääkida riigi majandus- ja kultuurialasest tööst ning riigikaitsealisest tegevusest ja teisel juhul sotsialistliku korra kaitsest. Esimese tegevusega on seotud majandusalased ministeeriumid, teisega kohus ja prokuratuur.

Mõned autorid räägivad Nõukogude kodanike subjektiivsete õiguste, seaduslike huvide ja vabaduste kaitsest kui iseseisvast või eelmise funktsiooniga liidetud põhifunktsioonist. Sotsialistliku riigi põhifunktsioonide liigitusse ei ole otstarbekohane seda riiklikku tegevust võtta. Asi seisneb nimelt selles, et kodanike huve kaitstakse nii riigi majandusliku, kultuurilise kui ka isegi sõjalise kaitse alase tegevuse või ekspluataatorite mahasurumisega. Meie sotsialistlikus ühiskonnas on raske täpselt eristada ühiskonna huvi kodaniku huvist.

Majandusala põhifunktsiooni raamides tuleb tähelepanu juhtida mitmesuguste kodanike subjektiivsetele õigustele, mis on seotud tootmise organiseerimisega, jaotamisega või omandi kaitsega. Tootmise organiseerimisel tuleb arvestada neid norme, mis kaitsevad tootmisprotsessis töötaja elu ja tervist, töötaja subjektiivseid õigusi sel alal. Enamik kodanike tööõigusealastest subjektiivsetest õigustest on seotud kontrolli teostamisega töö- ja tarbimismäära üle ja jaotamisega. Sama tuleb öelda elamuõigusealaste subjektiivsete õiguste kohta. Ka spekulatsiooni ja altkäemaksu võtmist tuleb selle majandusliku töö põhifunktsiooni alaosa raamides käsitleda. Omandi kaitsega on seotud kodanike varanduslike tülisküsimuste lahendamine riigi poolt.

Vaadeldes kriminaalõiguslikke norme, näeme, et suur osa neist kuulub kas majandus-, kultuurialase või riigikaitse põhifunktsioonide koosseisu. Mõningate kuriteokoosseisude kohta võime aga öelda, et vastavate kriminaalõiguslike normidega teostatakse mitut põhifunktsiooni.

Tõsisem kahtlus tekib kuritegude puhul, mis on sihitud isiku elu, tervise ja vabaduse vastu. Raske on siin öelda, millise põhifunktsiooni hulka nende hüvede kaitsmiseks ette võetavad riigi tegevused kuuluvad. Ühelt poolt võime küll öelda, et elu ja tervise kaitse tähendab kõigi kolme põhifunktsiooni teostamist, sest inimene on see, kellest oleneb majanduse, kultuuri ja riigikaitse areng. Teiselt poolt on aga selge, et inimene pole abinõuks riigi mingisuguse tegevuse teostamiseks, vaid riik on ju selleks, et nõukogude inimest, kogu töörahvast abistada.

Majanduslikku tegevust tuleb organiseerida nii, et produktiooniprotsessis ei ohustataks inimese elu ja tervist. Riigikaitse on

põhiliselt selleks, et kaitsta rahvast füüsilise hävitamise eest. Sotsialistlik riik, andes oma kodanikele materiaalse kindlustatuse, hoolitsedes noorsoo kasvatusel ja kõrvaldades kuritegevuse põhjused, tagab isikliku julgeoleku igale kodanikule ning hoiab ära kallaletungid nende elule ja tervisele. Sellepärast võime kodanike elu ja tervise kaitset käsitleda ka kolme põhifunktsiooni raamides.

Nõukogude kodanike isiklike huvide kaitse tuleb asetada meie tähelepanu keskpunkti, kuid selleks pole vaja riigi ja õiguse teoorias eraldada vastavat põhifunktsiooni. Meie saame palju paremini nõukogude inimest asetada oma tähelepanu keskpunkti, kui me majandusliku, kultuuritöö ja riigikaitse põhifunktsioonide juures üksikasjalikult näitame, kuidas meie riik hoolitseb nõukogude inimese eest ja millised õigused on antud kodanikele oma huvide kaitsmiseks.

N. M. Minasjan esitab teistele lisaks veel 1) sotsialistliku, ühiskondliku ja riikliku korra tugevdamise ja arendamise funktsiooni ja 2) ühiskondliku korra kindlustamise ja sotsialistliku seaduslikkuse tugevdamise funktsiooni. Mis puutub esimesse funktsioonis, siis on sellesse haaratud sotsialistliku ühiskonna majandusliku aluse tugevdamine. Selles osas kattub see funktsioon majandusliku töö funktsiooniga. Mis puutub nende kahe funktsiooni ülejäänud tegevustesse, siis pole neil niisugust omaette eesmärki, milleks riik moodustatakse, milleks ta eksisteerib. Niisugused tegevused nagu demokraatia, riikliku korralduse arendamine, liiduvabariikide õiguste laiendamine, riigiaparaadi täiustamine ja odavamaks muutmine, sotsialistliku seaduslikkuse kindlustamine — need on ju kõik ainult selleks, et riik võiks teostada oma põhifunktsioone. See on riigi organisatsiooniline töö.

Rohkemale kui 3—4 eespool nimetatud põhifunktsioonile põhifunktsiooni iseloomu omistamine pole sellepärast õige, et mitmesuguste autorite poolt esitatud funktsioonid oma ulatuse, tegevuse mahu ja tähtsuse poolest jäävad kaugelt maha majandusliku, kultuuritöö ja riigikaitse põhifunktsioonidest. Niisugusel korral jääb käsitluses varju see põhiline, milleks sotsialistlik riik eksisteerib. See on: kommunismi ehitamiseks vajaliku materiaalse baasi loomine, kultuurilise taseme tõstmine ja riigikaitse.

Kui me põhifunktsioonide arvu liigselt suurendame, siis tekivad meil raskused ka sotsialistliku riigiaparaadi osade iseloomustamisel. Sel korral me ei saa enam väita, et majanduslikud organid teostavad ainult majandusliku töö põhifunktsiooni, vaid oleme sunnitud ütleva, et nad teostavad tervet rida funktsioone, mille hulka majandusliku töö põhifunktsioon nagu ära kaob.

Peale selle tuleb arvesse võtta, et juhul, kui me sotsialistliku riigi põhifunktsioonide arvu suurendame üle 3—4, peame paratamatult suurendama ka kodanliku riigi põhifunktsioonide arvu.

mitte piirduma ainult kahega (tööraha mahasurumise ja sõjalise ala põhifunktsioonid). On iseenesest mõistetav, et juurdetulevad kodanliku riigi põhifunktsioonid on oma klassisisult teistsugused. Kuid lugedes sotsialistliku riigi põhifunktsioonideks riikliku korra ja seaduslikkuse tugevdamist, ühiskondliku korra, sotsialistliku omandi ja kodanike õiguste kaitset, koostööd sotsialistlike maadega, sidepidamist kapitalistlike maadega jne., ei saa me samal ajal väita, et kodanlikul riigil vastavad tegevused puuduvad. Nii-sugusel korral jäävad äga kodanliku riigi kaks tõelist põhifunktsiooni, mis teda eriti iseloomustavad, teiste varju.

Samuti pole meil siis alust kritiseerida neid kodanlikke autoreid, kes näevad näiteks kohtute tegevuses riigi iseseisva funktsiooni teostamist.

Ka sotsialistliku riigi peamiste arenguetappide paremaks ja ülevaatlikumaks käsitlemiseks, tugevama seose saavutamiseks põhifunktsioonide ja peamise etapi mõiste vahel, samuti ka sotsialistliku riigi hääbumisprotsessi paremaks mõistmiseks on ainult nimetatud 3—4 funktsiooni lugemine põhifunktsioonideks otstarbekohasem.

Riigi põhifunktsioonide õige käsitlemise andmisel tuleb ka seda arvestada, et riigi põhifunktsioone on tegelikult riigi ja õiguse teooria õpikutes või teistes teaduslikes töodes ka muude nimetuste all käsitletud. Metoodiliselt ja nähtuse teadusliku tunnetamise seisukohalt on sellised käsitletused tarbetuteks kordamisteks, mis viivad lugejat teinekord segadusse. Sellisteks sisuliselt riigi põhifunktsioonide esitamise vormideks on 1) J. Stalini õpetus proletariaadi diktatuuri kolmest küljest, 2) riigi põhiülesannete loetelu, 3) proletariaadi diktatuuri kolm ülesannet, 4) ülesannete loetelu, milleks proletariaat oma riigiaparaati kasutab jne. Ka sotsialistliku õiguse põhiprintsiipide loetelus korratakse uue nimetuse all juba riigi tuntud funktsioone. Õpetust riigi põhifunktsioonidest tuleb kooskõlla viia ka riigi ja õiguse mõiste määratlusega ja kommunistliku ühiskonna saavutamise põhiliste eeltingimuste loeteluga.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

П. Вихалем

Резюме

В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся основных функций государства. В социалистическом государстве основные функции государства распадаются, с одной стороны, на функции, направленные против эксплуататорских классов,

(подавление эксплуататоров, оборона государства) и, с другой стороны, на функции, направленные на обеспечение дисциплины среди трудящихся. Последние осуществляются в интересах строительства социалистического или коммунистического общества (хозяйственная деятельность государства, культурно-воспитательная работа государства).

При функциях первой группы государство осуществляет диктатуру, при функциях второй группы она отсутствует. Неверно делать упор на различии между внешними и внутренними основными функциями, ибо такое разделение выдвигает формальное различие, а не различие по существу.

Неправильно считать основными функциями такие, как функция мирного сосуществования, борьба за мир, связь и экономическое сотрудничество между государствами, защита социалистического правопорядка и прав граждан.

Названные функции имеют сравнительно небольшой объем и в большинстве случаев совпадают с другими основными функциями. У этих функций свойственный государству признак — принуждение либо вовсе отсутствует, либо имеется только в минимальной степени. Такие же функции имеются в буржуазных государствах.

Уже с методической стороны было бы правильнее считать внутреннюю и внешнюю деятельности государства в области экономики за единую основную функцию. Охрану социалистической собственности и организацию распределения целесообразно рассматривать как подразделение хозяйственной функции.

Вышеприведенная трактовка исходит из самого понятия государства, гораздо отчетливее выдвигая также классовый характер государства.

KODANLIKU RIIGIAPARAADI PURUSTAMINE EESTIS 1940. AASTA REVOLUTSIOONIS

Aspirant E.-J. Truuväli

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

Olenemata sotsialistliku revolutsiooni teostamise viiside mitmekesisusest, tuleb kapitalistlik ühiskond sotsialistlikuks ühiskonnaks ümber kujundada revolutsioonilisel teel, proletariaadi diktatuuri kehtestamisega.

Võimule tulnud proletariaat ei saa oma eesmärkideks kasutada kodanlikku riigiaparaati, vaid «kui ta tahab kaitsta ... revolutsiooni saavutusi ja minna kaugemale ... , peab «purustama», väljendudes Marxi sõnadega, selle kodanluse «valmis» riigimasina ja asendama selle uuega ... »¹

Ekslik oleks arvata, nagu mõistetakse kodanliku riigiaparaadi purustamise all üksnes muudatusi riigi mehhanismi struktuuris (likvideeritakse töörahva rõhumise organid — kodanlik politsei, kohus, armee koos nende isikulise koosseisu vallandamisega — ja luuakse nende asemele uut tüüpi proletaarset riigi organid), vaid eeskätt tuleb mõista riigiaparaadi isikulise koosseisu asendamist töörahva hulgast või tema huve teenivate isikutega juhtivatel kohtadel riigiaparaadis, millega üksnes saab kaasneda riigifunktsioonide klassiolemuse muutmine ning sellele vastavalt ka muudatused riigiaparaadi mehhanismi struktuuris.

Lähtudes kodanliku riigi klassiolemusest, möönavad kommunistid samal ajal tema riigiaparaadi üksikute lülide (tehnilised, majanduslikud, arvestusorganid) ära kasutamise võimalust.

Töölisklassi sellise poliitika teostamine pole tingitud üksnes riigiaparaadi nende lülide organisatsioonilistest ja funktsioneerimise iseärasustest, vaid eelkõige sellepärast, et faktilise töö teevad neis organeis ametnikud, kelledest enamus on palga- ja sotsiaalolude poolest proletaareses või poolproletaareses olukorras.²

Tervikuna on kodanliku riikluse arenguprotsessile imperia-

¹ V. I. Lenin, Teosed, 23. kd., lk. 311.

² Vt. selle kohta С. И. Тюльпанов, О классовой структуре империалистического общества, «Вестник ЛГУ», 1962, № 23, вып. 4, lk. 135—139.

lismiajastul iseloomulik see tendents, et riigiametnike põhimass läheneb oma seisundilt üha enam nendele kihtidele, keda rõhub ja ekspuaterib monopolistlik kapital. Sellest kõneleb tänapäeval üha laienev riigiametnike koondumine ametiühingutesse ja oma õiguste kaitse streikide abil.³ Selgelt tuleb see tendents esile ka kodanlikus Eestis. Kui kodanliku Eesti riigiaparaadis juhtivatel kohtadel olevad isikud olid tihedalt seotud finantskapitaliga või olid ise suurkapitalistid⁴, siis samal ajal riigiteenistujate põhimass sai sama suurt palka kui töölised suur- ja kesktööstuses.⁵ Kõige rohkem oli ametnikke teedeministeeriumi ametkondades (31% riigiteenijate üldarvust), sõja-, sise- ja kohtuministeeriumi ametkondades kokku 38%, kuid riigikassast makstavatest palkadest läks nende kolme ministeeriumi ametnikele 52,3%. Väiksemad olid majandusministeerium (4,5%) ja sotsiaalministeerium (2,1%). Teedeministeeriumi Raudteede Talituse ametnikest sai 82%, põllumajanduse ministeeriumi ametnikest 71%, sotsiaalministeeriumi ametnikest 70,4% sama suurt palka kui suurtööstuse töölised, osa aga sai sama võrra või vähemgi kui kesktööstuse töölised.⁶

Lisaks riigiametnike põhimassi palgaolude langemisele tööliste palgatasele⁷ (mõned kategooriad, nagu arveametnikud; kantse-

³ Vt. E. Tuominen, Sotsialistlik revolutsioon ja kodanlik riik. «Eesti Kommunist» 1964, nr. 7, lk. 9.

⁴ Nii olid kahe viimase valitsuse — Eenpalu, Uluots — kõik ministrid monopolistlike koondiste ja pankade juhatustes ning aktsiate omanikud — vt. Eesti majandustegelased, Tartu 1938, lk. 70, 194, 223, 240 jt.; kõik ministriabid, peavalitsuste direktorid jt. keskaparaadi juhtivad töötajad ning omavalitsuste juhid kuulusid ühel või teisel määral kodanluse äringkondadesse — sealsamas, lk. 112, 120, 124 jj., vt. ka «Rahva Häälel» nr. 28, 20. 07. 1940, nr. 29, 21. 07. 1940, nr. 30, 22. 07. 1940.

⁵ 1940. a. algul oli riigiteenistuses üle 24 000 inimese — andmed saadud arvestuste teel järgmiste materjalide alusel: «Riigi Teataja» (hiljem RT) 1938—1940 avaldatud seadused riigiteenistujate koosseisude muutmise kohta; «Kaubandus-töökoja Teataja» 1939, nr. 5, lk. 117 ja Valitsusasutuste tegevus. Riigikantselei väljaanne, (Tln) 1939.

⁶ 1938. a. uurimuste andmeil oli Tallinnas suur- ja kesktööstuse tööliste keskmine kuupalk vastavalt 84 ja 71,06 kr. kuus (meestöölistel). «Eesti Statistika» 1938, lk. 139 standarditabeli nr. 30 andmeil; vt. ka K. Kask, Tööstustööliste majanduslikust olukorrast kodanlikus Eestis, Tln. 1957, lk. 34—36; Sotsiaalministeeriumi 65 ametnikust said 46 palka 67—88 kr. kuus; Teedeministeeriumi Posti-telegraafi-telefoni Talituse I—IV järgu ametnikud (604 inimest) said järgmist palka kuus:

I järk (67 inimest) — 88 krooni,

II järk (kokku 205 inimest) 67 ametnikku said 80 krooni,
138 ametnikku said 74 krooni,

III järk (212 inimest) — 70—69 krooni,

IV järk (120 inimest) — 67—66 krooni — «Riigi Teataja» 1938, 30, 245; 42, 392; 53, 438; 74, 676 andmeil.

⁷ 1920. a. palgamäärade järgi said riigiaparaadis töötavad nn. «alamad ametnikud» (vanemkantseleiametnik, I—IV järgu kantseleiametnikud, arveametnikud, raamatupidajad) 1.190—980 marka kuus, kuna tehnikud, mehhaanikud ja masinistid said 770—665 marka kuus — RT 1920, 61/62.

leitootajad, asjaajajad said vähemgi⁸⁾, halvenes riigiametnike sotsiaalkindlustus ning vähenesid pensionid.⁹

Mitte sugugi vähem oluline pole ka see, et fašiseerumisprotsess, tugevdades riigiaparaadi tsentraliseeritust, piiras veelgi ulatuslikumalt riigiametnike iseseisvust ning selles suhtes viis nad tavalise palgatöölise tasemele. Muidugi tuleb kõiki ülaltoodud momente arvestades silmas pidada, et kodanluse ideoloogia surve riigiametnikele oli tugev, aga samuti ka seda, et riigiaparaadis töötas palju kaitseliitlasi, klassisõjast osavõtnuid, kellele kodanlus oli maad andnud. Seetõttu oli kodanluse mõju riigiametnikele kahtlematult suur. Kuid kõiki neid ülaltoodud momente konkreet-ses ajaloolises situatsioonis õigesti arvestades on proletariaadil pärast kodanliku riigimasina vallutamist võimalus riigiametnike põhimassi oma huvides tööle rakendada, vallandades vaid juhtivaid töötajaid ja puhastades riigiaparaadi teised lülid reaktsioonilistest elementidest.

Seega — marksistlik-leninlik õpetus kodanliku riigiaparaadi purustamisest ja sotsialistliku riigiaparaadi loomisest nõuab mitte üksnes teatud maal toimuva revolutsioonilise situatsiooni põhjalikku tundmist ja rahvusvahelise olukorra oskuslikku ära-kasutamist, vaid ka iga kodanliku riigiaparaadi lüli olemuse ja tema poolt etendatava osa kindlaksmääramist kodanluse dikta-tuuri mehhanismis; riigiaparaadi isikulise koosseisu konkreetset analüüsi, aga ka kogu kommunistliku ja töölisliikumise internat-sionaalsete kogemuste arvestamist.¹⁰

Alljärgnevalt käsitletakse kodanliku riigiaparaadi purustamise küsimusi 1940. aasta revolutsioonis Eestis. Ruumipuuduse tõttu ei käsitleta probleeme, mille kohta on olemas juba uurimusi. Samuti piirduakse ka ajavahemikuga 21. juunist 1940 kuni 1 jaanuarini 1941. a.

1940. aasta juuniks olid kujunenud kõik tingimused töörahva võidurikkaks väljaastumiseks fašistliku režiimi vastu.¹¹

⁸ Vanemkantseleiametnik sai kuus 67 krooni, kantseleiametnik 61 krooni jne. — RT 1937, art. 681—692.

⁹ Vt. selle kohta S. Aheiki, Arstiahist ja sotsiaalkindlustusest kodanlikus Eestis, Tln. 1964, lk. 94.

¹⁰ Vt. selle kohta: В. Г. Калтакян, Общие принципы организации диктатуры пролетариата и разнообразия ее форм. Автореферат, М., 1964, lk. 1—7; В. С. Петров, Слом буржуазного государственного аппарата — необходимое условие возникновения государства социалистического типа, «Вопросы государства и права», ЛГУ, 1958, lk. 6—7.

¹¹ Revolutsioonilise situatsiooni väljakujunemist Eestis 1940. aastal on ulatuslikumalt käsitlenud I. Jankovski, 1940. aasta revolutsioon Eestis. «Eesti Kommunist» 1955, nr. 7, lk. 22—32; S. Kutsar-Zabrodskaia, Eestimaa Kommunistlik Partei 1940. aasta revolutsioonis, Tln. 1960, lk. 11—85; I. Siidmääe, 1940. aasta pöördelised juunipäevad Eestis. «Edasi» nr. 32, 16. VI 1953; samalt autorilt, Nõukogude võimu taaskehtestamine Eestis 1940. a. suvel, Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Õigusteaduskonna töid, Tartu 1959, lk. 3—18.

21. juunil 1940. a. toimunud revolutsiooniliste väljaastumiste tulemusena kukutati fašistlik klikivalitsus ning moodustati uus valitsus eesotsas tuntud ühiskonnategelase J. Vares-Barbarusega. Sellega oli fašistlik diktatuur kukutatud. Mis puutub revolutsiooni põhiküsimusse — võimuküsimusse, siis alates 21. juunist ei saanud kodanlus enam teostada oma diktatuuri, võim riigis ei kuulunud talle. Keskselt riigiorganiks kujunes J. Varesse valitsus, kelle poolt teostatud riigivõimu klassiolemust iseloomustab kõige paremini tema tegevus järgneval juuni-juuli perioodil. J. Varesse valitsuse klassiolemuse kohta on Eesti NSV ühiskonnateadlased esitanud rea aastate jooksul erinevaid arvamusi.¹² Märkime omalt poolt niipalju, et meie arvates tuleks lugeda õigeks seisukoht, mille kohaselt J. Varesse valitsuse tegevus ületas juba revolutsiooni esimestel päevadel fašismivastase riigipöörde raamid ning hakkas täitma proletariaadi diktatuuri funktsioone.

Mis puutub vaidlustesse 1940. a. revolutsiooni iseloomu üle, siis meie arvates tulenevad nad sellest, et mitmeetapilise revolutsiooni pooldajad ei käsita revolutsiooni mitte kui protsessi, vaid kui a k t i. Et Eestis toimus sotsialistlik revolutsioon rahulikul teel, siis seda raskem on kindlaks määrata poliitilise võimu jagamatut üleminekut proletariaadile kui a k t i, kuna relvastatud ülestõusu puhul on kohe näha, kelle diktatuur kehtestatakse.

Uluotsa valitsus lahkus ametist 16. juunil, kuid Päts viivitas uue kabineti moodustamisega. Mitme päeva jooksul pärast J. Uluotsa valitsuse lahkumist otsis diktaator lahendust mõnede ministrite asendamisega.¹³ Oli see ju kodanluse vana taktika: 24 kodanliku Eesti kabinetis istusid pea-aegu ühed ja samad isikud — nii oli Eenpalu siseministriks 11 valitsuses, kahes viimases valitsuses (Eenpalu-Uluots) oli 10-st ministrist 6 eelmise valitsuse liiget. Kuid nüüd osutus valitseva ladviku toetuskindlaks üldrahvaliku opositsiooni tõttu niivõrd kokkukuivanuks, et tema sotsiaalne baas oli piiratum kui ühegi teise valitsuskriisi ajal kogu kodanluse võimu kestel. Oli ju Pätsi diktatuur kujunenud lõpuks kitsaks isikuvõimuks.

Valitsuskriisi lahendamist püüdis Päts 19. juunil saavutada parempoolsete sotside liidri A. Rei kutsumisega peaministri kohale,¹⁴ 21. juunil esitas J. Vares uue valitsuse nimekirja, mille Päts tagasi lükkas¹⁵. Alles pärast teistkordset esitamist sama päeva õhtul nõustus Päts uue kabineti moodustamisega.

¹² Vt. selle kohta O. Kuuli, 1940. a. sotsialistlik revolutsioon Eestis (Histoograafiline ülevaade). Tõid EKP ajaloo alalt, I, Tln. 1965, lk. 108—134.

¹³ Vt. Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost, II osa, Tln. 1963, lk. 349.

¹⁴ Vt. Eesti riik ja rahvas Teises maailmasõjas, III, Stokholm 1956, lk. 18.

¹⁵ Vt. J. Semper, Mälestuskatkendeid. «Sirp ja -Vasar» nr. 26, 25. VI 1965. a.

Nõukogude vabariikide kujunemisel Baltimaadel 1940. a. on sisuliselt palju ühist sotsialistlike riikide tekkimisega Kesk- ja Kagu-Euroopas. Kuid Baltimaade 1940. a. juunipöörde peaarinevus seisneb selles, et loodud rahvavalitsuste poliitikat suunas ainsana algusest peale kommunistlik partei, kuna Kesk- ja Kagu-Euroopa sotsialistlikes maades toetus valitsus fašismi purustamise järel tööliklassi ja talurahva mitme partei kompromissile.¹⁶ J. Varese valitsuse koosseisus ei olnud küll 21. juunil 1940 ühtegi kommunisti, kuid juba juulikuu esimesel poolel astus 5 selle valitsuse ministrit eesotsas J. Varesega EKP ridadesse. Asjaolu, et valitsusse kuulusid mõningad kodanlikud tegelased, ei muuda J. Varese valitsust koalitsioonivalitsuseks, vaid siin on vaja eelkõige vaadata, milline oli nende ministrite reaalse osa valitsuse poliitika kujundamisel ja selle teostamisel. Peab märkima, et viimased ei tegutsenud mingisuguse teise poliitilise partei esindajatena ega etendanud mingit osa valitsuse poliitilise kursi määramisel.

Juba 23. juunist alates hakkas J. Varese valitsuse juures töötama ka kommuniste.¹⁷ Teatavasti töötas J. Varese valitsus ka pärast 21. juulit samas koosseisus edasi kuni 25. augustini, täites seega juba Nõukogude valitsuse ülesandeid. Enamus J. Varese valitsuse liikmeist töötas ka hiljem rahvakomissaridena või teistel juhtivatel kohtadel.¹⁸

Faktiliselt oli juba J. Varese valitsuse moodustamine ja autoritaarse võimu hävitamine kodanliku Eesti riigimasinaks kesksete lülide purustamine.¹⁹

¹⁶ Vt. lähemalt A. A. Дризул, Установление Советской власти в Латвии в 1940 году. Материалы объединенной научной сессии по истории народов Прибалтики послеоктябрьского периода. Таллин, 1954.; В. О. Миллер, Государственность Советской Латвии в 1940—1941 годах. Латвийский Государственный Университет имени Петра Стучки, Ученые записки, т. 64, Рига, 1964, lk. 21—76; Ю. Н. Жюгжда, Уничтожение фашистского режима и восстановление Советской власти в Литве. Материалы объединенной научной сессии по истории народов Прибалтики послеоктябрьского периода, Таллин 1954.

¹⁷ Siseministri abi ja hiljem ka sisekaitse ülem H. Habermann, 1. juulist J. Lauristin Informatsioonikeskuse abijuhataja ja O. Sepre majandusministri abi.

¹⁸ N. Andresen — hariduse rahvakomissar; O. Kärm — konnaalmajanduse rahvakomissar; J. Semper — hariduse rahvakomissari asetäitja ja hiljem RKN-i Kunstidevalitsuse juhataja; J. Vares — ENSV Ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi esimees; N. Ruus — EKP Keskkomitee sekretär ja juunist 1941. a. RKN-i esimehe asetäitja jne.

¹⁹ Juba J. Varese valitsuse 22. juuni 1940. a. deklaratsioonis nähti ette Riigivolikogu ja Riiginõukogu, samuti «kõigi rahvavaenulike organisatsioonide laialisaatmine», — «Rahva Hääl» nr. 2, 22. 06. 1940., «Isamaaliit» ning terve rida teisi tagurlikke organisatsioone saadeti laiali 27. juunil 1940. a. — vt. «Rahva Hääl» nr. 10, 2. 07. 1940.

Kodanliku riigiaparaadi lammutamise ja sotsialistliku riigiaparaadi loomise küsimusi Eestis 1940. a. käsitlevad ulatuslikumalt A. Vask ja B. Levin. Vt. A. Vask, Kuidas sündis sotsialistlik riiklus Eestis 1940. a. «Eesti Kom-

A. Vask oma osundatud artiklis teeb järgmise järelduse: «21. juunist kuni 21. juulini 1940 toimus põhiliselt riigiparaadi demokraatiseerimine kodanliku põhiseaduse raames. See oli kodanliku riigiparaadi lammutamise ettevalmistamise periood (minu sõrendus — E.-J. T.).» Siinkohal peab veelkordselt alla kriipsutama, et riigivõim, mida sel ajal teostas J. Varese valitsus, oli oma klassiolemuselt proletariaadi diktatuuri funktsioone täitev võim. Seetõttu, lähtudes marksistlikust vormi ja sisu dialektikaõpetusest, ei muuda selle võimu klassiolemust tema tegevuse poliitiliste vormide teatud iseärasus.²⁰ Paljudel juhtudel säilis esialgu kodanliku riigimasina vorm, kuid fašistlike tegelaste asendamine töörahvale ustavate inimestega andis sellele uue, proletarise sisu. On kohane meenutada V. I. Lenini taktikalist juhendit, et sotsialistlikus revolutsioonis tuleb õigesti osata rakendada kõiki vorme, nii uusi kui ka vanu, muutes nad võidu tööriistaks.²¹ Seepärast võib reaktsiooniliste elementide minemakihutamist riigiparaadist küll lugeda selle demokraatiseerimiseks, aga kui nende asemele astuvad kommunistid, kes täidavad proletariaadi diktatuuri organite funktsioone, siis on lakanud olemast kodanliku diktatuuri organite vastavad funktsioonid ning ilma nende funktsioonideta ei saa kõnelda kodanlikust riigiparaadist. Teiselt poolt on oluline ka silmas pidada, milliseks olid kujunenud valitsuse ja presidendi kui riigiorganite vahekorrad ning millise organi osatähtsus oli suurem pärast 1940. aasta juunipööret.

J. Varese valitsuse ametisseastumisega muutus senine «kõikvõimas» presidendi institutsioon fiktsiooniks (ehkki juriidiliselt presidendi õigusi ei kärbitud). Presidendi ametikoha ja sellele kohale K. Päsi jätmine baseerus vaid taktikalistel kaalutlustel. J. Varese valitsus kasutas presidendi seadusandlikke õigusi olukorras, kus viimane faktiliselt ei olnud enam võimutäiuse kandja, vaid valitsuse ülesannete täitja.²² Presidendi dekreetide ja käskkirjade vormis sai valitsus suure operatiivsusega ellu viia revolutsioonilisi otsuseid, neid dekreet-seadustena vormistades. Arvestades konkreetset ajaloolist olukorda ja rahvuslikke iseärasusi oli selles vormis rahvavalitsuse korraldustel suur autoriteet mitte üksnes töörahva, vaid ka kodanluse hulgas.²³

munist» 1962, nr. 4, lk. 73—82, samuti B. Левин, Развитие Советской государственности в Эстонии, 1961, lk. 36—82.

²⁰ Vrd. B. Levin, Nõukogude ehitustöö Eestis 1940.—1941. aastal, «Eesti Bolševik» 1950, nr. 13, lk. 67.

²¹ Vrd. V. I. Lenin, Teosed, 31. kd., lk. 81.

²² Vrd. A. Tolk, Eestimaa Kommunistliku Partei taktikast 1940. a. revolutsioonis. ЕКР ajaloo, Төд NLKP ajaloo alalt, III, TRÜ Toimetised, Tartu 1965, lk. 43—44.

²³ Selline taktikaline järeldus kõlab eriti aktuaalsena tänapäeval, läbides paljude kapitalistlike maade kommunistlike parteide programmilisi dokumente — vt. näiteks: Программа КП Франции о мирном переходе власти и сломе бур-

Tööraha võimu kindlustamisel rahulikul teel oli suur tähtsus kõrgema esindusorgani (Riigikogu), ümberkujundamisel vastavalt töötava rahva demokraatialle. Riigivolikogu valimised kuulutati välja 5. juulil; Riiginõukogu otsustati enam mitte moodustada.²⁴ Need olid tõsised löögid kodanliku riigiaparaadi põhiseaduslike aluste pihta.

Kuigi valimised viidi läbi senise kodanliku Riigivolikogu valimiste seaduse alusel,²⁵ muutis rida valitsuse korraldusi selle reaktsioonilist olemust ulatuslikult.²⁶

Valimiste läbiviimisel organiseeris töötav rahvas EKP juhtimisel kõige laialdasema töötajate bloki ekspluateerijate vastu. Juba valimiste väljakuulutamisele järgmisel päeval, 6. juulil avaldas Eesti Töötava Rahva Liit (ETRL) oma valimisplatvormi, kuhu kuulus 22 organisatsiooni eesotsas EKP ja Eesti Ametiühingute Keskliiduga.²⁷ Valimiste eelõhtuks teatasid oma asumisest ETR Liitu toetavale positsioonile 590 mitmesugust organisatsiooni ja 146 rahvakoosolekut.²⁸

Valimiskampaania läbiviimiseks nähti ette vaid kümme päeva, kandidaatide esitamise tähtajaks määrati juba 9. juuli kell 24.00.²⁹ Kodanlikud poliitikategelased, kes suutsid, vaatamata sellisele valimiskampaania tempole, esitada oma kandidatuurid, püüdsid rahvast petta, nimetades, et ka nemad toetavad ETR Liidu nõudmisi.

L. Illison meenutab oma jutuajamist Uluotsa valitsuse välisministri A. Piibuga, kes samuti oli esitanud oma kandidatuuri Riigivolikogusse: «Pärisin, milliste kavatsustega ta esitas oma kandidatuuri, milline on tema programm. Ta toetavat täielikult Töötava Rahva Liidu valimisplatvormi, olevat Nõukogude Liidu sõber ja tahtvat oma riigimehekogemusi anda uue korra käsu

---

жуазной государственной машины, «Коммунист» 1964, № 9, lk. 58; vt. ka Le Parti Communiste Francais et les étudiants. «France nouvelle», nr. 24, 2., 03. 1965.

²⁴ RT 1940, 60, 566.

²⁵ RT 1937, 71, 59.

²⁶ Tühistati seni kehtinud kord, mille kohaselt valimisringkonnas ühe kandidaadi esitamisel loeti kandidaat automaatselt valituks; muudeti ära üheaastane elukoha tsensus; lühendati kandidaatide esitamise tähtaega 28 päevalt 5 päevale ja vähendati esitamiskirjale nõutavate allkirjade arvu 150-lt 50-le. Kõik need muudatused laiendasid tööraha osavõtu võimalust valimistest, RT 1940, art. 565, 566, 628.

²⁷ «Kommunist» nr. 3, 6. VII 1940.

²⁸ «Kommunist» nr. 11, 14. VII 1940.

Tulenevalt sellest, et EKP strateegiliseks loosungiks 1940. a. revolutsioonis oli töölisklassi liit kogu töötava talurahvaga, kui kodanlus revolutsiooniliste sündmuste tohutu dünaamika juures oli desorienteeritud ning tema igasugune organiseeritus revolutsiooni käigus purustatud, polnud vaja piirata talurahva valimisõigust ega jätta kodanlust sellest hoopiski ilma. See oli 1940. a. revolutsiooni üks põhierinevusi 1917. a. sotsialistlikust revolutsioonist.

²⁹ RT 1940, 61, art. 577 ja 579.

tusse. Ainult üksikasjades (millistes nimelt, sellest ta targu vaikus) olevat tal eriarvamusi».³⁰

J. Varese valitsus ajas nurja kodanluse üritused kasutada demokraatlikke vabadusi tööraha vastu. 9. juulil anti välja täiendav korraldus, milles öeldi: «Et vältida riigivolikogu valimiste kasutamist Eesti vabariigile ja Eesti rahvale kahjulikkude eesmärkide huvides, tuleb kandidaate esitamiskirjade esindajail esitada ringkondade komiteele hiljemalt 10. juuliks 1940. a. kell 14⁰⁰ vastava kandidaadi valimisplatvorm. Valimisplatvormi mitteesitamisel tühistatakse vastava kandidaadi esitamiskiri ringkonna komitee poolt»³¹. Osa kodanluse kandidaatidest ei suutnud antud tähtjaks platvormi esitada ja nende nimekirjad annulleeriti. Teised esitasid küll platvormid, kuid need olid üldsõnalised, määratud rahva petmiseks ning olid risti vastu kodanluse kandidaatide varasema tegevusega.³²

Sellepärast tõmbasid valimiste ringkonnakomisjonid need rahvavastased kandidaadid nimekirjadest maha, mida ka valimiste peakomitee kinnitas. Valimiste eelõhtuks jäid ainsateks kandidaatideks 80 valimisringkonnas ETR Liidu kandidaadid. Sellega oli kodanluse passiivne valimisõigus faktiliselt tühi seks muudetud. Tekkinud olukord, kus proletariaadi esindajaid saab, aga kodanluse esindajaid ei saa valida, viitab poliitilise võimu jagamatule omastamisele proletariaadi poolt, s. f. proletariaadi diktatuurile.

14.—15. juulil toimunud valimistel anti ETR Liidu kandidaatide poolt 92,8% häältest, kusjuures hääletamisest võttis osa 84,1% hääleõiguslikest kodanikest.³³

Riigivolikogu uus koosseis esindas tööraha laiu kihte: see oli uut tüüpi rahvavõimu organ, millest annab ilmekat tunnistust Riigivolikogu I ja II koosseisu saadikute sotsiaalse seisundi võrdlemine: I koosseisus oli 36 suurmaaomanikku, 10 pankurit, 4 majaoomanikku, 3 vaimulikku, 25 intelligentsi esindajat ja 2 töölist; II koosseisus kolm esimest rühma puudus; kõige arvukamalt oli töölisi — 36, töötava intelligentsi esindajaid 35 ja talurahva esindajaid 9.³⁴ 31 Riigivolikogu liiget olid kuulunud EKP illegaalsesse organisatsioonidesse, paljud uutest saadikutest olid astunud partei ridadesse 1940. a. juulis. Sellise koosseisuga kõrgema võimuorgani klassiolemuses ei saa olla kahtlusi — ta saab olla vaid proletarise võimu organ. Seega oli uue Riigivolikogu valimistega purustatud üks tähtsamaid lülisid kodanlikus riigiaparaadis ning loodud uut tüüpi proletaarne võimuorgan. Riigivolikogu pidi ees-

³⁰ L. I I I I s o n, Üle läve. «Edasi», nr. 88, 7. V 1965.

³¹ RT 1940, nr. 64, 628.

³² ENSV ORRKA, f. R-3, nim. 1, s.-ü. 114, 1. 28.

³³ «Kommunist» nr. 15, 18. VII 1940.

³⁴ Riigivolikogu II koosseis. I istungi, 1.—13. koosoleku stenograafilised aruanded, Tln. 1940., lk. 3.

kätt lahendama Eesti riigikorra küsimuse. Eestis oli rahvahulka-
des parlamentlikul traditsioonil teatav populaarsus, mistõttu Riigi-
volikogu ümbervalimine ja tema poolt proletariaadi diktatuuri
vormiline väljakuulutamise oli autoriteetseks mooduseks. Selles
mõttes võib ka Eestis 1940. a. täheldada parlamentliku ülemineku-
tee sümptomeid. Seda enam oli sellel tähtsust, et revolutsiooni esi-
melstel nädalatel avaldusid töörahva mõnedes ringkondades (Tal-
linnas, Koplis, Peipsi ja Petseri ümbruses, Väandras, Häädemees-
tel jm.) äärmuslikud tendentsid. Tekkis arvamusi, et Nõukogude
võim tuleks lihtsalt välja kuulutada, ilma rahvalt tema saadikute
näol nõu küsimata.³⁵

Uus Riigivolikogu alustas tööd 21. juulil 1940. a. ja ta lahendas
Eesti riigikorra küsimuse, maa, suurtööstuse ja pankade natsio-
naliseerimise, taasühinemise Nõukogude Liiduga, aga samuti
moodustas 25-liikmelise konstitutsioonikomisjoni. Eesti NSV uue
konstitutsiooni vastuvõtmisega 25. augustil 1940. a. nimetati Riigi-
volikogu ümber ENSV ajutiseks Ülemnõukoguks, kes tegutses sel-
lisena samas koosseisus 7 aasta jooksul.

Bürokratlik-tsentralistlik valitsemisaparaat puhastati ülalt
kuni alla kodanlik-fašistlikest elementidest. Eriti ulatuslikud val-
landamised olid Siseministeeriumis ja poliitilise politsei aparaadis,
kus kogu vana juhtiv kaader vabastati juuni-juulikuu jooksul
ning asendati kommunistide või revolutsioonilise rahva teiste kih-
tide esindajatega.

Keskaparaadis juhtpositsiooni hõivamine võimaldas tsentraal-
selt teostada ka kohalike võimu- ja haldusorganite ümberkorral-
damise. 1937/38. a. kohalike omavalitsuste reformidega viidi oma-
valitsuste esinduskogude (volikogud) õigused faktiliselt nullile,
sest omavalitsuste täidesaatvate organite tsentraliseeritud komplek-
teerimine ühelt poolt jättis esinduskogud ilma oma valitse-
misorganeist, teiselt poolt sõltus nende tegevus pea-aegu täielikult
viimastest. Seadlusandlusega oli vabariigi valitsusele antud
õigus saata laiali iga volikogu, mille «tegevus on kahjulik riigi
üldhuvidele», siseministrile aga samal motiivil õigus kõrvaldada
volikogudest üksikuid volinikke. Omavalitsusametisse juhtivatele
kohtadele määratavate isikute suhtes kehtis rida erinõudeid, mis
kindlustas kodanusele omavalitsustes kindla toetuse.³⁶

1. aprillil 1939. a. saadeti laiali kõik vanad vallavalitsused ja
määrati ametisse 248 uut vallavanemat ja 610 abi, kes «kõik olid
tuntud oma ettevõtlikkuse, riigimeelsuse ja tubli tegevuse poolest
kaitseliidus». ³⁷ Omavalitsusasutustes täitis arvukalt endisi tsaari-

³⁵ Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost, II osa, Tln. 1963, lk. 345 ja Rahvatasujad, Mälestusi ja jutustusi partisanivõitlusest. Esimene raamat, Tln. 1963, lk. 21.

³⁶ Nii sai näiteks vallavanema ülesandeid täita sisuliselt üksnes kulak — RT 1938, 21, 188.

³⁷ RT 1939, 37, 337 ja «Eesti Kroonika», Tln. 1940, lk. 33.

Venemaa valla- ja linnavalitsuse ametnikke tööülesandeid: nii oli 1938. a. Lõuna Eestis 64% vallasekretäridest ja nende abidest tsaari teeninud, Harju- ja Võrumaal aga oli 57% kõigist vallavalitsuse ametnikest tööstaaž üle 20 aasta.³⁸ Seetõttu oli ka selge, et sellised koosseisud proletaarset võimu teenida ei saa ja tuleb asendada uutega.

Juuli alguses vabastati kõik senised maavanemad ja sama kuu lõpuks linnapead ning nimetati nende asemele uued.³⁹ Juhtivatele ametikohtadele kohalikes organeis edutati aktiivseid revolutsioonilise liikumise ja ametiühingu tegelasi, nii nimetati Eesti Metallitöölise Ametiühingu esimehe asetäitja A. Kiidelmaa Tallinna linnapeaks, Tartu linnapeaks sai tuntud töölisliikumisetegelane K. Jalak. 1. augustist alates vabastati ametist kõik kodanlikud vallavanemad ja nende abid (ametisse jäi 17 endist vallavanemat ja abi).⁴⁰ Omavalitsuste volikogud saadeti laiali alles 25. juuli 1940. a. dekreediga.⁴¹

Ka kohalike omavalitsusasutuste osas avaldus äärmuslikke tendentse. Nii võeti Valgamaa Hummuli vallas kehvik J. Mumme juhtimisel juba 22. juunil vallamajas asjaajamine üle ning «kuulutati välja nõukogude võim ja nimetati vallavalitsus ümber töörahva täitevkomiteeks.»⁴² Analoogiliselt toimiti ka Pärnumaal Häädemeeste vallas, kuigi siin vallavalitsust ümber ei nimetatud.⁴³

Kohalikud organid etendasid aktiivset osa revolutsiooniliste ümberkujunduste elluviimisel tööstuses ja põllumajanduses, haridussüsteemi ja kultuuriasutuste reorganiseerimisel jne.

Kui juuni-juuli perioodil J. Varese valitsus kõrvaldas poliitilise võimu omastamise võimaluse kodanluse poolt ning piiras tunduvalt kodanluse majanduslikku võimsust, siis Riigivolikogu tuntud deklaratsioonid⁴⁴ panid aluse kodanluse majandusliku võimsuse murdmisele ja sotsialistliku majandussektori loomisele. Eksploataatorite eksproprieerimisega tekkinud uued tootmissuhted tingi-

³⁸ Arvestused tehtud leksikoni — Lõuna-Eesti tegelaste biograafiad, Tartu, 1938 järgi; «Rahva Häälel» nr. 33, 25. 07. 1940 ja nr. 36, 28. 07. 1940.

³⁹ RT 1940, art.-d 559, 560, 606—611, 845.

⁴⁰ RT 1940, 89, 890; «Rahva Häälel» nr. 41, 2. 08. 1940. Läänemaal nimetati vallavanemateks rõhuvas enamuses töölised, Järvamaal aga olid kõik vallavanemad kehvikud — vt. «Tööraha Lipp» nr. 68, 10. juuni 1965 ja «Võitlev Sõna» nr. 82, 13. juuli 1965. Võrdlemisi palju jäi endisi vallasekretäre vallavalitsustesse tööle asjaajajatena, nagu Saaremaal, Võrumaal ja mujal — vt. «Kommunismiehitaja» nr. 84, 17. 07. 65. ja «Tööraha Elu» nr. 71, 17. 06. 65. Üksikud neist osutusid hiljem reetureiks, nagu Antsla valla endine sekretär ja hilisem asjaajaja H. Aavola, kes oli Saksa okupatsiooni ajal SS-erikomando ohvitseriks — «Tööraha Elu» nr. 71, 17. 06. 65. või Ahja vallavalitsuse ametnik Ed. Oja, kes organiseeris bandiitide jõuke nõukogude aktivistide tapmiseks — Põlva rajooni Piiraja 8-klassilise kooli kodulooringi andmeil.

⁴¹ RT 1940, 83, 783.

⁴² J. Mumme seletused ja asjaajamise ülevõtmise protokollid ärakiri.

⁴³ Vallavalitsuse ülevõtmist juhtis ja sai vallavanemaks 1917. a. revolutsionist aktiivselt osavõtnud J. Sinimäe — «Pärnu Kommunist» nr. 87, 15. 07. 65.

⁴⁴ RT 1940, 74, 733; 76, 743; 77, 744, 745.

sid kodanliku riigiaparaadi nende lülide ümberkorraldamise, mis proletaarses riigis täidavad majanduslik-organisatoorseid ja kultuurilis-kasvatuslikke funktsioone. Just paralleelselt ühiskonna tootmissuhete ümberkorraldamisega ning muudatustega ühiskonna klassistruktuuris toimusid ka riigiorganite funktsionaalsed ja struktuurilised muutused. Selleks, et ellu viia Riigivolikogu deklaratsioon pankade ja suurtööstuse natsionaliseerimise kohta, loodi 25. juulil Majandusministeeriumi juurde Natsionaliseerimise Peakomitee⁴⁵, kes omakorda moodustas kohalikud natsionaliseerimiskomiteed linnades, maakondades ja ettevõtetes. Viimased teostasid ka natsionaliseeritud käitiste ja pankade praktilist juhtimist, sest Majandusministeerium ise polnud selleks kohandatud.⁴⁶

Eesti NSV Konstitutsiooni alusel moodustati 13 rahvakomisariaati⁴⁷, kusjuures erinevalt vanematest liiduvabariikidest moodustati ka Töö Rahvakomissariaat, mis oli vajalik uue palgasüsteemi loomiseks, töö normeerimise korraldamiseks, tööpuuduse likvideerimiseks.

Üldiselt nendes riigiaparaadi lülides, mis teostasid majanduslikke ja kultuurilisi funktsioone kodanlikus riigis, asendati vähe riigiametnikke.⁴⁸

Seetõttu oli ka suur osa rahvakomissariaatide teenistujaist varem töötanud kodanliku riigi ministeeriumides.⁴⁹ Endise riigiaparaadi teenistujate üleminek tööle uues nõukogude riigiaparaadis toimus väga kiiresti, mistõttu nõukogude võimu vaenlastel ei õnnestunud organiseerida kuigi tõsist sabotaaži töörahva võimu vastu.⁵⁰ Eriti palju vanu ametnikke võeti tööle Rahanduse Rahvakomissariaati, mis loodi endise Majandusministeeriumi vastava valitsuse baasil, hulgaliselt töötas vanu spetsialiste ka Riiklikus Plaanikomisjonis jm.⁵¹

⁴⁵ RT 1940, 89, 870.

⁴⁶ 31. juulil loodi Tööstuse Juhtimise Komitee, 3. augustil Pankade Juhtimise Komitee, 9. augustil Kaubanduse Juhtimise Komitee. Nende organite loomisega täiendati riiklikku majandushalduse struktuuri vastavalt uute funktsioonide tekkimisega Majandusministeeriumil — RT 1940, 99, 985, 936 ja RT Lisa 1940, 69.

⁴⁷ «Eesti NSV Teataja» 1940, 1, 3.

⁴⁸ Nii vabastati juuni-augustikuu jooksul Majandusministeeriumis 6 ametnikku ja Tollipeakomitee ning Kaubanduskomitee koosseisud; Sotsiaalministeeriumis vabastati 3; Teedeministeeriumis 8 ja Haridusministeeriumis 5 juhtivat töötajat — vt. RT 1940, art. 501—509, 532 jt.; Põllutöö RK-s töötas veel 1940. a. lõpul 56 endist kaitseleitlast, 11 isamaaliitlast ja 3 vapsi — A. Tiido, Nõukogude maareform Eestis, Tln. 1960, lk. 42.

⁴⁹ Vt. EK(b)P aruanne Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei IV kongressile — «Bolševik» 1941, nr. 1/2, lk. 24—25; «Rahva Häälel» nr. 38, 14. 02. 41.

⁵⁰ Üksikute sabotaažiaktide kohta vt. A. Uibo, Kodanlikku korruptsiooni paljastamas, Eesti minevikus ja nüüd, Tln. 1941, lk. 71—75; «Rahva Häälel» nr. 46, 24. 02. 1941, nr. 62, 14. 03. 1941; «Tee Kommunismile» nr. 84, 17. 07. 1965.

⁵¹ O. Sepre, Uue ühiskonnakorra jõud. «Suure võitluse algus», Tln. 1965, lk. 32; A. Vask, viidatud artikkel, lk. 79.

Edaspidi loodi Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu juurde rida valitsusi ja komiteesid, kes juhtisid mitmesuguseid majanduse ja kultuurielu alasid. Nende organite loomisega viidi põhiliselt lõpule uue riigivalitsemissüsteemi loomine Eesti NSV-s.

Ainult see klass, kes kontrollib ja käsutab relvastatud jõude, saab teostada oma diktatuuri. Seepärast tuleb Kaitseliidu laiendamis- ja relvastuse ära korjamist lugeda kõige tähtsamaks saavutuseks kodanliku riigi vägivalla-aparaadi purustamisel Eesti 1940. a. revolutsioonis.

Siinkohal peatuksime lühidalt sellel kodanluse organisatsioonil. Kodanliku regulaarmee kõrval eksisteeris 42 600-meheline relvastatud organisatsioon «Kaitseliit»⁵², mille erilise ustavuse kodanlusele garanteeris ta klassikoosseis (72,5% maa- ja linna-kodanluse esindajaid ning riigi- ja omavalitsuste ametnikke).⁵³ Kaitseliidu juhtkond eesotsas Kaitseliidu ülema J. Orasmaaga oli tuntud oma reaktioonilise tegevuse poolest 1917. a. revolutsiooni-päevil kui ka paadunud valgekaartlastena Saksa okupatsiooni ning klassisõja ajal. Nii hindas kodanlus J. Orasmaa teeneid klassisõjas 2 vabadusristi ordeniga, normaaltalu ja 150 000-margalise tasuga. Malevate pealikutest mainigem endisi tsaari-Venemaa ohvitseri, taluomanikke kolonel-leitnant G. Vaherit (Võru malev), kolonel-leitnant F. Pinkat (Tallinna malev), kapten A. Roset (Sakala maleva ratsaeskadroni pealik, mõisniku poeg). Tallinna Ida-Malevkonna pealikuks oli U. Heyduck, kes 1901. a. võttis osa Hiinas bokserite ülestõusu maharumumisest ning oli selle eest autasustatud nelja riigi aumärkidega.⁵⁴

Nagu nähtub Kaitseliidu malevkondade tegevusülevaadetest, suurenes seal pärast 1934. a. riigipööret sõjalis-taktikaline väljaõpe. Nii oli Võrumaa malevkonnas 1939. a. laskeharjutusi 7,6 korda rohkem kui 1934. a., faktikalisi õppusi aga 2,6 korda enam; Sakalamaa malevas olid need näitajad vastavalt 5,7 ja 2,1.⁵⁵ Kaitseliidu juhtimisel tegutses ka fašistlik naisteorganisatsioon «Naiskodukaitse» (16 000 liiget) ja noorteorganisatsioonid — «Noorkotkad» (19 800 liiget) ja «Kodutütred» (20 000 liiget).⁵⁶

Seega polnud Kaitseliidu laiendamisega üksnes kodanluselt relvad võetud, vaid hävitatud tema üks kõige tugevamaid organisatsioone üldse.

Et Kaitseliit 1940. a. juunis rahva vastu välja ei astunud, selles etendas tähtsat osa Punaarmee üksuste viibimine riigi territooriumil, mis paralüseeris selle organisatsiooni jõu.

Revolutsiooni käigus lõi rahvas ise oma võimu kaitseks relvas-

⁵² Eesti Entsüklopeedia täienduskogu, I kd., 1940, veerg 610.

⁵³ Koguteose «20 aastat iseseisvust», Tallinn 1938, lk. 113 andmeil.

⁵⁴ Ajakiri «Vabadussõja tähistel», 1938, nr. 11, lk. 322, 340, 347.

⁵⁵ Ajakirja «Kaitse Kodu» 1940, nr. 7, lk. 216, 221 andmeil.

⁵⁶ Eesti Entsüklopeedia täienduskõide, I kd., veerg 611.

tatud organisatsiooni — Rahva Omakaitse (RO), kelle näol oli juba tegemist täiesti uue, proletaarse riigi organiga.⁵⁷ Esimesed RO salgad moodustati 21. juunil Tallinnas. Nende organiseerimise oli EKP ülesandeks teinud A. Veimerile ja L. Klaaserile. Algul koosnesid RO salgad põhiliselt töölistest, alates juulikuu esimestest päevadest astus RO-sse hulgaliselt haritlasi ja talurahva esindajaid. RO relvastati Kaitseliidult, sõjaväeosadelt ja politseinikelt äravõetud relvadega.⁵⁸ RO salgad etendasid 1940. a. juunisündmustes suurt osa. Nad võtsid relvad politseinikelt ja tegid seega võimatuks viimaste relvastatud vahelesegamise sündmuste käiku, kaitsesid rahvahulki vaenulike provokatsioonide eest ja võtsid revolutsiooni alguspäevadest peale ka valitsusasutuste ja tähtsate riiklike objektide, samuti suuremate tehaste ja kaevanduste kaitse enda peale. Hiljem hakkasid RO liikmed järk-järgult asendama politseinikke valveteenistuses. RO eesotsas kohtadel olid vastutavad parteitöötajad nagu O. Cher Läänemaal, A. Kuhlberg Võrumaal, J. Tamm Pärnus jt.⁵⁹ RO kohalike organisatsioonide juhtimiseks moodustati kolmikud, kelle kohustuseks oli uute liikmete vastu võtmine ning pideva kontakti pidamine ametiühingute ja teiste töötajate organisatsioonidega.⁶⁰ Augusti lõpuks kuulus RO-sse ligi 8000 inimest.⁶¹

Suur tähtsus oli sõjaväe kui kodanliku riigi peamiste funktsioonide teostamise vahendi ümberkorraldamisel. 1939. a. oli tegevteenistuses 11377 meest (1440 ohvitseri, 1828 allohvitseri, 8109 reameest), 1940. a. alguses aga umbes 14 000 meest ja Kaitseministeeriumi ametkonnas 1300 ametnikku.⁶² Armees teenis hulgaliselt tsaari-Venemaa sõjakoolides ettevalmistuse saanud ohvitseri (ligi 30%),⁶³ kõrgem sõjaväeline juhtkond eesotsas sõjavägede ülem-

⁵⁷ Rahva Omakaitse loomise seadus anti 5. juulil 1940 — RT 1940, 62, 583.

⁵⁸ Nii võttis väike rühm töölisi eesotsas B. Pšenitšnikoviga Kalamaja õhutorjerveeosalt relvad, millega varustati EKP korraldusel üle saja töölise — EKP PAI käsikirjafond, B. Pšenitšnikovi mälestused; ööl vastu 24. juunit võttis Haapsalus grupp töölisi kommunistide O. Cheri ja A. Pihiga eesotsas üle poliitilise politsei ning Läänemaa Kaitseliidu, kellelt saadud relvadega varustati juuli alguses Läänemaa RO. 15. augustiks oli Läänemaal 15 Ro rühma (jagunes 43 jaoks), kokku 341 meest. — A. Lumeste, Esimesed sammud., «Tööraha Lipp» nr. 64, 1. juuni 1965. Tallinna 3. politseijaoskonna politseinikud kogusid ise relvad kokku ja palusid isegi telefoni teel relvade järele tulla. Relvad anti RO-le — «Rahva Hääli» nr. 1, 22. 06. 1940.

⁵⁹ Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost, II osa, Tln. 1963, lk. 370.

⁶⁰ ENSV ORRKA, f. R-35, nim. 1, s.-ü. 2, l. 1. Uusi liikmeid võeti RO-sse vastu Ametiühingu, MTÜ ja teiste organisatsioonide suunamisel, kusjuures liikmeks astujal pidi olema ka kahe RO liikme soovitus — ENSV ORRKA f. R-35, nim. 1, s.-ü. 113, l. 36.

⁶¹ ENSV ORRKA f. R-35, nim. 1, s.-ü. 1, l. 1.

⁶² Andmed võetud P. Larini tööst — Lahingud Eestis 1941. aastal, Tln. 1962, lk. 123.

⁶³ Ajakiri «Sõdur» 1938. aasta andmeil tehtud arvestused, vt. ka «Edasi» nr. 132, 6. 07. 1957.

juhataja J. Laidoneriga ajas saksasõbralikku poliitikat, kasvatades armee reakoosseisus natsionalismi ja nõukogudevastast vaimu.⁶⁴ Juba 22. juunil vabastati ametist ja tegelikust sõjaväeteenistusest sõjavägede ülemjuhataja J. Laidoner⁶⁵ ja nimetati sõjavägede juhatajaks G. Jonson.⁶⁶ See polnud üksnes isikute vahetus. See oli tugeva võimuorgani asendamine temast nõrgema organiga, sest kehtiva «Riigikaitse rahuaegse korralduse seaduse»⁶⁷ alusel piirdus sõjavägede juhataja pädevus sõjaväekorraldusega. Sõjavägede ülemjuhataja oli aga ka väljaspool sõjaväge laia administratiivvõimuga poliitiline kujud⁶⁸, kellel oli õigus annuleerida kodanikuõigusi. Siinkohal oli vaja alla kriipsutada J. Laidoneri isiksust ja tema osa eesti kodanluse võitluses oma maa töörahva vastu. Teatavasti oli J. Laidoner ülemjuhatajaks klassisõjas, 1. detsembril 1924. a. ülestõusu ja sellele järgnenud reaktiooni pealetungi ajal üks keskseid kujusid, 1934. a. riigipöörde faktiline teostaja jne. Laidoner oli tihedalt seotud monopolistlike ringkondadega, kuuludes Eesti 5 suurima aktsiaseltsi nõukogusse, kust sai igakuulist tasu⁶⁹, aga ka tihedalt seotud kodanliku riigiparadiga, kuuludes Riiginõukogu liikmena rahanduse-, riigikaitse-, välis- ja eelarvekomisjoni koosseisu. Seepärast oli J. Laidoneri tagandamine suure poliitilise tähtsusega.

Et sõjavägi oma suures enamuses koosnes töötava rahva põlvkondadest ja üksnes reaktioonilise ohvitserkonna abil oli rakendatud kodanluse teenistusse⁷⁰, siis seisnes poliitiline ülesanne tema vabastamises selle ohvitserkonna mõju alt. Ühelt poolt toimus see marurahvuslikult meeletatud ohvitserkonna vabastamise abil sõjaväeteenistusest, teiselt poolt aga laiaulatusliku poliitilise sel-

⁶⁴ E. d. Inti, Sõjavägi läheb koos rahvaga, «Saabus päev», Tln. 1960, lk. 128; P. Vihalem, Eesti kodanluse üleminek Saksa fašismi teenistusse, Tartu 1963, lk. 67; vt. ka «Sõdur» 1938/39, eriti nr. 16, 1939, lk. 345 — kokkuvõtte J. Laidoneri kõnest Eesti sõjaväe varemate juhtide koosolekul 28. märtsil 1939.

⁶⁵ RT 1940, 55, 499.

⁶⁶ RT 1940, 57, 541.

⁶⁷ RT 1938, 29, 234.

⁶⁸ Sõjavägede ülemjuhataja suurt poliitilist osa rõhutasid ka kodanlikud tegelased ise. Nii ütles J. Uluots 1. 01. 1938. a. uue põhiseaduse kehtestamise puhul peetud kõnes: «Sõjaväele tema ülemjuhataja näol on meie riigis antud suur tähtsus, sest tema on seotud kogu riigi organisatsiooni ja poliitikaga.» — «Päevaleht» nr. 2, 3. 01. 1938.

⁶⁹ Vt. M. Pesti, Rahvuslik reetmine «rahvusluse» sildi all, Tln. 1957, lk. 36.

⁷⁰ Vt. lähemalt E. d. Inti, Sõjavägi läheb koos rahvaga, «Saabus päev», lk. d 127—138, aga ka kodanliku armee endiste ohvitseride H. Lesseli, D. Kiljako. K. Alliku, A. Nõmmiku jt. mälestused — vt. «Suure võitluse algus», Tln. 1965, lk. d 461—470, 471—480, 488—491 jj.

Kodanliku armee isikulise koosseisu meelsusest kõnelevad kasvõi needki andmed, et Eesti Laskurkorpuse 7. diviisi koosseisus teenis 63,6% juunipöörde ajal endises kodanlikus armees teeninuid / reakoosseisus — 61,2%, allohvitsere — 72,2%, ohvitseride — 61,4% /, 249. diviisi ohvitserkonnast samuti ligi 60% olid teeninud ohvitseridena kodanlikus armees — andmed võetud P. Larini tööst, Eesti Laskurkorpuse Suures Isamaasõjas, Tln. 1962, lk. 41.

gitustöö organiseerimisega sõjaväes, mida teostati poliitiliste juhtide ametikohtade loomisega (5. juuli 1940. a.)⁷¹ ning väeosade komiteede moodustamisega (13. juuli 1940. a.)⁷². Nende abinõude kompleksiga oli töörahva alluvuses hoidmise tugevam relv sisuliselt purustatud ning armee muutus iga päevaga ikka kindlamaks revolutsiooni relvaks. 1940. a. augusti lõpul viidi sõjaväe reorganiseerimine lõpule. Eesti NSV RKN-i 28. augusti 1940. a. määrusega kujundati Eesti Rahvaarmee Punaarmee territoriaalseks laskurkorpuseks Balti erisõjaväeringkonna koosseisus.⁷³

Asjaolu, et J. Varese valitsus kontrollis kõiki võimu- ja valitsemispositsioone, aga ka töörahva relvastatud organisatsiooni — RO olemasolu, võimaldas kodanliku riigi sellise vägivaldapaaradi lüli nagu politsei purustamise tsentraalses korras ning suhteliselt pika aja jooksul.⁷⁴ Siinkohal on otstarbekas peatuda kodanliku Eesti politseikoosseisude ja tegevuse juures.

Aastatel 1934—1940 suurenes politseikoosseis 346 politseiniku võrra (1934. a. — 1715, 1940. a. — 2061), kusjuures 1939. a. oktoobris anti poliitilisele politseile juurde 67 koosseisulist kohta (kokku teenis poliitilises politseis 191 inimest koosseisulistena).⁷⁵ Politseilise terrori süvenemisest ei kõnele mitte üksnes isikulise koosseisu paisutamine, vaid eelkõige politsei võimkonna laiendamine ning seda eriti kaitseesisukorra ja erakõrralise seadusandluse rakendamisel (kui 1935. a. karistati politseivõimude poolt kaitseesisukorra seaduse alusel 71 isikut, siis juba 1936. a. ulatus see arv 300-le)⁷⁶; politseivõimud sulgesid progressiivseid organisatsioone, registreerisid ja keelasid ära koosolekuid, konfiskeerisid trükitooteid, teostasid administratiivkorras väljasaatmisi jne. Kuigi politsei reakoosseisu palgad polnud kõrged (kordnik sai 71 krooni kuus), aitas politseis kodanlusele kuulekust hoida range alluvus ja reaktioonilise kaadri mõju (kriminaalpolitsei 251 ametnikust oli 43 teeninud tsaari-politseis, rõhuv enamus oli osa võtnud klassisõjast kodanluse poolel). Analoogiline oli olukord ka välipolitseis, eriti maakohtade konstaablite seas.⁷⁷

⁷¹ RT 1940, 63, 592.

⁷² RT 1940, 67, 648.

⁷³ «Eesti NSV Teataja» 1940, 1, 4.

⁷⁴ 29. juunil määrati sisekaitseülemaks siseministri abi kommunist H. Habermann, kellele allus politsei juhtimine; Politseitalituse abidirektori kohuste täitmine pandi 1. juulist kommunist A. Murrole, kes alates 16. juulist nimetati Politseitalituse direktoriks — RT 1940, 57, 535 ja 59, 557; 72, 721.

⁷⁵ ENSV ORRKA, f. 31, nim. 2, s.-ü. 792, l. 4—5.

Poliitilise politsei tegevusest kõneleb rida arhiivdokumente nagu Tallinna poliitilise politsei komissari ettekanne 1. aprillil 1939. a. ametiühingute tööst protestiresolutsioonide saatmiseks valitsusele tööpäeva pikendamise vastu; Poliitilise politsei komissari ettekanne 1. aprillil 1939 Saksamaa ja temaga koostöötamise vastase meeleolu kasvust Eesti elanikkonnas. 1940. a. sotsialistlik revolutsioon Eestis, Tln. 1960, lk. 40—41 jt.

⁷⁶ Valitsusasutuste tegevus 1938/39. a. Riigikantselei väljaanne, Tln. 1940, lk. 93—95 andmeil.

⁷⁷ Andmed võetud «Politseilehest» 1923, 20/21, lk. 274; 1940, 1, lk. 9.

Juulikuu esimese dekaadi jooksul vabastati ametist 8 komisari, paigutati ümber Tallinna jaoskondade politseikomissarid ning vabastati ametist politseiprefektid⁷⁸. Hulk politseiametnikke vabastati teenistusest väljateenitud aastate tõttu, osa vabastati omal soovil. Ehkki tervikuna likvideeriti vana politseiaparaat alles septembris, mil loodi nõukogude miilitsaorganid⁷⁹, olid kohalikud politseiasutused üle võetud juba augustikuu lõpul. Nii olid 26. augustiks kõik Tartumaa politseiasutused üle võetud ning politseinikud asendatud⁸⁰, 28. augustiks Läänemaa politseijaoskonnad⁸¹ jne. Politseijaoskondade etteotsa asusid Läänemaal kommunistid J. Külm, K. Miller, J. Tust jt. Üldse töötas 1. jaanuari 1941. a. andmeil 58 Läänemaa kommunistist miilitsaorganeis 16.⁸²

Novembrikuus hakati looma miilitsa abistamise brigaade kõikides linnades ja maakohtades.⁸³

Kodanlikku politsei koosseisu manitses kuulekusele nii see, et keskasutuses olid juhtpositsioonidel kommunistid, kes kaitseseisukorra seadust kasutades võisid iga ametiisiku vallandada ja rahva vaenuliku tegevuse eest vastutusele võtta, kui ka relvastatud organisatsioon RO. Teiselt poolt sai kodanlikku politseid edukalt kasutada kriminaalsete elementide jälitamiseks, samuti liikluse korraldamisel jne. Kõik see oli vajalik ka selleks, et oma kaadri ettevalmistamiseks aega võita.

Kodanliku Eesti kohtusüsteem koosnes järgmistest lülidest: jaoskonna- ja ringkonnakohus, Riigikohus ja Kohtukoda. Kuigi põhiseaduse alusel olid erakorralised kohtud lubatud ainult sõja ajal, kaitseseisukorra piirkonnas ja sõjalaevadel, tuleb aga arvesse võtta, et kaitseseisukord kehtis tähtsamates Eesti piirkondades alates 29. nov. 1918 kuni kodanluse diktatuuri lõpuni, siis olid erakorralised kohtud kujunenud faktiliselt korralisteks kohtuteks.

Kodanlikus Eestis oli 174 kohtunikku. Kollegiaalsetena töötasid Riigikohus (15 liiget), Kohtukoda (15 liiget), ringkonna kohtud (Tallinn — 19 liiget, Tartu — 18, Rakvere ja Viljandi — kummaski 10 liiget; ringkonna kohtute juures töötas 20 kohtu-uurijat) ja Sõjaväe Kõrgem Kohus (3 liiget). Jaoskonna kohtunikke oli 57, neist Tallinna ringkonna kohtu alluvuses 20, Tartu — 19, Rakvere — 10 ja Viljandi 8.⁸⁴ Kodanlus tagas meelepärase kohtunike kaadri komplekteerimise ühelt poolt sellega, et ametisse nimetamisel presidendi poolt pidi olema eelnevalt Riigikohtu, Kohtuministeeriumi

⁷⁸ RT 1940, 59, 561, jt.

⁷⁹ «Eesti NSV Teataja» 1940, 8, 64.

⁸⁰ Endise Tartumaa RO ülema E. Millerti seletuste järgi.

⁸¹ «Töörahva Lipp» nr. 69, 12. 06. 65.

⁸² Sealsamas.

⁸³ Nii loodi Võrus 5. novembril 1940. a. 20-liikmeline miilitsa abistamise brigaad — väljavõte EK(b)P Võrumaa organisatsiooni aruande ja juhtivate organite valimiskoosoleku protokollist, EKP A, f. 1, 1, 40, l. 8—9.

⁸⁴ Valitsusasutuste tegevus 1938/39, Riigikantselei väljaanne, (Tln.) 1940 lk. 40.

ja poliitilise politsei soovitus, teiselt poolt sellega, et kohtuniku kohale võis kandideerida üksnes see, kellel oli kõrgem juriidiline haridus, kes oli 4 aastat kohtuametniku kandidaadina tegutsenud jne.⁸⁵

Kuni 1940. a. viimaste kuudeni säilis vabariigis põhiliselt vana kohtu- ja prokuratuurisüsteem. Ajavahemikul 22. 06. — 23. 07. 1940. a. vabastati ametist vaid 6 kohtunikku ja prokuröri; juuli-augustikuu jooksul likvideeriti õiguskantsleri ametikoht, vabastati Riigikohtu ja Kohtukoja esimehed, nende prokurörid ja 3 liiget; detsembrikuu jooksul vallandati 5 jaoskonnakohtunikku ja 2 ringkonnakohtu liiget «revolutsioonilise valvuse puudumise pärast võitluses spekulatsiooniga».⁸⁶ 23. oktoobril 1940. a. likvideeriti vana prokuratuur ning 3. detsembril kinnitas Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu linnade, maakondade ja Eesti Raudtee prokuröri.⁸⁷ Prokuröride kaader uuendati täielikult.

Kodanlik kohtusüsteem likvideeriti Eesti NSV ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi 16. novembri seadlusega, mille alusel loodi 75 rahvakohut, 4 ringkonnakohut ning Ülemkohus.⁸⁸ Rahvakaasistujad valiti ametiühingute ja teiste ühiskondlike organisatsioonide poolt 1940. a. detsembris.⁸⁹ Mis puutub kohtunike kaadrisse, siis kasutati suures ulatuses vana kaadrit, kelle ümberõpetamine toimus samaaegselt uute kaadrite ettevalmistamisega.⁹⁰ Nii korraldati juba 1940. a. vabariigis 2-kuulised juriidilised kursused, millest võttis osa 1600 inimest.

Täielikult likvideeriti kodanluseaegne reaktsiooniline kohtumenetlusala seadlusandlus ning koodeksid. Eesti NSV ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi seadlusega kehtestati Eesti NSV territooriumil ajutiselt Vene NFSV kriminaal-, tsiviilkoodeksid, tsiviil-

⁸⁵ Vt. lähemalt P. Vihalem, Valimised kodanlikus Eestis, Tln. 1963, lk. 131—138.

⁸⁶ Vt. RT 1940, art. 663, 784, 962—966, 1014. «Eesti NSV Teataja» 1940, art. 22, 304, 360—362, 378, 710—713, 856, 859, 930.

⁸⁷ «Eesti NSV Teataja» 1940, 31, 351.

⁸⁸ «Eesti NSV Teataja» 1940, nr. 523 ja «Eesti NSV Kohtu Rahvakomissari juhend seadluse rakendamiseks Rahvakohtunike ja rahvakohtute kaasistujate ajutise valimise ja ärakutsumise korra kohta» — «Eesti NSV Teataja» 1940, 64, 842.

A. Vask oma eespool nimetatud artiklis märgib, et moodustati 4 ringkonnakohut — Tallinn, Tartu, Viljandi ja Kuressaare. Ka dokumentide ja materjalide kogumikus — 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis, Tln. 1960, lk. 330 märkuses 2 on sama eksitav viga. Tegelikult moodustati Kuressaare ringkonnakohus alles 15. märtsil — «Eesti NSV Teataja» 1941, 31, 447, ning neljanda ringkonnakohtuna moodustati hoopis Rakvere ringkonnakohus.

⁸⁹ ENSV ORRKA, f. R-1019, nim. 1, s.-ü. 4, l. 207, 226 jj. Iga rahvakohtu koosseisu valiti 70 rahvakaasistujat, kokku seega 5250 rahvakaasistujat — «Kommunist» 1. veebr. 1941.

⁹⁰ Viljandi ringkonnakohtu koosseisus oli vaid üks uus liige; Tartu kõik jaoskonnakohtunikud jäid oma kohtadele kuni 1. I. 1941. a.; Tallinnas töötas rahvakohtunikenä 18 endist jaoskonnakohtunikku 20-st.

ja kriminaalprotsessi ning abielu, perekonna ja eestkoste koodeksid.⁹¹

Mis puutub nimetatud perioodi seadlusandluse, siis sellistel juhtudel, kui kasutatigi kodanluse poolt väljatöötatud sätete teksti, ei olnud siin tegemist mitte tegudega «seaduse» piires, vaid vastupidi: seni tööraha vastu kasutatud kodanlikku seadust kasutati nüüd töötajate huvides ekspluateerijate vastu. Kus aga osutus tarvilikuks, seal anti uued, revolutsioonilised seadused, mis ei tuginenud ei seni kehtinud põhiseadusel ega ka seadusandlusel. Seetõttu ei saagi kodanlike seaduste kasutamine proletariaadi poolt muuta teostatava diktatuuri iseloomu.

Samuti ei muuda endiste kodanlike riigiametnike säilimine riigiaparaadis selle perioodi riigivõimu olemust. Ilmnes see ju eriti selgelt presidendi nimetuse ja koha formaalses säilitamises kuni 23. juulini, ehkki reaalne võim võeti talt juba 21. juunil. Seda ühelt poolt, kuid teiselt poolt säilitab kodanlus ka pärast oma majanduslike ja poliitiliste juhtpositsioonide kaotamist rea eeliseid võitnud proletariaadi ees ja üks nendest — kogemused riigiasjade ajamisel.⁹² Seetõttu on proletariaadil kasulik teatud aega kasutada kodanlikku kaadrit oma riigiaparaadis, et oma ametnikke kasvatada.

Et vältida kodanluse vaenuliku tegevuse arendamist riigiaparaadis, kehtestati RKN-i määrusega kord, mille alusel võis riigiaparaadist vallandatud ametnikke uuesti tööle võtta üksnes RKN-i loal;⁹³ kesk- ja väikeametnike poolehoidu uuele võimule tõstis kahtlematult riigiametnike palkade tõstmine 10—30% võrra.⁹⁴

Tänapäeval, mil ajalooliste sündmuste käik on andnud meile rahvademokraatlike maade ja Kuuba näol veel terve rea konkreetseid näiteid kapitalismilt sotsialismile ülemineku teede ja vormide kohta, võime öelda, et igaüks neist tõi midagi uut sellesse küsimusse ning nende protsesside uurimine ja läbitöötamine on veel suures ulatuses lahendamata ülesanne.

⁹¹ «Eesti NSV Teataja» 1940, 73, 1007; 1941, 8, 92.

⁹² Vrd. V. I. L e n i n, Teosed, 27. kd., lk. 247.

⁹³ ENSV RKN määrus 15. okt. 1940 — «Eesti NSV Teataja» 1940.

⁹⁴ RT 99, 981 ja «Eesti NSV Teataja» 1940, 14, 136.

СЛОМ ЭСТОНСКОГО БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В РЕВОЛЮЦИИ 1940 ГОДА

Э.-Ю. Труувяли

Резюме

Твердо держа курс на мирное развитие революции, КП Эстонии и правительство И. Вареса широко использовали в ходе революции конституционные формы и старые законы для проведения революционных преобразований. Однако, проведение в жизнь этих старых законоположений находилось в руках новых людей — представителей трудящихся, и теперь они обратились своим острием против буржуазии.

С точки зрения такой тактики автор данной статьи стремится осветить некоторые до сих пор еще мало исследованные вопросы слома буржуазного и создания нового, социалистического государственного аппарата в Эстонии в период с 21 июня 1940 года по 1 января 1941 года.

Создание правительства И. Вареса и уничтожение авторитарной власти в Эстонии в условиях конкретной исторической обстановки и своеобразия социалистической революции 1940 года нужно считать началом слома буржуазной государственной машины. В связи с тем, что центральным органом стало правительство И. Вареса, политику которого направляла КП Эстонии, была использована вся полнота власти этого органа для уничтожения политической организованности буржуазии (были распущены правящая партия «Исамаалийт» и другие организации буржуазии), разоружения и роспуска наиболее влиятельной организации буржуазии — вооруженного «Кайтселийта». Была демократизована армия, уволено высшее военное командование и введен институт политических руководителей и комитетов военнослужащих в подразделениях. Были также уволены руководящие работники полиции, суда и других звеньев государственного аппарата и проведена его чистка от буржуазно-фашистских элементов. Тем самым во многих случаях сохранилась форма старой государственной машины, но новые кадры, начавшие осуществлять функции диктатуры пролетариата, дали ей новое, пролетарское содержание. Поскольку буржуазия была в результате динамики революционных событий дезориентирована и дезорганизована, то стало возможным массовое использование буржуазных кадров в новом государственном аппарате. Автор стремится показать как этому содействовал также факт, что зарплата основной массы чиновников буржуазного государственного аппарата в последний период диктатуры

буржуазии мало чем отличалась по размерам от зарплаты промышленных рабочих.

В ходе революции были созданы новые органы пролетарской власти (организация «Народная самозащита», переизбран состав Государственной думы и пр.).

Создание социалистического административного аппарата и изменения структуры прежних органов проводились в соответствии с возникающими в ходе революции новыми функциями государства. После принятия новой конституции было доведено до конца образование единой системы советских органов и даны, в соответствии с их пролетарским содержанием, новые формы (СНК, новая судебно-прокурорская система, органы милиции и т. д.).

Анализ процесса создания социалистической государственности в Эстонии подтверждает правильность ленинского указания о том, что в социалистической революции необходимо уметь правильно использовать все формы — и старые и новые, превращая их в оружие победы пролетариата.

О ПРИМЕНЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ К ПРОРАБОТКЕ ДАННЫХ О ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЕ

Канд. юрид. наук И. Сильдмяэ и канд. физ.-мат. наук Л. Выханду

Кафедра государственного и административного права и кафедра
вычислительной математики

Известно, что в каждой отрасли науки для исследования определенного объекта пользуются своими частными методами и приемами. С одной стороны, в традиционности этих методов много положительного, так как они позволяют целесообразно проработать изучаемый материал, сравнить и обобщить результаты и т. д. Но, с другой стороны, зачастую именно применяемые методы являются тем препятствием, которое ограничивает наши возможности. Так, например, в нашем распоряжении находится весьма богатый материал о феодальной ренте, о ее величине и динамике в Эстляндии в XVIII веке.¹ При изучении соответствующих проблем истории буржуазной Эстонии ограничивались методом, который базировался на отдельных примерах, случайно взятых из того или другого имения, относящихся к тому или другому десятилетию. Полученные таким образом выводы были поверхностны и ошибочны. Виновны в этом не сохранившиеся материалы, их неполнота, наличие в них ошибок и т. д., а крайне примитивный метод, использование которого могло лишь случайно дать некоторые верные выводы. Разнообразие действительного положения по имениям, которое отражалось в вакенбухах, авторы стремились объяснить противоречиями в данных, ошибками в них, подлогом и т. п. Отсюда стало традиционным отрицательное отношение к указанным архивным материалам и до последнего времени они лежали нетронутыми. Предпочитались данные иного, описательного характера. Совершенно очевидно, что налицо предпочтение одного метода другому — описания отдельных примеров математической проработке числовых данных.

Чтобы показать к чему может привести пренебрежение даже самыми элементарными математическими вычислениями при

¹ Статистические данные в виде одних только ревизионных вакенбухов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР, составляют более 40.000 листов полного формата.

изучении отработочной ренты, приведем несколько примеров из истории Эстонии. У историков буржуазной Эстонии выработалась традиция описывать размер феодальных повинностей применительно к гаковому или полугаковому крестьянскому двору.² Изучая, например, динамику повинностей полугакового крестьянского двора в том или другом столетии, авторы делали непосредственные выводы о размере барщины и об изменении его по отношению к непосредственному производителю. При этом указанные авторы не обременяли себя математикой даже настолько, чтобы выяснить, является ли постоянная или переменная величина. В действительности же экономические показатели, характеризующие как, как, например, численность трудоспособных людей, размер крестьянского посева и т. д. были в каждом имении различны и на протяжении столетий существенно изменялись. Поэтому, описывая повинности применительно к гаку, авторы описывали экономическое положение по отношению к изменяющейся величине без того, чтобы выявить происходящие в ней изменения. Естественно, что полученные таким образом выводы были ошибочны как в отношении абсолютного роста феодальных повинностей, так и в отношении их динамики. Ведь феодальные повинности соотносятся с гаком иначе, чем с численностью проживающих на гаке трудоспособных крестьян или с находящейся в их пользовании пахотной землей.³ Но важно проследить именно последние аспекты, так как мы имеем дело с земельной рентой, которую производили трудоспособные крестьяне.

Из вышеизложенного отнюдь не следует, будто в исторической трактовке не должно иметь места описание применительно к величине крестьянского двора — к гаку. Опираясь на соответствующие математические вычисления, эти описания должны отражать существенные показатели выразительно и правильно как по отношению к их величине, так и по отношению к дифференциации, динамике и т. д.

Весьма широкое распространение получила установка, будто возрастание барщинного труда неизбежно влечет за собой ограничение возможностей крестьян, сокращение их полей и т. д. Это, так сказать, интуитивный вывод, который на первый взгляд кажется логичным. Однако, подвергнув этот вывод более глубокому научному анализу, нетрудно доказать его ложность. Неизбежная обратная пропорциональная связь между прибавочным и необходимым рабочим временем существует лишь в случае, если продолжительность рабочего дня твердо установлена. Но при

² Термином «гак» обозначался размер крестьянского двора: гаковый двор, полугаковый двор, двор в четверть гака и т. д.

³ Соответствующие числовые данные приведены в нашей монографии «О динамике феодально-крепостнического производства и феодальной ренты в Эстляндии в XVIII веке», Уч. зап. ТГУ, вып. 122, Тарту, 1962.

феодалной ренте такой неизбежной связи между ними нет. При отработочной ренте производство имеет ту специфическую особенность, что прибавочный труд как во времени, так и в пространстве отделен от необходимого труда.⁴ Нередко он разграничен также между производителями работы. Если, например, в крестьянском дворе два трудоспособных мужчины, то они оба не ходят на барскую работу. Один отбывает регулярную барщину, а другой остается дома и работает на крестьянском поле. Таким образом, мы должны различать время, оставшееся после выполнения барщинной работы, от времени, использованного в крестьянском хозяйстве для создания необходимого продукта. Не все время, которое оставалось после выполнения барщины, все крестьяне использовали всегда с полной интенсивностью в собственном хозяйстве. Они могли использовать там его столько, сколько они имели пахотной земли. При этом в эпоху феодализма сумма прибавочного и необходимого рабочего времени имеет максимальный предел, зависящий, главным образом, от физического предела рабочей силы. Значение моральных пределов сравнительно незначительное. В имениях, где и до тех пор, пока этот максимальный предел не достигнут, могут возрастать параллельно как прибавочное, так и необходимое рабочее время. Может увеличиваться также интенсивность труда как на помещице, так и на крестьянском поле, а вместе с тем и прибавочный продукт и продукт, остающийся в распоряжении крестьянина. Ошибочный вывод, сделанный на основании сокращения времени, остающегося в распоряжении крестьянина — будто это сокращение должно неизбежно повлечь за собой ухудшение экономического положения крестьян — обусловлен ошибкой в методике. Ошибка эта заключается в предположении, будто результат определяется только одним условием. Но факторов, определяющих результат, то есть экономическое положение крестьян, несколько. Однако они остаются в тени первого фактора: возрастания времени барщинной работы — так что с первого взгляда мы их не «видим».⁵ Ниже постараемся показать, какую помощь в подобных случаях нам оказывает использование математических методов.

Вполне естественно, что при соприкосновении двух отраслей общественных наук, как это происходит при изучении феодалной ренты, соприкасаются и разные методики. При этом, одна должна дополнять другую. Ничто не может заменить живого выразительного описания событий и фактов действительности. Однако, даже самым лучшим описанием нельзя заменить глу-

⁴ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1963, стр. 248; В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 66.

⁵ Может быть, причиной ложного вывода отчасти является и формальное перенесение в условия феодализма той обратно пропорциональной связи, которая существует между отдельными частями рабочего дня при капитализме.

бокого экономического анализа. Роль математических методов в экономических исследованиях постоянно возрастает, и их применение должно содействовать также лучшему пониманию исторических вопросов.

Конечно, для выявления вышеуказанных элементарных ошибок и недостатков нет надобности применять сложные математические методы и электронную вычислительную машину. Но есть целый ряд других вопросов, в разрешении которых нужно применить математические методы. Производим мы при этом вычисления вручную или при помощи машины — положение в принципе не меняется. Однако совершенно очевидно, что применение математических методов с использованием электронной вычислительной машины значительно облегчает и ускоряет труд исследователя.

Но значение машины этим не ограничивается. Производя огромное количество математических действий, для совершения которых вручную понадобились бы целые месяцы или даже годы, мы имеем возможность на основе полученных результатов проникать в исследуемые явления гораздо глубже и шире, чем это обыкновенно делается.

Конечно, применение машины не умаляет значения человека-исследователя и не заменяет его на существенных стадиях исследования. Подбор материала, его подготовка для составления задачи, само составление задачи, осмысление полученных результатов, их описание и т. д. — все это должен выполнять сам исследователь. Именно от уровня выполнения этой работы зависят научный уровень и ценность результатов, полученных от электронной вычислительной машины.

Ниже приведем некоторые примеры примененных нами методов и результатов проработки данных феодальной ренты при помощи электронной вычислительной машины.

Прежде всего, нас интересовало выявление взаимных связей между экономическими показателями, характеризующими феодальную ренту в имениях Эстляндии. Вычисления мы произвели в одном случае с 12 показателями по 40 имениям, в другом случае с 22 показателями по 142 имениям. Конечно, это не является количественным пределом. Но даже при таком количестве данных можно определить, являлось ли число использованных объектов достаточным для получения выводов и какова достоверность полученных результатов.

В первом случае показателями служили:

- 1) помещичий посев ржи (в бочках);⁶
- 2) крестьянский посев ржи (в бочках);
- 3) количество крестьянских хозяйств в имении;

---

⁶ 1 бочка = 127 литрам = $\frac{3}{5}$ четверти.

- 4) количество трудоспособных мужчин в имении (т. е. мужчин в возрасте от 15 до 60 лет);
- 5) всего помещичьего и крестьянского посева ржи на трудоспособного мужчину (в бочках);
- 6) размер регулярной конной барщины по всему имению (количество дней в неделю за год);
- 7) размер регулярной пешей барщины по всему имению (количество дней в неделю за весенне-осенний период);
- 8) количество помещичьего посева ржи в бочках на один конный день, поставляемый круглый год (т. е. 1 : 6);
- 9) количество крестьянского посева ржи в бочках на каждый рабочий день трудоспособного мужчины в неделю, остающийся в распоряжении крестьянского двора после выполнения регулярной конной барщины;
- 10) число гаков в имении;
- 11) почвенные условия (лучшая или худшая почва);
- 12) количество трудоспособных мужчин на одно крестьянское хозяйство.

Данные были взяты из вакенбухов, составленных в имениях в 1803 году.⁷ Имения, взятые в основу вычислений, подобраны по известному признаку. Из рассматриваемых 40 имений в 15 имениях посев ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину превышал соответствующий поуездный средний показатель. В 9 имениях посев ржи на трудоспособного мужчину ниже среднего. А в 16 имениях посев ржи на трудоспособного мужчину колебался около поуездного среднего.

Чтобы облегчить ввод исходных данных в машину и упростить дальнейшие вычисления, была предпринята кодировка экономических показателей. Разность между крайними значениями каждого показателя была разделена на 9. Для каждого показателя было получено, таким образом, девять групп. Соответственно тому, в какую группу попало количественное значение показателя конкретного имения, оно было обозначено цифрами от 1 до 9. Если в данном имении какой-нибудь показатель отсутствовал, то это было обозначено цифрой 0. Качество почвы, включенное в состав показателей под номером 11, оценивалось по двухбалловой системе. Принадлежность имения к территории, где почвы были в общем более плодородны, было обозначено цифрой 2. Если же имение было расположено на менее плодородных землях, то это было обозначено цифрой 1. Конечно, такая оценка почв весьма неточна и была предпринята лишь как опыт.

Исходные данные были введены в электронную вычислительную машину «Урал-1». При помощи программы, составленной в

⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 864, оп. 1, д. 1-273.

лаборатории биофизики и электрофизиологии Тартуского государственного университета, были вычислены следующие характеристики:

- а) среднее арифметическое значение каждого показателя;
- б) стандартное отклонение каждого показателя;
- в) мера степени линейной зависимости между каждой парой показателей x и y — коэффициент корреляции r_{xy} ;
- г) количество имений, по которому этот коэффициент корреляции был найден (по некоторым имениям могут некоторые данные отсутствовать);
- д) величины, измеряющие степень зависимости между двумя показателями — корреляционные отношения η_{xy} и η_{yx} , показывающие соответственно, в какой мере изменчивость y описывает изменчивость x и, наоборот, — изменчивость x описывает изменчивость y .

Из общего количества результатов, найденных с помощью электронной вычислительной машины, приведем здесь лишь таблицу коэффициентов корреляций, измеряющих степень тесноты прямолинейных связей (см. табл. 1). Нелинейные связи, которые местами наблюдались, были столь слабы, что почти не оказали влияния на степень тесноты связей между показателями.

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1		893	877	869	-369	858	856	-251	-201	818	-125	247
2			844	848	-318	867	850	-345	-061	840	-178	267
3				927	-592	868	912	-435	-314	834	-274	138
4					-653	890	818	-490	-402	860	-298	388
5						-532	-413	604	682	-476	-511	-348
6							847	-644	-215	918	-430	291
7								-385	-214	843	-200	147
8									173	-557	721	-301
9										-229	081	-136
10											-365	306
11												-372

Примечание. С целью упрощения все коэффициенты корреляции в таблице увеличены в 1000 раз. Итак, число 893 нужно читать 0,893.

Данное примечание действительно также в отношении табл. 2.

При использовании данных 40 имений статистически достоверными считаются все связи, у которых $|r_{xy}| > 0,31^8$.

Знаком минус обозначены отрицательные корреляции, т. е.

⁸ Здесь и в дальнейшем за границу достоверности принимается 0,95.

такие, при которых возрастание одного показателя сопровождается уменьшением другого. При положительных корреляциях возрастание одного показателя влечет за собой также увеличение другого показателя.

Данные, приведенные в таблице, говорят о многом. Например, показатель № 5 (т. е. общее количество помещичьего и крестьянского посева ржи на трудоспособного мужчину) находится в отрицательной корреляции к показателям 1, 2, 3, 4 и т. д. Особенно значительна отрицательная корреляция с показателями 3 и 4 (т. е. с количеством крестьянских дворов и количеством трудоспособных мужчин). Это означает, что в крупных имениях, где больше крестьянских дворов и больше трудоспособных мужчин, посевы в расчете на трудоспособного мужчину меньше. И наоборот. Конечно, полученные числа отражают среднюю тенденцию, от которой смотря по имениям могут быть отклонения. Изучая конкретные данные, мы видим, что имелись отдельные крупные имения, где посевы в расчете на трудоспособного мужчину были сравнительно высоки, и мелкие имения с относительно низкими посевами.

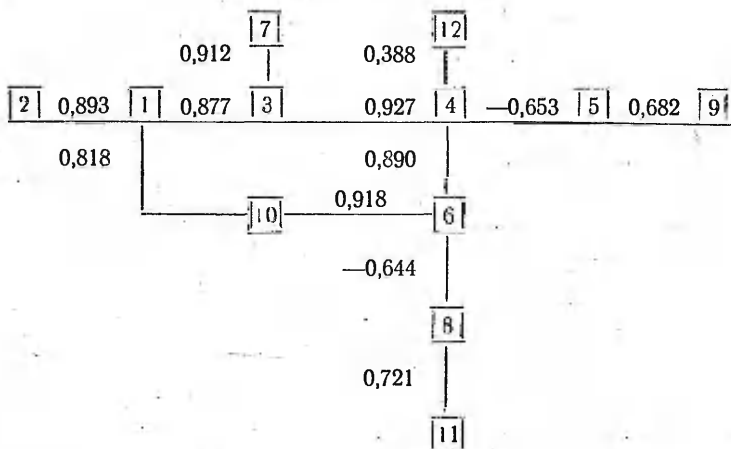
Характерным является и то, что отрицательная корреляция показателя № 5 значительно меньше к показателям № 1 и № 2 (посевы), чем к показателям № 3 и № 4. Ведь в мелких имениях посевы в расчете на одного трудоспособного мужчину были в среднем больше. Мы можем сказать, что посев на трудоспособного мужчину теснее связан с количеством трудоспособных мужчин в имении и с количеством крестьянских хозяйств, чем с размером помещичьих и крестьянских посевов.

Обстоятельство, что показатель № 5 находится в положительной корреляции к показателю № 11 (+0,511), позволяет сделать вывод, что более значительные посевы в расчете на трудоспособного мужчину были связаны также с более плодородными почвами.

Возникает вопрос, находится ли один или другой показатель с третьим, четвертым и т. д. показателем в непосредственной связи или эта связь опосредованна другими показателями? Чтобы ответить на подобные вопросы, изобразим связи между приведенными в корреляционной таблице показателями графически. С этой целью все рассматриваемые показатели были объединены в одну систему таким образом, чтобы сумма абсолютных значений коэффициентов корреляций между входящими в систему показателями была максимальной.⁹

Полученная схема дает основу для дальнейшего изучения связей, существующих между показателями.

⁹ Описание алгоритма было бы для составления такой схемы слишком длительным. Читатель может ознакомиться с данным вопросом более подробно в статье Л. К. Выханду, Об исследовании многопризнаковых биологических схем, в сб.: Применение математических методов в биологии, ЛГУ.

Центральное место на схеме занимает показатель № 4 (количество трудоспособных мужчин в имении). При имеющихся в данном случае корреляциях каждый математик, безусловно, даст такую схему, без того, чтобы он знал, что мы обозначаем номером 4. Но в этой системе показатель № 4 является действительно центральным показателем, потому что мы изучаем феодальную земельную ренту, при которой количество работающих в имении трудоспособных мужчин имеет определяющее значение.

Схема позволяет нам легко выявить результаты, связанные с устранением влияния той или другой переменной. Например, нам желательно исключить из связи между показателями № 6 и № 5 влияние показателя № 4, то есть определить, каким образом при постоянном количестве трудоспособных людей в имении связаны между собой, размер барщины и общий размер посева ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину. В таком случае мы можем прибегнуть к приему т. н. частной корреляции:

$$r_{ij.k} = \frac{r_{ij} - r_{ik} \cdot r_{jk}}{\sqrt{(1 - r_{ik}^2)(1 - r_{jk}^2)}}$$

Коэффициент частной корреляции $r_{ij.k}$ показывает, как тесна связь между переменными i и j после элиминации влияния изменения переменной k . Например:

$$r_{5,6.4} = \frac{-0,532 - (-0,653) \cdot 0,890}{0,757 \cdot 0,456} = 0,132$$

Что означает полученный результат? Он показывает, что корреляция между показателями № 5 и № 6 ($-0,532$) зависит именно от влияния, оказываемого изменением количества трудоспособных мужчин. Это обусловлено тем, что увеличение коли-

чества трудоспособных мужчин влечет за собой увеличение барщины (абсолютно) и уменьшение посевов в расчете на одного трудоспособного мужчину в соответствующей корреляции. Таким образом, мы можем определить не только то, что изменение показателя № 4 влияет на корреляцию между показателями № 6 и № 5, но и то, что изменение показателя № 4 воздействует также на степень и направление этого влияния. В ряде случаев весьма существенно определить, каково значение третьего, четвертого и т. д. показателей в отношении между двумя данными показателями.

Интересно отметить, что устранив из связи между показателями № 5 и № 3 влияние показателя № 4, получим $r_{3,5.4} = 0,046$. Другими словами, при постоянном количестве трудоспособных мужчин в имении общий размер посева на трудоспособного мужчину не зависит от количества крестьянских хозяйств в имении. Или, иначе говоря, определяющим фактором является опять-таки количество трудоспособных мужчин.

Выше было отмечено, что посев в расчете на одного трудоспособного мужчину теснее связан с количеством трудоспособных мужчин в имении и количеством крестьянских хозяйств, чем с размером крестьянских и помещичьих посевов. Элиминируем теперь из коэффициента корреляции $r_{4,5}$ размер помещичьего посева (показатель № 1). Высчитав соответствующий коэффициент частичной корреляции, находим, что $r_{4,5.1} = -0,722$. Как видно, при постоянном размере помещичьего посева связь между показателями № 4 и № 5 становится даже более тесной. Это означает, что производительность труда в имениях различна, она зависит от количества трудоспособных мужчин в имении и от различного размера посевов.

Чтобы проверить в отношении всех ли имений действительны явления, обнаруженные на материале описанных 40 имений, мы проработали дополнительно данные 142 имений.

Нами были выбраны следующие показатели.

I группа

Абсолютные данные.

1. Помещичий посев ржи (в бочках).
2. Крестьянский посев ржи (в бочках).
3. Количество крестьянских хозяйств в имении.
4. Количество трудоспособных мужчин в имении.
5. Количество гаков в имении.
6. Зерновая повинность крестьян (рожь, ячмень, овес — в бочках).
7. Размер регулярной конной барщины по всему имению (количество дней в неделю за год).
8. Размер регулярной пешей барщины по всему

имению (количество дней в неделю за весенне-осенний период).

II группа

Данные в расчете на одного трудоспособного мужчину:

9. Помещичий посев ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину (в бочках).
10. Крестьянский посев ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину (в бочках).
11. Всего помещичьего и крестьянского посева ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину (в бочках).
12. Регулярная конная барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину (количество дней в неделю за год).
13. Регулярная пешая барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину (количество дней в неделю за весенне-осенний период).
14. Зерновая повинность крестьян в расчете на одного трудоспособного мужчину (в бочках).

III группа

Данные в расчете на одну бочку крестьянского посева ржи.

15. Помещичий посев ржи в расчете на одну бочку крестьянского посева ржи.
16. Регулярная конная барщина в расчете на одну бочку крестьянского посева ржи (количество дней в неделю за год).
17. Регулярная пешая барщина в расчете на одну бочку крестьянского посева ржи (количество дней в неделю за весенне-осенний период).

IV группа

Данные в расчете на один гак.

18. Помещичий посев ржи в расчете на один гак (в бочках).
19. Крестьянский посев ржи в расчете на один гак (в бочках).
20. Количество трудоспособных мужчин в расчете на один гак.

V группа

Разные данные.

21. Крестьянский посев ржи (в бочках) в расчете на одну бочку помещичьего посева ржи.
22. Количество трудоспособных мужчин в расчете на одно крестьянское хозяйство.
23. Ряд случайных чисел (включен в целях сравнения).

Проработав данные 142 имений точно так же, как и в первом случае, мы получим матрицу, состоящую из 23×142 чисел. Для проработки такой матрицы электронной вычислительной машине «Урал-1» требуется примерно 7—8 часов (около 1,5 мил. действий).

Может встать вопрос, нужно ли вообще вычисление всех корреляций между 23 показателями? Не напрасный ли этот труд? И какую пользу в настоящем случае исследователь получит от этого огромного количества математических действий?

На наш взгляд, подобный труд нужен. При ручных вычислениях мы не производим всего того потому, что для выявления существенного мы считаем обыкновенно достаточным ограничиться меньшим количеством вычислений. Но всегда ли это так?

Приведем ниже несколько примеров из того громадного запаса возможностей, который представляет таблица полученных корреляций.

Корреляции между показателями приведены в таблице 2.

Абсолютные данные (1—8) находятся в весьма тесной взаимной положительной корреляции, что вполне естественно.

Подавляющее большинство показателей, приведенных в расчете на одного трудоспособного мужчину (9—14), находится в отрицательной корреляции к абсолютным числам (1—8). Самая большая отрицательная корреляция существует между абсолютным количеством трудоспособных мужчин (показатель № 4) и показателями, приведенными в расчете на одного трудоспособного мужчину. Это означает, что при возрастании числа трудоспособных мужчин (т. е. в крупных имениях) экономические показатели в расчете на одного трудоспособного мужчину в среднем меньше, чем в мелких имениях.

Почему же в крупных имениях в большинстве случаев экономические показатели в расчете на одного трудоспособного мужчину в среднем ниже, чем в мелких имениях?

Такое явление обусловлено целым рядом экономических факторов.

Прежде всего отметим, что в мелких имениях момент экономического принуждения был в среднем сильнее, чем в крупных имениях. Ведь в мелких имениях крестьянские посеы в расчете на одного трудоспособного мужчину (показатель № 10) больше, чем в крупных имениях (отрицательная корреляция между показателями № 10 и № 3, а также между № 10 и № 4). Изучение данных по отдельным имениям показывает, что крестьянские посеы ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину достигали в мелких имениях местами до трех бочек. Между тем, во многих крупных имениях крестьянские посеы ржи в расчете на одного трудоспособного мужчину едва достигали 1,5 бочек.

Конечно, имелись также единичные мелкие имения с мелкими

Абсолютные данные								В расчете на одного трудоспособного мужчину				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1000												
1	825	813	816	826	731	821	805	-126	-103	-148	-182	-158
2		770	810	837	819	825	803	-324	104	-130	-154	-154
3			890	776	684	809	808	-327	-261	-351	-268	-206
4				836	711	873	812	-378	-323	-432	-298	-171
5					824	889	835	-301	-119	-252	-076	-158
6						759	661	-253	053	-126	-102	-191
7							875	-355	-176	-327	-024	-129
8								-314	-122	-265	-117	098
9									449	816	367	397
10										856	515	471
11											509	512
12												580
13												
14												
15												
16												
17												
18												
19												
20												
21												
22												

Примечание. При использовании данных 142 имений статистически достоверными считаются связи, при которых $|r_{xy}| < 0,200$.

и крупные имения с крупными крестьянскими посевами в расчете на одного трудоспособного мужчину. Но, как показывает корреляционная таблица, в Эстляндии на рубеже XVIII и XIX веков крестьянские посеы в расчете на одного трудоспособного мужчину были в мелких имениях в общем больше, чем в крупных.

Особенно важным является при этом обстоятельство, что размеры крестьянских и помещичьих посевов во многом зависят друг от друга. Где один был больше, там в большинстве случаев и другой был больше не только абсолютно, но и в расчете на трудоспособного мужчину. Из корреляционной таблицы мы видим, что посеы на помещичьей и крестьянской пашне в расчете на одного трудоспособного мужчину (показатели № 9 и № 10) находятся между собой в положительной корреляции (+0,449). Это показывает, что расширение помещичьей запашки в расчете на одного трудоспособного мужчину сопровождалось не сокращением, а расширением крестьянской запашки. Конечно,

Таблица 2

14	В расчете на 1 бочку крест. посева р ж и			В расчете на 1 гак			Прочие показатели		
	15	16	17	18	19	20	21	22	23
018	-089	-029	-054	-066	-026	022	-113	110	002
171	-460	-209	-234	-283	134	037	315	204	042
-060	-182	042	024	-207	-091	138	082	-008	061
-139	-220	074	008	-242	-094	186	137	239	037
129	-276	088	-045	-377	-252	-170	147	206	038
452	-297	-077	-219	-279	-080	-112	186	170	-001
-001	-287	229	049	-342	-277	-041	153	204	074
-044	307	077	228	288	-052	004	123	132	065
195	672	-134	-020	683	112	313	-549	-305	055
540	-259	-481	-391	100	406	-468	-206	195	-010
460	216	-389	-260	436	310	-480	-164	-285	035
307	-002	427	145	-184	-295	-704	-114	-085	-026
141	034	104	556	014	-040	-454	-146	-292	-050
	-173	-174	-308	-115	-015	-457	134	-031	088
		221	274	648	-231	010	-753	-274	071
			590	-315	-706	-248	-347	-040	-016
				050	-371	-017	-323	-167	035
					488	321	-475	-188	073
						484	292	-009	070
							128	159	074
								244	-062
									-093

и здесь существовал известный предел. Дальнейшее увеличение помещичьих посевов в расчете на одного трудоспособного мужчину должно было необходимо повлечь за собой сокращение крестьянских посевов. Но это один из признаков кризиса феодально-крепостнического производства, который обнаружился лишь в конце XVIII века. В имениях, имевших самые высокие посева, помещичий и крестьянский посева в расчете на одного трудоспособного мужчину достигли в сумме 5 бочек. Указанные имения достигли предела производственных возможностей того времени или приближались к нему. Мы знаем и из практики других территорий, что только в редких случаях, и это лишь при хороших почвенных условиях, посев в барщинных имениях превышал этот уровень.¹⁰ В более северных же районах ве-

¹⁰ Г. Н. Бибииков, Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX вв., «Исторические записки», 1938, № 4.

личина посева на одного человека была обыкновенно гораздо меньше. В крупных имениях, наоборот, помещичий и крестьянский посевы в целом в расчете на одного трудоспособного мужчину даже на рубеже столетий едва достигали половины этого уровня.

Обстоятельство, что с возрастанием помещичьих посевов на рубеже XVIII и XIX веков только в части имений имело место сокращение крестьянского посева, отражается в результатах вычислений. Разное направление, наблюдающееся в изменениях показателей указанных имений, проявляется в нелинейности связей. Степень тесноты линейной связи между показателями № 9 и № 10 составляет 0,449. Лента показывает, что в то же время степенью тесноты нелинейных связей является $\eta_{9,10}=0,487$ и $\eta_{10,9}=0,569$. Как видно из соответствующего текста¹¹, $\eta_{10,9}$ является статистически существенным, т. е. мы имеем дело с нелинейной связью между показателями № 9 и № 10. Но поскольку нелинейность незначительна (превышает как раз уровень существенности), то из этого следует, что удельный вес данных имений был даже на рубеже столетий еще очень мал.

Положительная корреляция между крестьянским посевом, приходившимся на одного трудоспособного мужчину (показатель № 10), и всем посевом (помещичий и крестьянский посевы в целом), то есть показателем № 11 (+0,856), еще больше, чем между показателями № 9 и № 10 (+0,449). Этим подтверждается наше высказывание о том, что возрастание всего посева (т. е. помещичьего и крестьянского посевов вместе) не связано с сокращением крестьянского посева, а в подавляющем большинстве случаев с его возрастанием в расчете на одного трудоспособного мужчину.

Противоположное утверждение, что возрастание помещичьего посева, а тем самым и барщины, необходимо влечет за собой сокращение крестьянского посева, основывается на предположении, будто барщинное время является преимущественным фактором, определяющим возможности крестьянина, и будто при возрастании барщины уменьшение остающегося в распоряжении крестьянина времени неизбежно приводит к сокращению крестьянского посева. Но мы видим, что показатели № 9, № 10 и № 11 находятся с показателем № 12 (регулярная конная барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину) и с показателем № 13 (регулярная пешая барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину) не в отрицательной, а в положительной связи.

Таким образом, рост конной и пешей барщины сопровождается не сокращением крестьянских посевов в расчете на одного трудоспособного мужчину, а расширением его.

¹¹ Д. Ю л и М. Кендел. Теория статистики, М., 1960.

Что же является тем фактором, который несмотря на сужение возможностей крестьянина при возрастании барщинной повинности во временном отношении, вызывает увеличение крестьянских посевов в расчете на одного трудоспособного мужчину?

Этим фактором является имеющаяся у крестьянина земельная возможность одновременно с возрастанием барщины расширять свою запашку (экономическое принуждение). Уже в далекие времена помещики при наложении повинностей на крестьян исходили из размера крестьянского посева. Хотя величина крестьянских посевов и повинностей претерпевает на протяжении веков разные изменения, но связь между размером земли (посевом), находящейся в пользовании крестьянина, и размером выполняемых им повинностей всегда существовала. Лишь разные служебные лица в имениях — мельники, корчмари и т. д. — облагались иначе.

О связи между крестьянским посевом и повинностями как об общезвестном факте говорится в хозяйственном справочнике, вышедшем в конце XVII века несколькими изданиями. В нем прямо указывается, что крестьянин обязан отбывать у помещика барщину соответственно величине своего посева.¹² И более чем сто лет спустя крестьянский закон 1804 года утверждает снова, будто уже с древних времен установился принцип, что крепостной крестьянин справляет барщину в соответствии с размером своего посева. Таким образом установилась историческая традиция: размер феодальной ренты определялся по экономическому состоянию крестьянина. В Эстляндии одним из основных показателей экономического состояния крестьянина был размер посева. Мы имеем дело с рентой за землю, т. е. с земельной рентой. Характеризуя основные черты барщинного хозяйства, В. И. Ленин отмечает весьма метко: «Надел» крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям) или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками.¹³ Размер натуральной оплаты труда крестьянина был в Эстляндии традиционно связан с размером барщины. Каждое имение могло иметь свое традиционное соотношение. На протяжении XVIII века это соотношение в некоторой мере изменилось, но сущность его сохранилась, то есть за большее количество барщинного труда крестьянин получал большую натуральную оплату труда и наоборот.¹⁴

¹² Der getreue Amt-Mann oder Unterricht eines guten Haushalters, Riga, 1696, стр. 5.

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158.

¹⁴ Крестьянское землевладение не было в Эстляндии общинным.

Именно возникновение у крестьянина возможности расширять свою запашку в связи с ростом барщины побуждает его применить все имеющиеся у него резервы рабочей силы (труд престарелых и детей, чрезмерное удлинение рабочего дня) и максимально повысить интенсивность труда, чтобы только справиться с работой на «собственном», то есть на крестьянском поле. Конечно, этого интереса к расширению крестьянской запашки не следует переоценивать. Но его нельзя также игнорировать. К. Маркс неоднократно подчеркивал значение материальной заинтересованности производителя. При феодальном способе производства, когда вся земля принадлежала феодалам и крестьянин пользовался лишь частью этой земли для производства средств к существованию, взаимоотношения между владельцем земли и производителями основывались как на экономическом, так и на внеэкономическом принуждении. Заинтересованность производителя в результатах одной части производства, собственного производства, отличает феодальный способ производства от рабовладельческого. Степень заинтересованности производителя, а также бóльшая и мёньшая возможность реализации этой заинтересованности являются факторами, воздействующими на темпы развития феодального производства и на использование его внутренних резервов. Не только при смене одной формы феодальной ренты другой, более прогрессивной (отработочная рента, рента продуктами, денежная рента), но и в пределах одной и той же формы ренты заинтересованность крестьянина и возможность реализации этой заинтересованности имеют различные оттенки и подвергаются изменениям. При неизменности внешних условий эти возможности в общем наиболее ограничены при отработочной ренте. Значение мер внеэкономического принуждения здесь обыкновенно больше, чем при других формах ренты. Но и при отработочной ренте, особенно когда продукт производится не только для надобностей собственного натурального хозяйства, но и на рынок, возможности крестьян являются возрастающими, развивающимися. Там, где эти возможности применяются в большей мере, они содействуют росту производительности общественного труда.

Интересно отметить, что с точки зрения посевов — пахотной земли — условия ренты были наиболее благоприятны для крестьянина в тех имениях, где крестьянские посевы в расчете на одного трудоспособного мужчину были больше. Возрастание крестьянского посева в расчете на одного трудоспособного мужчину в преобладающем большинстве случаев влечет за собой уменьшение помещичьего посева, а еще больше — уменьшение конной и пешей барщины в расчете на одну бочку крестьянского посева. Показатель № 10 находится в отрицательной корреляции к показателям № 15, 16 и 17.

Таким образом, достижение сравнительно высокого уровня

производства зерна в части эстляндских имений на рубеже XVIII и XIX веков было в первую очередь обусловлено тем, что в указанных имениях экономические условия крестьян и условия ренты были лучше. Здесь сильное внеэкономическое принуждение сочеталось с значительным экономическим принуждением, давая в итоге более высокий общий уровень производительности.

В имениях, которые отставали по уровню производства зерна, условия для крестьян были хуже и помещичий посев в расчете на одного трудоспособного мужчину был тоже значительно меньше. Такое различие между имениями свидетельствует о весьма существенном значении экономического принуждения в барщинных имениях уже в период феодализма.

А почему наряду с внеэкономическим принуждением не во всех имениях одинаково применялось и экономическое принуждение? Почему крупные имения отставали от мелких по производству зерна?

Положение, господствовавшее в крупных имениях Эстляндии, полностью объясняется словами Энгельса, высказанными по поводу удаления крестьян с их земель в XVIII веке на территориях к востоку от Эльбы: «Господский доминиум не был достаточно велик, чтобы поглотить весь труд, который еще можно было выколотить из крепостных — в данном случае выколотить в буквальном смысле слова».¹⁵

Как только расширение господской запашки по той или иной причине замедляется или приостанавливается, нет больше земельного стимула, чтобы поглотить всю работу, которую можно было бы выколотить из крестьян. Если барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину не возрастает, то нет и повода к расширению крестьянской запашки. Подобные остановки в расширении господской запашки в Эстляндии в XVIII веке были самым тесным образом связаны со скотоводством. Для удобрения полей в крупных имениях был нужен рогатый скот, численностью в несколько сот голов, а для обработки полей соответствующий рабочий скот. Но, как известно, в XVIII веке частыми явлениями были эпизоотии, которые особенно сильно поражали крупные имения, где уход за скотом был слабее. Нередко от эпизоотии погибала большая часть помещичьего скота и рабочего скота крестьян. Восстановление скота в крупных имениях было гораздо труднее и требовало больше времени, чем в мелких. В указанные периоды восстановления скота расширение помещичьей запашки замедлялось или останавливалось, ибо общим признанием пользовалось в то время правило, что целесообразнее хорошо обработать меньшее количество пашни, чем высеять много на плохо обработанной и удобренной земле.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, 1961, стр. 251.

Такие периоды упадка были в мелких имениях менее продолжительны, чем в крупных, и переживались мелкими имениями легче, чем крупными. В крупных имениях встречались также затруднения при заготовке сена для скота численностью в несколько сот голов. При заготовке сена с естественных лугов потребовались обширные сенокосы.¹⁶

Факт наличия мелких имений, в которых посев в расчете на одного трудоспособного мужчину был низок, и крупных имений, в которых он был высок, свидетельствует о том, что приведенная связь не везде необходима. Но для Эстляндии конца XVIII века типичным явлением было то, что в области производства зерна производительность труда была в крупных имениях в общем ниже, чем в средних и мелких имениях.

Вдобавок к различиям по имениям, имелись различия в положении по группам крестьянских дворов разной величины. Этого вопроса мы в рамках настоящей статьи подробнее касаться не можем.¹⁷

Из корреляционной таблицы видно, что помещичий посев, крестьянский посев и количество трудоспособных мужчин в расчете на один гак (показатели № 18, 19, 20) не очень зависят от абсолютных величин (показатели № 1—8). Самой значительной является их отрицательная корреляция к числу гаков имения (показатель № 5). Но большей является отрицательная корреляция ($-0,704$) между показателями № 12 и № 20. Чем больше количество трудоспособных мужчин, проживающих на гаке земли (№ 20), тем меньше конная барщина в расчете на одного трудоспособного мужчину (№ 12), меньше также пешая барщина (№ 13) и зерновая повинность (№ 14). Это доказывает, что даже в одном и том же году гак по своим экономическим показателям в разных имениях не был неизменной величиной. На много больше были эти изменения на протяжении столетия, и поэтому исследователи, которые при изучении феодальных повинностей исходили из предпосылки, что гак является постоянной неизменной величиной, должны были невольно придти к ошибочным выводам.

Среднее число трудоспособных мужчин крестьянского хозяйства (показатель № 22) не зависит существенно ни от одного из абсолютных показателей. Самой большой является положитель-

---

¹⁶ Необходимой нормой для удобрения пара считалось наличие двух голов крупного рогатого скота (коров, быков) на одну бочку посева ржи и 3—4 возов сена на зимний корм одной голове крупного рогатого скота. Таким образом, мнению, имевшему посев ржи в 200 бочек, нужно было запастись по крайней мере 1200—1600 возов сена только на корм коровам и быкам, не считая корма для лошадей, молодняка, мелкого скота.

¹⁷ Эта проблема рассматривается в монографии И. Сильдмяз, О динамике феодально-крепостнического производства и феодальной ренты в Эстляндии в XVIII веке, Уч. зап. ТГУ, вып. 122, Тарту, 1962.

ная корреляция между показателями № 22 и № 4 (+0,239), что позволяет заключить, что крестьянские дворы были по числу трудоспособных мужчин в крупных имениях иногда больше, чем в мелких.

Числа, выбранные из ряда случайных чисел (показатель № 23), не имеют практически никаких связей с остальными показателями, что вполне естественно (корреляция не выше 0,093, в то время как статистически достоверным считается связь, при которой $r > 0,200$).

Ограничимся приведенными выше примерами, хотя они и представляют собой лишь незначительную часть возможностей, предлагаемых нам данными ленты, корреляционной таблицы и составленной на ее основе схемой.

Если составить такие же корреляционные таблицы относительно первой половины и середины XVIII века, а также дифференцированно по хозяйственным группам крестьянских дворов, то нам станет ясной динамика всех этих показателей как на протяжении всего столетия, так и по отдельным хозяйственным группам крестьянских дворов. Это позволит сделать подробные и достаточно точные выводы о многих сторонах развития феодальной ренты в Эстляндии в XVIII веке.

Так как вопрос о феодально-крепостническом производстве и о динамике феодальной ренты в Эстляндии в XVIII веке был проработан нами раньше по иному методу, то дополнительное применение рассмотренного в настоящей статье метода дает известное сравнительное представление не только о характере и объеме проделанной работы, но и о ее результатах. Результаты-выводы обоих методов во всех основных вопросах идентичны.

Применение математических методов при изучении настоящей проблемы подтверждает, что в XVIII веке в Эстляндии между показателями феодальной ренты и их динамикой имелась определенная систематическая связь. Случайность и произвол не были единовластными. Весьма важное значение имеет историческая традиция¹⁸ и ее закономерная динамика в период интенсивного развития товарно-денежных отношений, каковым для Эстляндии являлся XVIII век.

Конкретные значения отдельных показателей, входящих в общую систему экономических показателей каждого имения, образуются в результате совместного действия разных механизмов экономического влияния. Как пример такого механизма можно привести общий экономический потенциал имения в отношении рабочей силы, пахотной земли и посевов, большей или меньшей степени применения экономического принуждения, производительности труда и т. д. Применяя

¹⁸ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 806.

специальный математический метод исследования, так называемый факторный анализ, нам удалось специфицировать главные экономические механизмы, воздействовавшие на экономические показатели, и охарактеризовать по конкретным имениям значение каждого из них в общем ходе развития производительных сил и производственных отношений. С конкретными результатами и с примененной методикой читатель может ознакомиться в следующей статье.

Уже из настоящего короткого обзора ясно, что применение математических методов исследования не сводится к изучению разных средних показателей, а ставит своей целью, в первую очередь, выявление сложных связей между явлениями. Хотя и выдвигается общее, но разнообразие действительной жизни тоже не остается на заднем плане. Проблемы взаимной диалектики, общего и частного находят здесь целесообразное разрешение.

Каждое имение со своими особыми условиями и экономическими результатами является конкретным выражением взаимоотношений господствовавших в то время и находившихся в постоянном развитии производительных сил и производственных отношений. Диалектический материализм учит, что явления находятся в мире во взаимной связи и зависимости. Показатели, характеризующие экономическое положение имений, находятся также во взаимосвязи. Чтобы лучше понять связь между экономическими показателями единичного имения, нам необходимо в первую очередь установить, какие типы связей между показателями являются общими, то есть свойственными всем имениям, после чего можно вернуться к изучению экономических показателей отдельного имения. Подобный путь анализа — от частного к общему и обратно к частному — дает несравненно больше, чем изучение только частного. В этом деле нам существенно помогает применение электронной вычислительной машины. При этом применение математических методов не самоцель. Они применяются лишь как хорошо проверенное в человеческой практике средство абстрагирования. Математический анализ — это всего лишь одна из ступеней в прогрессе познания истины. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное — от истины, а подходит к ней», писал В. И. Ленин. «... все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее».¹⁸ Объединение указанных ступеней и всесторонний анализ явлений остается, естественно, делом исследователя каждой специальной науки.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 161.

MATEMAATILISTE MEETODITE KASUTAMISEST FEODAALSE MAARENDI ANDMETE LÄBITÖÖTAMISEL

I. Sildmäe ja L. Võhandu

Resümee

Võttes aluseks 1803. a. vakuraamatutes leiduvad andmed feodaalse maarendi suuruse kohta on elektronarvutil ühel juhul läbi töötatud 40 mõisa näitajad, teisel juhul 142 mõisa näitajad. Arvutati: iga näitaja keskväärtnus, iga näitaja standardhälve, iga kahe näitaja x ja y vahelise lineaarse seostatuse tugevuse mõõt — korrelatsioonikordaja r_{xy} , mõisate arv, mille kohta see korrelatsioonikordaja leiti (mõne mõisa kohta võib ju andmeid puududa), iga kahe näitaja vahelise võimaliku mittelineaarse seose tugevust mõõtvad suurused — korrelatsioonisuhted η_{xy} ja η_{yx} , mis näitavad vastavalt, kui hästi y varieeruvus kirjeldab x varieeruvust ja vastupidi.

Saadud korrelatsioonid on kujutatud ka graafiliselt. Selleks ühendati kõik vaadeldud näitajad ühtsesse süsteemi, nii et skeemi kuuluvate näitajate vaheliste korrelatsioonikordajate absoluutväärtuste summa oleks maksimaalne. See võimaldab selgitada, kas üks või teine näitaja on kolmanda, neljanda jne. näitajaga otseselt või teiste näitajate kaudu seotud.

Skeem võimaldab ka saada tulemusi, mis on seotud ühe või teise muutuja mõju elimineerimisega. Selleks arvutasime osakorrelatsioonikordajad vastavate näitajate vahel.

Iga mõisa majanduslike näitajate süsteemi kuuluvate üksikute näitajate konkreetset väärtused tekivad mitmesuguste majanduslike mõjumehhanismide koosmõju tulemusena. Spetsiaalset matemaatilist uurimismeetodit, nn. faktoranalüüsi kasutades õnnestus meil eristada toleaegete mõisate majanduslike näitajate üle valitsenud peamised majanduslikud mehhanismid.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ ЭСТОНСКОЙ ССР

Канд. юрид. наук Э. Я. Лаасик

Кафедра гражданского права и процесса

В новом гражданском кодексе ЭССР отношениям по найму жилого помещения посвящена специальная глава, которая в ранее действовавшем кодексе отсутствовала. Вследствие неточности правового регулирования и разбросанности нормативного материала многие важные вопросы жилищного найма в литературе и в практике толковались по-разному. К таким вопросам, в частности, относится и вопрос о возникновении самого жилищного правоотношения. Рассмотрению этого сложнейшего вопроса в гражданском праве по новому законодательству и посвящается настоящая статья.

1. Прежде, чем приступить к анализу нового законодательства, необходим краткий обзор состояния научной разработки данного вопроса.

Разрешению проблемы возникновения жилищного правоотношения в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций посвящено множество журнальных статей¹ и монографических исследований². Издано

---

¹ И. Б. Марткович, Основания возникновения правоотношений постоянного пользования жилыми помещениями, Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, вып. 3., Иркутск, 1957, т. XXII; Ю. С. Васильев, Договор, как основание возникновения жилищных прав и обязанностей граждан, Уч. зап. ВЮЗИ, вып. X, Вопросы гражданского права, 1960; Ю. Г. Басин, Основания возникновения и юридическая характеристика жилищных прав граждан, Уч. зап. Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, т. XLIX, сер. юрид., вып. 6, Алма-Ата, 1960; И. И. Ларкин, Об оформлении жилищных правоотношений, «Советское государство и право», 1960, № 9; Н. А. Нечецкий, Значение договора жилищного найма, Уч. зап. Саратовского юридического института, вып. V, 1957; М. Г. Гуревич, Основания возникновения жилищного правоотношения, Уч. зап. Пермского гос. университета им. А. М. Горького, т. 19, вып. 4, Юридические науки, Пермь, 1961 и др.

² С. И. Аскназий, Советское жилищное право, М., 1940; С. И. Аскназий, И. А. Брауде, А. И. Пергамент, Жилищное право, М., 1956;

много брошюр³ в популярном стиле. Обобщалась судебная практика.⁴ Написаны ряд кандидатских диссертаций⁵ и даже одна докторская диссертация.⁶ Высказывались научные работники и практики. Однако единого мнения по этому вопросу не достигнуто.

По поводу того, что является юридическим фактом, порождающим жилищное правоотношение, высказано три основных точки зрения. Первую из них можно назвать «теорией ордера», высказанную С. И. Аскназием в 1940 г.⁷, от которой он сам позже отказался.⁸ В настоящее время эту точку зрения защищает Ю. Г. Басин. Он пишет: «Утверждение некоторых авторов о том, что административный акт наделяет ордеродержателя правом требовать заключения договора, а квартира предоставляется уже по договору — противоречит буквальному тексту закона. В силу административного акта непосредственно возникает обязательство между ордеродержателем по передаче «предоставленной»

Г. И. Петрищева, Основания возникновения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде, Уч. зап. Свердловского юридического института, том VII, вып. 1, 1958; М. Нечецкий, Очерки советского жилищного права, Саратов, 1958; В. Ф. Чигир, Советское жилищное право, Минск, ч. I, 1960, ч. II, 1962, ч. III, 1964; Ю. Г. Басин, Вопросы советского жилищного права, Алма-Ата, 1963 и др.

³ Г. Н. Амфитеатов, Право на жилые строения и пользование жилыми помещениями, М., 1948; Н. Г. Свирская, И. Я. Басс, Жилищные права граждан, М., 1951; А. И. Мальгинова и П. Г. Соловьев, Договор жилищного найма и жилищные права граждан, М., 1951; М. И. Бару, Жилищные права граждан в СССР, М., 1956; Ю. Басин, И. Попов, Права и обязанности граждан, М., 1957; В. Р. Скрипко, Охрана жилищных прав граждан, М., 1959; Ю. К. Толстой, Жилищные права и обязанности граждан СССР, М., 1960; В. П. Грибанов, Жилищные права советских граждан, М., 1964 и др.

⁴ В. М. Остроухова, О. Н. Финикова, Рассмотрение гражданских жилищных дел в суде, М., 1955; С. В. Заньковская, Вопросы жилищного права в судебной практике, Уч. пособие для студентов ВЮЗИ, М., 1959; С. М. Корнеев, гл.: Право пользования жилыми помещениями в кн.: Вопросы советского гражданского права в практике суда и арбитража, изд. МГУ, 1960; А. Г. Потюков, Жилищные споры в судебной практике, изд. ЛГУ, 1962 и др.

⁵ И. Г. Панаиотов, Основные вопросы договора найма жилого помещения, М., 1947; Н. И. Магид, Основы советского жилищного права, Л., 1948; М. А. Нечецкий, Прекращение договоров жилищного найма в судебном порядке по советскому праву, М., 1951; В. А. Золотарь, Основания прекращения договора жилищного найма в судебном порядке, Киев, 1956; Г. И. Петрищева, Основания возникновения и изменения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде, Л., 1959; И. И. Пепеляев, Правовые формы обеспечения граждан СССР жилищами, М., 1963 и др.

⁶ Ю. Г. Басин, Проблемы советского жилищного права, Л., 1964.

⁷ С. И. Аскназий, Советское жилищное право, М., 1940, стр. 64.

⁸ С. И. Аскназий, И. Л. Брауде, А. И. Пергамент, Жилищное право, М., 1956, стр. 113—114.

квартиры — второй этап процесса возникновения жилищного правоотношения».⁹

Вторую точку зрения можно назвать «теорией договора». Конечно, и здесь существуют различные понимание и различные оценки деятельности административных органов до заключения договора, но правообразующим фактом, в силу которого возникает жилищное правоотношение, сторонники этой точки зрения считают все-таки заключение договора найма жилого помещения. Кроме того, имеются расхождения в мнениях по вопросу: с какого момента считать договор найма жилого помещения заключенным? Автором «теории договора» обычно указывается В. К. Хитев,¹⁰ но на самом деле эта точка зрения была высказана уже в 1941 году С. Н. Братусем¹¹ в рецензии на книгу проф. С. И. Аскназия «Советское жилищное право». К этой точке зрения присоединились и другие.¹²

Третью точку зрения можно назвать «теорией компромисса». По мнению сторонников этой точки зрения жилищное правоотношение возникает из сложного фактического состава, каким является сочетание административного акта (ордера, распоряжения) и заключенного на его основе договора найма жилого помещения. Эта точка зрения была высказана З. И. Шкундиным.¹³

⁹ Ю. Г. Басин, Вопросы советского жилищного права, Алма-Ата, 1963, стр. 32.

¹⁰ В. К. Хитев, Советское жилищное законодательство, М., 1945, стр. 14—15.

¹¹ «Советское государство и право», 1941, № 2, стр. 128.

¹² Г. И. Полянская, гл.: Право пользования жилыми помещениями из учебника для вузов Советское гражданское право, т. II, М., 1951, стр. 84—87; И. Л. Брауде и А. И. Пергамент, в работе: С. И. Аскназий, И. Л. Брауде, А. И. Пергамент, Жилищное право, М., 1956, стр. 114; М. А. Нечецкий, Значение договора жилищного найма, Уч. зап. Саратовского юридического института, 1957, вып. V, стр. 148—150; С. Н. Корнеев, гл.: Право пользования жилыми помещениями в кн.: Вопросы советского гражданского права в практике суда и арбитража, изд. МГУ, 1960, стр. 145; Ю. С. Васильев, О договоре жилищного найма, «Советское государство и право», 1959, № 9, стр. 108; И. И. Пепеляев, Правовые формы обеспечения граждан СССР жилищами, автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 10; А. И. Пергамент, соавтор кн.: Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, М., 1962, стр. 236 и др.

¹³ З. И. Шкундин, Договор жилищного найма в учебнике для юридических школ. Советское гражданское право, изд. 4-е, под ред. проф. С. Н. Братуса, М., 1950, стр. 374—375. Эту точку зрения разделяют С. В. Заньковская, Вопросы жилищного права в судебной практике, уч. пособие для студентов ВЮЗИ, М., 1953, стр. 8; С. И. Аскназий в кн.: С. И. Аскназий, И. Л. Брауде, А. И. Пергамент, Жилищное право, М., 1956, стр. 113—114; Г. И. Петрищева, Основания возникновения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде, Уч. зап. Свердловского юридического института, т. VII, вып. 1-й, 1958, стр. 60; Н. В. Гордон, Лекции по советскому гражданскому праву, Харьков, 1960, стр. 74; Г. И. Панаиотов, гл.: Договор найма жилого помещения в учебнике для вузов

Отличающееся от вышеприведенных трех точек зрения решение настоящего вопроса дано Р. О. Халфиной.¹⁴ По ее мнению, на основе ордера для домоуправления возникает гражданско-правовое обязательство заключить договор с ордеродержателем, и это обязательство снабжено гражданско-правовой санкцией. Это мнение разделяет и И. Б. Марткович.¹⁵

Что касается позиции В. Ф. Чигира по этому вопросу, то она неясна. Описав (со своими комментариями) вышеизложенные точки зрения он пишет: «Мы не разделяли ни одной из этих точек зрения».¹⁶ Однако, далее говорится: «Обязательно-правовое отношение пользования жилым помещением (жилищное правоотношение) возникает на основе фактического состава, состоящего из трех юридических фактов: решения исполкома (администрации и профсоюзного комитета), ордера и вселения его владельца в предоставленное ему жилое помещение».¹⁷ Если это так, то спрашивается: для чего же еще заключение договора и вообще договор, раз жилищное правоотношение уже возникло? Но В. Ф. Чигир заканчивает свое размышление следующим образом: «Договорное отношение по найму жилого помещения возникает на основе сложного фактического состава, содержащего четыре юридических факта: решение исполкома (администрации и профсоюзного комитета), выдача ордера на право заселения жилого помещения, вселение ордеродержателя и заключение письменного договора. Только заключение письменного договора порождает все права и обязанности сторон, т. е. договорные отношения».¹⁸ Если быть последовательным и учесть первое определение автора, то можно полагать, что договорное отношение по найму жилого помещения не входит в жилищное правоотношение и договор заключается только для наполнения его «содержанием» и становления «полнокровным».

Относительно возникновения правоотношения по пользова-

Советское гражданское право, т. II, под ред. П. Е. Орловского, М., 1961, стр. 117; О. С. Иоффе, Советское гражданское право (курс лекций), Отдельные виды обязательств, Л., 1961, стр. 89—92; Ю. К. Толстой, соавтор книги: О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Основы Советского гражданского законодательства, Л., 1962, стр. 124 и др. Ю. Г. Басин в своей последней работе по существу отказался от «теории ордера», так как он пишет: «В основе жилищного правоотношения лежит совокупность административного акта и договора», см. «Проблемы советского жилищного права», автореф. докт. дисс., Л., 1964, стр. 9.

¹⁴ Р. О. Халфина, Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, М., 1954, стр. 175.

¹⁵ И. Б. Марткович, Об основаниях возникновения правоотношений постоянного пользования жилыми помещениями, Труды Иркутского гос. университета им. А. А. Жданова, т. XXII, серия юридическая, вып. 3, Иркутск, 1957, ст. 115.

¹⁶ В. Ф. Чигир, Советское жилищное право, ч. 1, Минск, 1960, стр. 89.

¹⁷ Там же, стр. 91—92.

¹⁸ Там же, стр. 93.

нию жилым помещением на основании договора найма в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, резких расхождений в мнениях отдельных авторов нет. Общепринята трактовка, что гражданское правоотношение в этих случаях возникает из юридического факта: заключения договора найма жилого помещения в устной или в письменной форме.

2. Естественно встает вопрос: почему так много различных мнений в юридической литературе по поводу возникновения жилищного правоотношения в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций? Ответить, на это довольно трудно. Поэтому укажем лишь на некоторые факты, сыгравшие, на наш взгляд, немалую роль в возникновении такого положения.

Думается, что есть причины как экономического так и юридического характера.

Причиной экономического характера является нехватка жилой площади в ряде городов и населенных пунктов. В связи с этим возникают некоторые трудности в обеспечении граждан жилыми помещениями. В поисках возможностей для улучшения жилищных условий трудящихся иногда нарушаются предписания закона как жилищными органами, так и самими гражданами. При рассмотрении жилищных дел суды очень осторожно относятся к вопросу выселения правонарушителя даже в том случае, если с юридической точки зрения налицо бесспорные к тому основания. Это и понятно, потому что выселение означает лишение советского гражданина крова.¹⁹ Так, например, возникают известные затруднения при исполнении судебного решения о выселении из квартиры без предоставления другого помещения семье, в составе которой малолетние дети или престарелые люди, несмотря на то, что квартира была занята с нарушением предписаний закона. Поэтому, учитывая конкретные обстоятельства данного дела, суды иногда выносят решение с некоторыми отступлениями от точных предписаний закона. С такими исключениями в судебной деятельности можно иногда согласиться, но развивать на основании таких исключений какую-либо теорию или строить какую-либо научную точку зрения нельзя.

В качестве причин юридического характера отметим, во-первых, различные мнения о самом понятии жилищного правоотношения, во-вторых, разное понимание отдельных слов закона и, в-третьих, неточную редакцию некоторых правовых норм. Так, например, по мнению Ю. С. Васильева,²⁰ А. И. Пепеляева²¹ и ря-

¹⁹ Значение слова «кров» на ряде других языков гораздо глубже: по эстонски — *kodu*, по немецки — *das Heim*, по английски — *home*.

²⁰ Ю. С. Васильев, Расторжение и изменение договора жилищного найма в судебном порядке, автореф. канд. дисс., М., 1961, стр. 4—5.

²¹ И. И. Пепеляев, Правовые формы обеспечения граждан СССР жилищами, автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 8.

да других авторов, существуют два жилищных правоотношения: жилищное правоотношение, регулируемое административным правом, и жилищное правоотношение, регулируемое гражданским правом. По мнению В. Ф. Чигира, может существовать жилищное правоотношение даже без содержания (возникшее из трех юридических фактов: решения, ордера и вселения),²² которое «после заключения договора... наполняется содержанием».²³

Большую неразбериху внесло указание в п. 24 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. о том, что «право пользования жилым помещением во всех домах оформляется (разрядка моя — Э. Л.) письменным договором». Одни полагали, что договором только оформляется уже возникшее жилищное правоотношение. Другие утверждали, наоборот, что под «оформлением» следует понимать именно заключение договора, что до заключения договора жилищного правоотношения по пользованию жилым помещением еще нет.

Мнение о том, что договором только оформляется уже возникшее жилищное правоотношение, порождало в свою очередь поиски состава такого правоотношения. Отсюда и происходит мнение о магической силе и значении ордера как самостоятельного административного акта, мнение о том, что на основании ордера можно вселиться в указанное в нем жилое помещение даже без ведома домоуправления и т. д. Отсюда же вытекает мнение, что выданный гражданину ордер на занятие жилого помещения может быть признан недействительным только судом,²⁴ и вывод о том, что без фактического занятия помещения вообще не может возникнуть жилищного правоотношения, т. е. фактическому занятию придается гораздо большее значение, чем заключению договора.

3. Из чего же мы исходим при характеристике возникновения жилищного правоотношения? Надо подчеркнуть, что каждая из приведенных точек зрения содержит, безусловно, правильные моменты и рациональные зерна, которые могут быть использованы при решении данной проблемы. Решению ее спо-

²² В. Ф. Чигир, Советское жилищное право, ч. I, стр. 92.

²³ Там же, стр. 92—93.

²⁴ Правильно указывает В. Ф. Чигир, что «Исполком местного Совета до заселения жилого помещения вправе аннулировать ордер» и что «решение исполкома в таких случаях может быть обжаловано только в административном порядке» (В. Ф. Чигир, Советское жилищное право, ч. I, Минск, 1960, стр. 90). О признании выданного ордера недействительным в судебном порядке говорится и в п. 2 постановления № 8 Пленума Верховного суда СССР от 25 марта 1964 г., но здесь речь идет, бесспорно, о признании недействительным такого ордера, на основании которого уже заключен договор найма жилого помещения и наниматель уже пользуется им. В богатейшей судебной практике нам не известно ни одного дела, в котором жилищные органы требовали признания ордера недействительным в судебном порядке в то время, когда ордеродержатель еще не заключил договора найма жилого помещения и не вселился в помещение.

собствует и то обстоятельство, что некоторые спорные положения уже разрешены или уточнены в законодательном порядке нормами новых гражданских кодексов союзных республик. Так, в новом Гражданском кодексе Эстонской ССР сказано, что жилые помещения в домах местных Советов предоставляются гражданам на основании решения исполкома, вынесенного при участии представителей общественных организаций (ч. I, ст. 300 ГК ЭССР; ч. I, ст. 56 Основ), а не по распоряжениям (ордерам) жилищного управления, как указывалось в ч. I, п. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., что жилые помещения в домах государственных, кооперативных и общественных организаций предоставляются на основании совместного решения администрации и комитета профсоюза, утвержденного исполкомом (ч. I, ст. 300 ГК ЭССР; ч. I, ст. 56 Основ), а не по распоряжению администрации указанных организаций, как указывалось в ч. 2, ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. Кроме того, в ч. I, ст. 300 ГК говорится только о предоставлении жилых помещений, а не о предоставлении жилых помещений «в пользование», как указывалось в п. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. И это на наш взгляд не случайно.²⁵ В части 2, ст. 300 ГК ЭССР устанавливается: «На основании решения о предоставлении жилого помещения²⁶ исполнительный комитет местного Совета депутатов трудящихся выдает гражданину ордер на занятие жилого помещения (ст. 305)»: Но и ссылка в этой статье в скобках на ст. 305 не излишняя. Она подчеркивает, что жилое помещение может быть занято только в порядке ст. 305 ГК ЭССР, т. е. путем заключения договора, а не каким-либо иным способом, например, самовольно без ведома домоуправления. Часть I, ст. 305 гласит: «Управление домом обязано заключить с гражданином, которому выдан ордер, письменный до-

²⁵ По этому вопросу см. нашу статью О некоторых проблемах договора найма жилого помещения по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Уч. зап. ТГУ, вып. 126, Труды по правоведению II, Тарту, 1962, стр. 53.

²⁶ Во многих гражданских кодексах союзных республик (ч. 2, ст. 296 ГК РСФСР; ч. 2, ст. 278 ГК УССР; ч. 2, ст. 311 ГК Латвийской ССР; ч. 2, ст. 319 ГК Литовской ССР и др.) говорится о предоставлении жилого помещения «в наем». На наш взгляд это не согласуется с первой частью тех же статей, в которых говорится только о предоставлении, а не о предоставлении в наем. Первая же часть этих статей — это первая часть ст. 56 Основ. Исполком не предоставляет ни «в наем», ни «в пользование». Для этого есть соответствующие жилищные органы (как правило, домоуправления). Исполком только предоставляет, т. е. распределяет жилые помещения, т. е. дает указание, какое жилое помещение из фонда местного Совета предоставляется, кому оно предоставляется и кто обязан предоставить это помещение в наем или в пользование на других основаниях, если управомоченное лицо (лицо, кому помещение было предоставлено) обращается к нему. Подобно как в ГК Эстонской ССР этот вопрос урегулирован и в ч. I, ст. 274 ГК Казахской ССР.

говор найма указанного в ордере жилого помещения, сроком на пять лет».

4. Совершенно ясно, почему в новых гражданских кодексах союзных республик говорится о предоставлении жилого помещения (статьи 300—304 ГК ЭССР) и о заключении договора найма жилого помещения (ст. 305 ГК ЭССР) отдельно. Каждое из них имеет самостоятельное содержание: первое — создание предпосылок для возникновения жилищного правоотношения и второе — возникновение самого жилищного правоотношения.

Предоставление жилых помещений охватывает следующие вопросы: а) кем принимается решение о предоставлении данного жилого помещения данному гражданину; б) в каком порядке принимается это решение; в) как оформляется предоставление; г) ордер и его юридическое значение. Попытаемся раскрыть содержание каждого поставленного вопроса.

Решение о предоставлении данного жилого помещения данному гражданину в домах местных Советов принимается исполкомом местного Совета, в домах государственных, кооперативных и общественных организаций — администрацией и фабричным, заводским или местным комитетом профсоюза (ст. 300 ГК ЭССР), в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, — собственником (ст. 303 ГК ЭССР), в домах жилищно-строительных кооперативов — членом этого жилищно-строительного кооператива (ст. 304 ГК ЭССР). Решение о предоставлении желающим места в общежитии принимается администрацией и комитетом профсоюза совместно,²⁷ в гостинице — соответствующей администрацией.²⁸ Решение о предоставлении жилого помещения поднаемнику принимается нанимателем (ст. 325 ГК ЭССР). Что касается служебных жилых помещений (ст. 301 ГК ЭССР), то решение о предоставлении конкретного помещения данному гражданину принимается той организацией, в доме которой это помещение находится, и в порядке, предусмотренном ст. 300 ГК ЭССР.

Порядок принятия решения следующий. Решение о предоставлении жилого помещения данному гражданину в доме местного Совета принимается исполкомом при участии представителей общественных организаций (ч. 1, ст. 300 ГК ЭССР). При предоставлении жилых помещений в домах государственных, кооперативных и общественных организаций закон рассматривает в качестве распределителя жилых помещений на равных правах с администрацией также фабричный, заводской, местный комитеты профессионального союза и поэтому

²⁷ Положение о порядке предоставления общежитий и условиях пользования ими, утв. постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 14 мая 1965 г. СП ЭССР, 1965, № 19, ст. 76.

²⁸ Порядок предоставления общежитий и гостиниц и пользование ими определяются Советом Министров Эстонской ССР (ст. 302 ГК ЭССР).

подчеркивается совместное принятие решения (ч. 1, ст. 300 ГК ЭССР). Это, однако, не исключает возможности принятия участия в решении этого вопроса представителей других общественных организаций, хотя законом это прямо не предусмотрено. Решение о предоставлении жилого помещения в доме жилищно-строительного кооператива принимается членом кооператива с согласия правления данного кооператива (ст. 304 ГК ЭССР).²⁹ Для решения вопроса о предоставлении жилого помещения нанимателем поднанимателю требуется согласие не только наймодателя, но и письменное согласие от всех проживающих с ним членов семьи (ст. 325 ГК ЭССР). Относительно других случаев в порядке принятия решения о предоставлении жилых помещений в кодексе прямых указаний нет.

Места в общежитиях предоставляются совместным решением администрации и фабричного, заводского или местного комитетов профессионального союза,³⁰ хотя такой порядок предоставления кодексами и не предусмотрен. Служебные жилые помещения предоставляются гражданам в порядке, предусмотренном ст. 300 ГК ЭССР, в зависимости от принадлежности дома, в котором они находятся, т. е. если служебное жилое помещение находится в доме местного Совета депутатов трудящихся, то решение принимается исполкомом при участии председателей общественных организаций, если же служебное жилое помещение находится в доме государственной, кооперативной или общественной организации, то решение принимается администрацией и фабричным, заводским или местным комитетом профессионального союза совместно, но оно подлежит обязательному утверждению исполкомом. Ст. 301 ГК ЭССР порядок предоставления служебных жилых помещений не регулирует.

Оформление предоставления следующего. Предоставление конкретного жилого помещения данному гражданину в доме местного Совета оформляется решением исполкома (ч. 1, ст. 300 ГК ЭССР), а в доме государственной, кооперативной и общественной организации — совместным решением администрации и комитета профсоюза, подлежащим обязательному утверждению исполкомом местного Совета (ч. 1, ст. 300 ГК ЭССР). На наш взгляд, точно так же должно быть оформлено и предоставление служебных жилых помещений, в зависимости от принадлежности дома, в котором это помещение находится (ч. 1, ст. 300 ГК ЭССР), так как в ст. 301

²⁹ Хотя в ст. 304 ГК ЭССР прямо не говорится о том, в какой форме должно быть дано согласие, все же нам кажется необходимой письменная форма. Оно может быть дано либо в форме подписи на договоре, либо в виде отдельного документа.

³⁰ Положение о порядке предоставления общежитий и условиях пользования ими, утв. постановлением Совета Министров ЭССР от 14 мая 1965 г. СП ЭССР, 1965, № 19, ст. 76.

ГК ЭССР об этом ничего не говорится (говорится только о выдаче специального ордера, а не о том, на основании чего этот ордер может быть выдан). Предоставление места в общежитии оформляется в соответствии с п. 3 «Положения о порядке предоставления общежитий и условиях пользования ими», утвержденным постановлением Совета Министров ЭССР от 14 мая 1965 г., совместным решением администрации и фабричного, заводского или местного комитета профсоюза. Решение о предоставлении жилого помещения другому гражданину в доме, принадлежащем гражданину на праве личной собственности и в доме жилищно-строительного кооператива, решение о предоставлении гостиницы, а также решение нанимателя о предоставлении жилого помещения поднанимателю особому оформлению не подлежат.

Об ордере и о его правовом значении речь может идти только в случае предоставления жилого помещения из жилищного фонда местных Советов или из жилищного фонда государственных, кооперативных и общественных организаций.

После принятия исполкомом решения о предоставлении данного жилого помещения данному гражданину или утверждения исполкомом совместного решения администрации и фабричного, заводского или местного комитета профсоюза наступает период реализации этих решений.

Если жилое помещение (квартира) находится в доме местного Совета, размером не свыше 60 квадратных метров жилой площади³¹ и пользование этим помещением будет осуществляться на основании договора аренды этого жилого дома, то гражданину, которому предоставлено это помещение, выдается выписка из решения исполкома. На основании этой выписки между жилищным управлением и гражданином заключается договор аренды жилого дома. Выписка прилагается к договору.

Если же пользование жилым помещением, предоставленным гражданину в доме местного Совета решением исполкома или в доме государственной, кооперативной или общественной организации совместным решением администрации и фабричного, заводского или местного комитета профсоюза, утвержденным исполкомом, будет осуществляться на основании договора найма, то гражданину выдается не выписка из решения исполкома или из совместного решения администрации и комитета профсоюза о предоставлении ему жилого помещения, а в обоих случаях особый документ — ордер, точно соответствующий содержанию решения исполкома или содержанию совместного решения администрации и комитета профсоюза, утвержденного исполкомом. Если же предоставляемое жилое помещение является

³¹ Постановление № 1066 Совета народных комиссаров Эстонской ССР от 5 июля 1941 г., Ведомости Эстонской ССР, 1941 г., № 58, ст. 926.

служебным, то выдаваемый исполкомом ордер называется специальным.

Таким образом, и ордер «на занятие жилого помещения» по существу является не чем иным, как выпиской в предусмотренной законом форме из решения исполкома или из совместного, утвержденного исполкомом, решения администрации и комитета профсоюза о предоставлении указанного в нем жилого помещения указанному в нем гражданину.³² Это не самостоятельный административный акт, как до сих пор считает теория административного права. Ордер не может содержать никаких иных данных, не указанных в решении исполкома. Ордер содержит только вытекающий из решения исполкома или совместного решения администрации и комитета профсоюза, утвержденного исполкомом, приказ жилищному органу (как правило, домоуправлению) выполнить это решение, если указанный в ордере гражданин обратится к нему с требованием о предоставлении ему указанного в ордере жилого помещения путем заключения договора найма.

Пороки ордера могут быть двоякого рода: 1) ордер может оказаться неправильным потому, что он не соответствует решению исполкома или совместному решению администрации и комитета профсоюза, утвержденного исполкомом (например, в нем указана не та квартира, которая была указана в решении); 2) ордер может оказаться неправильным и потому, что решение исполкома или совместное решение администрации и комитета профсоюза, на основании которого он выдан, неправильное (например, решение о предоставлении жилого помещения принято исполкомом без участия представителей общественных организаций, решение о предоставлении жилого помещения из жилищного фонда государственной кооперативной или общественной организации принято только администрацией, совместное решение администрации и комитета профсоюза о предоставлении жилого помещения не утверждено исполкомом местного Совета и т. п.). Такие ордера недействительны, но только

---

³² Жилые помещения в домах местных Советов очень часто предоставлялись и до принятия Основ не по распоряжению жилищных органов, а по распоряжению (решению) исполкома, и это распоряжение оформлялось ордером. В этом свете становится ясной и позиция Коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Ольховской, представляющему интерес почти для каждого исследователя жилищного права. Коллегия указала, что «за невыполнение должностными лицами этих требований (т. е. требований о выдаче ордера — прим. наше — Э. Л.) граждане не несут ответственность» (Судебная практика Верховного Суда СССР, 1953, № 4, стр. 40), так как договор найма жилого помещения между Ольховской и домоуправлением был заключен на основании распоряжения председателя райисполкома. Коллегия, следовательно, считала решающим основание предоставления жилого помещения (распоряжение компетентного органа), а не его внешнее оформление (в форме ордера).

с той разницей, что в первом случае достаточно признать недействительным только ордер, а во втором случае должно быть недействительно и решение, на основании которого ордер выдан.³³

Известен и другой взгляд: ч. 3, ст. 300 ГК ЭССР предостав-

³³ Мы уже указывали, что ордер, который еще не реализован, может быть аннулирован самим исполкомом, выдавшим его. Если же ордер реализован, т. е. заключен договор найма жилого помещения, то уже идет спор о праве гражданском, так как, кроме признания ордера недействительным, должен быть решен и вопрос о расторжении договора, заключенного на почтовой основе, и решен вопрос о выселении занявших жилое помещение. Поэтому такой ордер может быть признан недействительным только судом. Если гражданин, получивший ордер, вселился на основании заключенного договора найма в помещение, указанное в решении исполкома, а не в то, которое указывалось в ордере, к гражданину нельзя предъявить никаких претензий. Вместо недействительного ордера ему должен быть выдан новый ордер, соответствующий решению. На это по существу обратил уже внимание И. И. Пепеляев (см. его автореф. канд. дисс. Правовые формы обеспечения граждан СССР жилищами, М., 1963, стр. 9). Если же гражданин вселился на основании заключенного договора найма в помещение, указанное в ордере, а не в то, которое указывалось в решении, то решение вопроса о действительности ордера зависит от позиции исполкома. Исполком может требовать признания ордера недействительным, расторжения договора и переселения гражданина в помещение, указанное в решении. Исполком может, конечно, и согласиться с ошибкой, отменить свое решение и принять новое решение, соответствующее ордеру.

Если же ордер соответствует решению, но оно принято с нарушением закона, то после признания решения (и ордера) недействительным расторгается и договор, и вселившиеся подлежат выселению на основании ст. 340 ГК ЭССР без предоставления им другого жилого помещения, а если они ранее пользовались по договору найма жилым помещением в доме местного Совета, государственной, кооперативной или общественной организации, то им должно быть предоставлено помещение, которое они ранее занимали или иное жилое помещение.

Имеются, однако, два частных случая, при которых ордер (конечно, вместе с решением) может быть признан недействительным, хотя он соответствует решению и решение принято правильно. 1. Если гражданину и его семье предоставлена квартира в порядке улучшения жилищных условий и кто-либо из лиц, указанных в ордере, откажется от переселения в новую квартиру, то исполком вправе требовать по суду признания решения о предоставлении квартиры (и ордера) недействительным и расторжения договора с выселением вселившихся из новой квартиры, с предоставлением им права вселения в ранее занимаемое помещение (см. нашу статью Один год по новому, опубликованную в газете «Эдази», 1 декабря 1961 г. Такое же решение предлагает и В. Ф. Чигир в книге Советское жилищное право, ч. III, Минск, 1964, стр. 93. Таким образом разрешен и ряд жилищных споров в судебной практике Эстонской ССР). 2. Если ордер выдан в установленном порядке на занятие жилого помещения, право пользования которым по законным основаниям принадлежит другим лицам, то по иску заинтересованных лиц такой ордер вместе с решением, на основании которого он выдан, признается судом недействительным, договор расторгается, а выселяемым возвращается жилое помещение, которым они пользовались ранее, или предоставляется другое жилое помещение. Без предоставления другого жилого помещения суд в данном случае гражданина выселить не может. При этом, выселение ответчика не ставится в зависимость от срока предоставления им другого помещения (ср. ч. 2 и 3, п. 2 постановления пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г.).

ляет суду право признать недействительным только ордер, но не решение исполкома, на основании которого он выдан, причем этот взгляд имеет еще свою разновидность. Полагают, что суд вообще не может признать ордер недействительным, если он соответствует решению исполкома о предоставлении жилого помещения данному гражданину, хотя это решение принято с нарушением требований закона. Думается, что этот взгляд не соответствует подлинному смыслу закона. Ч. 3, ст. 300 ГК ЭССР содержит относительно нарушений ссылку на всю статью 300, подчеркивая слова «настоящей статьи»; а не только на ч. 2 ст. 300, в которой действительно говорится о порядке выдачи ордера.

В новом Гражданском кодексе Эстонской ССР говорится просто о заключении договора найма жилого помещения (ст. 305). Выражение «договор оформляется», применяемое ранее в различных законодательных актах, исключено из кодекса, как могущее породить различные толкования.³⁴

5. Каковым же представляется возникновение жилищного правоотношения в свете вышеизложенного? Прежде всего, отметим, что жилищное правоотношение — это один из видов отношений по пользованию имуществом, точнее, отношение по пользованию имуществом, предметом которого является жилое помещение. Но правовые основания (титулы) пользования жилым помещением могут быть различными, как-то: право собственности на жилой дом (или на часть его), членство в жилищно-строительном кооперативе, договор аренды жилого дома, договор найма жилого помещения, договор о безвозмездном пользовании имуществом, договор об отчуждении жилого дома с условием пожизненного содержания и др. Поэтому и возникновение права пользования жилым помещением бывает в зависимости от его правового основания различным.

Если правовым основанием пользования жилым помещением является право личной собственности на жилой дом, то право пользования находящимися в этом доме помещениями возникает у собственника с момента приобретения права собственности на этот дом, ибо право пользования — это одно из правомочий собственника (ст. 95 ГК ЭССР).

Если правовым основанием пользования жилым помещением является членство в жилищно-строительном кооперативе, то право пользования находящимися в доме жилищно-строительного кооператива помещениями возникает у гражданина с момента вступления в члены этого жилищно-строительного кооператива. Если во время вступления гражданина в члены

³⁴ Аналогично ГК ЭССР этот вопрос решен и в ст. 299 ГК РСФСР, в ст. 314 ГК Латвийской ССР, в ст. 284 ГК УССР и др. В ст. 322 Литовской ССР и в ст. 276 ГК Казахской ССР о заключении договора говорится только в заголовке статьи, а в тексте речь идет опять-таки «об оформлении договора».

жилищно-строительного кооператива дом кооператива еще не построен, то право пользования жилыми помещениями в этом доме возникает у членов кооператива с момента принятия этого дома в эксплуатацию соответствующей компетентной приемочной комиссией.

Если же правовым основанием пользования жилым помещением будет договор найма, то право пользования, независимо от того, в каком жилищном фонде данное помещение находится, возникает с заключением договора найма жилого помещения.

Нет надобности в описании связи между правовым основанием пользования жилым помещением и возникновением права пользования жилым помещением в иных случаях.

Итак, если жилищное правоотношение есть отношение по пользованию имуществом, предметом которого является жилое помещение, то это уже само по себе предопределяет элементы, входящие в состав жилищного правоотношения в случае пользования жилым помещением на основании договора найма. Поэтому с нашей точки зрения деятельность жилищных и иных административных органов при участии общественных организаций по выявлению граждан, не имеющих жилой площади или живущих в условиях, которые требуют улучшения, а также по принятию на учет граждан, нуждающихся в жилой площади, — работа очень важная и ответственная, но отнесение ее в состав жилищного правоотношения было бы неправильным. По правовой природе эта работа представляет собой административно-правовую или общественную деятельность, входящую в состав возникновения правовых предпосылок для предоставления жилого помещения из жилищного фонда местного Совета и из жилищного фонда государственной, кооперативной или общественной организации. Даже более конкретная деятельность, как принятие решения о предоставлении конкретного жилого помещения данному гражданину независимо от того, из какого жилищного фонда это помещение предоставляется и подлежит ли принятое решение особому оформлению (на основании которого может быть выдан ордер или простая выписка из решения) или не подлежит, в состав жилищного правоотношения не входит, потому что с предоставлением жилого помещения права пользования этим помещением еще не возникает.³⁵

³⁵ С гражданско-правовой точки зрения, правила ст. 300 ГК ЭССР только детализируют и конкретизируют порядок осуществления права распоряжения оперативного управителя-госоргана (ст. 98 ГК ЭССР) или собственника (ст. 95 ГК ЭССР) в случае вступления в сделку по сдаче жилого помещения в наем. И, как видно из содержания статьи, этот порядок довольно сложный. Гораздо проще порядок осуществления права распоряжения собственником индивидуального жилого дома, подчеркнутый в ст. 303 ГК ЭССР. При ином понимании никак не объяснимо включение статей 300—304, регулирующих предоставление жилых помещений в домах различных жилищных фондов и в различных целях, в Гражданский Кодекс ЭССР.

Принятое решение (в подлежащих случаях надлежаще оформленное) о предоставлении жилого помещения является только основанием для заключения договора найма жилого помещения, только правовой предпосылкой для возникновения жилищного правоотношения.³⁶

6. Договор найма жилого помещения, порождающий жилищное правоотношение, заключается в следующем порядке.

Гражданин, получивший ордер на занятие жилого помещения в доме местного Совета, должен предъявить этот ордер³⁷ соответствующему домоуправу. Затем домоуправ и ордеродержатель (возможные субъекты будущего жилищного правоотношения) вместе осматривают указанную в ордере квартиру. Если выдача ордера на занятие жилого помещения (или принятие решения о предоставлении жилого помещения) действительно порождало бы жилищное правоотношение, то в случае отказа от заключения договора и принятия квартиры надо было бы говорить и о прекращении жилищного правоотношения. Но сторонники «теории ордера» уже сами обходят этот вопрос и, в самом деле, здесь речи о прекращении жилищного правоотношения идти не может. Если квартира по каким-то причинам ордеродержателю не подходит, то он может отказаться от заключения договора и принятия квартиры, т. е. отказаться от вступления в жилищное правоотношение и вернуть ордер исполкому, хотя даже в случае невозвращения ордера, он считается

---

³⁶ Правильность изложенной точки зрения по поводу возникновения жилищного правоотношения наглядно подтверждается и при анализе возникновения гражданского правоотношения в других случаях. Так, например, на территории Эстонской ССР легковые автомобили продаются гражданам только на основании решения райисполкома местного Совета о предоставлении конкретному гражданину права приобрести автомобиль. Решение исполкома местного Совета является в данном случае правовым основанием заключения договора купли-продажи автомобиля и правовой предпосылкой возникновения правоотношения купли-продажи. Никто, наверно, не будет утверждать, что гражданское правоотношение купли-продажи возникло с момента вынесения исполкомом решения о предоставлении права гражданину приобрести в г. Таллине из специализированного магазина «Волга» автомобиль, но по поводу возникновения жилищного правоотношения иногда все-таки утверждают: с выдачей ордера на занятие жилого помещения (или принятием решения о предоставлении жилого помещения) возникает жилищное правоотношение.

³⁷ В подпункте «с» пункта 24 «Инструкции о порядке учета свободной жилой площади и нуждающихся в ней граждан и сдачи в пользование жилой площади в домах жилищного фонда местных Советов Эстонской ССР», утвержденной министром коммунального хозяйства Эстонской ССР 1 февраля 1956 г. (Сборник жилищного законодательства, Таллин, 1960, стр. 216), указывается, что «ордер выдается из книги ордеров, первый экземпляр выдается получателю ордера, второй соответствующему домоуправлению, третий (корешок в книге ордеров) остается для хранения в жилищном управлении (отделе коммунального хозяйства)».

утратившим силу по истечении 7 дней со дня его выдачи, если выдавшее ордер учреждение не продлило его действия.³⁸

Если же указанное в ордере жилое помещение ордеродержателю подходит, то между домоуправлением и ордеродержателем заключается письменный договор найма жилого помещения (ст. 305 ГК ЭССР) и заполняются два приложения к договору: 1) акт сдачи-приемки квартиры (комнаты) и 2) опись требуемого ремонта. В первом приложении — перечне квартиры и принадлежащих к ней вспомогательных помещений, оборудования и инвентаря — подробно указывается название каждого соответствующего предмета, характеризующее его приметы и техническое состояние. Во втором необходимо подробно перечислить ремонтные работы, какие обязан произвести наниматель и какие управление домом, установив сроки, в которые ремонт должен быть закончен.³⁹ Со дня заключения договора в домоуправлении открывается лицевой счет нанимателю и с этого дня он несет ответственность за квартиру. Только с этого дня наниматель приобретает право вселиться в жилое помещение.⁴⁰ Такой порядок занятия помещения защищает наилучшим образом как интересы гражданина, так и интересы домоуправления. Этот порядок имеет не только чисто практическое значение с точки зрения улучшения управления жилыми домами, но представляет собой также большой интерес с точки зрения соблюдения социалистической законности и с точки зрения возникновения жилищного правоотношения. Поэтому мы считаем крайне ошибочным выраженное в юридической литературе и высказываемое отдельными практическими работниками мнение о том, что ордером предоставляется, якобы, ордеродержателю право непосредственно, без ведома домоуправления вселиться в указанное в ордере жилое помещение.⁴¹ Ничего,

³⁸ См. там же, подпункт «и» пункта 24.

³⁹ См. Инструкцию Министерства местного хозяйства Эстонской ССР «О порядке применения типового договора по найму жилых помещений в домах местных Советов Эстонской ССР», Приложение № 3 к приказу министра местного хозяйства Эстонской ССР от 29 ноября 1958 г., № 227, (Сборник Жилищного законодательства, Таллин, 1960, стр. 235).

⁴⁰ В практике, однако, очень часто имеют место случаи, когда ордеродержатель с согласия домоуправления вселяется в жилое помещение без заключения письменного договора. Правильно указывалось в юридической литературе, что такое соглашение следует считать заключением договора найма в устной форме (см. С. И. Аскназий, И. Л. Брауде, А. И. Пергамент, Жилищное право, М., 1956, стр. 115—116 и др.). Поскольку законом предусматривается заключение договора между сторонами в письменной форме, то письменный договор найма в таких случаях заключается задним числом со дня вселения в жилое помещение.

⁴¹ Между прочим, в практике довольно много случаев, когда ордеродержатели занимают указанные в ордере квартиры непосредственно, т. е. без ведома домоуправления. Это исходит из неправильного понимания выражения в ордере — «на занятие жилого помещения», а также по привычке из указаний в пункте 23 ранее действовавшего постановления ЦИК и СНК

кроме путаницы и неразберихи в вопросе о возникновении прав и обязанностей между сторонами, а иногда даже возникновения имущественного ущерба у той или другой стороны, эта точка зрения за собой повлечь не может.⁴²

Очень часто как в юридической литературе, так и в практике работы различных административных органов факт вселения гражданина в указанное в ордере помещение рассматривается как один из обязательных условий возникновения жилищного правоотношения. Мы утверждаем обратное. Заключив письменный договор найма жилого помещения, наниматель вовсе не обязан немедленно вселиться в нанятое им жилое помещение. За таким нанимателем, как и за любым нанимателем, проживающим в доме, сохраняется право пользования нанятым жилым помещением в период его временного отсутствия в пределах сроков, предусмотренных ст. 312 ГК Эст. ССР. Приведем еще пример из практики жилищных органов. Гр-ке Г., проживающей в доме, подлежащем сносу, была выделена решением горисполкома в новом доме комната, размером 14 кв. метров. К моменту сдачи этого дома в эксплуатацию дела сложились так, что гр-ка Г должна была выехать по служебным делам за границу. После получения ордера она заключила с домоуправлением договор найма жилого помещения, но в помещение не вселилась. Забронировав это помещение на все время пребывания за границей, она предъявила броню наймодателю, заселила в это помещение поднанимателя некоего гр-на С, а сама уехала. Бесспорно, что жилищное правоотношение и в данном случае возникло с момента заключения договора.

СССР от 17 октября 1937 г. — помещения предоставляются «в пользование», и в пункте 24 того же постановления — право пользования оформляется письменным договором найма жилого помещения, т. е. письменным договором оформляется якобы уже существующее жилищное правоотношение.

⁴² Вот наглядный пример из практики жилищных органов. Гражданин К. вселился на основании ордера непосредственно, без ведома домоуправления, без заключения договора и составления к нему приложений в квартиру, указанную в ордере, получив ключи от выезжающего прежнего нанимателя. Домоуправ узнал об этом позднее, когда гр-н К. потребовал открытия на его имя лицевого счета, предъявив ордер. После произведенного ремонта в квартире гр-н К. предъявил домоуправлению счет об оплате за изготовленную новую дверь, за две оконные рамы и счет прежнему нанимателю об оплате за новые замки, стенной шкаф и две люстры. Оба отказались от уплаты счетов. Домоуправление заявило, что хотя изготовление дверей и оконных рам входит в обязанность домоуправления, но в данном случае этот ремонт не включен в опись требуемого ремонта и ничем не доказана неотложная необходимость в новой двери и новых оконных рамах. Прежний наниматель ответил, что при передаче им квартиры гр-ну К. стенной шкаф и люстры были на месте и что замки в дверях были в порядке. Гр. К в суд не обратился, успокоившись тем, что получил все-таки хорошую квартиру, хотя и суд оставил бы его иск без удовлетворения, потому что отсутствовала возможность опровержения доводов ответчиков.

Таким образом, связывать возникновение жилищного правоотношения с фактом вселения гражданина в жилое помещение вообще неправильно, так как право вселения производно от факта заключения договора. Из факта заключения договора найма жилого помещения возникает право вселиться в нанятое помещение, а не наоборот — из факта вселения в жилое помещение — право требовать заключения договора найма жилого помещения.

Точно в таком же порядке мы представляем себе заключение договора найма жилого помещения в доме государственной, кооперативной и общественной организации. Единственным исключением является только то, что домами этих организаций очень часто управляет не домоуправление, а комендант или иное уполномоченное администрацией лицо. В таких случаях ордер исполкома предъявляется этому лицу и оно выступает в качестве наймодателя со стороны администрации.

В конечном итоге и договор найма служебного жилого помещения на основе специального ордера заключается вышеприведенным образом независимо от того, в каком жилом фонде это помещение находится — в доме местного Совета или в доме государственной, кооперативной или общественной организации. Вместо пятилетнего срока (ч. 1, ст. 305 ГК ЭССР) этот договор заключается на время работы нанимателя на должности, в связи с которой ему это помещение предоставлено (ч. 2, ст. 305 ГК ЭССР).

Отсюда с предельной четкостью вытекает, почему никак нельзя согласиться с мнением В. Ф. Чигира о том, что вселение в предоставленную квартиру является, якобы, элементом жилищного правоотношения. Такая точка зрения призывает граждан, получивших ордер, к вселению в квартиру до заключения письменного договора найма и до составления акта о сдаче-приемке квартиры и составления описи о ремонте, можно даже сказать — к нарушению социалистической законности. О какой сдаче-приемке квартиры может идти речь, если ордеродержатель уже давно сам взял квартиру в свое владение и пользование».

Договор найма жилого помещения в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, или в домах жилищно-строительных кооперативов заключается между собственником дома или членом кооператива, принявшим решение о предоставлении жилого помещения данному гражданину, и этим гражданином. Разница с вышеприведенным порядком заключения договора найма жилого помещения в доме местного Совета состоит в следующем: а) не требуется заключения этого договора в письменной форме. Однако, если письменного договора нет, то «при споре ни одна из сторон не вправе ссы-

латься на, якобы, имевшие место дополнительные условия договора, прямо не вытекающие из действующих юридических актов». ⁴³ Следовательно, устная форма договора очень нежелательна, б) не требуется составления письменного акта о передаче помещения и описи требуемого ремонта, в) стороны сами могут установить срок договора.

Пользование местами или помещениями в общежитии или в гостинице, как правило, не оформляется письменным договором найма жилого помещения. Оно происходит обычно на основе устного соглашения между сторонами, на условиях, установленных Советом Министров Эстонской ССР (ст. 302 ГК ЭССР), независимо от того, как было оформлено решение о предоставлении места или помещения в общежитии или в гостинице.

7. Подытоживая вышесказанное, надо подчеркнуть, что жилищное правоотношение — это отношение по пользованию имуществом, предметом которого является жилое помещение. Если жилым помещением будут пользоваться на основе договора найма, то жилищное правоотношение возникает с момента заключения этого договора. Решение о предоставлении жилого помещения является только правовой предпосылкой для возникновения жилищного правоотношения. Практическое значение этой точки зрения заключается в улучшении управления жилыми домами государственного жилого фонда и в улучшении защиты интересов нанимателя и наймодателя. Уточнение же и более подробное аргументирование концепции, хотя и высказанной уже в литературе (как-то: концепция о возникновении жилищного правоотношения путем заключения договора найма жилого помещения), имеет и определенное теоретическое значение.

«EESTI NSV TSIVIILKOODEKS» JA ELAMUÕIGUSSUHETE TEKKIMINE

E. Laasik

Resümee

Artiklis kirjeldatakse kõigepealt tsiviilõiguse teoorias esinevaid üksikute autorite seisukohti elamuõigussuhte tekkimise kohta. Näidatakse, et vaatamata probleemi uurimisele väga paljude autorite poolt ei ole selles kuni käesoleva ajani veel jõutud üksmeelsele seisukohale. Lahkarvamuste tekkimise põhjused on nii majanduslikku kui ka juriidilist laadi.

⁴³ Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, под ред. проф. С. Н. Братуся и проф. Е. А. Флейшица, М., 1962, стр. 236.

Uutes liiduvabariikide tsiviilkoodeksites räägitakse eraldi eluruumide andmisest ja eluruumi üürilepingu sõlmimisest, kusjuures kummalgi neist on iseseisev sisu (eelduste loomine elamuõigussuhte tekkimiseks ja elamuõigussuhte enese tekkimine). Eluruumide andmine sisaldab järgmiste küsimuste lahendamise: a) kes võtab vastu otsuse anda eluruum teatud kodanikule, b) millises korras võetakse vastu selline otsus, c) kuidas vormistatakse eluruumi andmine, d) order ja selle juriidiline tähendus.

Jõutakse järeldusele, et kõikides elamufondi majades on eluruumi andmise aluseks eluruumi käsutaja otsus anda konkreetne eluruum teatud kodanikule.

Eluruumi andmine kohaliku nõukogu elamufondist vormistatakse täitevkomitee otsusega, riikliku, kooperatiivse või ühiskondliku organisatsiooni elamufondist aga administratsiooni ja ametiühingu, vabriku-, tehasekomitee või kohaliku komitee ühise otsusega, mis kuulub kohustuslikule kinnitamisele kohaliku nõukogu täitevkomitees. Eluruumide andmise otsust muudest elamufondi majadest eraldi ei vormistata.

Kui kohaliku nõukogu või riikliku, kooperatiivse või ühiskondliku organisatsiooni elamufondist antavat eluruumi peab kodanik hakkama kasutama eluruumi üürilepingu alusel, antakse sellele kodanikule täitevkomitee otsuse või vastavalt administratsiooni ja ametiühingu vabriku-, tehasekomitee või kohaliku komitee ühise täitevkomitees kinnitatud otsuse alusel täitevkomitee poolt seadusega ettenähtud vormis order. Selle orderi põhjal võib kodanik sõlmida eluruumi üürilepingu majavalitsusega ja asuda pärast seda elamispinnale.

Ainult vastuvõetud otsus eluruumi andmise kohta, mis vajalikel juhtudel peab olema veel ettenähtud korras vormistatud, võib olla eluruumi üürilepingu sõlmimise aluseks, on elamuõigussuhte tekkimise õiguslikuks eelduseks ega kuulu elamuõigussuhete elementide hulka.

Kui eluruumi hakatakse kasutama üürilepingu alusel, tekib elamuõigussuhe kõikidel juhtudel (vaatamata sellele, millises elamufondis eluruum asub) ainult eluruumi üürilepingu sõlmimisega.

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ПРОКАТА ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Канд. юрид. наук Э. Л. Плоом

Кафедра гражданского права и процесса

Права и обязанности, которые несут стороны по договору проката легковых автомобилей, обладают известной спецификой, обусловленной как целью договора — удовлетворением потребностей граждан за счет общественных фондов, так и особенностями порядка эксплуатации предмета договора — легкового автомобиля. Поэтому правилами проката легковых автомобилей и типовыми договорами предусмотрены некоторые обязанности сторон, неизвестные ни договору имущественного найма, ни договору бытового проката предметов домашне-культурного назначения, спортивных принадлежностей и т. д.

1. Основной обязанностью прокатного автохозяйства по договору проката легковых автомобилей является предоставление легкового автомобиля абоненту в технически исправном состоянии (п. 7 Правил проката легковых автомобилей РСФСР и п. 10 аналогичных правил ЭССР). Вопрос о состоянии передаваемого в пользование граждан имущества (в данном случае легкового автомобиля) приобретает чрезвычайно важное значение. Поэтому необходимое техническое состояние автомобиля определяется в Правилах проката и в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката в детализированном и конкретизированном виде. Если, например, согласно ч. I ст. 285 ГК ЭССР наймодаделец обязан предоставить нанимателю имущество в состоянии, соответствующем условиям договора или назначению имущества, то в Правилах пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусматривается, что автомобиль предоставляется абоненту в полной технической исправности, заправленный горючим и смазочными материалами, с опломбированным спидометром и его приводом, с эмблемой «прокат» на капоте и на багажнике автомобиля¹

¹ П. 7 Правил пользования легковыми автомобилями на условиях проката РСФСР и п. 10 аналогичных правил ЭССР.

и с обязательным комплектом инструментов.² Таким образом, Правила пользования легковыми автомобилями на условиях проката обращают особое внимание на техническое состояние автомобиля, подчеркивая, что автомобиль предоставляется абоненту лишь в полной технической исправности. Это объясняется той повышенной опасностью, с которой связано автомобильное движение для окружающих и самого нанимателя (абонента).

Для обеспечения полной технической исправности автомобиля нужно гарантировать ежедневный уход, техническое обслуживание, а также производство текущего и капитального ремонта автомобиля. Каждый названный вид обслуживания включает определенный объем обязательных для выполнения работ. Так, ежедневное техническое обслуживание (ЕО) заключается в приведении внешнего вида автомобиля и внутренних частей кузова в надлежащее состояние, в заправке топливом, маслом, в проверке технической исправности всех агрегатов автомобиля, а также в проверке состояния шин.

В первое техническое обслуживание (ТО-1) входят все работы, проводимые в ЕО, и, кроме того, ряд дополнительных смазочных, крепежных, контрольных и регулировочных работ, а второе техническое обслуживание (ТО-2) предусматривает, кроме названных, более углубленные работы по предупреждению неисправностей и уменьшению износов.

Текущий ремонт (ТО) автомобиля включает восстановление или замену неисправных деталей, узлов и агрегатов. Капитальный ремонт (КР) проводится в целях полного восстановления технического состояния автомобиля.³ Как же распределяются названные обязанности между сторонами договора, т. е. между автохозяйством и абонентом? Правила пользования легковыми автомобилями на условиях проката не устанавливают, которая из сторон обязана производить капитальный ремонт легкового автомобиля. Но из содержания ч. I ст. 288 ГК ЭССР вытекает, что такая обязанность лежит на автохозяйстве, так как наниматель обязан производить капитальный ремонт только в том случае, если это непосредственно предусмотрено договором, и вправе сделать это, когда ремонт вызывается неотложной необходимостью, а наймодатель не производит его (ч. II, ст. 288 ГК ЭССР). Возложение на автохозяйство обязанности производить капитальный ремонт автомобиля обеспечивает положительные результаты и с практической точки зрения, а именно: автохозяйство снабжается запасными частями, оно имеет мас-

² П. I Договора, приложенного к Правилам пользования легковыми автомобилями на условиях проката ЭССР.

³ См. В. М. Архангельский и др., Автомобили. Устройство, эксплуатация и ремонт, Машгиз, М., 1963, стр. 283—284.

терские, квалифицированные кадры и сделанный таким образом ремонт является более качественным.⁴

Большое значение для продолжительности эксплуатационного периода имеет текущий ремонт, сделанный качественно и своевременно. Аналогично капитальному ремонту производство текущего ремонта надо считать также обязанностью автохозяинства. Однако в Правилах пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусмотрено, что при длительном пользовании автомобилем (без возврата в автохозяинство) ремонт автомобиля производится абонентом.⁵ При этом ясно, что в Правилах имеется в виду лишь мелкий ремонт, который может быть сделан абонентом, а не текущий ремонт, предусматривающий замену неисправных деталей, узлов и агрегатов. Текущий ремонт в состоянии провести лишь автохозяинство.

Автомобили нуждаются в ремонте вследствие износа или в результате повреждения. В первом случае ремонт производится после определенного пробега, например, первый средний ремонт для прокатных автомобилей производится после 40 тыс. км, первый капитальный — после 80—100 тыс. км, а следующий капитальный — после пробега не более 50 тыс. км⁶ и т. д. Такие ремонты являются плановыми для автохозяинства, и производство их составляет одну из его задач, выполняемых за его счет. Автохозяинство производит ремонт в том случае, если необходимость ремонта обусловлена повреждением автомобиля, но в зависимости от причин за счет абонента или автохозяинства.

Техническое обслуживание (ТО) имеет в условиях проката свою специфику. Автомобили, предоставляемые абоненту в пользование, по несколько дней не возвращаются в гараж. При возвращении в гараж они требуют не только ежедневного ухода (ЕО), но и тщательного технического осмотра, крепежных работ и т. п. Поэтому ежедневный уход и ТО-1 объединены в один вид обслуживания. ТО-2 производят после пробега 5—5,5 тыс. км.⁷ Так, в некоторых случаях автохозяинство может производить ежедневный уход и техническое обслуживание, но если автомобиль выдается на длительное время, то автохозяинство уже не может выполнять эти задачи, и в таком случае ТО-2 не может входить в обязанности автохозяинства. Следовательно, ежедневный уход и техническое обслуживание входят в обязанности автохозяинства только при краткосрочной выдаче автомобилей в пользование на условиях проката.

⁴ См. З. С. Колясинский и др., Механизация и автоматизация автомобильного производства, Автотрансиздат, М., 1963, стр. 5.

⁵ См., например, п. 18 Правил пользования легковыми автомобилями в условиях проката ЭССР.

⁶ См. А. Концев, С. Клейн, Опыт работы базы проката, «Автомобильный транспорт», 1960, № 3, стр. 16.

⁷ См. И. Старшинов, Нерешенные проблемы проката, «За рулем», 1962, № 3, стр. 13.

Если техническое обслуживание было организовано в то время, когда автомобилем пользовался абонент, то при наличии счета о произведенном планово-техническом обслуживании автомобиля со станции технического обслуживания или от автохозяйства общего пользования, автохозяйство обязано компенсировать абоненту затраты на техническое обслуживание.⁸

В правилах предусмотрено, что автохозяйство обязано проводить инструктаж по технической эксплуатации (п. 5 Правил ЭССР). А поскольку автомобили на условиях проката водят преимущественно шоферы-любители, то инструктаж имеет особенно большое значение, он должен охватывать также вопросы, связанные с особенностями вождения выдаваемой напрокат марки автомобиля, консультированием по поводу устройства машины, ознакомлением абонента с порядком получения технической помощи в случае аварии или неисправности автомобиля и т. д.

2. Правила и договоры пользования легковыми автомобилями на условиях проката устанавливают в детализированном и конкретизированном виде многочисленные обязанности абонента, которые по их характеру можно разделить на три группы: обязанности, установленные 1) для обеспечения нормального технического пользования автомобилем, 2) для исполнения требований в соблюдении правил уличного движения, а также 3) обязанности, вытекающие из прокатных правоотношений и являющиеся свойственными только пользованию автомобилями на условиях проката.

Обязанности абонента, установленные для обеспечения нормального технического пользования автомобилем, обращают внимание абонента на то, что во время пользования автомобилем заправляются абонентом только определенными марками бензина и смазки, которые являются более подходящими для данной марки автомобиля. Так, например, п. 1-а договора пользования автомобилями на условиях проката ЭССР обязывает абонента запрашивать автомобиль только бензином марки А-72. В связи с установлением такой обязанности для абонента может возникнуть вопрос о том, стоит ли налагать на абонента такие требования, так как ассортимент бензина у нас невелик?⁹ По существу этот вопрос имеет большое значение. От детонационной стойкости (оценивается октановыми числами бензина) непосредственно зависят коэффициент полезного действия двигателя, его динамические качества, расход топлива и, что самое главное, долговечность цилиндро-поршневой группы. Поэтому автомобиль «Москвич-407» рассчитан на бензин с октановым числом 72, «Волга» — на 76, а для автомобилей высшего класса

⁸ См., напр., ч. II, п. 18 Правил Эстонской ССР.

⁹ Так, по действующему в настоящее время ГОСТу 2084-56 предусмотрен выпуск четырех сортов автомобильных бензинов: А-66, А-72, А-74, А-76.

требуется бензин с увеличенным октановым числом, например, для «Чайки» — 91, для ЗИЛ-III — 95. При работе на бензине А-66 «Москвич-407» ухудшает свои динамические качества, а в результате применения бензина низкого качества в автомобиле «Волга», вследствие детонации¹⁰ разрушается поршень двигателя. Поэтому в договоре предусматривается применение только бензина А-72, так как большинство выдаваемых автомобилей составляют «Москвичи-407». Однако при выдаче «Волги» абонента нужно обязать применять бензин А-76 и предусматривать определенный фракционный состав бензина для летнего и зимнего времени.

Правильно предусматривается в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката обязанность абонента заправлять картер двигателя маслом, предписанным автохозяйством.¹¹ Несомненно, качество смазки является одним из факторов, влияющих на износ автомобиля. Верно также то, что в типовом договоре не указываются марки смазки, так как отдельные агрегаты автомобиля требуют различных марок и сортов смазки, а их применение зависит также от времени года. Поэтому качество смазки уточняется автохозяйством при выдаче каждого автомобиля в пользование. Кроме того, было бы целесообразно в этом же пункте договора установить, что абонент должен обеспечить наличие в агрегате смазки в предусмотренном количестве. Из-за отсутствия нужного количества масла в картере расплавляются подшипники и выходит из строя двигатель автомобиля, появляется износ схватыванием и т. д. Поэтому эта весьма существенная обязанность абонента требует отражения в договоре.

Среди установленных обязанностей абонента по соблюдению правил технической эксплуатации автомобиля важнейшей является обязанность обеспечить установленную периодичность технического обслуживания и ежедневный уход за автомобилем. В Советском Союзе принята единая планово-предупредительная система технического обслуживания автомобилей. Техническое обслуживание проводится в плановом порядке и принудительно в зависимости от определенного пробега автомобиля.¹² Но не все эти виды технического обслуживания упоминаются в договоре. Например, договор, заключаемый абонентом и Таллинским парком легковых автомобилей, предусматривает обязанность абонента через каждые 1300 км пробега производить ТО-1 (п. I «в» договора) и через каждые 2500 км пробега производить

¹⁰ См. Д. Аронов, Новым автомобилям — новые бензины, «Автомобильный транспорт», 1959, № 6, стр. 20.

¹¹ Эта обязанность установлена в п. I «б» Договора пользования легковыми автомобилями на условиях проката ЭССР.

¹² См. В. М. Архангельский и др., Автомобили. Устройство, эксплуатация и ремонт, Машгиз, М., 1963, стр. 283.

ТО-1 с заменой масла (п. 1 «г» договора). Только в п. 19 Правил пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусмотрено, что абонент обязан обеспечивать установленную для данной марки автомобиля периодичность технического обслуживания и содержать автомобиль в исправном состоянии и в чистоте. Но ежедневное техническое обслуживание заключается не только в содержании автомобиля в чистоте, но и в дополнительной заправке агрегатов и механизмов топливом, маслом, в проверке технической исправности всех агрегатов автомобиля, а также в проверке состояния шин, обеспечивающей безопасность движения.¹³ Необходимость в тщательной ежедневной проверке и обслуживании автомобиля подтверждается хотя бы фактом, что причиной быстрого износа автомобильных шин¹⁴ является неисправность механизма автомобиля (отклонение от нормы угла развала передних колес).¹⁵ Таким образом, ежедневное обслуживание имеет весьма большое значение, и в договоре надо прямо фиксировать его как обязанность абонента, если он пользуется автомобилем больше одного дня.

Проведение технического обслуживания (ТО-1 и ТО-2) зависит от пробега автомобиля, а также от условий пользования им. Так как прокатные автомобили водят обычно шоферы-любители, практические навыки и умение которых невысоки, то на практике автохозяйства были вынуждены сократить периодичность ТО.¹⁶ Предусматривается обязанность абонента проводить ТО-1 через каждые 1300 км пробега (вместо 1500—1800 км), а ТО-2 — через 5—5,5 тыс. км, вместо 7,5—8 тыс. км, установленных для такси и других легковых автомобилей.¹⁷

Так как очередность проведения технического обслуживания зависит от пробега автомобиля, то надо признать правильным конкретное определение момента проведения ТО, например, через каждые 1300 км пробега.

Как ранее отмечено, правила предусматривают обязанность абонента содержать автомобиль в исправном состоянии и, в частности, запрещают нарушать опломбирование спидометра и его привода. Прямое указание на обязанность абонента не нарушать опломбирование спидометра является весьма обоснован-

¹³ См. В. М. Архангельский, Автомобили. Устройство, эксплуатация и ремонт, Машгиз, М., 1963, стр. 283.

¹⁴ См. Н. А. Сергеев и др., Автомобильные шины, Госхимиздат, М., 1963, стр. 347.

¹⁵ Иногда прокатное автохозяйство вынуждено менять покрышки уже после 2000 км. пробега (см. И. Старшинов, Нерешенные проблемы проката, «За рулем», 1962, № 3, стр. 13).

¹⁶ Так, практика показывает, что в условиях проката ходимость шин на 30% меньше, а расход запасных деталей и агрегатов на 25—30% выше, чем в таксомоторных парках (см. Б. Гладиллин, Прокат — дело перспективное, «Автомобильный транспорт», 1963, № 23, стр. 26).

¹⁷ См. И. Старшинов, Нерешенные проблемы проката. «За рулем». 1962, № 3, стр. 13.

ным, так как на практике имеют место факты умышленного нарушения опломбирования спидометра и его привода. Спидометр или его привод открываются некоторыми абонентами с целью показать пробег меньше фактического и таким образом уменьшить прокатную оплату за пользование автомобилем. Но дело не только в том, что автохозяиство не получает вознаграждения в таком размере, в каком оно фактически имеет право получить его за пользование автомобилем, а в том, что на основе пробега автомобиля устанавливается необходимость его ремонта, на основе показателей пробега автомобилей автохозяиства снабжаются запасными частями, шинами и, в конце концов, лишь после определенного пробега разрешается списывать старые автомобили. Поскольку от пробега автомобиля зависят многие экономические последствия для автохозяиства, нарушение опломбирования спидометра надо считать важнейшим нарушением своих обязанностей со стороны абонента.

Вторая группа обязанностей абонента, установленная договором пользования легковыми автомобилями на условиях проката, содержит в себе некоторые обязанности, выполнение которых признано обязательным для всех водителей механического транспорта и самодвижущихся дорожных машин Правилами движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР. В результате этого договор пользования легковыми автомобилями на условиях проката лишь воспроизводит обязанности, которые абонент должен как любой водитель автомашины выполнять точно во всех случаях, независимо от того, предусмотрены ли такие требования договором проката или нет. Так, например, п. 2 договора пользования легковыми автомобилями на условиях проката ЭССР гласит, что при пользовании автомобилем абонент обязан строго соблюдать «Правила пользования легковыми автомашинами на условиях проката», а именно: а) не управлять автомобилем в нетрезвом состоянии, б) перевозить пассажиров в автомобиле в количестве не более (включая место шофера), чем предусмотрено договором. В Правилах абонент обязывается при пользовании автомобилем иметь при себе удостоверение шофера, удостоверение на право пользования автомобилем на условиях проката и прокатный лист (п. 19 «б» Правил ЭССР). В правилах движения водителям запрещается управлять транспортом в состоянии хотя бы самого легкого опьянения или даже с наличием запаха алкоголя (п. 22 «а»).¹⁸ П. 18 требует от водителя при управлении транспортом

¹⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 октября 1961 г. «Об ответственности водителей автотранспорта и городского электротранспорта за управление транспортом в нетрезвом состоянии» распространяется и на лиц, не являющихся работниками транспорта и влечет за собой лишение права управлять транспортом на определенный срок («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 40, ст. 557).

иметь при себе водительское удостоверение, талон на право эксплуатации транспорта соответствующего вида и путевой (маршрутный) лист.¹⁹ Эти обязанности предусматриваются в Правилах уличного движения более четко, чем в Правилах или в договоре проката. В силу этого едва ли надо перечислять в Правилах или в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката все многочисленные требования и обязанности абонента, которые предусматриваются Правилами уличного движения и которые абонент должен выполнять как любой водитель автомобиля. Любой гражданин, имеющий шоферские права, знает обязанности водителя механического транспорта и должен выполнять их без упоминания о них в договоре. Перечисление в договоре лишь некоторых требований, вытекающих из правил уличного движения, как обязательных для абонента может создать впечатление, что только выполнение названных требований является для абонента обязательным. Поэтому целесообразно исключить из договора и эти конкретные обязанности, а вместо них ввести более общий пункт, по которому абонент обязан точно выполнять при пользовании автомобилем все требования, предусмотренные Правилами движения по улицам и дорогам СССР для водителей механического транспорта.

Третья группа обязанностей абонента, как нами уже отмечалось, содержит в себе обязанности, которые являются специфическими лишь для прокатных отношений по пользованию легковыми автомобилями на условиях проката. Таких обязанностей для абонента установлено немало.

Все Правила пользования легковыми автомобилями по условиям проката предусматривают обязанность абонента при получении автомобиля от автохозяйства лично осмотреть автомобиль (п. 19 «а» правил ЭССР), отметить имеющиеся недостатки, проверить наличие опломбирования и исправность спидометра и его привода (п. 13 Правил РСФСР). При этом, однако, может возникнуть мнение, что эта обязанность не является специфической для прокатных правоотношений, так как Правила уличного движения возлагают обязанность осмотра автомобиля перед выездом на каждого водителя. Действительно, п. 20 «а» Правил уличного движения предусматривает такую обязанность, но она по своему содержанию остается более узкой, по сравнению с аналогичной обязанностью осмотра автомобиля со стороны абонента. Обязанность осмотреть автомобиль по Правилам уличного движения имеет целью обеспечить безопасность движения и требует выяснить перед выездом техническое состояние самых важных агрегатов автомобиля, таких,

---

¹⁹ См. Правила движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР, изд. «Ээсти Раамат», Таллин, 1964.

как тормозная система, рулевой механизм и пр. А по Правилам пользования легковыми автомобилями на условиях проката аналогичная обязанность водителя-абонента имеет, кроме названных, еще и другие цели. Осмотр автомобиля в этом случае должен выявить и такие технические недостатки, которые для нормальной эксплуатации автомобиля никакого значения не имеют (например, внешние повреждения, исправность опломбирования спидометра, наличие инструментов и т. д.), но с точки зрения прокатных отношений весьма важны.

Правильно отмечается в литературе, что обязанность абонента осмотреть автомобиль — это не только обязанность, но и право абонента, вытекающее из обязанности автохозяйства предоставить автомобиль абоненту в полной технической исправности.²⁰ Э. М. Тынисмяэ сделал также правильный вывод о том, что право осмотреть получаемую напрокат машину абонент может осуществить по его желанию и с участием вызванного им другого лица (специалиста),²¹ чтобы не дать возможности работникам автохозяйства злоупотреблять передачей автомобилей с дефектами, а затем за счет абонентов покрывать результаты своей нераспорядительности.²² Такое право надо оговорить и в типовом договоре.

Основной обязанностью абонента считается внесение платы за пользование автомобилем.²³ Плата за пользование автомобилями взимается по тарифам, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 30 июня 1962 г. № 895,²⁴ постановлением Совета Министров ЭССР от 6 мая 1964 г. № 203.²⁵ Различается несколько видов тарифов платы за пользование автомобилями: почасовой, суточный и за полный месяц. При этом надо отметить, что по тарифам ЭССР за время пользования автомобилем в пределах до 8 часов взимается оплата из расчета почасового тарифа и свыше 8 часов — как за полные сутки, а по тарифам РСФСР — не менее чем за одни сутки всегда, т. е. последние не предусматривают вообще почасового тарифа. При пользовании автомобилем до 10 календарных суток абонентная плата взимается по суточному тарифу, установленному для первых десяти суток. Для вторых десяти суток предусмотрены тарифы ниже первых десяти суток, а при пользовании автомобилем свыше 20 суток с абонента взимается

²⁰ См. Э. М. Тынисмяэ, Договор проката легковых автомобилей, Вестник Ленинградского университета, № 23, Серия экономики, философии и права, вып. 4, 1962, стр. 108.

²¹ См. там же, стр. 108—109.

²² См. Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей, «Социалистическая законность», 1961, № 6, стр. 65.

²³ См. Э. М. Тынисмяэ, там же, стр. 108.

²⁴ СП РСФСР, 1962, № 3, ст. 75.

²⁵ СП ЭССР, 1964, № 20, ст. 69.

плата по месячному тарифу. Таким образом, размер оплаты зависит непосредственно от продолжительности пользования автомобилем на условиях проката. Единными тарифами предусмотрены и некоторые исключения в отношении размера оплаты. Так, для некоторых областей (Сахалинской, Магаданской и др.) единными тарифами установленные размеры абонементной платы повышаются на 25%, а на период с ноября по апрель Министерством автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР размеры абонементной платы могут снижаться до 25%.²⁶

Прокатная плата за пользование автомобилем различается в зависимости от марки автомашины. Так, например, месячная абонементная плата за пользование автомобилем М-20 «Победа» и ГАЗ-69 установлена в размере 48 рублей, М-21 «Волга» — 50 рублей, «Москвич» — 44 рубля (Единые тарифы РСФСР). Но плата за пользование автомобилем взимается по тарифам не только из расчета фактической продолжительности проката, но и фактического пробега автомобиля. Так, тарифами предусматривается, кроме абонементной платы, дополнительная плата за каждый километр пробега: 3,3 копейки — для марки М-20 «Победа», 4,0 копейки — для М-21 «Волга» и 2,9 копеек — для «Москвича». ²⁷ Из учета продолжительности пользования и пробега автомобиля определяется общая сумма прокатной платы за пользование автомобилем. При получении автомобиля в пользование абонент обязан вносить аванс в сумме, обеспечивающей оплату договорного срока пользования и среднесуточного пробега автомобиля из расчета 100 км, который включается в сумму прокатной платы при окончательном расчете.

На практике возникло мнение, согласно которому прокатную плату следовало бы взимать с абонента только из расчета фактической продолжительности пользования автомобилем, не учитывая фактического пробега автомобиля во время пользования им. Обосновывается такое предложение тем, что в этом случае абоненты не будут заинтересованы показывать пробег меньше действительного и уменьшать показатели спидометра при помощи некоторых приемов, применение которых часто даже невозможно установить. И если действительный пробег автомобиля правильно отражается на спидометре, то автомобили пробегают без дополнительного ремонта установленные нормативы километража, после чего для ремонта предоставляются запасные части. А это является гарантией нормальной работы автохозяйства, так как автомобили пробегают предусмотренный километраж, автохозяйство снабжается запасными частями, автомобили ремонтируются и автохозяйства не попадают в экономически затрудненное положение.

²⁶ Единые тарифы п. 1 СП РСФСР, 1962, № 13, стр. 237.

²⁷ См. Единые тарифы РСФСР.

Надо признать, что приведенные аргументы являются правильными. Действительно, некоторые абоненты уменьшают показатели спидометра, чтобы меньше платить за пользование автомобилем. Правильно и то обстоятельство, что автомобили вследствие пользования на условиях проката выходят из строя, не пробегая предусмотренного километража, их износ выше нормированного по данным о пробеге автомобиля. Эти обстоятельства создают при нынешней системе оплаты хозяйственные трудности для автохозяйств и отрицательно сказываются на уровне технического состояния прокатного автопарка.

Но взимание прокатной платы с абонента только на основе фактической продолжительности проката не является выходом из положения и не улучшает экономического состояния автохозяйства, а, наоборот, ухудшит его. В таком выводе нас убеждают следующие элементарные расчеты. Скажем, автохозяйство предоставило абоненту в пользование на условиях проката автомобиль «Москвич-407» сроком на месяц. Как показывает практика прокатных автохозяйств ЭССР, абоненты, пользуясь легковыми автомобилями в течение месяца для поездки на юг, проезжают в среднем 6000 км. В таком случае автохозяйство получает от абонента 44 руб. абонементной платы и 174 руб. (6000 км × 2,9 коп.) за километраж, т. е. всего 218 рублей. И если эту сумму разделить на 30 дней, то получается 7 рублей 26 копеек за сутки. В гор. Риге, где прокатная плата за пользование автомобилем взимается на основе продолжительности проката, установлен суточный тариф в размере 8 рублей. Принятие за основу расчета суточного пробега автомобиля в 200 км является более или менее правильным, так как средний пробег прокатного автомобиля в г. Таллин был в 1962 году 122 км; в 1963 году 128 км, а среднесуточный пробег таксомоторов в Советском Союзе в 1958 году был 213 км, в 1959 — 214, в 1960 — 215, в 1961 — 237 и в 1962 году 245 км.²⁸

Но дело в том, что если прокатная плата не ставится в зависимость от пробега автомобиля, то среднесуточный пробег прокатного автомобиля повышается в несколько раз. Так, после принятия новой системы расчета прокатной платы среднесуточный пробег прокатного автомобиля достигал в некоторых случаях 500—600 км, а подобные результаты для прокатного автохозяйства являются невыгодными. Проиллюстрируем это на примере. За основу возьмем месячный тариф, равный 240 руб. И если считать, что автомобиль «Москвич» до полного износа проезжает 100 000 км, значит за каждые сутки 500 км, то выходит, что пользоваться можно им только 200 суток. За пользование автомобилем на условиях проката автохозяйство получает аба-

²⁸ См. Народное хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник, Госстатиздат, М., 1963, стр. 420.

Таблица 1

Абонементная плата за месяц, руб.	Среднесуточный пробег автомобиля, км	Абонементная плата за пробег, руб.	Вся абонементная плата за прокат, руб.	Месячная разница абонементной платы за пробег автомобиля, руб.
240	—	—	240	0
44	200	174	218	+ 22
44	300	261	365	- 125
44	400	348	392	- 152
44	500	435	479	- 239

нементную плату (8 руб. за сутки), т. е. всего 1600 руб., а балансовая стоимость «Москвича» составляет 1365 руб. Поэтому такая система расчета прокатной оплаты является неприемлемой. Однако есть и другой вариант — повысить прокатную оплату за сутки. Но и здесь возникают возражения, ибо в таком случае абонементная плата достигнет тарифов, установленных за пользование легковыми таксомоторами. Так, если суточный тариф за пользование легковыми автомобилями установить 10 рублей, а абонент проедет в сутки не больше 100 км, то он будет платить 10 копеек за километр (без учета стоимости бензина и т. д.), т. е. точно столько же, сколько и за пользование легковым таксомотором.²⁹ Для того, чтобы пользоваться легковым автомобилем на условиях проката при оплате 10 рублей в сутки и желая платить за один километр пробега не более, чем по ныне действующему тарифу, абонент должен за каждые сутки проехать не менее 300 километров. К тому же даже ныне действующие тарифы являются уже довольно высокими и в зимнее время, например, большинство автомобилей стоит в автохозяйствах.

Поэтому нам кажется более приемлемым ныне действующий порядок, согласно которому прокатная оплата определяется на основе действительной продолжительности проката и действительного пробега автомобиля во время пользования на условиях проката. Но здесь надо принять меры к устранению возможности уменьшать показатели спидометра, кроме опломбирования спидометра и его привода, так как опломбирование не ликвидирует возможности регулировать показатели спидометра со стороны абонента. Мы имеем в виду такие технические дополнения к спидометру, чтобы при движении карданового вала в

²⁹ За пользование легковыми таксомоторами с клиента взимается за один км 10 копеек (см. Постановление Совета Министров РСФСР от 13 апреля 1960 г., № 511, СП РСФСР, 1960, № 16, ст. 67).

обратном направлении не уменьшались бы показатели спидометра, и т. д. В результате этого отпадает возможность незаметно для автохозяинства уменьшать показатели пробега, чем будет обеспечено и нормальное пользование автомобилями на условиях проката.

В правилах и в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусматривается ряд правил запрета для абонента. Такие правила запрещают абоненту пользоваться автомобилем в корыстных целях или в качестве источника дохода (перевозить пассажиров и грузы за плату и т. д.), снимать с автомобиля эмблему «Прокат», перевозить в автомобиле какие-либо грузы и другие предметы, пачкающие и портящие обивку автомобиля, и производить поездки по непроезжим для легкового автотранспорта дорогам (п. 16 Правил РСФСР, п. 20 Правил ЭССР и п. I Договора пользования легковыми автомобилями в условиях проката ЭССР). Названные обязанности абонента необходимы и их надо сохранить в Правилах и в договорах, тем более, что некоторые из них не предусматриваются Правилами уличного движения. В литературе установление этих обязанностей возражений не вызывает. Вместе с тем правильно предлагается выработать единый знак отличия прокатных автомобилей от автомобилей другого назначения.³⁰

Большое значение имеет запрещение передавать управление автомобилем другому лицу (п. 16 Правил РСФСР, п. 20 Правил ЭССР). Запрещение передавать управление автомобилем другому лицу по Правилам пользования автомобилями на условиях проката по своему содержанию шире, чем аналогичный запрет, установленный в Правилах уличного движения. Если последние запрещают передавать управление автомобилем лицу, не имеющему шоферского удостоверения или имеющему удостоверение, но не записанное на путевом листе,³¹ то Правила пользования автомобилями на условиях проката запрещают передавать управление любому лицу, независимо от того имеет ли он шоферские права или нет. Этот факт объясняется тем, что Правила пользования автомобилями на условиях проката, устанавливая названный запрет, кроме обеспечения безопасности уличного движения, имеют в виду и интересы автохозяинства, не доверяя руль прокатного автомобиля лицу, опыт и навыки которого в управлении автомобилями автохозяинство не проверяло и в наличии которых у гражданина автохозяинство не убедилось. Несомненно, такое требование надо считать целесообразным.

Договором предусматриваются некоторые обязанности для

³⁰ См. Б. Г л а д и л и н, Прокат — дело перспективное, «Автомобильный транспорт», 1963, № 3, стр. 26.

³¹ См. п. 22 «д» Правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР.

абонента в случае технической неисправности автомобиля. Так, например, договор пользования автомобилями на условиях проката Таллинского парка легковых автомобилей предусматривает, что в случае выхода автомобиля из строя за пределами города или республики, абонент обязан доставить автомобиль в Таллинский парк легковых автомобилей за свой счет (п. 9 Договора). В названной норме надо признать правильной мысль, что, когда это необходимо, абонент должен доставить автомобиль при его выходе из строя в автохозяйство за свой счет, но требовать от абонента при выявлении всякой неисправности доставки автомобиля в автохозяйство нецелесообразно. В зависимости от характера неисправности автомобиля в некоторых случаях надо предоставить абоненту право устранения неисправности в ближайшей мастерской и требовать от абонента соответственного оформления ремонта. Такой порядок ликвидировал бы нецелесообразные перевозки автомобиля, обеспечил бы оперативное устранение дефектов и способствовал бы дальнейшей эксплуатации автомобиля без его доставки в г. Таллин иногда даже из отдаленных местностей.

При возникновении неисправности в приводе или механизме спидометра абонент обязан на ближайшей станции технического обслуживания или на автобазе составить акт и устранить дефект с последующей опломбировкой спидометра.

Одна из основных обязанностей абонента — это обязанность своевременно вернуть автомобиль в автохозяйство (п. 19 Правил РСФСР, п. 6 типового договора ЭССР). Она является важной для планомерной работы автохозяйства по обслуживанию своих абонентов.³² Установление названной обязанности надо признать правильным, а на практике необходимо требовать от абонентов точного исполнения этой обязанности.

В ныне действующих Правилах и типовых договорах является неразрешенным вопрос об обязанности абонента страховать выдаваемые напрокат автомобили на случай их повреждения и вопрос о страховании гражданской ответственности за вред, причиненный при эксплуатации автомобилей.³³

Уже в течение нескольких лет как в юридической литературе, так и работниками автомобильного транспорта подчеркивается необходимость страхования прокатных автомобилей.³⁴ Нам ка-

³² См. Э. М. Тынисмяэ, там же, стр. 109.

³³ См., напр., Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей, «Социалистическая законность», 1961, № 26, стр. 65; В. Рахмилович, О страховании гражданской ответственности, «Советская юстиция», 1962, № 4, стр. 21; Н. Г. Катаян, Договор проката легковых автомобилей, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, М., 1963, стр. 151 и мн. др.

³⁴ См., напр., И. Старшинов, Нерешенные проблемы проката, «За рулем», 1962, № 3, стр. 13; С. Артемьев, Д. Половинчик, Новые виды страхования подсказывает жизнь, «Советская юстиция», 1961, № 11, стр. 3 и др.

жется, что предложения о страховании прокатных автомобилей являются весьма правильными. Страхование прокатных легковых автомобилей защищает интересы обеих сторон — освобождает абонента от необходимости возмещать случайно причиненный вред, и, что самое главное, — гарантирует автобазу от наступления невыгодных экономических последствий. Действительно, в некоторых случаях при взыскании с абонентов вознаграждения за ущерб, причиненный автохозяйству, возникают трудности. Особенно ухудшается положение автохозяйства в тех случаях, когда в результате аварии наступает смерть абонента, как причинителя ущерба, утрата им трудоспособности или если у него отсутствует имущество, за счет которого можно было бы произвести взыскание. Поэтому на балансах автохозяйств, которые выдают напрокат легковые автомобили, в течение длительного времени находятся значительные суммы дебиторской задолженности, которые часто надо списывать как нереальные. Такое положение прямо требует введения обязательного страхования автомобиля, так как только страхование может ликвидировать названное ненормальное положение. Однако, неправильно ограничиваться страхованием легкового автомобиля только от несчастного случая, а надо страховать автомобиль от наступления любой аварии. При этом интересы Госстраха обеспечиваются предоставлением ему права регрессного требования причиненного ущерба от виновного и правом отказа от выплаты страховой суммы автобазе, если в аварии или в любом другом повреждении виновны автобаза, конструктивные недостатки автомобиля, либо недоброкачество первичного материала, из которого изготовлены отдельные части и детали, как правильно отмечает Э. Д. Соколова.³⁵

Надо также отметить, что согласно постановлению СНК СССР от 3 февраля 1938 г., государственное имущество, сданное в аренду или в пользование на других началах отдельным лицам, подлежит страхованию в обязательном порядке.³⁶ К тому же, страхование государственного имущества, выдаваемого в пользование гражданам, не является особой новостью и для прокатных правоотношений. Напомним, например, что все музыкальные инструменты (пианино, рояли), выдаваемые в пользование на условиях проката, подлежат обязательному страхованию. Однако вопрос о страховании прокатных легковых автомобилей, являющихся самыми дорогостоящими предметами государственной собственности, выдаваемыми в пользование гражданам, остается нерешенным со стороны Министерства финансов СССР уже в течение нескольких лет.

³⁵ См. Э. Д. Соколова, Об ответственности граждан, взявших легковой автомобиль напрокат, Вестн. Московского университета; серия X, Право, 1962, № 3, стр. 53.

³⁶ СП СССР, 1938, № 7, ст. 46.

Кроме обязательного страхования прокатных автомобилей, большинство из авторов выступают в литературе и за страхование гражданской ответственности за ущерб, причиненный при эксплуатации прокатных автомобилей.³⁷ Против страхования гражданской ответственности выступил в литературе В. Рахмилович.³⁸ Однако приведенные соображения являются неубедительными.

Утверждение автора о том, что страхование гражданской ответственности абонента служит освобождением его от этой ответственности, доказывает лишь то, что автор не обращает внимания на право страховщика на регресс, как правильно отмечает Н. Г. Катаян.³⁹ Действительно, в результате страхования своей гражданской ответственности абонент ни в коем случае не освобождается от этой ответственности перед Госстрахом. Надо отметить, что смысл страхования гражданской ответственности абонента не состоит в том, чтобы освободить его от гражданско-правовой ответственности вообще, а в том, чтобы сложить с него ответственность за случайное причинение ему вреда автомобилем как источником повышенной опасности и обеспечить интересы граждан при причинении им вреда прокатными автомобилями. В случаях, когда гражданам причинен вред автомобилем, принадлежащим государственной организации, например, таксомотором, взыскание присуждаемых сумм в пользу потерпевших граждан производится немедленно без каких-либо препятствий. Если же вред причинен гражданам прокатным автомобилем, то взыскание производится несвоевременно, а иногда и вообще не может быть произведено в связи со смертью владельца или полным отсутствием у него имущества. В результате такого положения права потерпевшего на утраченную им заработную плату, расходы на санаторно-курортное лечение, протезирование, восстановление поврежденного имущества и т. д. гарантированы, если увечье причиняется ему, например, таксомотором. Если же аналогичное действие произведено прокатным автомобилем, то предусмотренные законом права на возмещение материального ущерба гарантируются только частично (практически один гражданин не может возместить ущерб автотехнику за повреждение автомобиля и потерпевшему за причиненные увечья) или остаются совсем без гарантии, если, например, причинитель ущерба, абонент, умер. В целях охраны

³⁷ См., напр., Н. Малейн, Страхование гражданской ответственности, «Советская юстиция», 1962, № 11, стр. 22; С. Артемьев, Д. Половинчик, Новые виды страхования подкашивает жизнь, «Советская юстиция», 1961, № 11, стр. 3; Н. Г. Катаян, Договор проката легковых автомобилей, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, 1963, стр. 152 и др.

³⁸ См. В. Рахмилович, О страховании гражданской ответственности, «Советская юстиция», 1962, № 4, стр. 21.

³⁹ См. Н. Г. Катаян, Договор легковых автомобилей, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, 1963, стр. 152.

интересов таких потерпевших и предлагается ввести обязательное страхование гражданской ответственности.

Если страхование гражданской ответственности призвано служить обеспечению материальных интересов потерпевших — советских граждан, — то такой институт по своему содержанию является для социалистического общества и права полностью приемлемым и даже необходимым. В литературе справедливо указывается на то, что в 1926 году было введено страхование гражданской ответственности на путях сообщения и такой институт действует в некоторых социалистических государствах и поныне.⁴⁰ Необоснованными являются возражения В. Рахмиловича против страхования гражданской ответственности, хотя он и ссылается на ст. 3 Основ гражданского законодательства. Действительно, Основы не предусматривают такого вида страхования, но зато они указывают, что отношения по государственному страхованию регулируются законодательством Союза ССР и союзные органы могут в любое время издать акты, направленные на регулирование отдельных видов страхования.

Некоторые противники установления страхования гражданской ответственности абонента пишут, что такие меры могут вызвать рост аварийности. Такой аргумент неоснователен, и мы поддерживаем авторов, которые высказались против такого аргумента. С этим аргументом нельзя согласиться так же, как нельзя согласиться с тем, что страхование от огня вызывает рост пожаров, а обязательное окладное страхование животных в колхозах — их дополнительный падеж.⁴¹

Нам кажется срочно необходимым введение обязательного страхования прокатных автомобилей и страхования гражданской ответственности абонента за ущерб, причиненный при эксплуатации прокатного автомобиля, и предусмотрение такой обязанности в Правилах и в договоре проката легковых автомобилей.

---

⁴⁰ См. Н. Мален, Страхование гражданской ответственности, «Советская юстиция», 1962, № 11, стр. 22; Н. Г. Катанян, Договор проката легковых автомобилей, Уч. зап. ВЮН, 1963, вып. 17, стр. 152—153.

⁴¹ См. С. Артемьев, Д. Половинчик, Новые виды страхования подсказывает жизнь, «Советская юстиция», 1961, № 11, стр. 3.

POOLTE KOHUSTUSTEST SÕIDUAUTO ELUKONDLIKU ÜÜRIMISE LEPINGU JÄRGI

E. Ploom

Resümee

Poolte kohustustel sõiduautode elukondliku üürimise lepingus on terve rida spetsiifilisi jooni tingitult asjaolust, et mainitud lepingu esemeks on sõiduauto — suurema ohu allikas.

Automajandi põhiline ülesanne on anda sõiduauto abonendile üle tehniliselt korrasolevana. Auto tehnilise korrasoleku kindlustamiseks osutub eriti tähtsaks tehniline hooldus ning jooksev remont ja kapitaalremont. Artiklis asutakse seisukohale, et kapitaalremondi kõrval tuleb ka jooksva remondi tegemine lugeda automajandi kohustuseks, sest ainult automajandil on selleks tehniline baas ja vajalikud detailid.

Artiklis rõhutatakse vajadust instrueerida põhjalikult abonenti tehnilise hoolduse ja ekspluateerimise alal. Tehakse ettepanek tähelepanelikult kontrollida ka elukutseliste autojuhtide sõiduautode juhtimise praktilisi oskusi. Abonendile pandud hulgalised kohustused jaotatakse artiklis kolme liiki: 1) kohustused auto normaalse tehnilise kasutamise kindlustamiseks, 2) kohustused liikluseeskirjade täitmiseks ja 3) ainult sõiduautode elukondliku üürimise suhetest tulenevad spetsiifilised kohustused.

Abonendile sõiduauto normaalse tehnilise kasutamise tagamiseks pandud kohustuste täitmine (ainult nõutava bensiini ja määrdeõli kasutamine, tehnilise hoolduse õigeaegne läbiviimine jt.) on väga tähtis ja nende mittetäitmist tuleb hinnata kui abonendi kohustuste tõsist rikkumist.

Liikluseeskirjade täitmiseks abonendile pandud kohustuste loetelu ei hõlma aga kõiki kohustusi, mida abonent peab täitma liikluseeskirjade järgi kui sõiduauto juhtija, ja seetõttu oleks õigem sõiduautode üürimise lepingus märkida vaid abonendi kohustust täita täpselt kõiki liikluseeskirju.

Spetsiaalsetest kohustustest käsitletakse artiklis põhjalikumalt abonendi kohustust maksta automajandile ettenähtud üür. Põhjendatakse vajadust määrata üür lähtudes sõiduauto kasutamise ajast ja auto läbijooksust ning näidatakse kahjulikud majanduslikud tagajärjed automajandile, kui üür arvestada ainuüksi kasutamise aja alusel.

Automajandi töö planeerimisel on väga oluline, et abonendid üüritud autod õigeaegselt tagastaksid.

Artiklis toetatakse juriidilises kirjanduses ja praktikute poolt korduvalt rõhutatud vajadust viia sisse elukondlikule üürile anta-

vate sõiduautode kindlustus ning samuti ka tsiviilvastutuse kindlustamine, mis hoiaks ära automajandile kahjulikud majanduslikud tagajärjed, vabastaks abonendi vastutusest juhuse ja automajandi süü tõttu toimunud kahju tekitamise juhul ning tagaks kolmandatele isikutele tekitatud kahjude hüvitamise võrdselt juhtudega, kui neile tekitatakse kahju riiklikele organisatsioonidele ja kodanikele isikliku omandiõiguse alusel kuuluvate autodega.

ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Аспирант П. П. Касък

Кафедра гражданского права и процесса

В период развернутого строительства коммунистического общества удовлетворение все более растущих материальных и культурных потребностей советских граждан осуществляется, в основном, двумя способами: во-первых, соответственно количеству и качеству труда, т. е. в виде заработной платы, и, во-вторых, независимо от количества и качества труда, т. е. за счет общественных потребительских фондов. О взаимоотношении этих способов распределения общественного продукта в программе КПСС говорится: «... по мере продвижения к коммунизму, личные потребности будут все больше удовлетворяться за счет общественных фондов потребления; темпы их роста превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду».¹ Вместе с тем, там же констатируется, что «оплата по труду в течение предстоящего двадцатилетия останется основным источником удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся».²

Следовательно, в течение предстоящих двух десятилетий удовлетворение личных потребностей советских граждан будет осуществляться, в основном, посредством предметов потребления, которые находятся в личной собственности гражданина и приобретаются им за получаемую зарплату. В связи с повышением индивидуальных ставок заработной платы и снижением розничных цен на предметы потребления, значение личной собственности будет в дальнейшем возрастать до тех пор, пока распределение за счет общественных фондов не возьмет перевеса и не станет решающим.

Из этого в настоящее время и вытекает актуальность про-

¹ См. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1962, стр. 389.

² См. там же, стр. 388.

блемы права личной собственности. Верное решение этих проблем непосредственно связано с благосостоянием советских людей.

В гражданском законодательстве последних лет и, прежде всего, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в Гражданском кодексе Эстонской ССР и в гражданских кодексах других союзных республик вопросы права личной собственности разработаны достаточно глубоко. В них зафиксированы общие принципы права личной собственности, дозволенные направления его осуществления и конкретные правила для случаев из жизни.

Советские люди, хорошо зная права, данные им законом, вполне обоснованно заинтересованы в возможности полного осуществления этих прав. Поэтому центр тяжести переносится теперь с выработки новых норм права личной собственности на проведение в жизнь этих норм, на вопросы осуществления и защиты права. В этой области открылось широкое поприще как для юристов-теоретиков, так и для юристов-практиков, которые своей совместной работой должны обеспечить возможность законного осуществления права личной собственности и его защиту.

В настоящей статье поставлена задача проанализировать некоторые вопросы осуществления права личной собственности на автомобилотранспортные средства. До сих пор эти вопросы в специальной литературе почти не рассматривались, а образовавшиеся способы разрешения этих вопросов на практике нередко существенно ограничивают осуществление права личной собственности.

Как известно, согласно ст. 25 Основ и ст. 109 ГК Эстонской ССР, в личной собственности граждан может находиться имущество, предназначенное для удовлетворения их материальных и культурных потребностей. Общеизвестно, что к такому имуществу могут относиться и следующие автомобилотранспортные средства: легковая автомашина, мотоцикл, мотороллер и мопед.

Согласно ст. 26 Основ и ст. 120 ГК Эстонской ССР, имущество может принадлежать на праве общей собственности двум или нескольким лицам. Общая собственность не является самостоятельной формой или видом собственности — в виде общей собственности могут выступать как социалистическая, так и личная собственность. В упомянутых статьях закона установлены два вида общей собственности: долевая и совместная. Общая собственность является долевой, если каждому из общих собственников принадлежит определенная доля, и совместной, если общим собственникам принадлежат неопределенные доли (собственность супругов и членов колхозного двора). Следовательно, двум или нескольким гражданам могут принадлежать на праве общей долевой и общей совместной собственности так-

же названные автомототранспортные средства. Эта точка зрения, вытекающая из закона, не находит возражений, и на практике мы можем довольно часто встретить случаи, когда легковая автомашина, мотоцикл, мотороллер или мопед принадлежит сообще супругам, членам колхозного двора или другим гражданам.

Сущность права общей собственности состоит в том, что оно дает двум или нескольким лицам возможность сообще приобрести какое-либо имущество и совместно пользоваться им в целях удовлетворения своих потребностей.³

Естественно, что эти общие принципы распространяются и на общую собственность граждан, если этой собственностью являются автомототранспортные средства. Отрицать это, даже частично, значит впасть в противоречие: с одной стороны, признавать общую собственность граждан на автомототранспортные средства, а, с другой стороны, не признавать всех способов совместного приобретения автомототранспортных средств и их совместного пользования.

К сожалению, именно такой противоречивой и является наша практика. Общая собственность на автомототранспортные средства признается, но если два или несколько граждан желают сообще купить себе легковую машину или какое-либо другое автомототранспортное средство, они наталкиваются на непреодолимые препятствия. Исключение в этом смысле составляют лишь супруги и члены колхозного двора, у которых возникает право общей собственности при покупке автомототранспортного средства в силу ст. 27 Основ, ст. 127 ГК Эстонской ССР и ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке, действующих на территории Эстонской ССР.⁴ Другие граждане могут стать общими собственниками автомототранспортного средства только путем наследования, получения в подарок или в результате некоторого исключительного судебного спора. Но и в таких случаях у субъектов права общей собственности осуществление их субъективного права существенно ограничено или вообще неосуществимо, и это, прежде всего, в отношении пользования. Чем же обусловлено такое положение?

Как известно, продажа гражданам новых автомототранспортных средств производится у нас через государственные и кооперативные торговые организации. Продажа бывших в употреблении легковых автомашин и тяжелых мотоциклов (объемом цилиндра 500 см³ и более), принадлежащих гражданам, производится соответственно постановлениям Совета Министров Эстонской ССР № 151 от 6 апреля 1961 года⁵ и № 529 от 4 ноября

³ См. Советское гражданское право, т. I, Юридическая литература, М., 1965, стр. 385.

⁴ В дальнейшем: КЗоБСО Эстонской ССР.

⁵ См. СП ЭССР, 1962, № 13, ст. 48.

1962 года⁶ через государственные комиссионные магазины. При этом торговые организации не продают одно автомобилотранспортное средство нескольким гражданам, и документы, свидетельствующие о праве собственности, оформляются только на имя одного человека. Аналогично поступают и органы государственной автоинспекции. При принятии на учет автомобилотранспортного средства, принадлежащего гражданам на праве общей собственности, оно регистрируется только на имя одного из общих собственников, которому и выдается технический паспорт с талоном.

Такой порядок вытекает из общесоюзно действующих правил регистрации и учета автомобилотранспортных средств, которые выработаны соответственно постановлению Совета Министров СССР № 1022 от 30 сентября 1963 г. В статье 5 этих правил сказано: «Транспортные средства, находящиеся в личной собственности граждан, регистрируются только на одного владельца» (разрядка наша — П. К.). Хотя для торговых организаций и не существует официального запрета в реализации автомобилотранспортных средств нескольким гражданам, но практика сложилась с учетом правил регистрации, и торговые организации отказываются продавать автомобилотранспортные средства нескольким гражданам.

Содержание ст. 5 правил регистрации автомобилотранспортных средств и упомянутая практика торговых организаций по продаже автомобилотранспортных средств явно противоречат нормам Основ и ГК Эстонской ССР, регулирующим право личной и общей собственности. Возникли незаконные препятствия в осуществлении права личной собственности. Эти препятствия выражаются прежде всего в том, что из граждан, купивших на общие деньги автомобилотранспортное средство, только один имеет возможность оформить свое право собственности. В отношении супругов и членов колхозного двора права других участников защищаются нормами вышеназванных законов, но желающие купить автомобилотранспортное средство на основе права общей долевой собственности попадают в очень неравное положение. В то время, как на имя одного собственника оформляется право собственности на всю машину (т. е. как на свою часть, так и на части, принадлежащие другим), право других собственников остается законно вообще не оформленным. Они имеют возможность обеспечить свои законные интересы лишь косвенным путем, т. е. при помощи других сделок, например, путем заключения договора займа с лицом, на имя которого оформлено право собственности на автомобилотранспортное средство.

Можем ли мы в таких случаях вообще говорить о праве об-

---

⁶ См. СП ЭССР, 1962, № 54, ст. 195.

щей долевой собственности на автомототранспортное средство? По-видимому, нет.

Соответственно ст. 121 ГК Эстонской ССР принцип права общей долевой собственности заключается в том, что владение, пользование и распоряжение осуществляются по соглашению ее участников, а в случае разногласий спор разрешается судом. Однако без законного оформления права общей долевой собственности никто из них не может требовать реализации этого принципа. А лицо, оформленное в качестве единственного собственника, может пользоваться автомототранспортным средством по своему усмотрению и даже распоряжаться им единолично, например, отчудить его без согласия собственников и без предоставления им возможности осуществления права преимущественности покупки. С юридической точки зрения при таком оформлении мы имеем дело не с общей долевой собственностью, а с индивидуальной личной собственностью, и, с другой стороны, с отношением займа между субъектом права личной собственности и лицами, которые дали ему деньги для покупки автомототранспортного средства.

В большинстве случаев лица, купившие на общие деньги автомототранспортное средство, добровольно и честно выполняют все предписания закона об общей долевой собственности, несмотря на то, что право собственности на автомототранспортное средство оформлено только на имя одного из них. Возможно, что и суд признает право общей долевой собственности относительно всех лиц, которые сообща купили автомототранспортное средство. Могут ли при таком условии лица, которые сообща купили автомототранспортное средство, сообща им и пользоваться? Согласно практике, сложившейся в настоящее время, — не могут.

Положение таких участников права общей долевой собственности автомототранспортных средств в части пользования аналогично положению лиц, которые получили автомототранспортное средство в общую долевую собственность путем наследования или в виде дара. Как будет показано ниже, только один из них может беспрепятственно пользоваться автомототранспортным средством.

Соответственно ст. 18 Правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам Союза ССР,⁷ при управлении транспортным средством водитель обязан иметь при себе удостоверение на право управления и талон технического паспорта. В примечании к той же статье сказано, что водитель транспортного средства, принадлежащего индивидуальному владельцу, должен иметь в отсутствие последнего, кроме того, доверенность, заверенную в нотариальном порядке.

⁷ В дальнейшем: Правила движения.

Эта статья Правил движения свидетельствует о том, что талон технического паспорта удостоверяет, между прочим, и право собственности на автотранспортное средство, ибо иных документов от водителя не требуется. Таким образом, все другие лица, которые водят индивидуальное автотранспортное средство в отсутствие собственника, обязаны иметь при себе доверенность последнего. Такое требование распространяется на всех субъектов права общей долевой собственности автотранспортного средства, которые не имеют технического паспорта и его талона, поскольку и они обязаны доказывать законность своего владения. В Правилах движения не предусмотрено и со стороны работников госавтоинспекции не допускается также на практике, чтобы сособственники могли доказывать свое право собственности на автотранспортное средство, предъявляя свидетельство о наследовании, договор дарения или решения суда.

Сущность доверенности, на основании которой сособственники могут пользоваться автотранспортным средством в отсутствие сособственника, имеющего технический паспорт, имеет весьма странный характер: в ней один сособственник дает другому сособственнику согласие на пользование не только долей, принадлежащей доверителю, но и той долей автотранспортного средства, которая принадлежит самому поверенному (!). Передача собственником автотранспортного средства на пользование другому лицу путем доверенности является юридически ошибочной и влечет за собой целый ряд отрицательных последствий, на которые совершенно обоснованно обратили внимание Ю. Левин⁸ и Э. Лаасик⁹.

Можно было бы еще мириться с недостатками доверенности относительно пользования автотранспортными средствами, если бы речь шла только о неправильной форме, которая все-таки позволяла бы субъектам общей собственности беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Но как будет показано далее, этого доверенность не позволяет.

В целях борьбы со спекуляцией легковыми автомобилями и тяжелыми мотоциклами с колясками Совет Министров Эстонской ССР в своих вышеуказанных постановлениях определил порядок, согласно которому граждане могут продавать эти автотранспортные средства только через государственные комиссионные магазины. После установления такого порядка спекулятивные элементы начали осуществлять свои преступные цели посредством использования доверенностей. Поскольку лица,

⁸ См. Ю. Левин, Оформление отношений между собственником автомашины и лицами, получающими ее во временное пользование, «Социалистическая законность», 1957, № 4, стр. 58.

⁹ См. E. Laasik, Isiklik sõiduauto ja volitus, «Rahva Hääl» № 202, 28. aug. 1963. a.

желающие продать автотранспортное средство по спекулятивной цене, не могли перенести право собственности на приобретателя путем заключения договора купли-продажи, то они пытались оформить продажу долгосрочной доверенностью. Чтобы прекратить и это барышничество Верховный суд Эстонской ССР направил практику нотариальных и судебных органов республики так, что лицам, не входящим в круг близких родственников, доверенности на пользование автомашинами и мотоциклами могут выдаваться на срок не более трех месяцев, а повторная доверенность в том же году вообще не может быть заверена.

Эти меры положили конец спекуляции автомашинами и мотоциклами, но в результате серьезно пострадали также интересы честных людей и, прежде всего, интересы общих долевых собственников автомашин и мотоциклов. Общие долевые собственники за исключением одного из них могут пользоваться своим собственным имуществом (в виде доли автомашины и мотоцикла) только в течение трех месяцев в году, и то лишь на основании доверенности, выданной другим сособственником.

От положения общих долевых собственников в некоторой мере отличается положение супругов и членов колхозного двора. Различие заключается в том, что право общей собственности тех из супругов или членов колхозного двора, которые не оформлены как собственники, непосредственно охраняется законом (ст. 10 КЗоБСО Эстонской ССР, ст. 27 Основ и ст. 129 ГК Эстонской ССР). Таким образом, по сравнению с другими лицами, супруги и члены колхозного двора имеют некоторые преимущества в приобретении автотранспортного средства.

Однако при пользовании автотранспортным средством субъекты права общей совместной собственности наталкиваются на те же препятствия, что и общие долевые собственники. Тот из супругов и те члены колхозного двора, на имя которых не оформлен технический паспорт и талон, обязаны также представить соответственно ст. 18 Правил движения нотариально заверенную доверенность во всех случаях пользования автотранспортным средством в отсутствие супруга или члена колхозного двора, имеющего технический паспорт и талон. При этом членов колхозного двора, которые не являются близкими родственниками, по истечении трех месяцев действия доверенности постигает та же участь, что и общих долевых собственников.

В недалеком прошлом работники автоинспекции Эстонской ССР отказались от требования доверенности от супругов в случае, если один из них пользуется совместным автотранспортным средством. Теперь считается достаточным, если водитель автотранспортного средства предъявит талон техниче-

ского паспорта и личный паспорт, где имеется отметка о браке с лицом, на имя которого выдан технический паспорт. Личный паспорт может быть заменен также свидетельством о браке. Что же касается положения членов колхозного двора, у которых автоматотранспортное средство приобретено сообща, то оно остается неизменным, т. е. находится в точном соответствии с вышеупомянутыми правилами. Работники госавтоинспекции не могут упростить их положения аналогично тому, как это делается с супругами, поскольку на улице или дороге за рулем или на мотоцикле очень трудно доказать, что автоматотранспортное средство приобретено сообща с другим членом колхозного двора, на имя которого оформлен технический паспорт. Здесь поможет нормализовать положение только изменение соответствующих правил и согласование их с потребностями жизни.

Порядок оформления права собственности на личное автоматотранспортное средство и порядок их регистрации в органах госавтоинспекции на имя одного собственника нуждаются в изменении не только по вышеуказанным соображениям. В пользу этого говорит и ряд других убедительных аргументов.

Одной из более характерных черт Советского государства является забота о благосостоянии людей, стремление все больше удовлетворять повседневные потребности строителя коммунизма. Среди этих потребностей отнюдь не последнее место принадлежит обеспечению граждан быстрым и удобным транспортом. Для решения этого вопроса очень много сделано благодаря всестороннему развитию системы коммунального транспорта. Однако последний не способен в настоящее время еще заменить личный автоматотранспорт, потребность в котором в нашем обществе еще значительна. Ввиду ограниченного характера производства автоматотранспортных средств, предназначенных для личного пользования, и благодаря повышению уровня благосостояния народа, спрос на автоматотранспортные средства постоянно превышает возможность их удовлетворения. Один из путей, позволяющих в таком положении лучше удовлетворить потребность населения, заключается в том, чтобы всячески способствовать общему, коллективному приобретению автоматотранспортных средств и пользованию ими.

Общее приобретение гражданами автоматотранспортных средств и пользование ими экономией как для самих граждан, так и для государства.

Автоматотранспортные средства, находящиеся в собственности граждан, большую часть времени простаивают без пользы. Между тем, подсчитано, что одна личная автомашина может удовлетворить потребности двух, трех и даже большего числа граждан с их семьями. Таким путем можно бы с меньшим количеством автоматотранспортных средств удовлетворить потреб-

ности большего количества нуждающихся, и государство могло бы направить ресурсы, освободившиеся за счет этого, на удовлетворение других нужд. Эта экономичность еще больше отразилась бы на личных бюджетах граждан и их расходы в связи с транспортом уменьшились бы в два, три и более раз.

Вопросы права общей собственности на автотранспортные средства заслуживают внимания не только с точки зрения удовлетворения материальных и культурных потребностей граждан, но и с точки зрения воспитания людей. Известно, что большая личная собственность оказывает на некоторых людей вредное влияние: развивает индивидуализм, порождает желание черпать из нее нетрудовые доходы, заставляет забывать потребительский характер права личной собственности, развивает стремление к накоплению имущества и т. д. При личной собственности, представленной в форме общей собственности, такие отрицательные тенденции не проявляются. Наоборот, совместное владение и пользование предметами личной собственности развивает в людях чувство коллективизма, помогает им освободиться от частнособственнических пережитков и особенно ярко подчеркивает потребительский характер личной собственности.

Общая личная собственность является как бы промежуточной ступенью между личной и коллективной, социалистической собственностью. С воспитательной стороны она имеет также общие черты с социалистической собственностью: помогает развивать моральные качества коммунистического общества и готовить людей к переходу на удовлетворение их материальных и культурных потребностей через общественные потребительские фонды.

Учитывая вышеизложенное, совершенно непонятно, почему у нас создаются препятствия к возникновению права общей собственности и осуществлению этого права. Найти обоснование этому весьма трудно.

В качестве иллюстрации приведем пример из практики. Работники магазина «Кодутарве» торгового управления Исполкома СДТ города Тарту удостоились почетного звания коллектива коммунистического труда. Молодежная бригада имени XXII съезда КПСС этого магазина успешно внедряет среди своих членов коммунистическое отношение к жизни как в работе и в учебе, так и в проведении досуга. Члены бригады приобрели и пользуются совместно многими предметами личного потребления, в том числе двумя моторными лодками. У них возникла также идея совместно приобрести легковую автомашину. Однако, ввиду вышеуказанных препятствий это похвальное намерение бригады осталось неосуществленным. Конечно, они могли бы приобрести и зарегистрировать машину на имя одного из членов бригады, но для этого потребовалось бы заключение фик-

тивных сделок с целью охраны имущественных прав остальных членов бригады. Кроме того, общее пользование автомобилем на основании так называемой доверенности оказалось бы осуществимым лишь на протяжении трех месяцев в году. Ввиду этого молодежная бригада была вынуждена отказаться от своего намерения.

Многие граждане вынуждены по тем же причинам отказаться от общего совместного приобретения того или иного автотранспортного средства. Но есть немало и таких граждан, которые в зависимости от обстоятельств стараются удовлетворить свои законные интересы незаконным образом, посредством мнимых договоров займа или других фикций. Какое воспитательное влияние такая практика может оказать, ясно безо всяких комментариев.

Возникает вопрос: достаточно ли для нормализации положения того, если в дальнейшем предоставить гражданам возможность приобретать автотранспортные средства на основании права общей собственности, причем порядок регистрации этих средств (особенно оформление технической документации в органах автоинспекции на имя одного лица) оставить прежним? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, какое значение имеет регистрация автотранспортных средств.

Государство заинтересовано в безопасной эксплуатации автотранспортных средств как источников повышенной опасности, в сведении до минимума вредных последствий при пользовании этими средствами. Для этого государство и ведет точный учет автотранспортных средств, вырабатывает для их эксплуатации соответствующие правила и проверяет техническое состояние автотранспортных средств. Неправильно, однако, полагать, как это делают Е. В. Покровский и Т. М. Степаненко, что выдача технического паспорта на имя определенного лица представляет собой лишь разрешение компетентного административного органа на эксплуатацию автотранспортного средства¹⁰. Такое значение технический паспорт, конечно, имеет, но не меньше его значение и в качестве документа, удостоверяющего принадлежность и право собственности на автотранспортное средство лицу, указанному в нем. Лицо, на имя которого оформлен технический паспорт и талон этого паспорта, считается собственником автотранспортного средства как в случае пользования, так и в случае распоряжения последним. Таким образом, Правила движения не требуют от водителя предъявления какого-либо другого, подтверждающего права собственности документа, кроме талона технического паспорта.

¹⁰ См. Б. В. Покровский, Г. М. Степаненко, Право личной собственности на автомобиль и сделки с автомашинами, Труды Казахского гос. университета им. С. М. Кирова, серия юридическая, т. 2, 1956, стр. 118.

В случаях продажи или дарения автотранспортного средства требуется также предъявление лишь технического паспорта.

Исходя из юридического характера технического паспорта на автотранспортное средство, из его значения как документа, подтверждающего наличие права собственности, в нем необходимо зафиксировать имена всех участников общей собственности. Только таким образом могут быть устранены препятствия в области совместного осуществления личной собственности, и участники права общей собственности смогут найти нужную, равную правовую защиту.

Здесь следует отметить, что в действующих правилах регистрации автотранспортных средств собственников этих средств ошибочно называют «владельцами». Так, ст. 5 этих правил разрешает регистрировать автотранспортное средство, являющееся личной собственностью гражданина, только на имя одного владельца. А в статье 9-й этих правил указывается, что этим владельцем может быть лицо, на имя которого выдан счет магазина или справка. Эти документы составляются в магазине на имя собственника. Но при регистрации автотранспортного средства эти документы изымаются и вместо их выдаются технический паспорт и талон к нему. Следовательно, регистрация автотранспортного средства производится также на имя собственника. Значение же понятий «собственник» и «владелец» далеко не равнозначно, и во избежание недоразумений всегда следовало бы пользоваться этими понятиями в надлежащем месте. Например, если исходить из этих правил с дословной точностью, то право собственности может незаметно перейти от собственника автотранспортного средства к владельцу-несобственнику этого средства, так как технический паспорт является документом, удостоверяющим также право собственности.

Высказывалась мысль относительно того, что одно автотранспортное средство нельзя регистрировать на имя нескольких лиц по той причине, что мы имеем дело с источником повышенной опасности. К тому же, это затруднило бы осуществление контроля технической исправности автотранспортных средств.

Автотранспортное средство представляет собой источник повышенной опасности независимо от того, принадлежит ли оно одному или нескольким лицам или оно зарегистрировано на имя одного или нескольких лиц. Никакого влияния на техническое состояние автотранспортного средства не оказывает также факт регистрации его на имя нескольких лиц. Оба эти возражения сводятся в конечном итоге к вопросу о наложении ответственности: в одном случае — за вредные последствия, причиненные источником повышенной опасности, а в другом — за несоблюдение предписаний технической исправности автотранспортного средства.

Регистрация автотранспортного средства на имя нескольких собственников не сказывается отрицательно при привлечении к ответственности ни в одном, ни в другом случае. Напомним здесь, что автотранспортное средство представляет собой источник повышенной опасности для окружающих лишь в связи с его эксплуатацией. Стоящее на месте автотранспортное средство не является источником повышенной опасности. Эксплуатируется же автотранспортное средство всегда конкретным лицом. Согласно положению, вытекающему из ст. 90 Основ и ст. 458 ГК Эстонской ССР, которое еще яснее изложено в постановлении Верховного Суда ССР № 16 от 23 октября 1963 г., за ущерб, причиненный источником повышенной опасности, ответственность несет владелец этого источника. А владельцем считается лицо, которое во время причинения ущерба фактически эксплуатировало источник повышенной опасности на основании права собственности или на каком-либо другом основании. Эти нормы вполне применимы и при наличии нескольких общих собственников одного автотранспортного средства.

Определяя ответственность за техническую неисправность автотранспортного средства, в зависимости от конкретных обстоятельств можно исходить как из принципа солидарной, так и индивидуальной ответственности.

* *
*

С точки зрения осуществления права личной собственности в настоящее время представляют интерес также проблемы, возникающие в связи с дарением автотранспортного средства.

Согласно ст. 259 ГК Эстонской ССР договор дарения представляет собой сделку, на основании которой одна сторона передает безвозмездно другой стороне имущество в собственность. В следующей статье приводится требование, согласно которому договор дарения на сумму свыше 500 рублей должен быть нотариально удостоверен. Таким образом, дарение между гражданами автотранспортных средств является дозволенной сделкой, которая требует лишь соблюдения предусмотренных формальностей.

После установления порядка продажи автомобилей и мотоциклов через комиссионные магазины спекулятивные элементы пытались использовать договор дарения для маскировки перепродажи автомашин и мотоциклов по завышенным ценам. Фактические договоры купли-продажи автомобилей или мотоциклов они стали оформлять в виде договоров дарения, чтобы таким путем обойти установленный порядок продажи через комиссионные магазины.

Во избежание заключения таких фиктивных сделок деятельность нотариусов нашей республики была унифицирована указаниями Верховного суда Эстонской ССР, где нотариусам было предписано заверять договоры дарения автомобилей и мотоциклов, заключаемые только между близкими родственниками. К последним Верховный Суд Эстонской ССР относит супругов, детей, родителей, а также братьев и сестер. На основе этого положения Верховного Суда в нашей республике сложилась практика дарения автомашин и мотоциклов.

Однако такая практика нотариального удостоверения договоров дарения опять-таки представляет собой ограничение права личной собственности, так как многие граждане, желающие кому-либо подарить свой автомобиль или мотоцикл, фактически лишены этой возможности.

Цель, ради которой предпринято такое ограничение права личной собственности — борьба со спекуляцией, сама по себе вполне понятна и обоснованна. Во имя этой цели действительно нужно предпринимать меры и пресекать возможности оформления спекулятивных сделок купли-продажи в виде договоров дарения. Однако метод, при помощи которого в настоящее время преследуется достижение этой цели, мы не можем признать правильным. Преступные элементы, в том числе и спекулянты, составляют в советском обществе незначительную горсточку людей. Вполне обосновано мнение, что среди людей, желающих подарить кому-нибудь свое автотранспортное средство, лица со спекулятивными интересами составляют также исключительное меньшинство. Почему же тогда из-за них должны страдать интересы большинства честных советских граждан?

Вернее было бы стремление не допускать нотариального удостоверения какого бы то ни было притворного или иного договора, заключенного с целью обхода закона, но в то же время не отказывать в удостоверении каких бы то ни было действительных договоров дарения.

Согласно нынешней практике, близкие родственники могут без каких-либо препятствий заключать договоры дарения автомобиля или мотоцикла. Возникает вопрос: а могут ли близкие родственники оформить фактический договор купли-продажи в виде договора дарения? Ясно, что не могут. В отношении их также действуют правила закона о недействительных сделках (ст. 14 Основ, ст. 52 и 61 ГК Эстонской ССР). Следовательно, при удостоверении договоров дарения автотранспортных средств между близкими родственниками нотариусу приходится также проверять истинные побуждения и мотивы сторон и действовать в соответствии с установленными фактами. Неверным представляется также отказать в удостоверении договора дарения автотранспортного средства, заключенного между лицами, не

входящими в круг близких родственников, лишь на основании факта отсутствия близких родственных связей, без выяснения конкретных обстоятельств. Именно в таком направлении идет наша практика по данным вопросам.

Если ближе ознакомиться с семейными связями, сложившимися в нашей республике, и иметь в виду, что все взрослые трудоспособные люди получают свои доходы в виде заработной платы, то придется признать, что дарение автомашин или мотоциклов между братьями и сестрами может иметь место лишь при исключительных обстоятельствах. В связи с ограничениями в деле купли-продажи автомобилей и мотоциклов не меньше внимания, чем при договорах между посторонними лицами, нужно уделять выяснению фактических мотивов при удостоверении договоров дарения между братьями и сестрами. Хотя и следует полагать, что при купле-продаже между братьями и сестрами спекулятивный барыш не взимается, все равно мы не должны оставлять и для них возможности заключать притворные сделки.

Гораздо чаще встречается дарение автомашин или мотоциклов родителями или прародителями своим детям или внукам. Приходится считать также с возможностью, что некоторые другие пожилые родственники или даже не имеющие никакого родства люди, по той или иной причине ставшие близкими данному человеку, могут изъявить желание подарить ему свой автомобиль или мотоцикл. На каком основании они будут лишены возможности в осуществлении своих прав?

Во избежание удостоверения притворных договоров дарения относительно автомобиля или мотоцикла следует признать верным точно не определять круга тех лиц, договоры которых удостоверяются нотариусами, и тех лиц, договоры которых ими не удостоверяются. Всегда нужно выяснять фактические мотивы дарения и, исходя из этого, решать вопрос удостоверения договора.

* *
*

Целью личных автомобилотранспортных средств, как и вообще целью всей личной собственности является удовлетворение потребностей их собственников. Закон запрещает использовать находящееся в личной собственности имущество для извлечения нетрудовых доходов (ст. 25 Основ, ст. 109 ГК Эстонской ССР). Однако эти зафиксированные законом принципы не запрещают гражданину передавать свое имущество другому лицу во временное пользование.

Предоставление имущества другому лицу во временное пользование может осуществляться за плату или без нее. Предоставление имущества другому лицу за плату, т. е. по договору имущественного найма, предусмотрено в ст. 279-й ГК Эстонской

ССР. Предоставление же имущества другому лицу бесплатно производится по договору о безвозмездном пользовании этим имуществом, предусмотренном в ст. 347 ГК Эстонской ССР. В повседневной жизни договоры бесплатного имущественного найма имеют весьма широкое применение, что является вполне понятным в условиях товарищеских отношений и братской взаимопомощи, характерных для нашего общества.

Поэтому вполне обосновано мнение, согласно которому такие сделки можно заключать и в отношении автотранспортных средств, если они, конечно, не используются для извлечения нетрудовых доходов или для скрытия договора купли-продажи.¹¹

Естественным является в отношении таких сделок требование, чтобы предоставление автотранспортного средства во временное пользование другому лицу было оформлено юридически правильно, в соответствии с содержанием передачи. При нынешнем порядке, вытекающем из действующих Правил движения, всякое предоставление автотранспортного средства другому лицу, должно быть оформлено доверенностью. Мотивы предоставления автотранспортного средства другому лицу могут быть весьма разнообразны. Чаще всего — это удовлетворение транспортных нужд пользователя, происходящее в виде временного пользования. Передача может состояться и в интересах самого собственника: в связи с трудовыми отношениями между собственником и пользователем, в связи с осуществлением какой-либо юридической сделки и т. д. Разница может заключаться также в платном или в бесплатном предоставлении автотранспортного средства другому лицу. Однако ни одно из этих различий в доверенности не отражается. К тому же, пользование автотранспортным средством другими лицами на основании доверенности строго ограничено определенным сроком.

Приходится полностью согласиться с Ю. Левиным¹², поднявшим вопрос о необходимости оформлять пользование автомашиной соответственно характеру этого пользования — или договором имущественного найма, или трудовым договором, или доверенностью, а также с Э. Лаасиком¹³, который подверг этот вопрос дальнейшей разработке и указал на негативные последствия оформления доверенностью всех случаев предоставления автотранспортного средства другому лицу во временное пользование.

Автор настоящей статьи не ставит перед собой цели дать

¹¹ См. Б. В. Покровский и Г. М. Степаненко, цит. статья; А. Степанова, Удостоверение сделок с автомашинами, принадлежащими гражданам, «Советская юстиция», 1962, № 14, стр. 24—26.

¹² См. Ю. Левин, цит. статья.

¹³ См. Э. Лаасик, цит. статья.

анализ юридического характера доверенности относительно пользования автомобилем транспортным средством, а хочет лишь указать на некоторые препятствия в осуществлении права личной собственности, вытекающие из ныне действующей системы оформления таких отношений доверенностью во всех случаях.

По действующему трудовому праву собственник личного автотранспортного средства имеет право нанять водителя, если он сам не может или не считает возможным быть водителем своего автотранспортного средства. Практически это касается, конечно, только автомобилей. Но какие последствия влечет за собой для собственника оформление трудовых отношений доверенностью между водителем и собственником автомашины? Собственник автомашины может пользоваться услугами нанятого водителя только в течение трех месяцев в году, так как с истечением этого срока последний не имеет права водить его автомобиль. Нотариус не может удостоверить ему, как лицу, не принадлежащему к кругу близких родственников, доверенности на более продолжительное время. Немыслимо также, чтобы водитель автомашины, находящийся с ее собственником в служебных отношениях, ездил бы на автомашине только совместно с ее хозяином. Надо полагать, что он ездит на этой машине также совместно с членами семьи ее собственника, совершает поездки один, без пассажиров, отправляясь, например, за бензином или в ремонтную мастерскую.

Время от времени собственник автомашины желает предоставить машину во временное пользование своему другу или знакомому. При этом имеется в виду именно кратковременное пользование автомашиной (сроком, например, не более 3—5 суток). Характер мотивов такого предоставления во временное пользование вполне понятный, и такое пользование, как правило, является безвозмездным.

Возникает вопрос: должен ли собственник автомашины для того, чтобы предоставить свой автомобиль или мотоцикл во временное пользование другому лицу, идти к нотариусу и удостоверить соответствующую доверенность? Доверенность дает собственнику автотранспортного средства возможность проявлять такое товарищеское отношение лишь в течение трехмесячного срока. Если по истечении этого срока он пожелает еще раз дать свою машину этому лицу во временное пользование, то сделать этого он уже не сможет: срок доверенности истек, и новую нотариус больше не удостоверит.

Приведенные примеры лишней раз подтверждают, что с точки зрения осуществления права личной собственности оформление предоставления автотранспортного средства во временное пользование другому лицу на основании доверенности является неправильным и ошибочным. Оформление этого отно-

шения должно осуществляться с учетом характера пользования — или на основании договора имущественного найма, или договора о безвозмездном пользовании имуществом, или трудового договора. Доверенностью следует оформлять передачу автомобилотранспортного средства во владение другому лицу единственно в том случае, если предполагается совершить какую-либо юридическую сделку, связанную с автомобилотранспортным средством. Оформление каждого отдельного случая предоставления автомобилотранспортного средства во временное пользование другому лицу, равно как и сроки такого пользования должны соответствовать характеру и специфическим особенностям, вытекающим из данного случая временного пользования. Так, например, в связи с трудовым отношением срок пользования автомобилотранспортным средством должен быть установлен в соответствии со сроком трудового договора. С точки зрения выполнения формальностей этим требованиям будет соответствовать трудовой договор, оформленный письменно и зарегистрированный в предусмотренном порядке. Прочие договоры о пользовании имуществом, как платные, так и бесплатные, на наш взгляд, было бы целесообразно разделить на краткосрочные (до 3—5 суток) и на более продолжительные (до трех месяцев). В первом случае достаточно удостоверения договора по месту работы собственника, а в случае более продолжительного пользования такие сделки могут быть удостоверены в нотариальном порядке.

Практическое осуществление приведенных здесь предложений, несомненно, способствовало бы более полному осуществлению прав собственников автомобилотранспортных средств и отвечало бы в большей степени также требованиям социалистической законности.

* * *

Вопросам права личной собственности на автомобилотранспортные средства в советской гражданско-правовой литературе уделено очень мало внимания. В последнее время вокруг этого вопроса царит полное затишье. Такое положение вызывает недоумение, так как автомобилотранспортные средства, особенно легковые автомашины, представляют собой одну из наиболее ценных объектов права личной собственности. Стоимость автомашины нередко превышает даже стоимость жилого дома. Но право личной собственности на жилище и связанные с ним юридические проблемы весьма оживленно и детально обсуждались в специальной литературе. Такое молчание тем менее непонятно, что в области права личной собственности на автомобилотранспортные средства осталось еще немало неясных, требующих окончательного урегулирования вопросов. Как уже указывалось,

в нашей повседневной жизни очень часто возникают весьма сложные проблемы в связи с правом личной собственности на автотранспортные средства и, особенно, в связи с использованием такими личными транспортными средствами.

Может быть, причину того, что эти вопросы остались вне поля зрения юридического анализа и полемики, нам следует искать в том обстоятельстве, что в течение последних лет почему-то стало распространяться пренебрежительное отношение к личным автотранспортным средствам, особенно к личным легковым автомашинам. Правильно отмечает М. Порт в своей статье¹⁴, что личный автомобиль стал каким-то мелкобуржуазным проявлением, предметом роскоши дурного вкуса.

Нельзя, конечно, отрицать, что нередко личными легковыми автомашинами пользовались в целях, совершенно противоположных их настоящему назначению, что они служили объектом спекуляции, средствами совершения других преступлений, а также средствами удовлетворения частнособственнических тенденций. Иногда такую же роль играли, например, дома, принадлежащие гражданам на праве личной собственности, равно как и разные другие предметы личного потребления. По этой причине мы еще не можем отбросить эти предметы или умолчать о них. Главное заключается все же в самих людях и в их отношении к материальным ценностям.

Что же касается автотранспортных средств, то для современного общества они имеют весьма большое значение, причем роль их возрастает как в народном хозяйстве, так и в области удовлетворения личных потребностей советских граждан. Следует полностью согласиться с мнением М. Порты, высказанным в названной статье: «Развитие общественного транспорта, бесспорно, очень рационально и удовлетворяет потребности подавляющего большинства граждан... но средства коммунального транспорта не предоставляют возможности ехать в любое время из любого места точно туда, куда нужно, и именно по той дороге, которую гражданин выбирает и считает целесообразной». Именно последнее обстоятельство и обосновывает наличие индивидуального автотранспорта, поскольку оно экономит время трудящихся и предоставляет им наибольшие удобства. Поэтому и юридические проблемы, связанные с правом приобретения этих средств гражданами и пользования ими, нуждаются в детальной разработке и в правильном разрешении всех могущих возникнуть вопросов.

¹⁴ См. М. Порт, *Auto. Linn. Inimene*, «Sirp ja Vasar» 1965, nr. 17.

ISIKLIKU OMANDIÕIGUSE TEOSTAMISEST AUTO-MOOTORSÕIDUKITE SUHTES

P. Kask

Resümee

Artikli eesmärgiks on näidata neid takistusi, mis esinevad käesoleval ajal isikliku omandiõiguse teostamisel auto-mootorsõidukite suhtes, ning teha konkreetseid ettepanekuid olukorra normaliseerimiseks selles küsimuses.

Isiklike auto-mootorsõidukite omandamises ja kasutamises väljakujunenud praktika ei ole kooskõlas kehtiva tsiviilseadusandluse normidega («Aluste» §-d 25 ja 26 ning Eesti NSV TsK §-d 109 ja 120). Kuigi ei kehti mingit ametlikku keeldu auto-mootorsõidukite ühiseks omandamiseks, ei realiseeri kaubandusorganisatsioonid neid mitmele kodanikule ühise omandiõiguse alusel. Kui mitu kodanikku ostavad ühiste rahaliste vahenditega endale auto-mootorsõiduki, siis dokumendid selle kohta vormistatakse ainult ühe nimele nende hulgast. Nii saavad aga oluliselt kahjustatud teiste ühiselt auto-mootorsõiduki ostnud kodanike huvid, sest nende omandiõigus sellele varale jääb nõutaval viisil vormistamata ega leia seetõttu vaidluse korral ka alati seaduslikku kaitset.

Erandi moodustavad selles suhtes ainult abikaasad ja kolhoosipereliikmed, kellel tekib spetsiaalsete seadusnormide alusel (Eesti NSV territooriumil kehtiva APEK-i § 10, «Aluste» § 27 ja Eesti NSV TsK § 129) ühisomandiõigus auto-mootorsõidukile ka siis, kui see on vormistatud ühe nimele nende hulgast.

Kaubandusorganisatsioonide kirjeldatud praktika näol on meil tegemist auto-mootorsõidukite ühise omandamise kõige olulisema mooduse — ostu-müügi — ebaseadusliku piiramisega.

Tõsiseid takistusi esineb ka auto-mootorsõidukite kasutamisel ühiste omanike poolt. Need tulenevad kehtivatest auto-mootorsõidukite autoinspektsiooni organites registreerimise eeskirjadest, mis on välja töötatud vastavalt NSV Liidu Ministrite Nõukogu 30. sept. 1963. a. määrusele nr. 1022 ning mille kohaselt üks niisugune sõiduk registreeritakse korraga ainult ühe omaniku nimele. Et liikluseeskirjade järgi loetakse auto-mootorsõiduki omanikuks ainult see isik, kelle nimele see on registreeritud ning kellele on välja antud tehniline pass ja selle talong, siis saavad teised ühised omanikud auto-mootorsõidukit kasutada ainult notariaalselt tõestatud volikirja alusel, samuti kui «võõrad» isikud. Volikirja abil ei ole aga ühistel omanikel, kes ei kuulu lähedaste sugulaste ringi, võimalust auto-mootorsõidukit takistusteta kasutada, kuna kehtiva korra kohaselt tõestavad notarid niisuguseid volikirju tähtajaga ainult kolm kuud ja ühe aasta jooksul korduvat volikirja ei tõestata. Nii on suurel osal ühistel omanikel peale selle, kelle nimele

on vormistatud auto-mootorsõiduki tehniline pass ja talong, võimalus oma vara kasutada ainult kolm kuud aastas. See on täielikus vastuolus isikliku omandiõiguse kõige tähtsama põhimõttega, mille kohaselt kodanikule kuuluva vara eesmärk seisneb selle kasutamises isiklike tarbimisvajaduste rahuldamisel.

Väljapääs tekkinud olukorrast on võimalik kaubandusorganisatsioonide ebaõige praktika ja auto-mootorsõidukite registreerimise eeskirjade muutmise teel. Tuleb võimaldada kodanikel takistusteta omandada ja kasutada isiklike auto-mootorsõidukeid.

Tehakse ettepanek auto-mootorsõidukite realiseerimise korra ja nende registreerimise eeskirjade muutmiseks selliselt, et nende müügi ja registreerimise vormistamine oleks võimalik kõigi ühiste omanike nimele.

Artiklis käsitletakse lühidalt ka meie vabariigis kujunenud praktikat auto-mootorsõidukite kinkimisel ja omanike poolt nende kasutada andmisel teistele isikutele.

Asutakse seisukohale, et auto-mootorsõidukite kinkimise võimaldamine ainult lähedasse sugulusringi kuuluvatele isikutele ja selle keelamine kõigi teiste suhtes ei ole õige. Tehakse ettepanek auto-mootorsõidukite kinkelepingute notariaalsel tõestamisel lähendada mitte isikute ringist, kes soovivad lepingut sõlmida, vaid kinkelepingu tegelike motiivide väljaselgitamisest.

Samuti asutakse seisukohale, et ei ole õige auto-mootorsõidukite teistele isikutele kasutada andmist kõigil juhtudel vormistada volikirjaga. Tehakse ettepanek auto-mootorsõidukite kasutada andmine vormistada sõltuvalt konkreetsetest asjaoludest kas kasutuslepingu, töölepingu või volikirjaga.

KOLHOOSIDE TÖÖASJAD KOHTUPRAKTIKAS

Õigustead. kand. V. Kelder

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Eesti NSV kolhoosides on töö tasustamises viimaste aastate jooksul toimunud olulised muudatused. Sisuliselt on siin üle mindud täiesti uuele süsteemile: töö tasustamine pikka aega kasutusel olnud normipäevade süsteemi alusel on asendatud progressiivsema vormiga — otsese rahalise tasuga. Alates juba 1958. aastast alustati Eesti NSV kolhoosides uue töötasu süsteemi juurutamist ja käesolevaks ajaks on kõik vabariigi kolhoosid üle läinud otsesele rahalisele tasule. Suurt tööd on siin teinud kolhooside abistamisel Eesti NSV Teaduste Akadeemia ja vabariigi juhtivad organid, kes pidevalt on täiendanud ja kolhoosidele soovitanud teaduslikult põhistatud töönorme ja -hindeid.¹

Kolhoosides töö tasustamises toimunud muudatused toovad endaga kaasa ka mitmeid uusi probleeme töö tasustamisel tekkinud vaidluste läbivaatamisel kohtutes. Kuigi kohtupraktika on osaliselt kohandunud töö tasustamises toimunud sisuliste muudatustega, pole selles siiski veel täielikku ühtsust. Selleks, et kohtupraktika võiks välja töötada ühtse ja kindla liini, on aga vaja õigesti mõista toimunud muudatusi ja kasutuselolevate töötasu vormide olemust.

Otsese rahalise tasu olemus seisneb kõigepealt selles, et ta väljendab töötajale makstava rahalise tasu suurust tehtud töö hulga ja kvaliteedi eest ilma vahepealse mõõtühikuta, milleks varem oli normipäev. Kehtivate töönormide ja -hinnete alusel on võimalik vahetult pärast töö sooritamist arvutada selle eest makstava tasu suurus. Oma olemuselt sarnaneb otsene rahaline tasu kolhoosides tööliste ja teenistujate tükitöötasuga, kus tasu makstakse samuti kvaliteedi nõuetele vastava toodangu hulga alusel või teatud tööoperatsioonide täitmise eest.

¹ EKP Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 25. veebruari 1960. a. määrus, «Eesti NSV Teataja», 1960, 10, 40; EKP Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 11. veebruari 1964. a. määrus, ENSV MKK, 1964, 8, 27.

Kuid otsene rahaline tasu kolhoosides erineb siiski tööliste ja teenistujate palgast. Kõige olulisemaks erisuseks on siin asjaolu, et kolhoosnikutele makstakse tasu antud konkreetse kolhoosi sissetulekutest. Seepärast on ka võimalik, et ühe ja sama töö eest makstakse erinevates kolhoosides erinevat tasu. Kolhoosid kehtestavad ise oma majanduslikke tingimusi arvestades tööhindid ja majanduslikult jõukamad kolhoosid võivad tasu maksta kõrgemate hinnete alusel.

Teine erinevus seisneb arvestatud töötasude väljamaksmise korras. Kui riiklikes asutustes ja ettevõtetes makstakse töötajale töötasu välja vastavalt tariifi- ja palgamääradele kogu ulatuses, siis kolhoosides makstakse sellest koheselt välja 80%. EKP Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 11. veebruari 1964. a. määrus «Kolhoosnikute töö tasustamise korrastamise abinõude kohta»² soovitab kolhoosidel aasta jooksul igal kuul välja maksta vastavalt tehtud tööle kuni 80 protsenti arvestatud töötasust ja ülejäänud osa aasta lõpul proportsionaalselt rahaliste tulude plaani täitmisele.

Selline töötasude väljamaksmise kord on kolhoosidele vajalik kahel põhjusel. Töö tingimused põllumajanduses erinevad vastavatest tingimustest riiklikes tööstusettevõtetes. Põllumajanduslike tööde puhul pole alati võimalik nende lõpetamise momendil hinnata selle töö kvaliteeti tema lõppresultaadi seisukohalt lähtudes. Töö teostamise ja tema lõppresultaadi — s. o. saadava põllumajandusliku toodangu vahel on teatud ajaline vahemaa. Kuid ka põllumajanduslike tööde kvaliteeti tuleb hinnata tema lõppresultaadi kaudu ja töö tasustamine peab olema viidud sõltuvusse just tehtava töö tulemustest. Töötasu sõltuvusse viimine tema lõplikest tulemustest on üheks materiaalse huvitatuse printsiibi ellurakendamise vahendiks. Et viia kolhoosnikute töötasu täielikku sõltuvusse põllumajanduslikust toodangust, selleks jäetaksegi 20% arvestamisele kuulunud töötasust välja maksmata kuni aasta lõpuni, mil kolhoosis selguvad kõikide tehtud tööde lõplikud tulemused, s. o. tootmisplaanide täitmine või mittetäitmine.

Nagu juba märgitud, tasustatakse kolhoosnikute töö iga konkreetse kolhoosi sissetulekutest. Kolhoosi käsutuses pole üldriiklikku palgafondi. Plaanide täitmine põllumajanduses sõltub aga teatud määral, kuigi iga aastaga üha vähem, looduslikest tingimustest. Seega võivad tootmisplaanide mittetäitmise põhjused kolhoosist mitte oleneda, mis aga paratamatult kajastub ka kolhoosnikute töötasu suuruses. Et oma majanduslikku tegevust siiski normaalselt jätkata, selleks peabki kolhoos end garanteerima sellelaadiliste juhuslikkuste vastu. Kolhoos on ju talupoegade vabatahtlik koondis ja tema edu või ebaedu on iga üksiku kolhoosniku edu või eba-

² ENSV MKK, 1964, 8, 27.

edu. Ebasoodsate looduslike tingimuste vastu pole garanteeritud ükski põllumees.

Kolhoosnikute põhitasu selliselt kaheks osaks jaotamine toob kaasa ka vastavad erisused töö tasustamise pinnalt tekkinud vaidluste lahendamisel.

Peale põhitasu makstakse kolhoosides veel lisatasu. Lisatasu üldreeglina ei sõltu töö mahust ja seda ei maksta töönormide alusel. Lisatasu maksmise eesmärgiks on samuti töötasu sõltuvusse viimine töö lõppresultaadist. Oma olemuselt sarnaneb lisatasu kolhoosides premiaaltasuga tööstusettevõtetes. Nii näiteks makstakse kolhoosnikutele lisatasuna teatud protsent üleplaaniilise toodangu väärtusest või teatud tasu üleplaaniilise toodangu iga tsentneri eest. Viimane moodus sarnaneb akordpremiaaltasuga tööstuses.³

Väljamaksmise korra poolest on osa lisatasusid sellised, et neid on võimalik välja arvestada ja maksta juba majandusaasta kestel (näiteks lisatasud kuuplaanide ületamise eest loomakasvatuses), osa aga sellised, millised kuuluvad väljamaksmisele alles majandusaasta lõpul (näiteks lisatasu viljakuse plaanide ületamise eest põllunduses).

Lisatasud on üks osa kolhoosnikute töötasust ja kuuluvad kolhoosniku keskmise palga hulka arvestamisele. Lisatasud erinevad aga ühekordsetest preemiatest, mis antakse töös eriti silmapaistnud kolhoosnikutele eriliste saavutuste eest juhatuse ühekordse otsuse alusel.

Neid kolhoosnikute töö tasustamise põhijooni tulebki silmas pidada kohtulike vaiete lahendamisel. Võrreldes kohtulike vaidlustega normipäevade eest saadava tasu nõuetes on siin mõndagi uut.

Käesoleval ajal kehtib veel ametlikult NSV Liidu KTK ja RKN-i 26. juuli 1937. a. määrus «Hagi aegumise tähtaja lühendamise kohta kolhooside ja kolhoosnikute vahelistes vaidlustes normipäevade asjus».⁴ Määruse kohaselt on aegumise tähtjaks kolhooside ja kolhoosnikute vahelistes vaidlustes normipäevade asjus üks aasta, arvates faktilisest tulude jaotamise momendist antud kolhoosis. Peale aastase tähtaja kehtestamise lahendab määrus ka teise olulise protsessuaalse küsimuse. Ta kehtestab hagemisõiguse eritingimuse, milleks on tulude jaotamine antud kolhoosis. 1937. aastal, mil kolhoosides kasutati vaid tulude jaotamist normipäevade alusel, oli selline lahend ainuvõimalik. Kolhoosnikute normipäevadele langeva tasu suurus selgus majandusaasta lõpul tulude lõplikul jaotamisel ning enne selle tingimuse saabumist puudub kolhoosnikutel hagemisõigus.

³ Т. В. Губков, Правовое регулирование дополнительной оплаты труда в колхозах на современном этапе, автореф. канд. дисс., Саратов 1964.

⁴ Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству, т. I, Москва 1957, lk. 365.

Kuid kas määrukses toodud eritingimust on vaja ja otstarbekohane rakendada ka otsese rahalise tasu maksmisel? Tundub, et ei. Otsese rahalise tasu korral selgub selle suurus 80% ulatuses vahetult pärast töö sooritamist ja tulude lõpliku jaotamisel enam ei muutu. Pealegi makstakse kolhoosides 80% töötasust välja regulaarselt. 1963. a. maksis 87,3% vabariigi kolhoosidest töötasu 10 korda aastas. Kohtupraktika peab aga kaitsma kolhoosnikute õigust saada kätte oma töötasu regulaarselt. Partei Keskkomitee on korduvalt rõhutanud, et kolhooside üheks tähtsamaks ülesandeks on kolhoosnikutele töötasude regulaarse väljamaksmise kindlustamine. «Töötasu peab igas majandis olema kindel... Kõikjal tuleb sisse seada kindlad palgapäevad, hoolitseda, et inimesed nendel päevadel töötasu viperusteta kätte saaksid», märkis Tartu rajooni parteiaktiivi koosolekul NLKP Keskkomitee 1965. a. märtsipleenumi otsuste läbiarutamisel Eesti NSV Ministrite Nõukogu esimehe esimene asetäitja E. Tõnurist.⁵ Kui aga kohtupraktikas endiselt pidada kinni 26. juuli 1937. a. määruse põhimõttest, siis satuks selline kohtupraktika vastuollu eelmainitud nõudega.

Kuidas kolhoosides kindlustada töötasude regulaarne väljamaksmine, on omaette küsimus. Võib ainult öelda ühte: selleks on olemas küllaldaselt mitmesuguseid võimalusi ja kõik sõltub vaid nende oskuslikust kasutamisest.

Niisiis, kolhoosnikul tekib hagemisõigus 80% töötasu nõudes päevast, mil ta sai teada või oleks pidanud teada saama oma õiguse rikkumisest (ENSV TsK § 86). Selleks momendiks on aga igas kolhoosis regulaarselt väljamakstavate töötasude maksmise päev. Otsese rahalise tasu maksmise süsteem võimaldab selliste hagide sisulise läbivaatamise enne majandusaasta lõppu.

Eelmainitud seisukoht pole aga rakendatav ülejäänud 20% töötasu nõuetes. Selle saamise õigus selgub alles majandusaasta lõpul ja järelikult pole ka võimalik selle õiguse rikkumine enne tulude lõpliku jaotamise momenti. Ka praktiliselt ei saa kohus selliseid nõudeid sisuliselt läbi vaadata enne majandusaasta lõppu. Antud kategooria asjades kuulub rakendamisele NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 26. märtsi 1960. a. määruse «Kohtupraktikast kolhooside tsiviilasjades» punkt 12, mille kohaselt kolhoosnikute hagid tehtud tööde eest tasu nõudmises nende kolhooside vastu, kes läksid üle rahalisele töötasule, vaadatakse kohtutes läbi vaid siis, kui kolhoosi juhatus on kolhoosnikute töö maksmiseks vastu võtnud ja raha on selle eest välja arvestatud, kuid mingisugusel põhjusel pole välja makstud. Erinevalt 80% töötasust, pole 20% töötasust kolhoosi poolt väljamaksmisele määratud. 20% töötasu osas jääb KTK ja RKN-i 26. juuli 1937. a. määrusega kehtestatud ja NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 26. märtsi 1960. a. määrusega täpsustatud hagemise eritingimus kehtima. Kuidas aga toimida juhul,

⁵ «Edasi» 9. IV 1965.

kui selle tingimuse rikkumisel siiski kohtule hagid saabusid? Hagemisõiguse tingimuste puudumise tagajärjed kehtestavad ENSV TsPK §-d 135 ja 230. Kui hagemisõiguse tingimuste puudumine selgub hagiavalduse esitamisel, keeldub kohtunik seda § 135 kohaselt vastu võtmast. Juhul aga, kui need asjaolud selguvad hiljem ja avaldus on ekslikult vastu võetud, jätab kohus § 230 alusel hagi läbi vaatamata. Vastavalt asjaoludele tuleks talitada ka eelmainitud juhtudel.

Sama põhimõtte kehtib ka kolhoosides majandusaasta lõpul jaotamisele tuleva kasumi nõuetes. Teatavasti juhtudel, mil kolhoos ületab oma tootmis-finantsplaani näitajad ja töötab kasumiga, jaotatakse sellest osa kolhoosnikute vahel proportsionaalselt nende põhitasule. 1963. a. jaotati Eesti NSV kolhoosides kolhoosnikute vahel 774 tuh. rubla kasumit (3% kasumist), ülejäänud osa kasumist aga läks kolhoosnikute kultuurilisteks üritusteks, põhi vahendite täiendamiseks jne. Ka jaotamisele tuleva kasumi suurus selgub alles majandusaasta lõpul ning järelikult ei saa ka selle kohtu teel nõudeõigus tekkida varem.

Varasematel perioodidel asus kohtupraktika seisukohal, et lisatasude vaided ei kuulu kohtuorganite pädevusse ja et neid vaidlusi lahendavad kolhoosisisesed organid.

Kuivõrd aga lisatasa käesoleval ajal makstakse regulaarselt ja see on muutunud kindlaks osaks kolhoosnikute töötasust, mida makstakse kindlatel alustel ja kindlas korras, niivõrd on vajalik kindlustada ka kolhoosnikute õiguste kohtulik kaitse lisatasude nõuetes. Kohtutel tuleb aga lisatasude hagide läbivaatamisel arvestada asjaolu, et lisatasude maksmisel on kolhooside praktika mitmekesisem kui põhitasude osas. Kasutades lisatasusid materiaalse stimuleerimise vahendina, on kolhoosid üles näidanud sageli vägagi suurt leidlikkust, kehtestanud mitmesugused alused ja tingimused lisatasude maksmiseks. Kolhooside poolt kehtestatud lisatasude maksmise tingimuste täitmisest aga sõltub üldse kolhoosniku õigus lisatasule. Seepärast peavad kohtud nende vaiete lahendamisel pöörduma kolhoosisesete organite otsuste poole ning kontrollima neis esitatud tingimuste täitmist.

Õigus nõuda kohtu teel lisatasude maksmist enne majandusaasta lõppu tekib vaid nende lisatasude puhul, mis makstakse välja perioodiliselt majandusaasta kestel. Neid lisatasusid aga, mille väljamaksmine sõltub majandusaasta tulemustest tervikuna, võib nõuda vaid majandusaasta lõpul.

Milline on siis meie kohtute praktika kolhooside töötasu asjades? Veel mõned aastad tagasi asus Eesti NSV Ülemkohus seisukohal, et kohtutel tuleb juhendada ka otsese rahalise töötasu nõuete läbivaatamisel 26. juuni 1937. a. määruse põhimõtetest ja need hagid tunnistada ennetähtaegseiks, kui nad on esitatud enne tulude lõpliku jaotamise momenti. Rahvakohtud on aga hakanud lahendama neid hagsid ka enne majandusaasta lõppu.

Ei saa nõustuda kohtupraktikas kujunenud ühe lahendiga 20% töötasu nõuetes. Nimelt jätab kohtupraktika mõnikord rahuldamata kolhoosist lahkunud kolhoosnikute hagid 20% töötasu nõuetes ka siis, kui need on esitatud pärast majandusaasta tulemuste selgumist sellel motiivil, et hageja on majandusaasta kestel kolhoosist lahkunud ja tal pole õigust nõuda 20% töötasu väljamaksmist. Nii näiteks töötas kod. P. Tuula kolhoosis traktoristina 1958. a. kuni 25. augustini 1962. a., mil ta lahkus kolhoosist. Talle maksti 1962. a. regulaarselt välja 70% töötasust, ülejäänud 30% kuulus aga väljamaksmisele majandusaasta lõpus. 1962. a. eest moodustas 30% tema töötasust 69 rubla. Rahvakohus jättis hagi rahuldamata ja Eesti NSV Ülemkohtu Tsiviilasjade Kohtukolleegium oma 5. juuli 1963. a. määrusega jättis rahvakohtu otsuse jõusse. Ülemkohus motiveeris oma otsust hagi rahuldamata jätmise kohta asjaoluga, et hageja lahkus kolhoosist majandusaasta kestel ja 30% töötasust oleks talle majandusaasta lõpul välja makstud, kui ta oleks kolhoosis edasi töötanud.

Meie seadusandlus ei seosta kolhoosist lahkumist mingisuguste tähtaegadega ja kolhoosist lahkujal on õigus nõuda oma töötasu. Kolhoosist majandusaasta kestel lahkujal on õigus 20%-le töötasust proportsionaalselt kättesaadud töötasule. Nagu kolhoosi liikmetelgi, on ka lahkujatel õigus nõuda seda osa tasust pärast aastatulude lõplikku selgumist. Seepärast pole hagi rahuldamata jätmine kolhoosist majandusaasta kestel lahkumise motiividel õige.

Kohtupraktikas esineb veel üks huvitav ja problemaatiline vaidluste liik töötasu nõuetes. Nimelt esineb mõnikord veel juhte, kus kolhoosid, peamiselt mahajäänud kolhoosid, ei suuda kindlustada kolhoosnikutele regulaarset töötasude väljamaksmist ja majandusaasta lõpus osutub kolhoos töötasude osas võlglaseks kolhoosnikute ees. Niisugusel juhul võtab kolhoos tavaliselt vastu otsuse töötasude väljamaksmise edasilükkamiseks järgmisele või isegi mitmele majandusaastale. Kohtupraktikas kerkib küsimus, milline on kolhoosisiseste organite sellise otsuse juriidiline tähendus kolhoosnikute ja kohtu suhtes ja kas kolhoosnikul on õigus pöörduda haviga rahvakohtusse ka enne kolhoosi poolt määratud uue maksetähtaja möödumist. Senine kohtupraktika on kolhoosisiseste organite otsust töötasude väljamaksmise edasilükkamisest võtnud kolhoosnikute suhtes kohustusliku otsusena. Kuid protsessuaalselt pole kohtute lahendus olnud õige. Kohtud on need asjad võtnud oma menetlusse, arutanud asja sisuliselt ja jätnud hagi rahuldamata kui ennetähtaegsed. Kui kolhooside otsus maksetähtaja edasilükkamisest oleks KTK ja RKN-i 26. juuli 1937. a. määruse ja NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 26. märtsi 1960. a. määruse punkt 10 kehtestatud hagemisõiguse eritingimus, siis ei kuuluks hagiavaldus vastuvõtmisele (TsPK § 145) või hagi kuuluks läbivaatamata jätmisele (TsPK § 230). Kuid kolhooside otsust maksetähtaegade edasilükkamisest ei saa vaadelda eelmainitud

hagemisõiguse eritingimusena. Töötasud on regulaarselt välja arvestatud ja ka väljamaksmisele määratud, kuid kolhoos ei täida seda, sest mitmesugustel põhjustel pole tal raha töötasude tähtaajaliseks väljamaksmiseks.

Kui kolhoosnikule pole aasta jooksul ja isegi mitte majandusaasta lõpuks töötasu välja makstud, siis on rikutud tema õigusi ja ta võib pöörduda kohtusse. Järelikult tuleb sellised hagid võtta kohtute menetlusse ja lahendada vaidlus sisuliselt. Vaidluse sisuliseks lahendamiseks on kohtutel olemas kõik võimalused ning kolhoosniku õigust kinnitab isegi veel kolhoos oma otsusega töötasude väljamaksmise edasilükkamisest. Kolhoosi otsus töötasude väljamaksmise edasilükkamisest on kohtule aluseks ENSV TsPK § 213 rakendamisest, s. o. otsuse täitmise edasilükkamisest või ajatamisest.

Selline praktika aga, kus kohus hagi sisuliselt ei lahenda, toob endaga kaasa mitmeid ebasoovitavaid tagajärgi. Kõigepealt juhul, kui kolhoos ka oma uut otsust ei täida, on kolhoosnik sunnitud pöörduma kohtu poole teistkordselt. Teistkordselt kohtu poole pöördumisel võib aga kerkida hagi aegumise küsimus, sest 26. juuli 1937. a. määrus arvestab töötasu hagide tähtaja jooksu ju selle aasta tulude lõpliku jaotamise momendist, mille eest nõutakse töötasu. Nii praktiliselt kujuneski olukord kod. V. hagi Kirovi-nimelise kolhoosi vastu. Hagi oli esitatud 14. mail 1963. a. ja selles nõuti 1960. a. eest saamata jäänud töötasu. Vaatamata sellele, et on olemas kolhoosi 4. märtsi 1963. a. üldkoosoleku otsus — maksta 1960. a. saamata jäänud töötasud välja 1963. a. kasumist, jättis Eesti NSV Ülemkohtu Tsiviilasjade Kohtukolleegium oma 12. juuli 1963. a. määrusega hagi rahuldamata aegumise motiividel.

Teatud ebahühtsus valitseb kohtupraktikas kolhoosides töötavate tööliste ja teenistujate töötasu nõuete läbivaatamisel. Küsimus kerkib nimelt sellelt pinnalt, kas kolhoosides töötavad töölistes ja teenistujad alluvad kolhoosides töötasude väljamaksmise korrale või mitte. Kui näiteks tööline või teenistuja lõpetab töövahekorra kolhoosiga majandusaasta keskel, siis tekib küsimus, kas tal on õigus koheselt nõuda ka 20% töötasu väljamaksmist või peab ta ootama majandusaasta lõppu nagu kolhoosnikudki. Üldreeglina makstakse kolhoosides töötavatele töölistele ja teenistujatele palka samade töönormide ja -hinnete järgi mis kolhoosnikutelegi. Nii näiteks töötas kod. M. kolhoosis zootehnikuna. Talle tasuti 70% kolhoosi esimehe töötasust, sellest 70% (126 rbl.) igas kuus ja 30% majandusaasta lõpus sõltuvalt toodanguplaanide täitmisest karjakasvatuses. M. lõpetas töösuhted kolhoosiga 10. mail 1963. a. ja nõudis kohtu kaudu 30% töötasu — rbl. 176. — maksmist 1. jaanuarist kuni 10. maini 1963. a. Rahvakohus jättis hagi rahuldamata kui ennetähtaegse ja Eesti NSV Tsiviilasjade Kohtukolleegiumi 30. augusti 1963. a. määrusega jättis rahvakohtu

otsuse jõusse. Seega leidis kohus, et ka töölepingu alusel töötaja allub kolhoosis kehtestatud töötasude väljamaksmise korrale ja et 30% oma palgast on tal õigus nõuda vaid pärast majandusaasta tootmisnäitajate selgumist. Samasugune oli kohtu lahend ka Viljandi rajooni «Majaka» kolhoosi zootehniku L. hagi (Eesti NSV Ülemkohtu Tsiviilasjade Kohtukolleegiumi 27. dets. 1963. a. määrus), Valga rajooni «Sõpruse» kolhoosi autojuhi K. hagi (Eesti NSV Ülemkohtu Tsiviilasjade Kohtukolleegiumi 6. märtsi 1964. a. määrus) jt.

Kuid kohtame ka vastupidiseid lahendeid. Konguta kolhoosi postivedajale K-le (mittekolhoosnik) ei maksnud kolhoos 1963. a. välja 30% tema töötasust. Selles asjas asus Eesti NSV Ülemkohtu Tsiviilasjade Kohtukolleegium (9. juuli 1963. a. määrus) seisukohale, et kuna K. polnud kolhoosi liige, siis ei kehti tema suhtes kolhoosi üldkoosoleku otsus ja rahvakohus oleks pidanud K. hagi 30% töötasu nõudes rahuldama, ootamata majandusaasta lõppu. Kuigi alus hagi rahuldamiseks on siin olemas, siis ometi mitte Ülemkohtu poolt toodud alus. Nimelt oleks hagi pidanud kuuluma rahuldamisele sellepärast, et kolhoosi postivedaja töö pole otseses sõltuvuses tootmistööst ja järelikult ei saa ka tema töötasu sõltuda kolhoosi tootmisnäitajatest.

Milline võiks olla kohtupraktika tööliste ja teenistujate kolhooside vastu esitatud töötasunõuetes? Kui kolhoosis töötava tööliste või teenistuja töö tasustamise tingimused on näidatud kolhoosi ja töötaja vahel sõlmitud lepingus (mida enamikul juhtudel asendab juhatus otsus), siis kuulub töötasu väljamaksmisele vastavalt lepingu tingimustele. Kui aga töölistele ja teenistujatele tasutakse samade normide ja hinnete alusel, mis kolhoosnikutelegi, siis peaks ka töötasude väljamaksmise kord olema ühesugune. Seega tuleks ka 20% põhitasu ja lisatasude nõuetes esitatud hagi allutada samadele põhimõtetele mis kolhoosnikutegi hagi. Ka sisuliselt pole mingit alust rahuldada neid hagiid enne majandusaasta lõplike tulemuste selgumist. Ka tööliste või teenistujate õigus saada majandusaasta lõpul juurde 20% oma põhitasust sõltub kolhoosi tootmisplaanide täitmisest. Kui kolhoos oma tootmisplaan ei täida, siis lasub sellest osa «süüd» ka kolhoosis lepingu alusel töötanud töölistel või teenistujatel ja pole mingit alust asetada neid eelistatunasse olukorda võrreldes kolhoosnikutega. Selliste hagide rahuldamine tähendaks tööliste ja teenistujate töötasu mittedõlvusse seadmist nende töö lõppresultaadist.

Kuna käesoleval ajal veel siiski kehtib 26. juuli 1937. a. määrus, mis on ilmselt vananenud, kohtupraktikas aga puudub veel kindel suund töötasu hagide praktikas, siis vajaks see teatud suunamist. Ilmselt pole otstarbekas seda teha NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi määrusega, kuna liiduvabariikide praktika töö tasustamisel kolhoosides on väga erinev. Otstarbekas ja vajalik oleks selles küsimuses Eesti NSV Ülemkohtu Pleenumi määrus. VNFSV Ülem-

kohus on sellised suunavad juhtnõõrid oma 30. aprilli 1962. a. määrusega juba andnud,⁶ kuid VNFSV Ülemkohtu Pleenum pole siiski arvesse võtnud otsese rahalise tasu nõuete kõiki võimalikke variante. Vabariigi Ülemkohus võiks ja peaks aga rahvakohtutele andma juhised kõikides otsese rahalise tasu nõuetes kerkivates küsimustes.

КОЛХОЗНЫЕ ТРУДОВЫЕ ДЕЛА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В. П. Кельдер

Резюме

В статье рассматривается судебная практика по трудовым спорам в колхозах в условиях прямой денежной оплаты труда.

В судебной практике возник вопрос о применимости постановления ЦИК и СНК СССР от 26 июля 1937 г. «О сокращении срока исковой давности по спорам между колхозами и колхозниками по трудовым дням» в новых условиях. Основное содержание постановления сводится к тому, что истечение годичного срока исковой давности начинается с момента фактического распределения доходов в данном колхозе и что суды имеют право принимать к своему производству искивые заявления колхозников только после распределения доходов в колхозе. Однако, в условиях прямой денежной оплаты суды принимают к своему производству искивые заявления до окончательного распределения доходов, т. е. сразу же после истечения установленного колхозом срока выплаты. Постановление ЦК КП Эстонии и Совета Министров ЭССР от 11 февраля 1964 г. «О мерах упорядочения оплаты труда колхозников» рекомендует колхозам выплачивать в течение года ежемесячно до 80 процентов от начисленной соответственно выполненной работе оплаты труда, а остальную часть — в конце года. Поскольку 20% из основной оплаты поставлены в зависимость от выполнения производственного плана, то судебная практика правильно взыскивает 20% только после выяснения окончательных результатов выполнения производственного плана. Чаще всего такие иски предъявляются бывшими членами колхоза, выбывшими в течение хозяйственного года.

Нельзя признать правильной судебную практику, отрицающую право бывших членов колхоза требовать 20% только по той причине, что они выбыли из колхоза в течение хозяйственного года. Подлежит ли их иск удовлетворению или нет, зависит от результатов выполнения производственного плана в колхозе.

⁶ «Советская юстиция» 1962, № 11, лк. 16—17.

Если план выполнен и колхозникам выплачивается оставшая часть, то право на получение своей доли имеют также люди, вы- бывшие из колхоза.

Иногда колхозы не обеспечивают регулярной выплаты пря- мой денежной оплаты колхозникам из-за недостатка денежных средств. В таком случае они принимают решение отложить вы- плату. В судебной практике возник вопрос, какую силу имеет такое решение. Народные суды принимают иски о взыскании зарплаты колхозников и рассматривают дела по существу, но отказывают в удовлетворении иска по той причине, что назна- ченный колхозом новый срок еще не наступил.

На наш взгляд такое решение неверно. Судам следовало бы разбирать дело по существу — удовлетворить или не удовлет- ворить иск в зависимости от обстоятельств и отсрочить исполне- ние решения.

TSIVIILASJA ALGATAMISE JA LÄBIVAATAMISE PROBLEEME

Oigustead. kand. E. Salumaa

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

1965. aasta 1. jaanuarist alates hakkas kehtima «Eesti NSV tsiviilprotsessi koodeks»¹, mille teatavasti kinnitas Eesti NSV Ülemnõukogu kuuenda koosseisu neljas istungjärk 12. juunil 1964. a.

Uus TsPK sisaldab küllaltki palju varajasemas praktikas ennast õigustanud ja seega juba tuntud sätteid. Ent nende kõrval on koodeksis ka palju uusi, mille sisu mõistmine on väga tähtis nende õige ja efektiivse rakendamise ja seega ka sotsialistliku seaduslikkuse edasise kindlustamise seisukohalt. Seoses sellega käsitletakse allpool mõningaid probleeme, mis võivad tekkida tsiviilasja algatamist, samuti asja menetluse lõpetamist ja hagi läbivaatamata jätmist reguleerivate sätete rakendamisel.

Tsiviilasja algatamine on nõukogude tsiviilprotsessi esimene staadium. Uue TsPK üks iseärasusi varem kehtinuga võrreldes seisneb selles, et tsiviilasja algatamise staadium on saanud nüüd kindlad piirjooned, et ta on selgelt eraldatud järgmisest, tsiviilasja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise staadiumist. Selline järeldus tuleneb TsPK § 150 esimesest lõikest, milles öeldakse, et p ä r a s t h a g i a v a l d u s e v a s t u v ö t m i s t (minu sõnendus — E. S.) valmistab kohtuniku asja ette kohtulikuks arutamiseks, mille eesmärgiks on asja õigeaegse ja õige lahendamise kindlustamine. Ühtlasi tuleks lisada, et TsPK § 150 teine lõige näeb ette veel kahe staadiumi vahelise piirjoone fikseerimise kohtuniku määrusega asja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise kohta.

Tsiviilasjade algatamise ja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise staadiumide piiritlemisel, eriti aga nende vahelise piirjoone fikseerimisel kohtuniku määrusega vastavalt TsPK § 150 teisele lõikele on suur tähtsus tsiviilasjade kiire läbivaatamise ja lahendamise kui tsiviilkohtumenetluse ühe ülesande täitmisel. See

¹ Edaspidi TsPK.

saab eriti selgeks, kui käsitleda antud küsimust seoses tsiviil-asjade läbivaatamise tähtaegade probleemiga.

Teatavasti nähti varem kehtinud TsPK-ga ette vaid tööasjade ja alimentide asjade läbivaatamise tähtajad, mida arvatati avalduse kohtusse saabumise momendist. Teiste hagimenetluse asjade läbivaatamise tähtaegu koodeks ei kehtestanud. Seoses sellega, et varem kehtinud TsPK ei tõmmanud selget piirjoont tsiviilasja algatamise ja ettevalmistamise staadiumide vahele, hakati praktikas ülejäänud tsiviilasjade läbivaatamise tähtaegu arvutama alates viimase dokumendi kohtusse saabumisest, s. t. momendist, kui tsiviilasja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamine oli lõpule viidud. Et asja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamisele kulunud aega asja läbivaatamise tähtaegade hulka ei arvatud, siis raisati ettevalmistamise peale tihti lubamatult palju aega.

Tuleb rõhutada, et varem kehtinud koodeksiga võrreldes reguleerib uus TsPK tsiviilasjade läbivaatamise tähtaegade küsimust täiesti uut moodi. Nimelt kehtestatakse kõigi tsiviilasjade kategooriate läbivaatamise tähtajad. Ühtlasi nähakse ette, missugusest momendist neid tuleb arvutama hakata. Eriti tuleks alla kriipsutada seda, et TsPK § 87 järgi tuleb tsiviilasjade läbivaatamise tähtaegu arvutada alates avalduse vastuvõtmisest.² Viimasest omakorda tuleneb, et erinevalt varajasemast praktikast tuleb tsiviilasja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamisele kuluv aeg arvata asja läbivaatamise tähtaja hulka.

TsPK käsitletud sätete rakendamise praktika üldistamine näitab kahjuks siiski seda, et Eesti NSV rahvakohtutes ei peeta kinni hagiavalduste vastuvõtmise vormistamise kehtivast korrast. Nimelt fikseeritakse toimikuis küll tsiviilasjade kohtusse saabumise moment, samuti on seal olemas ka kohtuniku määrused asjade määramise kohta kohtulikule arutamisele, ent puuduvad kohtunike määrused tsiviilasjade kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise kohta, mille tegemist nõuab TsPK § 150 teine lõige. Viimastega, nagu eespool märkisime, vormistatakse aga avalduste vastuvõtmine, fikseeritakse kahe esimese staadiumi vaheline piirjoon ja tsiviilasjade läbivaatamise tähtaegade kulgemise algusmoment. On arusaadav, et niisuguse, seadusega vastuolus oleva praktika tõttu pole võimalik arvutada tsiviilasjade läbivaatamise tähtaegu ja kontrollida nendest kinnipidamist. Leppida ei saa ka sellega, et tsiviilasjade ettevalmistamine kohtulikuks arutamiseks viiakse tegelikult läbi enne avalduste vastuvõtmist. Selline praktika on vastuolus TsPK § 150 esimese lõikega, mille kohaselt asja ettevalmistamine kohtulikuks arutamiseks tuleb läbi viia pärast, mitte aga enne avalduse vastuvõtmist. Ühtlasi peitub sellises praktikas asjade läbivaatamise venimise oht.

² TsPK §-dega 239, 243 ja 283 kehtestatakse mõningad erandid nii tsiviil-asjade läbivaatamise tähtaegade kestuse kui ka nende arvutamise algusmomendi suhtes.

Ülalkirjeldatud praktikat püütakse peamiselt õigustada väitega, et TsPK §-s 87 märgitud tähtaegade jooksul ei olewat võimalik tsiviilasju läbi vaadata.

Selline väide on siiski põhjendamatu, sest tegelikult on kohtute käsutuses ulatuslikke kasutamata ajavarusid. Seda näitab eriti ilmekalt asjade kohtuliku arutamise edasilükkamise põhjuste üldistamine.

Vastava praktika üldistamine nimelt näitab, et väga palju aega läheb asjatult kaduma asjade arutamise edasilükkamise tõttu.

Asjade arutamise edasilükkamise põhjused sõltuvad nii kohtust kui ka teistest protsessiosalistest. Omakorda võib neid jaotada objektiivseteks ja mitteobjektiivseteks. Käesoleval juhul huvitavad meid muidugi asjade arutamise edasilükkamise mitteobjektiivsed põhjused.

Peab märkima, et kohtust sõltuvad asjade arutamise edasilükkamise põhjused on enamasti mitteobjektiivsed. Nende hulgas on peamiseks tsiviilasjade halb kohtulikkuks arutamiseks ettevalmistamine, eriti aga halb tõendamismenetluse ettevalmistamine. Harvemini esineb seda, et kohus pole õigeaegselt kõiki asjast osavõtvaid isikuid kaasa tõmmanud. Tsiviilasjade arutamise edasilükkamine on sageli tingitud ka vajaliku korra puudumisest kohtukutsete kätteandmisel. Nii esineb küllaltki sageli seda, et kirjakandjad lasevad kohtukutse lihtsalt kirjakasti, kui adressaati kodus ei ole. See on muidugi TsPK sätetega vastuolus. Selletõttu jäävad protsessist osavõtavad isikud sageli kohtusse ilmumata. Vaatamata sellele, et kohtud teavad nimetatud asjaolusid, pole nad alati erimäärustega juhtinud postiasutuste tähelepanu kohtukutsete kätteandmise eeskirjade rikkumise lubamatusele.

Mitteobjektiivsed on ka paljud teistest protsessiosalistest sõltuvad asja arutamise edasilükkamise põhjused. Tavalisem neist on asja arutamise edasilükkamise taotlemine selleks, et koguda tõendeid, mille esitamise vajalikkus oli taotlejale teada juba enne asja kohtulikku arutamist.

Eelnevast tuleneb, et asjade arutamise edasilükkamise mitteobjektiivsete põhjuste kõrvaldamine on võimalus, mida paljud kohtud pole siiani kasutanud asjade läbivaatamise kindlustamiseks TsPK §-s 87 ettenähtud tähtaegade jooksul. Asjade arutamise edasilükkamise mitteobjektiivsete põhjuste kõrvaldamiseks on aga tarvis asju kohtulikkuks arutamiseks senisest paremini ette valmistada, nõuda kohtukutsete kätteandmise eeskirjade täpset täitmist ja kutsuda korraks isikuid, kes püüavad asja kohtulikku arutamist sihilikult venitada.

Viimati mainitule, eriti aga hagiavalduste vastuvõtmise vormistamise vajalikkusele vastavalt TsPK § 150 teisele lõikele, oleks tarvis rahvakohtute tähelepanu juhtida Eesti NSV Ülemkohtu Pleenumi määruses, mis tuleks vastu võtta TsPK rakendamise praktikas tõusetunud küsimuste lahendamiseks.

Kui järgnevalt analüüsida tsiviilasja algatamist reglementeerivad sätteid sisuliselt, siis tuleb kõigepealt konstateerida seda, et varem kehtinud seadusandlusega võrreldes on nüüd tunduvalt laiendatud hagemisõiguse teostamise protsessuaalseid garantiisid. Viimane väljendub esijoones selles, et TsPK § 135 kehtestab hagiavalduste vastuvõtmisest keeldumise aluste ammendava, laiendavale tõlgendamisele mittekuuluva loetelu. Sellega kõrvaldatakse varajasemas protsessiseadusandluses esinenud oluline lünk, mis põhjustas praktikas nii hagiavalduste alusetut mittevastuvõtmist kui ka nende ebaõiget vastuvõtmist. Õeldule tuleb veel lisada, et üksikasjaliselt sätitakse ka protsessuaalsed toimingud, mida asja algatamise staadiumis tuleb teostada.

Tsiviilasja algatamisel on esimeseks protsessuaalseks toiminguks hagiavalduse esitamine kohtule. Avaldust võivad esitada nii asjast huvitatud isikud, nende esindajad kui ka teised asjast osavõtavad isikud, kellele nõukogude tsiviilprotsessi dispositiivsuse printsiibi kohaselt on seadusega antud õigus teiste isikute õiguste ja seadusega kaitstud huvide kaitseks hagi esitada.

Hagiavalduse esitamine ei too veel kaasa asja algatamist. Selleks on tarvis, et kohtunik teostaks teise olulise protsessuaalse toimingu — võtaks esitatud avalduse vastu. Kohtunik on kohustatud esitatud avalduse vastu võtma, kui puuduvad TsPK §-s 135 tähendatud avalduse vastuvõtmisest keeldumise alused, kui on tasutud riigilõiv ja kui hagiavaldus on koostatud TsPK §-s 136 märgitud nõuete kohaselt.

Nagu eespool märkisime, tuleb hagiavalduse vastuvõtmine tingimata vormistada kohtuniku määrusega vastavalt TsPK § 150 teisele lõikele. Juhul, kui esinevad TsPK §-s 135 fikseeritud avalduse vastuvõtmisest keeldumise alused, peab kohtunik tegema motiveeritud määruse avalduse vastuvõtmisest keeldumise kohta.

Ülalkäsitletud protsessuaalsed toimingud on asja algatamisel määrava tähendusega. Ühtlasi tähistavad nad vastavalt asja algatamise staadiumi algust ja lõppu.

Lisaks neile võidakse sõltuvalt konkreetsetest asjaoludest teostada asja algatamise staadiumis ka teisi protsessuaalseid toiminguid. Neist tuleb nimetada ühe või mitme ühendatud nõude eraldamist iseseisvasse menetlusse vastavalt TsPK §-le 138, samuti ka toiminguid, mille teostamine osutub vajalikuks seoses sellega, et hagiavaldus on esitatud TsPK §-s 136 ettenähtud nõudeid rikkudes või et riigilõiv on tasumata.

Asja algatamise staadiumisse kuuluvate toimingute piiritlemisel tõusetub veel küsimus sellest, kas siia võivad kuuluda ka hagi tagamisega seotud toimingud. Seejuures on kogu probleem sisuliselt selles, kas TsPK §-s 142 sisalduvat eeskirja, mille kohaselt hagi tagamist lubatakse asja igas seisundis, võib mõista ka nii, et hagi tagamine on võimalik enne seda, kui kohtunik on esitatud avalduse vastu võtnud.

Kui pidada silmas, et hagi tagamist võidakse taotleda juba hagiavalduses, samuti seda, et TsPK § 145 kohaselt tuleb avaldus hagi tagamiseks lahendada kohtu või kohtuniku poolt selle sisetuleku päeval, siis esimesel pilgul näib, nagu võiks kohtunik hagi tagada ka enne avalduse vastuvõtmist. Tegelikult tuleb siiski asuda seisukohale, et kohtunik võib hagi tagada alles pärast esitatud avalduse vastuvõtmist, sest vastasel korral võidakse tagada hagnosis, mida üldse vastu ei võeta.

Tuleks märkida, et VNFSV Ülemkohtu Pleenumi 12. detsembri 1964. a. määruses nr. 25 «Mõningatest küsimustest, mis on tekkinud kohtute poolt «VNFSV tsiviilprotsessi koodeksi» rakendamise praktikaks», antakse Eesti NSV TsPK §-le 142 analoogilise sätte rakendamiseks juhised, et hagi tagamise abinõusid võidakse rakendada alles pärast hagiavalduse vastuvõtmist kohtuniku poolt.³

Vastava juhise peaks andma ka Eesti NSV Ülemkohtu Pleenum.

Tsiviilasjade kiire lahendamise seisukohalt on oluliseks praktilise tähtsusega probleemiks veel see, missugustel juhtudel võib tekkida ajavahemik hagiavalduse esitamise ja selle vastuvõtmise vahel.

Tavaliselt võtab juba saabunud tsiviilasjade jaotamine kohtunike vahel mõni päev aega. Samuti võib kuluda aega TsPK §-s 135 märgitud avalduste vastuvõtmisest keeldumise aluste osas selgusele jõudmiseks. Nii näiteks, kui on tarvis kontrollida esitatud hagi samasust juba kohtu poolt lahendatud hagiga või seltsimeheliku kohtu poolt lahendatud avaldusega, kulub teatud aeg vastava toimiku arhiivist või seltsimehelikust kohtust väljanõudmiseks. Paratamatult tekib teatud ajavahemik hagiavalduse esitamise ja selle vastuvõtmise vahel ka siis, kui hageja ei ole vormistanud hagiavaldust TsPK § 136 nõuete kohaselt või kui ta on riigilõivu tasumata jätnud. Teatavasti jätab kohtunik viimati nimetatud juhtudel vastavalt TsPK §-le 141 hagiavalduse käiguta ja määrab hagejale tähtaja puuduste kõrvaldamiseks.

Ajavahemiku tekkimine hagiavalduse esitamise ja vastuvõtmise vahel on lubatav üksnes ülalmärgitud juhtudel. Mingil juhul ei tohi viivitada esitatud avalduse vastuvõtmisega tõendite kogumise lõpetamiseni, nagu seda sageli esines varajasemas praktikas, sest tõendite kogumisega seotud toimingud kuuluvad juba asja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise staadiumi.

Esitatust nähtub, et kehtiva seadusandluse järgi moodustavad asja algatamise staadiumi mitmesugused protsessuaalsed toimingud. Asja algatamiseks on aga tingimata tarvis neist teostada kaks: esitada kohtule hagiavaldus ja võtta see kohtuniku poolt vastu.⁴

³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965, № 2, lk. 8.

⁴ S. N. Abramov ja K. S. Judelson asusid juba enne uue protsessiseadusandluse kehtestamist seisukohale, et asja algatamiseks on tarvis teostada kaks

Erialases kirjanduses on asja algatamise küsimust püütud ka teisiti lahendada.

Nii asub M. A. Gurvitš oma monograafias «Hagemisõigus» seisukohale, et protsess tekib mitte kahe akti, hagi esitamise ja selle vastuvõtmise, vaid üksnes hageja ühepoolse akti — hagi esitamise alusel. Hagi menetlusse võtmise akti tuleb tema arvates käsitada «mitte kui hagiga ühelaadset «vastaspoole» vastutahtevaldust, vaid kui hagi esitamise ühepoolse akti teostamise tingimust»⁵ (autori sõrendus).

Sisuliselt samadele seisukohtadele on M. A. Gurvitš jäänud ka reas hilisemates töodes,⁶ sealhulgas ka nendes, mis on avaldatud pärast NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilkohtumenetluse aluste ja liiduvabariikide uute TsPK-de vastuvõtmist.⁷

M. A. Gurvitši ülalmärgitud seisukohad kajastuvad ka tema poolt kasutatavas terminoloogias ning vastavate õiguslike tagajärgede käsituslaadis. Eriti ilmekalt avaldub see 1957. a. ja 1964. a. tema toimetamisel ilmunud tsiviilprotsessiõiguse õpikutes. Seoses sellega, et M. A. Gurvitš peab hagi menetlusse võtmist vaid hagi esitamise kui hageja ühepoolse toimingu tingimuseks, räägib ta mitte avalduse vastuvõtmisest, vaid sellest, et hagi loetakse esitatuks (minu sõrendus — E. S.) tingimuse, kui kohus (kohunik) võtab hagiavalduse vastu. Õiguslike tagajärgede käsitlemisel räägitakse aga üksnes hagi esitamise materiaal- ja protsessiõiguslikest tagajärgedest.⁸

M. A. Gurvitši seisukohta asja algatamise olemuse kohta ei saa siiski õigeks pidada.

Esijoones on see vastuolus kehtiva seadusandlusega, mis sisuliselt ja vastavalt sellele ka terminoloogiliselt eristab hagiavalduse

---

protsessuaalset toimingut: esitada hagiavaldus ja võtta see kohtuniku poolt menetlusse. Erinevalt meie seisukohast arvavad nad asja algatamise staadiumisse ainult nimetatud toimingud. Seejuures sisustab S. N. Abramov mõistet «hagi esitamine» omapäraselt. Ta nimelt väidab, et kaks toimingut — haginõude esitamine ja selle läbivaatamisele võtmine kohtu poolt kujutavadki endast hagi esitamist. Et ta hiljem räägib ka hagi esitamise õiguslikest tagajärgedest, jääb täiesti ebaselgeks, missuguste toimingute õiguslike tagajärgi silmas peetakse (vt. С. Н. Абрамов, Советский гражданский процесс, М., 1952, lk. 164; К. С. Юдельсон, Советский гражданский процесс, М., 1956, lk. 13, 213).

⁵ М. А. Гурвич, Право на иск, М.-Л., 1948, lk. 98—99.

⁶ М. А. Гурвич, К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса, Уч. зап. ВЮОН, вып. 4, М., 1955, lk. 48—53; Советское гражданское процессуальное право, Учебное пособие, под ред. проф. М. А. Гурвича, М., 1957, lk. 162—170.

⁷ Советское гражданское процессуальное право, отв. ред. М. А. Гурвич, Высшая Школа, 1964, lk. 169—173; М. А. Гурвич, Рецензия на книгу В. К. Пучинского, Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству, Госюриздат, М., 1962, «Правоведение», 1964, № 3, lk. 135.

⁸ Советское гражданское процессуальное право, учебное пособие, под ред. проф. М. А. Гурвича, М., 1957, lk. 166, 170; Советское гражданское процессуальное право, отв. ред. проф. М. А. Гурвич, Высшая Школа, 1964, lk. 171, 173.

esitamist ja selle vastuvõtmist kohtuniku poolt kui iseseisvaid ja asja algatamise suhtes määrava tähendusega protsessuaalseid toiminguid (TsPK §-d 125, 126, 127, 129, 130, 135, 141 jt.).⁹

Ent M. A. Gurvitši seisukohta ei saa õigeks pidada ka sellepärast, et see viib asja algatamise staadiumis teostatavate protsessuaalsete toimingute õiguslike tagajärgede kui praktiliselt väga tähtsa küsimuse ebaõigele lahendamisele.

Üldse tuleb märkida, et asja algatamise olemuse osas esinevad lahkarmused ja samuti erineva terminoloogia kasutamine kajastuvad eriti selgesti asja algatamise staadiumis teostatavate protsessuaalsete toimingute õiguslike tagajärgede süstematiseerimisel kui ka üksikute õiguslike tagajärgede käsitlemisel.

Et M. A. Gurvitši seisukoha järgi tekib protsess hagi esitamise kui hageja ühepoolse akti alusel, siis — nagu me eespool märkisime —, eristab ta vaid hagi esitamise materiaal- ja protsessi-õiguslike tagajärgi.

Hagi esitamise materiaal- ja protsessiõiguslikest tagajärgedest räägib ka S. N. Abramov. Seejuures sisustab ta mõiste «hagi esitamine» hoopis erinevalt kui M. A. Gurvitš, mõistes selle all nii hagi nõude esitamist kui ka selle läbivaatamisele võtmist.

K. S. Judelson, kes teatavasti asub seisukohal, et asja algatamiseks on tarvis teostada kaks toimingut — esitada hagi ja võtta see vastu, eristab aga hagi esitamise ja selle vastuvõtmise materiaal- ja protsessiõiguslike tagajärgi.¹⁰

Asja algatamise staadiumis teostatavate protsessuaalsete toimingute õiguslike tagajärgede käsitlestes esinevate lahkarmuste ja vastuolude illustreerimiseks võib esitada veel A. F. Kleinmani käsitluse. Nii väidab ta oma 1954. a. õpiku 157. leheküljel, et hagi esitamine katkestab hagi aegumise, pisut hiljem asub ta aga seisukohale, et hagi aegumine katkeb siis, kui kohus võtab hagi menetlusse.¹¹ Esitatuga samalaadne vastuolu esineb ka V. K. Putšinski käsitluses.¹² On arusaadav, et erinevad vastuolulised seisukohad antud küsimuses võivad kohtupraktikas kaasa tuua ebasoovitavaid tagajärgi.

Meie arvates tuleks lähtuda sellest, et asja algatamine on nõukogude tsiviilprotsessi iseseisev staadium, mis koosneb mitmesu-

⁹ Ilmselt on asja algatamise olemuse osas esinevad ebaselgused põhjustanud terminoloogilist järjekindlustust ka kehtivas seadusandluses. Nii on Eesti NSV TsPK 17. peatüki jt. liiduvabariikide TsPK-de vastavate peatükkide pealkirjaks «Hagi esitamine». Et nimetatud peatükis reglementeeritakse mitte üksnes hagiavalduse esitamist, vaid ka selle vastuvõtmist ja teisi protsessuaalseid toiminguid, siis oleks sisuliselt õige peatüki pealkirjaks panna «Asja algatamine».

¹⁰ K. С. Юдельсон, Советский гражданский процесс, М., 1956, lk. 212, 213.

¹¹ А. Ф. Клейнман, Советский гражданский процесс, изд. МГУ, 1954, lk. 157, 160.

¹² В. К. Пучинский, Проект ГК РСФСР и вопросы гражданского судопроизводства, «Социалистическая законность», 1963, № 3, lk. 36.

gustest protsessuaalsetest toimingutest ja mille teostamisega kaasnevad ka vastavad õiguslikud tagajärjed.

Õiguslike tagajärgede süsteemi loomisel tuleks kõigepealt eristada sätestatud korras hagi esitamise õiguslikke tagajärgi. Oma iseloomult on need peamiselt materiaalõiguslikud. Sellisteks on näiteks hagi aegumise katkemine ja alimentide väljamõistmine hagiavalduse esitamise päevast arvates. Kuid sätestatud korras hagi esitamisega võivad kaasneda ka mõned protsessiõiguslikud tagajärjed, näiteks võimaluse kadumine hagi esitamiseks teisele kohtule alternatiivse kohtualluvuse korral.

Järgnevalt tuleks eristada õiguslikke tagajärgi, mis võivad tekkida alles kahe protsessuaalse toimingu — sätestatud korras hagiavalduse esitamise ja avalduse kohtuniku poolt vastuvõtmise resultaadina. Oma iseloomult on need protsessiõiguslikud. Nimetada võiks neist protsessi ja vastavate protsessuaalsete õigussuhete tekkimist, asja läbivaatamise tähtaegade kulgema hakkamist, võimaluse tekkimist hagi tagamiseks jne.

Vastavad õiguslikud tagajärjed kaasnevad ka teiste asja algatamise staadiumisse kuuluvate protsessuaalsete toimingutega, mis on fikseeritud TsPK §-des 135, 138 ja 141. Et neid juba eespool käsitleti, siis neil pikemalt ei peatuta.

Eespool selgus, et kohtunik võtab esitatud hagiavalduse vastu mitte alati, vaid ainult sel korral, kui selleks on olemas seadusega ettenähtud tingimused.

Oma iseloomu ja tähenduse poolest ei ole vastavad tingimused ühesugused. Seda näitavad eriti menetluse lõpetamise ja hagi läbi vaatamata jätmise alused (TsPK §-d 226 ja 230), mis, välja arvatud üksikud erandid, on tsiviilasja algatamiseks vajalike tingimuste puudumise hilisema avastamise erinevad õiguslikud tagajärjed.

Oma iseloomu ja tähenduse poolest võib vastavaid tingimusi jaotada kolme gruppi. Esimese grupi moodustavad hagemisõiguse tekkimise üldtingimused. Vastavalt TsPK § 135 teise lõike punktile 1, 3, 4, 5 ja 6 on need järgmised: avaldus peab kuuluma läbivaatamisele kohtuorganeis; esitatud hagi ei tohi samane olla hagiga, mis on lahendatud jõustunud kohtuotsusega või kohtumäärusega poolte kokkuleppe kinnitamise või hagist loobumise vastuvõtmise kohta; esitatud hagi ei tohi olla samane juba kohtu menetluses oleva hagiga; esitatud hagi ei tohi olla samane hagiga, mille kohta on olemas seltsimeheliku kohtu poolt tema pädevuse piirides tehtud otsus; poolte vahel ei tohi olla sõlmitud lepingut antud vaidluse üleandmiseks vahekohtu lahendada.

Teise grupi moodustavad hagemisõiguse tekkimise eritingimused. Nimelt tuleb vastavalt TsPK § 135 teise lõike punktile 2 kinni pidada teatud kategooria asjade suhtes seadusega kehtestatud korst vaidluse eelneva kohtuvälise lahendamise kohta.

Et nimetatud sättes ei konkretiseerita vaidluse eelneva kohtuvälise lahendamise korda, siis püüame seda järgnevalt teha.

Teatavasti võib rahvakohus avaldusi töötülide lahendamiseks vastu võtta üldreeglina alles siis, kui see tüli on eelnevalt läbi vaadatud töötülide komisjonis ja kui selle kohta on olemas ka ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee otsus. Erandina üldreeglit võib seaduses ettenähtud juhtudel töötülisid läbi vaadata ka vahetult rahvakohtus.¹³

Mõningad hagemisõiguse eritingimused kehtestatakse ka NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 26. märsti 1960. a. määrusega nr. 3 «Kohtupraktikast kolhooside tsiviilasjades».¹⁴ Nii öeldakse Pleenumi nimetatud määruse punktis 10 (NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 31. märtsi 1962. a. määruse nr. 6 redaktsioonis),¹⁵ et «Kolhoosnikute poolt põhjustatud kahjude kolhoosi kasuks sissenõudmise asjade läbivaatamisel tuleb kohtutel pidada silmas, et neis asjus peale prokuröri poolt VNFSV TsPK § 2 ja teiste liiduvabariikide TsPK vastavate paragrahvide alusel esitatud hagide, kuri-teoga põhjustatud kahjude heastamise hagide ja debitoorse võlgnevuse sissenõudmise hagide üldreeglina peab olema selle organi eelnev otsus, kelle kompetentsi kuulub antud kolhoosi põhikirja alusel selle küsimuse otsustamine (kolhoosiliikmete üldkoosolek või kolhoosi poolt valitud volinike või usaldusmeeste koosolek, bri-gaadi koosolek või juhatus)».

Sama Pleenumi määruse punktis 12 nähakse aga ette, et «Kolhoosnikute hagnosisid normipäevade eest produktide või raha nõudmises võidakse kohtutes arutada vaid sel juhul, kui juhatus on normipäevad, mille eest maksmise kohta on esitatud lagi, väljamaksmisele arvanud, kuid keeldub normipäevadele langevaidprodukte või raha välja andmast.

Kolhoosnikute hagnosisid tehtud tööde eest tasu nõudmises nende kolhooside vastu, kes läksid üle otsesele rahalisele töötasule, vaadatakse kohtute poolt läbi vaid siis, kui kolhoosniku poolt täidetud töö on kolhoosi juhatuse poolt maksmiseks vastu võetud ja raha selle eest on välja arvestatud, kuid mingisugustel põhjustel pole välja makstud.»

Vaidluse eelneva kohtuvälise lahendamise kord kui hagemisõiguse tekkimise eritingimus kehtestatakse ka NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 2. oktoobri 1961. a. seadlusega «Tööliste ja teenistujatele seoses nende tööga tekitatud vigastuse või mõne muu tervise kahjustuse puhul ettevõtete, asutuste või organisatsioonide poolt kahju hüvitamise kohta tekkivate vaidluste läbivaatamise korrast».¹⁶ Siin nimelt kehtestatakse, et juhul, kui ettevõtte, asutuse või organisatsiooni süü tõttu saab tööline või teenistuja vigas-

¹³ J. M ä l l, Töötülide läbivaatamise kord, Tallinn 1960, lk. 24—25.

¹⁴ «Бюллетень Верховного суда СССР», 1960, № 3, lk. 14—15.

¹⁵ «Бюллетень Верховного суда СССР», 1962, № 3, lk. 37—38.

¹⁶ ENSV ÜT 1961, 40.

tada või tal tekib mõni muu tema tööga seotud tervisekahjustus, hüvitatakse töölisele või teenistujale tekitatud kahju ettevõtte, asutuse või organisatsiooni administratsiooni otsuse põhjal. Kui asjast huvitatud isik ei ole administratsiooni otsusega nõus, arutab vaidlusalust küsimust ametiühingu vabriku-, tehasekomitee või kohalik komitee. Alles siis, kui asjast huvitatud isik või administratsioon ei ole ametiühingu vabriku-, tehasekomitee või kohaliku komitee otsusega nõus, samuti ametiühingu komitee puudumise korral ettevõttes, asutuses või organisatsioonis, arutatakse vaidlust tekitatud kahju hüvitamise kohta rahvakohtus.

Vaidluse eelneva kohtuvälise lahendamise kord kehtestatakse ka NSV Liidu Ministrite Nõukogu 24. aprilli 1959. a. määrusega nr. 435 kinnitatud «Avastuste, leitudiste ja ratsionaliseerimisetepanekute põhimääruse» punktiga 19.¹⁷ Siin on sätestatud, et leiutajate ja ratsionaliseerijate kaebused leitudiste ja ratsionaliseerimisetepaneku eest saadava tasu suuruse, arvestamise korra või väljamaksmise tähtaja küsimustes vaatab läbi ettevõtte (organisatsiooni) administratsioon koos ametiühingu kätiskomiteega või kohaliku komiteega. Kui leiutaja või ratsionaliseerija ei ole nõus tema kaebuse kohta ettevõtte (organisatsiooni) administratsiooni ja kätiskomitee või kohaliku komitee poolt ühiselt vastuvõetud otsusega, võib ta selle otsuse peale kaevata kõrgemalseisva organisatsiooni juhatajale, kes peab kaebuse läbi vaatama kuu aja jooksul. Alles siis, kui leiutaja või ratsionaliseerija ei pea ka kõrgemalseisva organisatsiooni juhataja otsust tasu suuruse, arvestamise korra ja väljamaksmise tähtaja küsimuses õigeks, võib ta pöörduda kohtusse.

Hagemisõiguse eritingimuseks tuleb pidada ka veolepinguist tekkivate vaidluste puhul pretensioonikorrast kinnipidamist. Nii nähakse NSV Liidu Ministrite Nõukogu 6. aprilli 1964. a. määrusega nr. 270 kinnitatud «NSV Liidu raudteede määrustiku» punktis 169 ette, et enne raudtee vastu hagi esitamist tuleb kohustuslikult temale esitada pretensioon.¹⁸

Asja algatamiseks vajalike tingimuste kolmanda grupi moodustavad hagemisõiguse teostamise tingimused. Vastavalt TsPK § 135 teise lõike punktidele 7, 8 ja 9 on need järgmised: asi peab alluma antud kohtule; avalduse esitaja peab olema teovõimeline isik; kui hageja nimel esitab avalduse keegi teine, siis peavad tal asjaajamiseks olema volitused. Lisaks märgituile sisalduvad mõned hagemisõiguse teostamise tingimused veel TsPK teisteski sätetes. Antud juhul peetakse silmas eeskirju, mis hagiavalduse vastuvõtmise eeldusena näevad ette riigilõivu tasumist (TsPK § 62) ja hagiavalduse sisu ja vormi suhtes teatud nõuete täitmist (TsPK § 136).

¹⁷ ЦП СССР, 1959, 9, 59.

¹⁸ ЦП СССР, 1964, 5, 36.

Hagiavalduse vastuvõtmisel kontrollib kohtunik ülalmärgitud tingimuste olemasolu. Kui need puuduvad, siis üldreeglina keeldub kohtunik avalduse vastuvõtmisest.

Juhtudel, kui riigilõiv on tasumata või kui hagiavaldus pole koostatud TsPK § 136 nõuete kohaselt, jätab kohtunik hagiavalduse käiguta ning määrab hagejale tähtaja puuduste kõrvaldamiseks. Sõltuvalt sellest, kas hageja kõrvaldab määratud tähtjaks puudused või mitte, loetakse hagiavaldus kohtusse esitatuks tema esialgse esitamise päeval, või mitteesitatuks, ja tagastatakse hagejale.

Järgnevalt käsitleme seda, missuguseid õiguslikke tagajärgi toob kaasa ülalmärgitud tingimuste puudumise avastamine pärast avalduse vastuvõtmist.

Kui pärast avalduse vastuvõtmist avastatakse hagemisõiguse tekkimise üldtingimuste puudumine, siis toob see üldreeglina kaasa menetluse lõpetamise vastavalt TsPK § 226 punktidele 1, 3, 6 ja 7. Kui aga selgub, et vastuvõetud hagi on samane juba kohtumenetluses oleva haviga, s. t. TsPK § 135 teise lõike punktis 4 märgitud hagemisõiguse tekkimise üldtingimuse puudumine, siis erandina üldreeglit kaasneb sellega mitte menetluse lõpetamine, vaid hagi läbi vaatamata jätmise vastavalt TsPK § 230 punktile 4.

Kui pärast avalduse vastuvõtmist selgub hagemisõiguse tekkimise eritingimuste puudumine, siis kaasnevad sellega ülalmärgitudist mõnevõrra erinevad õiguslikud tagajärjed. Nimelt annab seadus (TsPK § 226 p. 2 ja TsPK § 230 p. 1) sõltuvalt sellest, kas vaidluse eelneva kohtuvälise lahendamise korra rakendamise võimalus on minetatud või mitte, võimaluse kas menetluse lõpetamiseks või hagi läbi vaatamata jätmiseks.

Tuleb märkida, et menetluse lõpetamise ja hagi läbi vaatamata jätmise instituutide rakendamise võimalus ei tule kõikide asjade kategooriate puhul siiski arvesse. Näitena võiks siin mainida töötülisid, mille kohtuvälise lahendamise instantsist möödamineku avastamine pärast avalduse vastuvõtmist võib kaasa tuua üksnes hagi läbi vaatamata jätmise.

Töötülide kohtuvälise lahendamise instantsist möödaminekuks on mitu võimalust. Ühega neist on tegemist siis, kui töötüli lahendati ainult ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee poolt. Teiseks võimaluseks on see, et pärast asja läbivaatamist töötülide komisjonis pöörduiti vahetult rahvakohtusse, s. t. mindi mööda ametiühingu käitiskomiteest või kohalikust komiteest.

Teatavasti ei ole töötülide komisjoni poole pöördumiseks aegumistähtsust kehtiva seadusandlusega ette nähtud. Seoses sellega võib avaldusi töötülide komisjonile esitada igal ajal. Järelikult, kui pärast avalduse vastuvõtmist selgub, et töötülide komisjon ei ole töötüli läbi vaadanud, siis tuleb hagi jätta läbi vaatamata, sest võimalus vaidluse eelnevaks kohtuväliseks lahendamiseks on olemas.

Järgnevalt analüüsime seda juhtu, kui pärast asja läbivaatamist töötulide komisjonis pöörduiti vahetult rahvakohtusse.

Kui asja läbivaatamisel selgub, et ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee poole pöördumiseks ettenähtud 10-päevane tähtaeg ei ole veel möödunud, siis tuleb hagi jätta läbi vaatamata.

Ent kuidas peab kohus talitama sel korral, kui selgub, et vastav ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee poole pöördumise tähtaeg on juba möödunud. Kas kohus võib ise kindlaks teha ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee poole pöördumise tähtaja möödalaskmise põhjuste kaalukust? Kui eeldada, et kohus võib seda teha, siis vastavalt selgunud asjaoludele võib kohus kas menetluse lõpetada või jätta hagi läbi vaatamata. Meie arvates ei või kohus siiski ise antud küsimust lahendada, sest vastasel korral hakkaksid kohtuorganid asendama ametiühinguorganeid.

Kui aga jätta vastava tähtaja möödalaskmise põhjuste selgitamine, samuti ka vastavate järelduste tegemine siiski ametiühingu käitiskomitee või kohaliku komitee ülesannetesse, siis peab kohus ka antud juhul jätma hagi läbi vaatamata.

Kui pärast hagiavalduse vastuvõtmist ilmneb, et pole täidetud TsPK § 135 teise lõike punktides 8 ja 9 märgitud hagemisõiguse teostamise tingimusi, tuleb hagi samuti jätta läbi vaatamata.

Nõustuda ei saa M. A. Gurvitši selle seisukohaga, et juhul, kui kohtunik on avalduse vastu võtnud teovõimetult ja teovõimetus selgub alles pärast seda, siis selline avaldus on kehtiv vaid siis, kui selle hiljem kiidab heaks seaduslik esindaja.¹⁹ Niisugune seisukoht on vastuolus Eesti NSV TsPK § 230 punktiga 2 jt. liiduvabariikide TsPK-de vastavate sätetega, mille kohaselt tuleb teovõimetu isiku poolt esitatud hagi jätta läbi vaatamata. Esialgset avaldust ei pea seaduslik esindaja mitte heaks kiitma, vaid tal tuleb esitada hoopis uus avaldus.

Jääb veel lisada, et juhul, kui pärast hagiavalduse vastuvõtmist selgub, et avaldus on ekslikult, kohtualluvuse eeskirju rikkudes vastu võetud, siis tuleb vastavalt TsPK §-le 130 teha määrus asja üleandmise kohta kohtualluvuse järgi.

¹⁹ Советское гражданское процессуальное право, отв. ред. проф. М. А. Гурвич, Высшая школа, 1964, lk. 170.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗБУЖДЕНИЕМ И РАССМОТРЕНИЕМ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Э. Салумаа

Резюме

Четвертая сессия Верховного Совета Эстонской ССР шестого созыва утвердила 12 июня 1964 г. Гражданский процессуальный кодекс Эстонской ССР, который введен в действие с 1 января 1965 г.

Новый ГПК содержит в себе много новых положений. Раскрытие и теоретическое осмысление их содержания, а также изучение и обобщение практики их применения имеют весьма существенное значение для обеспечения их правильного и эффективного применения.

Исходя из этого, в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с возбуждением и рассмотрением гражданских дел.

В статье показывается, что действующим законодательством проведена четкая грань между стадией возбуждения гражданского дела и стадией подготовки его к судебному разбирательству.

На основе обобщения практики констатируется, что в народных судах Эстонской ССР не выносятся предусмотренные ст. 150 ГПК определения о подготовке дел к судебному разбирательству, которыми по действующему законодательству оформляется принятие заявлений по гражданским делам, фиксируется грань между двумя первыми стадиями процесса и определяется начальный момент течения сроков рассмотрения гражданских дел. В статье подчеркивается, что такая практика не позволяет правильно исчислять сроки рассмотрения дел, провѣрять их соблюдение и приводит к волоките и нарушению прав участвующих в деле лиц.

На основе анализа действующего законодательства в статье показывается, что в стадии возбуждения дела совершаются различные процессуальные действия. Подчеркивается, что непременным условием возбуждения дела является всегда совершение двух процессуальных действий — предъявления иска в суд и принятия этого иска судьей.

Опровергается высказанная в литературе точка зрения, согласно которой основанием возникновения процесса является предъявление иска как одностороннее волеизъявление истца. Доказывается, что такая точка зрения противоречит действующему законодательству и, кроме того, приводит к неправильному разрешению вопроса о правовых последствиях, совершаемых в стадии возбуждения дела процессуальных действий.

При исследовании вопроса о правовых последствиях, совершаемых в стадии возбуждения дела процессуальных действий, отмечается, в частности, что необходимо различать правовые последствия предъявления иска в установленном порядке и правовые последствия, возникающие в результате совершения двух процессуальных действий — предъявления иска и принятия его судьей. Первые из них являются в большинстве случаев материально-правовыми, а вторые — процессуально-правовыми.

Очевидно, неясность в вопросе о сущности возбуждения дела породила непоследовательность терминологии в действующем законодательстве. Так, глава 17 ГПК ЭССР и соответствующие главы ГПК других союзных республик озаглавлены «Предъявление иска». Поскольку указанные главы регулируют не только предъявление иска истцом, но и принятие его и другие процессуальные действия, то содержанию этих глав более соответствовало бы название «Возбуждение дела».

Далее в статье рассматриваются основания отказа в принятии заявлений по гражданским делам.

В статье уделяется также внимание правовым последствиям, возникающим в случае, если отсутствие необходимых для возбуждения дела условий будет обнаружено после принятия заявления.

Дается подробный анализ правовых последствий, возникающих в случае, если после принятия заявления будет обнаружено, что не был соблюден установленный законом порядок предварительного внесудебного разрешения спора. В зависимости от того, утрачена или нет возможность предварительного внесудебного рассмотрения спора, закон предусматривает прекращение производства или оставление иска без рассмотрения. По трудовым спорам иск должен быть всегда оставлен без рассмотрения.

К ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Старш. препод. Ю. Р. Адоян

Кафедра уголовного права и процесса

Важность теоретической и практической разработки вопросов возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, определяется самим значением охраны социалистической собственности как экономической основы СССР.

Советское государство располагает огромными общенародными фондами. Рост этих фондов предопределяется ростом производительности труда, размерами физических и интеллектуальных усилий всех трудящихся нашего государства. Чем выше богатство нашего общества, тем больше материальных ценностей поступает в распоряжение трудящихся, созидателей этого богатства в качестве их личной собственности. В связи с этим возрастает роль учета и контроля за сохранением и правильным использованием каждого рубля из национального богатства.¹ Возрастает также роль правовой охраны государственных и общественных интересов и имущественных прав граждан от преступных посягательств. Однако, наряду с применением уголовно-правовых средств охраны еще недостаточно обращаются к уголовно-процессуальным средствам, направленным на предотвращение ущерба, восстановление нарушенных преступлением имущественных прав собственников и на возмещение материального ущерба путем гражданского иска в уголовном процессе. Данные судебной статистики свидетельствуют также об огромном ущербе, ежегодно причиняемом преступниками государственным и общественным организациям.² Эти данные говорят о том, что борьба за сохранность социалистического имущества и личного имущества граждан может быть успешной лишь в том случае, если наряду с применением к виновным лицам мер

¹ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 90.

² См., напр., данные, приведенные на Ноябрьском Пленуме ЦК КПСС («Известия», № 275, 20. XI 1962 г.).

уголовного наказания и принятием предупредительных мер будет обеспечено реальное возмещение материального ущерба, причиненного преступлениями.³ Только такая борьба может полностью гарантировать осуществление главной задачи социалистического правосудия — охраны государственных и общественных интересов и прав граждан от преступных посягательств.

*
*
*

Институт гражданского иска в уголовном процессе не всегда рассматривался с позиции его большого государственного и процессуального значения. Претерпев в своем развитии существенные изменения, он только в последнее время превратился из несущественного и второстепенного придатка к уголовному процессу в первостепенное и необходимое уголовно-процессуальное средство возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

Недооценка этого эффективного средства имеет свои исторические корни. Эту недооценку можно объяснить как прямое наследие дореволюционного уголовного судопроизводства, считавшего подобный иск частно-правовым по существу, допускаемым и терпимым в уголовном судопроизводстве «ради его случайных удобств и выгод».⁴

С первых дней своего существования советское законодательство решало положительно вопрос о допущении гражданского иска в уголовном процессе. Уже в первом декрете «О суде» от 24 ноября 1917 г. определялась возможность совместного рассмотрения и разрешения местными судами уголовного дела и вытекающего из него гражданского иска (ст. 2).⁵ Однако до ликвидации эксплуататорских классов институт гражданского иска в уголовном процессе не мог полностью приобрести публично-правового характера, поскольку «часть потерпевших принадлежала к частнокапиталистическим элементам, и нельзя было обязать суд во всех случаях решать их *officio* вопрос о возмещении убытков потерпевшему».⁶ Если первый декрет «О суде» предлагал руководствоваться судам «в своих решениях и при-

³ См. постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. О практике исполнения судебных приговоров и решений в части возмещения ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, стр. 13 и сл.

⁴ По этому поводу см. П. Цитович, Кому и как судить. Частный иск *ex delicto*, М., 1889, стр. 6.

⁵ СУ 1917 г., № 4, ст. 50.

⁶ См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. второе, Госюриздат, М., 1951, стр. 120.

говорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5)⁷, то в дальнейшем совместное рассмотрение гражданского иска и уголовного дела регламентировалось в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. по правилам советского уголовного процесса.⁸

Однако в этих законодательных актах не нашел еще полного закрепления публично-правовой характер института гражданского иска в уголовном процессе. В теории советского уголовного процесса того времени бытовали взгляды, согласно которым наш «УПК воспроизвел дореволюционное законодательство и судебную практику»⁹, и что «коренная задача уголовного суда не в удовлетворении имущественного ущерба учреждений или частных граждан, а в ограждении пролетарского государства от преступных посягательств на установленный революционный правопорядок».¹⁰ Подобные точки зрения высказывались и позже. Это могло иметь место лишь в силу неправильной трактовки в 30-е гг. понятия и задач социалистической законности, поскольку изменения, происшедшие в материальной и духовной жизни строящего социализм советского общества, такого основания уже не давали. В тот период, когда понятие социалистической законности трактовалось только с репрессивной стороны, т. е. с позиции борьбы с посягательствами на социалистическую собственность и не более¹¹, а охрана прав и законных интересов потерпевших и гражданских истцов в уголовном процессе рассматривалась как их личное дело, гражданский иск в уголовном процессе в целом рассматривался тоже как второстепенное явление. Это положение было высказано с предельной ясностью А. Я. Вышинским. Указывая, что роль гражданского иска в уголовном процессе представляется весьма скромной, второстепенной, он писал в своем учебнике по уголовному процессу: «Гражданский иск в уголовном суде служит по существу частным интересам, в его успехе, движении и результатах главнейшим образом заинтересован только потерпевший, вследствие чего и инициатива его возбуждения принадлежит самому потерпевшему»¹². Эти взгляды нашли отражение и в

⁷ СУ 1917 г., № 4, ст. 50.

⁸ СЗ 1924 г., № 24, ст. 206.

⁹ Такую формально-юридическую оценку по поводу рассматриваемого института дал проф. М. М. Исаев (см. О возложении обязанности загладить вред и о гражданском иске в суде уголовном, «Советское Право», № 3, 1926, стр. 84—92); более подробно см. стр. 148.

¹⁰ Д. Г. Рубинштейн, Уголовный Суд РСФСР, 1925, стр. 112.

¹¹ За полную ликвидацию последствий культа личности в юридической науке, передовая журнала «Правоведение», 1962, № 3, стр. 7.

¹² А. Я. Вышинский, Курс уголовного процесса, М., 1927, стр. 217.

других официальных учебниках для юридических вузов¹³. Они имели весьма большое распространение и в судебно-следственной практике в прошлом. Нередко встречались уголовные дела о хищениях, по которым наряду с чрезмерно жестокими мерами наказания за хищение государственного или общественного имущества гражданские иски оставались либо не предъявленными и не обеспеченными, либо нерассмотренными, либо приговоры в части гражданского иска оставались без исполнения. На ошибочность подобной практики неоднократно указывалось в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР¹⁴, в приказах и директивных письмах Генерального Прокурора СССР¹⁵, много писалось об этом на страницах нашей юридической литературы¹⁶. Однако этот традиционный взгляд на гражданский иск как на второстепенное явление в уголовном процессе встре-

---

¹³ См. М. А. Чельцов, Уголовный процесс, М., 1948, стр. 231 и сл.; учебник Советский уголовный процесс, изд. второе, Госюриздат, М., 1951, стр. 119 и 128. Необходимо, однако, отметить, что, указывая на второстепенность этого института в уголовном процессе, проф. М. А. Чельцов в то же время подчеркивает, что этот институт приобретает все более публично-правовой характер. В четвертом издании учебника автор вообще отказывается от подобного взгляда и указывает, что «разрешение гражданского иска потерпевшего от преступления стало неотъемлемой частью советского уголовного процесса». См. Советский уголовный процесс, изд. четвертое, Госюриздат, М., 1962, стр. 114.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 28 мая 1954 г. О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением, «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954, № 5, стр. 1; постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3, стр. 28.

¹⁵ Приказ Генерального Прокурора СССР от 19 июля 1955 г. № 69, О мерах по усилению борьбы с хищениями социалистической собственности.

¹⁶ И. Каганович, Полностью возмещать ущерб, причиненный расхитителями и растратчиками, «Социалистическая законность», 1941, № 5, стр. 20 и сл.; И. Чернышев, Беззаботное отношение к возмещению материального ущерба, причиненного расхитителями государству, «Социалистическая законность», 1950, № 12, стр. 68; К. Сергеев, Обеспечить возмещение материального ущерба по делам о хищениях социалистической собственности, «Социалистическая законность», 1951, № 2, стр. 62; Н. Светозаров, Улучшить работу по возмещению ущерба, «Социалистическая законность», 1953, № 8, стр. 77; В. Коновалов, Недостатки в возмещении материального ущерба, «Социалистическая законность», 1955, № 9, стр. 57; Г. Чебуракин, Возмещение ущерба по делам о хищениях государственной и общественной собственности, «Социалистическая законность», 1950, № 9, стр. 38 и сл.; Б. Соловьев и Е. Вайсман, Реально взыскивать ущерб, нанесенный хищениями, «Социалистическая законность», 1956, № 3, стр. 64; Х. Б. Шейнин, Гражданский иск в уголовном деле, «Советское государство и право», 1956, № 10, стр. 112 и сл. и пр. См. также Ф. Никитинский, А. Сафронов и З. Ержанов, Обеспечивать реальное возмещение материального ущерба, причиненного растратами и хищениями, «Социалистическая законность», 1962, № 11, стр. 65 и сл.

чался и после принятия нового уголовно-процессуального законодательства¹⁷.

* * *

В теории советского уголовного процесса встречаются до последнего времени противоречивые позиции в отношении правовой природы и сущности института гражданского иска в уголовном процессе. Одни авторы исходят из гражданско-процессуальной сущности этого иска. Они считают возможным руководствоваться в той или иной мере правилами гражданского судопроизводства. Другие авторы исходят из уголовно-процессуальной сущности этого института и придерживаются в основном уголовно-процессуального порядка рассмотрения этого иска.

М. П. Шаламов считает отправной позицией общность гражданского и уголовного права, а также гражданского и уголовного процесса в тех их частях, которые относятся к охране права собственности. Он приходит к выводу, что такая общность дает «возможность понять природу и сущность того правового института, который основан на тесном взаимодействии четырех самостоятельных отраслей социалистического права и который называется гражданским иском в уголовном процессе»¹⁸.

Исходя из аналогичных позиций, некоторые авторы считают возможным перенести отдельные положения и процессуальные формы гражданского судопроизводства в уголовное, поскольку это необходимо «в тех случаях, когда законодательство об уголовном судопроизводстве не дает ответа на возникшие при рассмотрении гражданского иска процессуальные вопросы, а законодательство о гражданском судопроизводстве дает на них прямые ответы»¹⁹. Так, например, И. М. Гершман предлагает отказаться от процедуры признания потерпевшего гражданским истцом в уголовном деле, поскольку в гражданском процессе лицо, предъявившее иск, механически становится истцом, независимо от усмотрения суда. Автор предлагает также строго придерживаться в уголовном процессе реквизитов искового заявления аналогично порядку, предусмотренному в гражданском судопроизводстве.²⁰ П. П. Гуреев считает также возможным придеживаться в уголовном процессе порядка, действующего в гражданском процессе. В уголовном процессе он считает воз-

¹⁷ См. А. Грун, Предъявление и обеспечение гражданского иска в уголовном деле, «Советская юстиция», 1959, № 6, стр. 27.

¹⁸ Гражданский иск в уголовном деле, изд. РиО ВЮА, М., 1948, стр. 6.

¹⁹ П. П. Гуреев, Гражданский иск в уголовном процессе, Госюриздат, М., 1961, стр. 6.

²⁰ И. М. Гершман, Некоторые процессуальные вопросы гражданского иска в уголовном деле, «Советское государство и право», 1958, № 1, стр. 120.

можным принятие судом отказа истца от иска, утверждение мировой сделки, а также право истца заявить ходатайство об оставлении иска без рассмотрения ввиду того, что истец не смог собрать всех доказательств, подтверждающих его исковые требования.²¹

Другие авторы стоят в этих вопросах на уголовно-процессуальных позициях. Так, например, проф. М. А. Чельцов рассматривает этот институт во всех отношениях как уголовно-процессуальный и приходит к выводу *de lege ferenda*, что «остаётся сделать ещё один шаг и обязать суд ставить всегда *ex officio* вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением каждому потерпевшему — отдельному гражданину»²².

Противоречивые взгляды на природу и сущность этого института не являются новыми в теории уголовного процесса. Они имели место ещё в прошлом веке²³.

²¹ П. П. Гуреев, цит. соч., стр. 7, 14 и 70.

²² См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. второе, Госюриздат, М., 1951, стр. 131; см. также учебник этого автора, изд. четвертое, Госюриздат, М., 1962, стр. 113 и сл. О публично-правовом характере этого института пишут С. А. Альперт, Некоторые вопросы гражданского иска в советском уголовном процессе, Уч. зап. Харьковского юридического института, вып. VI, 1955, стр. 29 и сл.; и также Ю. Р. Адоян, Гражданский иск по проекту уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР, Уч. зап. ТГУ, вып. 80, Тарту, стр. 119 и сл.

²³ Противоречия, вытекающие из деления буржуазного права на публичное и частное, и возникающая в связи с этим неопределенность подсудности гражданского иска потерпевшего от преступления нашли отражение в законодательстве и правовых взглядах дореволюционной России. Господствующим взглядом того периода являлось отнесение такого иска к сугубо гражданскому, принципиально подсудному, исключительно к суду гражданскому. Исключения, которые законодательство допускало, объяснялись чисто практическими соображениями. Такого мнения придерживались известные теоретики-процессуалисты Н. С. Таганцев (О вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением и о гражданском иске в уголовном процессе, «Журнал Министерства Юстиции», 1866, т. XXIX, ч. II, стр. 421 и 426); Чебышев-Дмитриев (Русское уголовное судопроизводство, СПб., 1875, стр. 63); Д. Г. Тальберг (Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс, Киев, 1888, стр. 144) и другие. Составители уставов уголовного судопроизводства 1864 года не пришли, однако, к единому мнению по поводу подсудности гражданского иска, вытекающего из преступления. Как указывает Л. М. Берлин, одни из них, ссылаясь на уставы уголовного судопроизводства, были сторонниками указанного выше господствующего взгляда, а другие, исходя из уголовного законодательства, приходили к совершенно противоположному взгляду, указывая, что «по общему правилу уголовного права мера вознаграждения за ущерб должна быть в зависимости от меры вины или степени участия обвиняемого в преступлении. Все это такие вопросы, которые могут быть правильно разрешены только судом уголовным... Посему не подлежит сомнению, что в присуждении вознаграждения понесшему от преступления вред и убытки гражданский суд или вовсе не должен иметь места (когда это разрешает суд уголовный), или же может постановить свое заключение лишь по окончании дела уголовного» (цит. по книге Л. М. Берлина, Гражданский иск потерпевшего от наказуемого правонарушения. К вопросу о подсудности этого иска, СПб., 1888, стр. 159—

Несмотря на длительное существование противоречивых позиций по ряду основных вопросов гражданского иска в уголовном процессе, эти вопросы до последнего времени не нашли еще в теории советского уголовного процесса единого общепризнанного решения. Невыясненными остаются те основные условия и признаки, по которым можно было бы конкретно определить пределы возможности рассмотрения подобных исков в уголовном и гражданском судопроизводствах, а также пределы возможности трансплантации отдельных форм гражданского судопроизводства в уголовное. Все эти вопросы относятся к числу наиболее сложных и в то же время наименее разработанных. Нет еще ни одной опубликованной монографии, которая могла бы претендовать на наиболее полную разработку вопросов этого института²⁴.

Взгляды на гражданский иск в уголовном процессе, как на личное дело граждан и организаций, умаление значения этого института в уголовном процессе, разноречивые позиции в теории советского уголовного процесса о правовой природе этого института, попытки механической трансплантации отдельных положений, форм и принципов гражданского судопроизводства в уголовное без учета правовой природы, принципов и форм последнего требуют существенного пересмотра в свете положений нового уголовно-процессуального законодательства.

Имеющая место неопределенность основных вопросов гражданского иска в уголовном процессе может оказать вредное влияние на судебную практику возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, которая в настоящее время остается еще далеко не удовлетворительной²⁵.

В настоящей статье делается попытка разрешить некоторые вышеуказанные вопросы института гражданского иска в уголовном процессе.

*
*

Проблемы, связанные с институтом гражданского иска в уго-

160). Аналогичных взглядов придерживались и такие видные процессуалисты дореволюционной России, как проф. П. Цитович (Кому и как судить. Частный иск ex delicto, М., 1889, стр. 5—6); А. Ф. Кони (Гражданский иск в уголовном процессе, «Юридическая летопись», 1891, т. 1, стр. 43—44) и др.

²⁴ См. Н. Н. Полянский, Очерк развития советской науки уголовного процесса, изд. АН СССР, 1960, стр. 207.

²⁵ См. преамбулу к постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3, стр. 28); а также постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. О практике исполнения судебных приговоров и решений в части возмещения ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, стр. 13 и сл.).

ловном процессе, могут быть успешно разрешены только при правильном подходе к этому, в правовом смысле многогранному институту и выборе правильного метода его исследования. Таким методом может быть лишь материалистическая диалектика, а теоретической базой — философский материализм. Марксистско-ленинская методология исследования имеет здесь первостепенное значение. Игнорировать ее — значит прийти к ложным выводам, как это нередко имело место в прошлом в отношении исследуемого института.

Так, например, проводя сравнительный анализ норм первого советского УПК и дореволюционного законодательства в части гражданского иска в уголовном процессе, проф. М. М. Исаев пришел к выводу, что между этими законодательствами по указанному вопросу нет существенных различий, и что в общем и целом к нашему Уголовно-Процессуальному Кодексу можно вполне отнести характеристику проф. Фойницкого: в отличие от уголовного обвинения, которое определяется «началом публичности», гражданский иск определяется «началом частным»²⁶. К таким выводам проф. М. М. Исаев мог прийти, исходя из формально-юридического метода исследования законодательства, из самого текста закона, не вникая в содержание закона и материальные условия его действия. Недаром Маркс охарактеризовал юридический метод как метод отвлечения от действительного мира явлений, метод познания этих явлений не путем познания материальных причин, породивших эти явления, а путем чисто умозрительных спекуляций, путем чистого умозрительного анализа. Поэтому при сопоставлении норм буржуазного и социалистического права не следует забывать социалистическое содержание нашего права. В области советского уголовного процесса наш первый УПК реализовал указание В. И. Ленина об использовании новых и старых форм «не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всячески, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма».²⁷ И поэтому нельзя было рассматривать институт гражданского иска в уголовном процессе как механически перенесенный в наше уголовно-процессуальное законодательство одноименный институт буржуазного права.

С первых дней существования советского уголовного процесса все его институты являются по содержанию социалистическими, а по форме служат делу охраны, развития и укрепления новых социалистических общественных отношений.

²⁶ См. О возложении обязанности загладить вред и о гражданском иске в суде уголовном, «Советское Право», 1926, № 3, стр. 87.

²⁷ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-ое, т. 31, стр. 83.

Яркой иллюстрацией этого ленинского положения служит ст. 8 Декрета № 2 «О суде» от 7 марта 1918 г., в которой указывается: «Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов».²⁸ Поэтому исследование института гражданского иска в уголовном процессе должно происходить с учетом условий материальной жизни нашего общества и основных задач социалистического правосудия.

Глубокие социально-экономические преобразования, происшедшие в нашей стране за последние десятилетия, в результате которых были ликвидированы эксплуататорские классы, уничтожена частная собственность на орудия и средства производства и победил социализм, не могли не вызвать изменений в законодательстве, принятом 30—40 лет тому назад. Коренные изменения в материальной и духовной жизни строящего коммунизма советского общества, нашедшие отражение в решениях XX, XXI, XXII и XXIII съездов КПСС, внесли и вносят коррективы в наше законодательство. Законы отображают теперь наиболее полно и глубоко задачи Советского государства во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства. Законы выражают единство воли народа и политики Коммунистической партии. Они призваны регулировать поведение членов социалистического общества, направлять их действия на осуществление программы строительства коммунизма, воспитывать граждан в духе коммунистического отношения к труду, социалистической собственности и общественному долгу.²⁹ Коренные преобразования в общественной жизни, в экономических и политических отношениях, происшедшие в связи с вступлением СССР на путь строительства коммунистического общества, самым существенным образом повлияли также на изменения в правоотношениях. Так, уголовно-процессуальные правоотношения периода развернутого строительства материальной базы коммунизма существенным образом отличаются от правоотношений первого периода развития советского государства, а гражданские и гражданско-процессуальные правоотношения сегодняшнего дня — от правоотношений периода, когда в СССР еще не были полностью ликвидированы эксплуататорские классы и в известных пределах сохранялись частнокапиталистические отношения.

²⁸ СУ 1918 г., № 26, стр. 420 (347).

²⁹ См. материалы к постановлению ЦК КПСС О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране, «Известия», 4 августа 1964 г.

Все эти изменения повлекли за собой также изменение характера борьбы с преступными посягательствами и их вредными последствиями. Узко-ограниченная борьба с преступниками как таковая переросла в комплекс мероприятий, направленных прежде всего на охрану государственных и общественных интересов и прав граждан, на предотвращение преступлений и их вредных последствий, на ликвидацию преступности. Эту борьбу можно охарактеризовать следующими основными признаками, имеющими значение для исследуемого нами института.

1. Борьба с преступлениями не замыкается теперь в узкие рамки борьбы с отдельными преступниками, а происходит ради человека, в интересах человека, в интересах всего общества. Поэтому задачей социалистического правосудия и уголовного законодательства является защита государства, социалистического общества, трудящегося человека, его жизни, здоровья, достоинства, его имущества от преступных посягательств³⁰. Определенные в статье 2 Основ уголовного судопроизводства задачи быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения виновных направлены на выполнение этой общей задачи социалистического правосудия и не могут рассматриваться изолированно от нее. Поэтому нельзя согласиться с выводами А. Груна о том, что «рассмотрение в суде уголовного дела в основном подчинено задачам, изложенным в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства. Как бы ни было важно для потерпевшего и общества рассмотрение гражданского иска в уголовном деле, оно все-таки является второстепенным для уголовного суда»³¹. Указанные в ст. 2 Основ задачи уголовного судопроизводства не могут, по нашему мнению, рассматриваться в отрыве от общих задач социалистического правосудия и уголовного законодательства. Именно последние, заключающиеся в охране государственных и общественных интересов и прав граждан от преступных посягательств, осуществляются в процессе выполнения задач, указанных в ст. 2 Основ. А поскольку гражданский иск в этом производстве является одним из средств охраны этих интересов, он не может быть здесь чем-то второстепенным.

2. Борьба с преступными посягательствами состоит теперь в применении целого комплекса правовых средств и мероприятий, направленного не только на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и применение к ним строгих мер наказания, но и на предотвращение преступлений, замену мер уголовного наказания мерами

³⁰ См. ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

³¹ См. А. Грун, цит. ссч., стр. 27.

общественного воздействия и воспитания, на выяснение и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления и т. д., а также на применение мер возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Такая постановка борьбы с преступностью соответствует требованиям сегодняшнего дня. Она была гениально предопределена В. И. Лениным: «Важно не то, чтобы за преступления было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»³². Раскрытие преступления не является здесь самоцелью, оно имеет огромное предупредительное значение и необходимо для ликвидации этого антиобщественного явления и его вредных последствий. В обществе, строящем коммунизм не должно быть места правонарушениям и преступности. Главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений.³³ Комплексная борьба с преступлениями нашла закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве³⁴. Она находит отражение в разъяснениях руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР³⁵ и приказах Генерального Прокурора СССР последних лет.³⁶

Исходя из многостороннего характера борьбы с преступлениями, где каждый компонент в границах своих задач и в комплексе с другими компонентами является важным на своем месте и необходимым в целом, нет основания считать одни из них главными, а другие второстепенными, как это имело место в прошлом по отношению к гражданскому иску в уголовном процессе.³⁷ По этим соображениям нельзя согласиться с мнением А. Груна о том, что «разрешение гражданских исков не только не единственная, но и не главная задача уголовного судопроизводства»³⁸. Деление отдельных производств в уголовно-процес-

³² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

³³ Программа Коммунистической Партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1961, стр. 106.

³⁴ См., например, статьи 2, 47, 263 и др. УПК ЭССР, статьи 2, 68, 303 и др. УПК РСФСР.

³⁵ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19. XII 1959 г. № 5 О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями; постановление Пленума от 23. X 1963 г. № 13 Об усилении деятельности судов по предупреждению хищений государственного и общественного имущества; постановление Пленума от 25. III 1964 г. № 1 О практике исполнения судебных приговоров и решений в части возмещения ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям; постановление Пленума от 14. X 1694 г. № 12 О практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам.

³⁶ См., напр., приказ Генерального Прокурора СССР от 20. VII 1959 г.

³⁷ См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. второе, Госюриздат, М., 1951, стр. 128—129.

³⁸ А. Грун, цит. соч. стр. 27.

суальной деятельности на главные и неглавные, не соответствует положениям закона (ст. 15, 38 и 40 Основ уголовного судопроизводства, ст. 46 УПК ЭССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Судебная практика дает иную оценку этому институту. «При рассмотрении уголовных дел суды должны уделять серьезное внимание гражданскому иску, — указывает Пленум Верховного Суда СССР, — учитывая его важное значение как средства охраны имущественных интересов государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, потерпевших от преступления, а также имущественных прав отдельных граждан»³⁹.

3. Советское государство еще в большей мере берет под свою особую защиту имущественные интересы лиц, которым материальный ущерб причиняется преступлением. В свете нового уголовно-процессуального законодательства на много увеличивается государственное вмешательство в дело обеспечения и возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Прокурор обязан предъявлять гражданский иск каждый раз, когда этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан, а суд должен решать по собственной инициативе вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, при постановлении приговора, если гражданский иск не был предъявлен лицом, понесшим ущерб, или прокурором (ст. 42 УПК ЭССР).

При отказе от возбуждения уголовного дела или при его прекращении в связи с передачей обвиняемого на поруки общественной организации или коллективу трудящихся, а также при передаче материалов в товарищеский суд, или в комиссию по делам несовершеннолетних, орган дознания, следователь, прокурор и суд тоже обязаны принять меры к возмещению ущерба, причиненного преступлением (ст. 9 УПК ЭССР).

Аналогичная тенденция увеличения государственного вмешательства во всех случаях, когда этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан, наблюдается и в гражданском судопроизводстве (статьи 29, 37, 41 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Для социалистического общества, строящего коммунизм, характерна органическая связь участников (сторон) процесса не только между собой, но и с Советским государством. Эта связь, вытекающая из социалистической системы хозяйства и сочетания личных интересов с общественными, обуславливает

---

³⁹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. № 6 о судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963, М., 1964, стр. 347 и сл.

сущность и правовую природу гражданского иска, вытекающего из уголовного дела. Замечательные указания в этом отношении дал В. И. Ленин в письме Д. И. Курскому в связи с разработкой Гражданского Кодекса. Он писал: «Не угодить «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства «в частноправовые отношения», в гражданские дела..., не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские» отношения».⁴⁰

В свете основных положений, обуславливающих институт гражданского иска в уголовном процессе, нельзя игнорировать факт увеличения государственного вмешательства в дело охраны прав и законных интересов лиц, понесших материальный ущерб от преступления. Это положение является теперь настолько характерным для исследуемого института, что оно не может не быть отражено как в определении понятия этого института⁴¹, так и при определении его правовой природы.

Обстоятельство, что УПК одних союзных республик регулируют предъявление гражданского иска прокурором и решение возмещения материального ущерба судом без иска как их обязанность, а другие указывают на их право, по нашему мнению, не имеет столь принципиального значения, чтобы вносить изменения в УПК и записывать в нем, что прокурор не только «вправе, но и обязан предъявить иск к обвиняемому, если этого требует охрана государственных или общественных интересов, а суд в этих же целях обязан решить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением», как это предлагают Е. Кленов и В. Малов в отношении ст. 29 УПК РСФСР⁴².

Полагаем, что нет основания противопоставлять права прокурора и суда их обязанностям, поскольку все действия, которые они в праве совершать по долгу службы, они обязаны совершить при наступлении определенных условий, указанных в законе. Так, например, определяя полномочие прокурора, ст. 211 УПК РСФСР указывает, что прокурор в праве «отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания и следователя». Нет никаких оснований сомневаться в том, что прокурор в подобных случаях не только имеет право, но и обязан это сделать. Речь идет не о формально-юридическом разграничении прав и обязанностей прокурора и суда, а об их полномочии. «Если при наступлении определенных условий или при наличии определенных фактов у должностного лица по-

⁴⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 177.

⁴¹ См., напр., Э. Ф. Куцова, Гражданский иск в уголовном процессе, изд. МГУ, 1963, стр. 3.

⁴² Повысить ответственность за сохранность социалистической собственности, «Советская юстиция», 1963, № 1, стр. 7.

является право на совершение известных действий, то наличие этих условий и фактов знаменует не только право, но и обязанность на совершение этих действий».⁴³

Это положение усматривает и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1961 г., в котором указывается, что «при рассмотрении уголовных дел, по которым преступлением причинен материальный ущерб государственным или общественным организациям, в частности, по делам о хищении, суды должны принимать установленные законом меры по своевременному и полному возмещению причиненного ущерба»⁴⁴ (разрядка наша. — Ю. А.).

4. Новое уголовно-процессуальное законодательство значительно расширяет права физических и юридических лиц, понесших материальный ущерб от преступления. Гражданский истец, гражданин пользуется теперь, кроме предоставленных ему прав, также широкими правами потерпевшего.

Коренным образом изменилось также правовое и процессуальное положение гражданского ответчика в уголовном процессе. Из неопределенной и бесправной фигуры в прошлом он превратился в полноправного участника процесса, который наравне с гражданским истцом имеет широкие права во всех основных стадиях советского уголовного процесса.

Процессуальные возможности этих субъектов гражданского иска стали еще в большей степени применяться в интересах установления истины и осуществления правосудия.

Среди обширных прав субъектов гражданского иска в уголовном процессе особое значение имеет право лица, понесшего материальный ущерб от преступления, предъявить гражданский иск при производстве по уголовному делу (ст. 25 Основ уголовного судопроизводства). От правильного понимания этого права зависит правильное понимание правовой природы и всего характера производства по гражданскому иску в уголовном процессе. В юридической литературе это право нередко рассматривается как ничем не обусловленная возможность каждого лица, понесшего материальный ущерб от преступления, использовать «один из двух способов защиты его имущественных прав: а) иск в порядке

---

⁴³ А. Л. Цыпкин, О диспозитивности в советском уголовном процессе, «Советское государство и право», 1958, № 3, стр. 132.

⁴⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963, изд. «Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР», М., 1964, стр. 234. На это положение указывается и в комментариях к Основам уголовного судопроизводства, в которых право прокурора предъявить гражданский иск трактуется так же, как и его обязанность (см. Научно-практические комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, изд. второе, М., 1961, стр. 260).

гражданского судопроизводства и б) гражданский иск в уголовном процессе».⁴⁵

Действительно, если исходить из отдельных норм уголовно-процессуального законодательства и рассматривать их изолированно от общих задач советского уголовного процесса, от материально-правового содержания гражданских исков, вытекающих из уголовного дела, а также от предписаний закона, которые предусматривают предъявление подобных исков как обязанность должностных лиц и организаций, то можно прийти к выводу, что все лица, понесшие материальный ущерб от преступления, имеют право на выбор судопроизводства по своему усмотрению. Тем более, что оба судопроизводства, как уголовное, так и гражданское, обеспечивают всемерную защиту прав и законных интересов всех участников (сторон) процесса, и нет никаких оснований противопоставлять один порядок судопроизводства другому. Оба этих порядка служат целям социалистического правосудия и направлены всецело на полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного и ст. 16 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Однако, нельзя игнорировать того обстоятельства, что законодатель предусматривает ряд условий рассмотрения и разрешения этого иска и тем самым предопределяет порядок судопроизводства по этому иску. Имеются условия, которые не допускают разрешения подобного иска в порядке гражданского судопроизводства, и имеются также обстоятельства, не представляющие возможности для окончательного разрешения этого иска в порядке уголовного судопроизводства. С этими обстоятельствами приходится считаться. Они не ущемляют законных интересов лиц, понесших ущерб от преступления, а, наоборот, необходимы для максимального обеспечения этих интересов.

Институт гражданского иска в уголовном процессе своим существом выражает заботу советского государства об охране прав граждан и имущественных интересов предприятий, учреждений, организаций, которым был причинен материальный ущерб преступлением. В деле возмещения такого ущерба недостаточна инициатива только лица, понесшего этот ущерб, здесь необходима инициатива государства, государственное вмешательство. Даже сам факт предъявления гражданского иска в уголовном процессе не всегда зависит лишь от инициативы лица, понесшего материальный ущерб от преступления, а связывается с деятельностью органов расследования, прокурора и суда и с их обязанностями. Органы расследования, прокурор и суд обязаны разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав (ст. 27 Основ,

⁴⁵ См. П. П. Гуреев, цит. соч., стр. 5.

ст. 45 УПК ЭССР); следовательно, установив, что преступлением причинен материальный ущерб, обязан разъяснить лицам, понесшим этот ущерб, или их представителям право предъявить гражданский иск и по предъявлению такового признать их гражданскими истцами или отказать им в этом (ст. 114 УПК ЭССР, ст. 137 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Кроме того, как сказано выше, прокурор не только вправе, но и обязан предъявлять и поддерживать гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан (ст. 40 Основ, п. 4 ст. 23 Положения прокурорского надзора в СССР, ст. 42 УПК ЭССР, ст. 29 УПК РСФСР). Поскольку эти интересы и права всегда требуют охраны от преступных посягательств, то прокурор обязан всегда предъявлять гражданский иск, если он не был предъявлен самим лицом, понесшим материальный ущерб, кроме случаев, когда имеются основания его не предъявлять.

По делам причинения материального ущерба государственным и общественным организациям, кроме указанных уголовно-процессуальных мер, директора предприятий, начальники учреждений, председатели правления колхозов и руководители других кооперативных и общественных организаций во всех случаях возбуждения уголовных дел о хищениях и недостачах, в свою очередь, обязываются законом предъявлять иски о взыскании с виновных причиненного ущерба.⁴⁶ А руководители торговых предприятий обязаны о каждом случае хищения, растраты или недостачи доводить до сведения прокурорского надзора для привлечения виновных к ответственности и для взыскания в пользу торговых предприятий понесенных ими убытков, независимо от заявления гражданского иска.⁴⁷ В таких случаях предъявление гражданских исков обязательно для всех государственных и общественных организаций, поскольку соотношение их прав с обязанностями, выражающееся в органическом их соединении (когда осуществление права в интересах коммунистического строительства рассматривается одновременно как обязанность), находит широкое применение в советском праве в отношении социалистических организаций.⁴⁸ Таким образом, из положений закона усматривается, что проявление воли и инициативы самого лица, понесшего материальный ущерб от преступле-

---

⁴⁶ См. Постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г., № 248 О взыскании ущерба, причиненного лицам виновными в хищении и недостаче продовольственных и промышленных товаров.

⁴⁷ См. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 16 февраля 1933 г. О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях (СЗ СССР, № 13, 1933, ст. 76).

⁴⁸ См. Д. М. Геикин, Сочетание прав с обязанностями в советском праве, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 30—31.

ния, на предъявление гражданского иска в уголовном процессе связывается с обязанностью суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, содействовать этому проявлению воли и инициативы. Более того, прокурор обязан не только содействовать этому, но и сам предъявлять иск, а суд разрешает вопрос возмещения ущерба без иска если он не был предъявлен. Причем, для социалистических организаций предъявление иска в случае нарушения их имущественных прав является не только правом, но и обязанностью.⁴⁹

На основании сказанного, о действии принципа диспозитивности в данном производстве приходится говорить в весьма узкой сфере.

Право на предъявление гражданского иска, предусмотренное в статье 25 Основ уголовного судопроизводства, выражает не только свободу распоряжаться своими материальными и процессуальными правами в процессе, но также всемерную заботу государства защищать нарушенные преступлением имущественные права и интересы граждан и организаций.

Лицу, понесшему ущерб, закон предоставляет право, а не обязанность на предъявление гражданского иска в уголовном процессе. Этому праву корреспондирует обязанность следователя, органа дознания, судьи и суда, каждого в пределах своей компетенции, принять исковое заявление и решить вопрос о возможности признания заявителя гражданским истцом (ст. 42, 114, 192 и 237 УПК ЭССР, ст. ст. 29, 137, 223, 276 УПК РСФСР). Закон не устраняет права на обжалование постановления следователя об отказе в признании гражданским истцом, а отказ в ходатайстве о признании гражданским истцом в стадии предания суду не препятствует возобновлению такого ходатайства в подготовительной части судебного разбирательства (ст. 192 ч. 2 УПК ЭССР, ст. 223 ч. 2 УПК РСФСР). Это означает, что закон предоставляет лицу, понесшему ущерб от преступления, реальную возможность предъявить исковое заявление с момента возбуждения уголовного дела в продолжение всего последующего производства по делу и до начала судебного следствия (ст. 42 УПК ЭССР, ст. 29 УПК РСФСР). Кроме того, этому праву корреспондирует обязанность суда принимать гражданский иск для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства во всех случаях оставления его в уголовном процессе без рассмотрения (ст. 269 УПК ЭССР, ст. 29 УПК РСФСР): в случаях неустановления размера удовлетворения иска (ст. 270 УПК ЭССР, ст. 310 УПК РСФСР), а также в тех случаях, когда этот иск по каким-либо причинам остался в уголовном процессе не предъявленным

⁴⁹ См. Научно-практические комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, М., 1961, стр. 168—169, и Комментарии к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, изд. ЛГУ, Л., 1960, стр. 38.

или не рассмотренным (ст. ст. 213, 269 УПК ЭССР, ст. 29 УПК РСФСР). Таким образом, право на предъявление гражданского иска в уголовном процессе гарантирует лицу, понесшему ущерб, надлежащую судебную защиту во всех возможных случаях. Поскольку речь идет об иске, вытекающем из факта преступления, основания которого являются в то же время и основаниями уголовного обвинения, то право на предъявление гражданского иска потерпевшим сочетается с необходимостью применения такого порядка производства по иску, который в максимальной степени обеспечил бы защиту его законных интересов, нарушенных преступлением. Для подобных исков таким порядком является, прежде всего, порядок уголовного судопроизводства. Об этом свидетельствует сопоставительный анализ уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательств. Если первое создает максимальные возможности для возмещения ущерба, причиненного преступлением и предусматривает льготные условия для рассмотрения и разрешения этого иска, то второе не предусматривает специального порядка и особых льгот по сравнению с другими исками. В уголовном процессе этот иск освобождается от государственных пошлин, его основания и размер доказываются органами расследования, прокурором и судом (что, однако, не лишает и самого истца права на это), и этот иск беспрепятственно разрешается в приговоре по уголовному делу. Все это значительно усиливает охрану имущественных интересов средствами, присущими уголовному процессу. В гражданском процессе, однако, этот иск только в некоторых, притом для подобных исков нехарактерных случаях освобождается от государственных пошлин, его основания, как правило, доказываются в общем порядке самим истцом, и иск не может быть рассмотрен прежде, чем будет решено уголовное дело.

Несмотря на то, что ст. 25 Основ предусматривает право на предъявление иска всех лиц, понесших материальный ущерб от преступления, будь то физические или юридические лица, фактически это право на предъявление или отказ в предъявлении иска и выбора судопроизводства может касаться только физических лиц, поскольку юридические лица, как это было сказано выше, обязаны предъявлять гражданский иск в порядке уголовного судопроизводства. В то же время круг физических лиц, имеющих какую-то свободу на предъявление подобного иска, сужается тем обстоятельством, что прокурор обязан предъявлять гражданский иск всегда, когда этого требует охрана прав граждан (ст. 42 УПК ЭССР). Отсюда следует, что такой свободой может пользоваться весьма незначительный контингент потерпевших. А это означает, что принцип диспозитивности не является больше характерным в вопросах предъявления гражданского иска в уголовном процессе. Кроме того, при возможности

выбора он должен согласовываться с необходимостью выбора именно уголовного судопроизводства.

Эта необходимость вытекает из единства оснований уголовной и имущественной ответственности, из обширных возможностей и средств органов расследования в доказательстве оснований и размера иска и его обеспечения, которых нет в гражданском судопроизводстве. Эта необходимость вытекает также из большого воспитательного значения совместного рассмотрения дела и из тех практических соображений, которые позволяют экономить государственные средства, время и энергию всех должностных и прочих лиц, участвующих в процессе, путем рассмотрения и разрешения вопросов уголовной вины и имущественной ответственности в одном и том же процессе. Поэтому мы полагаем, что право на предъявление гражданского иска в уголовном процессе не может рассматриваться только лишь с формально-юридических позиций, то есть с позиций свободы распоряжения этим правом со стороны лиц, понесших материальный ущерб от преступления по своему усмотрению. Это право должно рассматриваться с позиций гарантии имущественных прав и интересов советских граждан и организаций, с позиций всемерной заботы государства о защите законных интересов лиц, понесших ущерб от преступления, и сочетаться с интересами социалистического правосудия. Реализация права на предъявление гражданского иска со стороны лица, понесшего материальный ущерб от преступления, должна рассматриваться в уголовном процессе с позиции необходимости совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела, обязывающего органы расследования, прокурора и суд содействовать этому и даже вступать в производство по возмещению материального ущерба, если лицо, понесшее этот ущерб, само такой инициативы без особых на то оснований не проявляет. Такая постановка вопроса соответствует задачам сегодняшнего дня. В период развернутого строительства коммунистического общества «вся система государственных и общественных организаций воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического воспитания»⁵⁰. Всё социалистическое право должно содействовать выполнению этой задачи, в том числе и уголовно-процессуальное право с его институтом гражданского иска в уголовном процессе, основные нормы которого исходят из сочетания прав с обязанностями.

* *
*

---

⁵⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1961, стр. 106.

Сущность гражданского иска в уголовном процессе раскрывается в материально-правовых основаниях этого в правовом смысле многогранного института.

Условия имущественной ответственности за ущерб, причиненный преступлением, определяются предписаниями ст. 25 Основ уголовного судопроизводства и соответствующими статьями УПК союзных республик. Из них следует, что гражданский иск может быть предъявлен при производстве по уголовному делу только при наличии: 1) признаков состава преступления; 2) материального ущерба; 3) причинения ущерба непосредственно преступлением; 4) вины в действиях (бездействиях) обвиняемого и 5) самого обвиняемого, причинившего ущерб. В совокупности эти условия составляют общее основание уголовной и имущественной ответственности. Это единое основание является в то же время и единственным для совместного рассмотрения уголовного дела и гражданского иска, вытекающего из него.

Из приведенных условий усматривается, что общее основание уголовной и имущественной ответственности по своей правовой природе является все же уголовно-правовым. Противоправность в действиях (или бездействиях) лица, причинившего вред, является здесь уголовно-противоправным; вредные последствия являются последствиями преступления, выражающимися в материальном ущербе; причинная связь между противоправным действием и наступившим результатом выражается в причинении ущерба непосредственно преступлением; а субъективное основание ответственности — вина может быть здесь только виной обвиняемого в уголовно-правовом смысле. Все эти объективные и субъективные основания имущественной ответственности имеют уголовно-правовой характер и регулируются нормами уголовного права. Эти нормы, однако, как правило, не обеспечивают устранения последствий, вызванных преступлением. Последовательная и наиболее полная охрана государственных и общественных интересов и имущественных прав граждан требует, чтобы в уголовном судопроизводстве были устранены последствия, вызванные преступлением: возмещен причиненный материальный ущерб, возвращено принадлежащее собственнику имущество и т. д. Разрешение этой задачи обеспечивается главным образом при помощи мер гражданского права⁵¹, а также других отраслей социалистического права, нормы которых были нарушены преступлением. Основания ответственности будут во всех случаях причинения материального ущерба преступлением уголовно-правовыми, а условия

⁵¹ См. В. А. Рахмилович, О противоправности, как основании гражданской ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 55.

и пределы имущественной ответственности, необходимые для устранения последствий правонарушения, будут регулироваться нормами той отрасли социалистического права, которые были нарушены преступлением.

Такая, в правовом смысле многогранная конструкция материально-правового основания рассматриваемого гражданского иска требует для реализации соответствующей формы производства. Соотношения материально-правовых оснований и судопроизводства были глубоко и с предельной ясностью выражены К. Марксом в дебатах по поводу закона о краже леса. Он писал: «Процесс есть только форма жизни закона, следовательно проявление его внутренней жизни»⁵². Из этого положения следует, что только в определенном процессуальном порядке проявляется внутренняя жизнь определенного материального права. «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности... материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы».⁵³

Итак, материально-правовые основания вытекающего из факта преступления гражданского иска могут быть рассмотрены и разрешены только в порядке уголовного судопроизводства, поскольку они являются основаниями не только имущественной ответственности, но и уголовной. Гражданскому судопроизводству несвойственно разрешать вопросы уголовной вины и наказания. Отдельно от уголовного дела, в порядке гражданского судопроизводства такой иск может быть рассмотрен только в том случае, если он не был по каким-либо основаниям рассмотрен и разрешен при самом разборе в уголовном порядке. «Но этот путь защиты нарушенного права менее эффективен, поскольку разрешение гражданского иска зависит от того, признает ли суд причинителя вреда виновным в совершении преступления, так как гражданский иск не может быть разрешен до тех пор, пока не состоится и не вступит в законную силу приговор по уголовному делу».⁵⁴ Поэтому в силу п. 4 ст. 40 Основ гражданского судопроизводства такой гражданский иск в гражданском суде должен быть приостановлен.

В порядке гражданского судопроизводства могут рассматриваться и решаться вопросы о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которых состоялся приговор суда. Вступивший в законную силу приговор по уголовному делу будет в таком случае обязателен для суда, рассматриваю-

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. второе, т. I, М., 1955, стр. 158.

⁵³ См. там же.

⁵⁴ См. Советский гражданский процесс, под ред. проф. А. Ф. Клеймана, изд. МГУ, 1964, стр. 130.

шего гражданский иск в порядке гражданского судопроизводства по вопросам, имели ли место противоправные действия, которыми причинен ущерб, и совершены ли они данным лицом (ст. 21 Основ гражданского судопроизводства).

Такое взаимоотношение и такая взаимосвязь уголовного и гражданского судопроизводства по гражданским искам, вытекающим из уголовного дела, необходимы ввиду указанного сложного материально-правового основания этого иска.

Из приведенных выше общих положений уголовной и имущественной ответственности и взаимоотношений судопроизводства по гражданским искам, из причинений вреда преступлением можно сделать следующие выводы.

1. Подведомственность этого гражданского иска определяют его уголовно-правовые основания. Как правило, этот иск подведомствен суду, рассматривающему уголовное дело. Это усматривается из приведенных выше положений уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства. В отдельных случаях этот гражданский иск может быть предъявлен в порядке гражданского судопроизводства, если он остался в уголовном судопроизводстве не предъявленным или не рассмотренным. Однако и в этих случаях он может в порядке гражданского судопроизводства быть разрешен только после решения вопроса уголовно-правовой ответственности причинителя материального ущерба.

В последнее время в судебной практике имеет место тенденция направления гражданских исков, по которым истцами и ответчиками являются государственные или общественные организации (кроме колхозов), в органы государственного арбитража, ввиду их неподведомственности суду.⁵⁵

О неподведомственности таких исков суду и их подведомственности органам государственного арбитража или вышестоящим по отношению к должнику организациям указывается также в юридической литературе. Так, например, П. П. Гуреев приходит к выводу, что «спору о возмещении причиненного преступлением материального ущерба между государственными, общественными и кооперативными (кроме колхозов) организациями неподведомственны судам. Подобные споры при цене иска до 100 руб. разрешаются органом, вышестоящим по отношению к должнику, а при цене иска свыше 100 руб. — арбитражем».⁵⁶ На этой же позиции стоят и комментаторы нового Положения о

⁵⁵ См., напр., определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Эстонской ССР от 8 апреля 1961 г. по делу Ламбинена А. П. (Уголовное дело № 304, 1961 г.).

⁵⁶ П. П. Гуреев, Гражданский иск в уголовном процессе, Госюриздат, 1961, стр. 13—14.

военных трибуналах⁵⁷. П. П. Гуреев указывает также, что заявителю в подобных случаях должно быть отказано в признании его гражданским истцом, а если он был ошибочно признан таковым, то производство по гражданскому иску должно быть прекращено в любой стадии уголовного процесса⁵⁸. С этими выводами, однако, нельзя согласиться. Положение подведомственности арбитражу споров, по которым истцами и ответчиками являются государственные и общественные организации, относится, по нашему мнению, всецело к гражданскому судопроизводству и не может быть механически распространено на уголовный процесс.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность одновременного участия в уголовном процессе в качестве гражданских истцов и ответчиков не только граждан, но и юридических лиц и не ограничивает эту возможность никакими оговорками (ст. 25 и 26 Основ уголовного судопроизводства, ст. ст. 54, 55 УПК РСФСР, ст. ст. 41, 43 УПК ЭССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Как отмечалось выше, основания такого иска могут быть выявлены только судом, рассматривающим уголовное дело, или же они могут быть взяты за основу судом, рассматривающим гражданское дело в порядке гражданского судопроизводства, но только после рассмотрения уголовного дела.

Это общее положение, предусмотренное в ст. 40 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, относится, по нашему мнению, не только к гражданскому судопроизводству, но и к производству в органах государственного арбитража, которые по сложившейся многолетней практике руководствуются в основном нормами гражданско-процессуального законодательства⁵⁹.

Поэтому мы полагаем, что органы государственного арбитража не могут рассматривать подобные иски до решения уголовного дела. А рассмотрение гражданского иска изолированно от уголовного дела лишает субъектов этого иска всех тех прав, которые им предоставляются уголовно-процессуальным за-

⁵⁷ См. Научно-практические комментарии к Положению о военных трибуналах, под ред. председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенанта юстиции В. В. Борисоглебского, изд. второе, Госюриздат, М., 1961, стр. 35.

⁵⁸ См. П. П. Гуреев, там же, стр. 14. Такая позиция автора приводит, однако, к отрицанию возможности предъявлять юридическим лицам (кроме колхозов) гражданские иски до установления обвиняемого и лица, несущего материальную ответственность за деяния обвиняемого. Это ограничение противоречит общим требованиям закона (ст. 29 УПК РСФСР, ст. 42 УПК ЭССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

⁵⁹ См., напр., Д. В. Швейцер, Гражданский процесс и арбитраж, М., 1960, стр. 56.

конодательством, вследствие чего гражданский истец и гражданский ответчик при раздельном рассмотрении гражданского иска и уголовного дела будут лишены возможности защищать свои законные интересы в уголовном процессе. Гражданский ответчик будет лишен, например, возможности предъявлять доказательства по уголовному делу или заявлять ходатайства, направленные на опровержение или смягчение обвинения, если он тем самым оспаривает основания гражданского иска⁶⁰.

Полагаем, что подобные иски подведомственны суду, рассматривающему уголовное дело независимо от того, являются ли гражданским истцом и ответчиком граждане или государственные или общественные организации.

2. Для совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела какого-то особого судопроизводства смешанного порядка, в котором наряду с правилами уголовного процесса применялись бы и все правила гражданского процесса, законом не предусматривается. В уголовном судопроизводстве нет места гражданскому судопроизводству. Совместное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска не является соединением двух судопроизводств (уголовного и гражданского) в одном процессе. Оно происходит в едином порядке уголовного судопроизводства. Однако в судебно-следственной практике совместного рассмотрения уголовного дела и вытекающего из него гражданского иска применяются также отдельные нормы гражданского процесса.

П. П. Гуреев считает это возможным в тех случаях, когда законодательство об уголовном судопроизводстве не дает ответа на возникшие при рассмотрении гражданского иска процессуальные вопросы.⁶¹ Такая возможность, по нашему мнению, не может быть ничем не обусловленной и беспредельной. Применение отдельных норм, форм и принципов гражданского процесса в уголовном не может иметь места без учета задач, правовой природы и принципов последнего. В противном случае могут оказаться нарушенными интересы социалистического правосудия, а также права и законные интересы отдельных участников процесса. Применение отдельных норм гражданского процесса в уголовном бывает в определенных случаях не только допустимо, но и необходимо. На это указывается, например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. в отношении сроков предъявления к исполнению приговора суда в части гражданского иска (см. п. 9 постановления)⁶².

⁶⁰ См. Научно-практические комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, изд. второе, под. ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1961, стр. 172—173.

⁶¹ См. П. П. Гуреев, *цит. соч.*, стр. 6.

⁶² Постановление пленума Верховного Суда О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением, Сборник, *цит. соч.*, стр. 354.

В ряде случаев такая трансплантация отдельных форм и правил гражданского процесса в уголовный является, однако, неудачной, искусственной или механической и не должна иметь места.

Так, например, в преамбуле приведенного выше постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. указывается, что следственные органы и суды не требуют от заявителя оформления гражданского иска в соответствии с указаниями ст. 76 ГПК РСФСР (1923 г. — Ю. А.). Пленум констатирует: «Иногда все исковое заявление состоит лишь из просьбы заявителя считать его гражданским истцом по делу»⁶³. В этой связи невыполнение норм гражданского процесса Пленум рассценивал как недостаток, имеющий место в уголовно-процессуальной деятельности органов расследования и суда. В уголовном процессе судья, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе, однако, отказать в приеме искового заявления лишь по той причине, что оно не соответствует всем требованиям норм гражданского процесса. Хотя эти предписания имеют целью придать требованиям лица, понесшего ущерб, необходимую определенность: помогают судебным и следственным органам установить существо, предел и основания требований, но лицо, понесшее ущерб, может, однако, и не знать, кто совершил преступление, причинившее ему ущерб; к моменту предъявления иска может оказаться не установленным также размер материального ущерба, причиненного преступлением, и т. п.⁶⁴

В силу статей 25 и 27 Основ уголовного судопроизводства и соответствующих статей УПК союзных республик каждое лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, вправе предъявить гражданский иск при производстве по уголовному делу независимо от каких-либо условий и, в частности, от соблюдения гражданско-процессуальных форм в отношении искового заявления. А суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны обеспечить возможность осуществления этого права. Это обстоятельство подтверждает еще раз наглядно, что вытекающий из преступления гражданский иск имеет иной характер, чем любой другой иск по спору о праве гражданском. Порядок, необходимый и обоснованный в гражданском судопроизводстве, становится невыполнимым и неприемлемым в уголовном судопроизводстве, а поэтому не может быть механически перенесен в последнее.

3. Неприемлемым является также предложение И. М. Гершмана в отношении процедуры признания гражданским истцом или отказа в таком признании лица,

⁶³ См. Сборник, цит. соч., стр. 347.

⁶⁴ См. Э. Ф. Куцова, Гражданский иск в уголовном процессе, изд. МГУ, 1963, стр. 16.

предъявившего иск в уголовном процессе. По нашему мнению, недостаточно обоснованными являются выводы автора о том, что такое признание или отказ в признании фактически касаются существа спора и поэтому не могут решаться судьей единолично, а также, что «в соответствии с правилами самостоятельного гражданского процесса потерпевший, предъявивший гражданский иск в уголовном деле, должен также без всякой санкции следователя механически стать гражданским истцом по данному делу».⁶⁵ Механическое применение этого порядка гражданского судопроизводства в уголовном без учета условий и возможностей последнего привело бы к бесконтрольному приему судом, следователем и органом дознания всех без исключения исковых заявлений независимо от того, относятся они к рассматриваемому уголовному делу или нет. Признание всех без исключения лиц, предъявивших исковое заявление, гражданскими истцами по данному уголовному делу и предоставление всем им широких прав участников процесса дезорганизовало бы уголовно-процессуальную деятельность. Поэтому нет никакой необходимости затруднять работу суда выяснением вообще не относящихся к нему вопросов и, в частности, рассмотрением исков, не вытекающих из совершенного преступления.⁶⁶ Сам факт признания лица, понесшего ущерб от преступления, гражданским истцом не предрешает исхода гражданского иска. Точно так же, как привлечение лица в качестве обвиняемого не является еще признанием его виновности, не является и признание лица гражданским истцом еще признанием самого гражданского иска. Необходимость в признании лица гражданским истцом в уголовном процессе вызвана тем, что права этого участника уголовного процесса может приобрести только лицо, понесшее материальный ущерб от преступления. В гражданском процессе, в котором в основном решаются споры о праве гражданском, такая процедура является излишней.

4. Исходя из общих задач гражданского и уголовного судопроизводства, доказывание обстоятельств по уголовным и гражданским делам имеет некоторые отличительные стороны.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик устанавливают, что доказывание гражданского иска, предъявленного по уголовному делу, производится по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством (ст. 41 УПК ЭССР, ст. 29 УПК РСФСР, ст. 56 УПК БССР, ст. 23 УПК Узб. ССР и др.). Из предписаний закона следует, что доказывание оснований и размера гражданского иска в

⁶⁵ И. М. Гершман, Некоторые процессуальные вопросы гражданского иска в уголовном деле, «Советское государство и право», 1958, № 1, стр. 120.

⁶⁶ А. Грун, Предъявление и обеспечение гражданского иска в уголовном деле, «Советская юстиция», 1959, № 6, стр. 28.

уголовном процессе лежит на суде, прокуроре, следователе и лице, производящем дознание (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Однако, в гражданском судопроизводстве каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Если представленные доказательства недостаточны, суд предлагает сторонам и другим лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства или собирает их по своей инициативе (ст. 18 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Эти правила распределения обязанностей доказывания неприемлемы в уголовном процессе. На основании этого нельзя согласиться с выводами П. П. Гуреева о том, что «гражданский истец может заявить ходатайство оставить гражданский иск без рассмотрения, например, на том основании, что он еще не смог собрать всех доказательств, подтверждающих его исковые требования», а суд может в таких случаях своим определением оставить гражданский иск без рассмотрения.⁶⁷ Доказывание обстоятельств, относящихся к гражданскому иску в уголовном процессе, не может быть возложено на субъектов гражданского иска, ибо они входят в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства)⁶⁸. Суд не может также оставить иск в таком случае без рассмотрения, ибо это противоречит предписаниям уголовно-процессуального законодательства. Принятый к совместному рассмотрению с уголовным делом гражданский иск должен быть, как правило, окончательно разрешен одновременно с уголовным делом.⁶⁹

5. Механическое применение отдельных правил гражданского процесса в уголовном, позволяющее субъектам гражданского иска в уголовном процессе свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами, не всегда соответствует общим принципам и правовой природе уголовного процесса. В силу различия, которое имеется между уголовным и гражданским процессами, диспозитивность в уголовном процессе имеет более ограниченное применение⁷⁰.

Поэтому гражданско-процессуальный принцип диспозитивности не может, по нашему мнению, свободно распространяться на институт гражданского иска в уголовном процессе. Такие

⁶⁷ См. П. П. Гуреев, цит. соч., стр. 70.

⁶⁸ См. Научно-практические комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, изд. второе, под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, М., 1961, ст. 88.

⁶⁹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. Сборник, цит. соч., стр. 350.

⁷⁰ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, изд. МГУ, 1956, стр. 228.

права и действия гражданского истца, как отказ от исковых требований и заключение мировой сделки, как правило, не могут применяться в уголовном процессе.⁷¹

Диспозитивность в советском уголовном и гражданском процессе — отнюдь не произвольное и бесконтрольное распоряжение субъектом права по своему лишь усмотрению своим правом. Закон устанавливает здесь определенные границы. В отношении гражданского иска в уголовном процессе суд может совершить определенные действия или принять решения и при отсутствии заявления истца или вопреки его заявлению. Суд может рассматривать вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением, и при отсутствии заявления истца. Хотя от гражданского истца и зависит установление размера гражданского иска, но суд не связан размерами исковых требований и подобно тому, как это может сделать суд в порядке гражданского судопроизводства, может выйти за пределы требований, заявленных истцом (см. ст. 37 Основ гражданского судопроизводства). В уголовном процессе не может иметь места также заключение мировой сделки, ибо «санкционирование этой сделки судом означило бы, что суд признает установленными факты, являющиеся основанием мировой сделки, но сделать это суд не может, так как факты будут оценены им. признаны доказанными или недоказанными, этим фактам будет дана юридическая оценка лишь при вынесении приговора»⁷².

В гражданском процессе суд не принимает отказа истца от иска, признания иска ответчиком и не утверждает мирового соглашения сторон, если эти действия противоречат закону или нарушают чем-либо права и охраняемые законом интересы (ст. 24 Основ гражданского судопроизводства). Тем более суд не может этого делать при рассмотрении гражданских исков в уголовном процессе, поскольку права и законные интересы нарушаются здесь преступлением, а не иным правонарушением.

Таким образом, трансплантация отдельных предписаний и форм гражданского судопроизводства в уголовное не может быть механической и происходить случайно, без учета основных задач уголовного судопроизводства, его правовой природы и принципов. Нельзя забывать, что материально-правовые основания гражданского иска в уголовном процессе являются основаниями не только имущественной, но и уголовной ответственности.

⁷¹ См. П. П. Гуреев, *цит. соч.*, стр. 7, 8, 14, 70.

⁷² См. А. Л. Цыпкин, *О диспозитивности в советском уголовном процессе*, «Советское государство и право», 1958, № 3, стр. 133. См. по этому поводу также Р. Е. Гук а с я н, *О мировых соглашениях*, «Правоведение» 1965, № 4, стр. 95.

TSIVIILHAGIST NÕUKOGUDE KRIMINAALPROTSESSIS

J. Adojaan

Resümee

Võitlus sotsialistliku vara puutumatus eest saab olla edukas ainult siis, kui süüdi olevatele isikutele üheaegselt kriminaalkaristumäärade kohaldamisega ja ennetavate abinõude tarvituselevõtuga tagatakse ka kuriteoga tekitatud materiaalse kahju reaalne hüvitamine. Seda kriminaalkohtumenetluse ülesannet ei saa pidada enam teisejärguliseks ega ignoreerida, nagu see esines varasemas kohtupraktikas ja uurimistöös praktikas ning leidis korduvalt väljendust kriminaalprotsessialastes teoreetilistes töödes. Kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise ülesannet ei vaadelda nüüd ainuüksi kahju kandnud isiku huvide aspektist, vaid seostatakse kommunistliku ülesehitustöö tingimustes toimuva kuritegude vastu võitlemise üldülesannetega.

Kuritegudevastane võitlus toimub nüüd ulatuslikumal rindel kui varem. See ei piirdu enam kuriteo kiire ja täieliku avastamise, süüdlaste väljaselgitamise ja karistamise ülesannetega, vaid on seotud ka kuritegude ennetamise ja väljajuurimise, kuriteo toimepanemist soodustavate asjaolude selgitamise ja kõrvaldamise ning kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise küsimustega ja moodustab kuritegevuse täieliku ja igakülgse likvideerimise abinõude ühise ulatusliku kogumi.

Kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamist iseloomustab nüüd ka riikliku vahelesegamise intensiivistumine. Prokurör on kohustatud esitama tsiviilhagi iga kord, kui seda nõuab riiklike või ühiskondlike huvide või kodaniku õiguste kaitse. Kui aga kannatanu või prokurör ei ole seda teinud, on kohtul õigus kohtuotsuse tegemisel omal algatusel otsustada kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamist. Seejuures lähtutakse artiklis kriminaalprotsessis tegutsevate ametiisikute õiguskohustustest: prokurör ja kohus on kohustatud realiseerima oma õigusi protsessis iga kord, kui seda nõuab riiklike ja ühiskondlike huvide ja kodanike õiguste kaitse.

Kuriteo läbi materiaalsel kahju kandnud isikute õiguste analüüsimisel asutakse artiklis seisukohale, et tsiviilhagi esitamise õigust ei saa kriminaalprotsessis vaadelda tsiviilprotsessis esinevast dispositiivsusepõhimõttest lähtudes. Kuriteo läbi kahju kandnud riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide suhtes esineb see õigus juba kohustusena. Juriidilised isikud ja nende esindajad on kohustatud sotsialistliku omandi puutumatus kindlustamiseks tarvitusele võtma kõik seaduses ettenähtud abinõud, sealhulgas esitama tsiviilhagid.

Kuriteo läbi materiaalsel kahju kandnud kodanike õigust esi-

tada tsiviilhagi tuleb vaadelda aga seoses protsessiosaliste õiguste ja seaduslike huvide maksimaalse kaitse kindlustamise vajadusega kriminaalprotsessis ning prokuröri kohustusega esitada tsiviilhagi ja kohtu õigusega otsustada materiaalse kahju hüvitamist ilma tsiviilhagita iga kord, kui seda nõuab kodanike õiguste kaitse. Artiklis jõutakse järeldusele, et kriminaalprotsessis ei etenda dispositiivseprintsipi tsiviilhagi esitamisel enam olulist osa.

Kriminaalasjast tuleneva tsiviilhagi materiaalõiguslike aluste analüüs näitab, et kriminaalvastutuse ja varalise vastutuse ühised alused on kriminaalõiguslikud, varalise vastutuse tingimuste ja ulatuse osas, aga tsiviilõiguslikud või reguleeritavad sotsialistliku õiguse haru nende normidega, mida rikuti kuriteoga. Seega on vaadeldava tsiviilhagi alused oma õiguslikult iseloomult komplitseeritud. Tsiviilhagi läbivaatamise korra küsimustes lähtutakse artiklis K. Marxi üldtuntud teesist, mille järgi materiaalsel õigusel peavad olema omad paratamatult tarvilikud, temale omased protsessuaalsed vormid. Juhindudes NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaal- ja tsiviilprotsessi seadlusandluse eeskirjadest, asutakse artiklis seisukohale, et tsiviilhagi läbivaatamisel kriminaalprotsessis on tsiviilprotsessi eeskirjad rakendatavad võrdlemisi piiratud. Tsiviilprotsessi eeskirju võidakse kriminaalprotsessis rakendada ainult nendel üksikutel juhtudel, kui kriminaalprotsessi normid ei reguleeri tsiviilhagi läbivaatamisega seoses olevald küsimusi ja kui nad sealjuures ei ole vastuolus kriminaalkohtumenetluse üldülesannete, põhimõtete ja avalik-õigusliku iseloomuga.

Artiklis tõstetakse üles kohtupraktikas vaieldav küsimus kuriteost tulenevate tsiviilhagide alluvuse kohta riiklikule arbitraažiorganile juhul, kui tsiviilhagejatena ja -kostjatena esinevad riiklikud või ühiskondlikud organisatsioonid. Samas jõutakse järeldusele, et sellised hagid kuuluvad läbivaatamisele ja otsustamisele mitte arbitraažiorganites, vaid kriminaalkohtumenetluse korras kohtus; sest eelnevalt on vaja kindlaks teha kahjutekitaja kriminaalsüü. «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse alused» aga annavad võimaluse riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide esindajatele osa võtta kriminaalasjas tsiviilhagejatena ja kostjatena ega tee selles küsimuses mingisuguseid kitsendusi.

Artiklis jõutakse järeldusele, et tsiviilprotsessi eeskirju ei või mehhaaniliselt üle kanda kriminaalprotsessi, ning kritiseeritakse juriidilises kirjanduses avaldatud seisukohti. Sellega seoses teeb autor mitmed praktilise tähtsusega järeldused hagiavalduse rekviisiitide ja tsiviilhagejaks tunnistamise või sellest keeldumise kohta, samuti ka tsiviilhagi aluste tõendamise korra kohta. Artiklis asutakse seisukohale, et tsiviilhagi läbivaatamisel kriminaalprotsessis ei või osaliste leppimisel asja lõpetada, sest see oleks vastuolus kriminaalkohtumenetluse aluste üldpõhimõtetega ja seaduse eeskirjadega.

О КОНКРЕТНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Канд. юрид. наук И. А. Ребане

Кафедра уголовного права и процесса

В Программе КПСС поставлена задача полного искоренения преступности еще в период развернутого строительства коммунизма. Эта задача не может быть разрешена посредством одних только мер уголовно-правового характера — применения наказаний к лицам, совершившим преступления. Она выходит далеко за пределы деятельности следственных органов, прокуратуры, суда, а также исправительно-трудовых учреждений. В программе КПСС указывается на ряд таких средств по ликвидации преступности, которые вообще не обладают уголовно-правовым характером. В частности, в Программе КПСС говорится о росте материальной обеспеченности, о дальнейшем развитии советской демократии, о гарантировании прав советских граждан, о совершенствовании юридических норм, а также о повышении культурного уровня и сознательности трудящихся как об особо важных факторах в борьбе с преступностью. С этой точки зрения большое значение имеет и то обстоятельство, что в условиях социализма каждый выбывший из трудовой колесницы человек может вернуться к полезной деятельности. Но главным в деле ликвидации преступности Программа КПСС признает устранение действия причин, порождающих преступления.

«Исключительной компетенцией» криминалистов не является также научная разработка вопросов ликвидации преступности в нашей стране. Вряд ли подлежит сомнению, что эти вопросы требуют комплексного исследования,¹ а если они разрабатываются криминалистами, то во всяком случае

¹ К разработке вопросов искоренения преступности, кроме юристов, должны быть привлечены также педагоги, психологи, социологи, экономисты и представители некоторых других научных дисциплин.

комплексного подхода. Одним из проявлений подобного подхода является сочетание уголовно-правовых аспектов проблемы с конкретными социологическими исследованиями. Посредством именно таких исследований наукой советского уголовного права в настоящее время изучаются причины преступности и обстоятельства, способствующие совершению преступлений. В результате обобщения данных этих исследований разрабатываются конкретные предложения, направленные на устранение действия этих причин и обстоятельств.²

I

Ликвидация преступности невозможна без ограничения, а в конечном счете, без полного исключения действия причин, порождающих преступления. Но действие этих причин, как известно, проявляется не автоматически, а только под влиянием конкретных обстоятельств, способствующих совершению преступлений. При отсутствии указанных обстоятельств причины не активизируются и преступления не совершаются. Поэтому непосредственная задача в борьбе с преступностью состоит в приведении этих причин в латентное состояние путем устранения действия обстоятельств, способствующих совершению преступлений. В связи с этим и в деле изучения причин преступности решающее значение приобретает изучение конкретных обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Конкретно-социологические исследования в этой области проводятся посредством анкетирования. Однако анкетирование не исключает других приемов исследования. Вполне возможно ограничение изучаемого предмета только одним совершенным преступлением, которое в конкретно-социологическом плане подвергается всестороннему, исчерпывающему анализу. И такие исследования — они, к сожалению, пока отсутствуют — могут дать полезные результаты.

Суть вопроса, однако, не только в методах конкретных социологических исследований. В связи с разработкой системы мер по искоренению преступности возникает также вопрос о роли и месте конкретно-социологического исследования причин преступ-

---

² Объем настоящей статьи не позволяет остановиться на вопросе конкретных социологических исследований вообще. Мы отсылаем читателя к следующим литературным источникам: В. П. Рожин, Введение в марксистскую социологию, Л., 1962, гл. II; В. П. Казимирчук, Наука права и метод конкретно-социологического исследования, «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 38—44. Объем настоящей статьи не позволяет сколько-нибудь подробно рассмотреть причины преступности и обстоятельства, способствующие их совершению. Этим вопросам посвящен ряд обстоятельных, в том числе монографических исследований советских криминалистов. В данной статье следует ограничиться лишь некоторыми общими замечаниями.

ности и обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Конкретно-социологическое исследование причин преступлений и обстоятельств, способствующих их совершению, носит ретроспективный характер. Отправляясь от совершенного преступления, исследователь шаг за шагом доходит до причин и условий его совершения, а затем уже репродуцирует процессы, которые на самом деле имели место в реальной действительности. Подобный анализ необходим. Он служит основой для научных обобщений, позволяющих установить закономерности в профилактике преступности. Он предотвращает оторванные от жизни, умозрительные, отвлеченные рассуждения. Правильно отмечает П. П. Михайленко: «... при изучении причин и условий преступности нужно идти от единичного к общему, а затем уже на основе знания общего предупредить конкретное».³

Ретроспективное изучение причин и условий совершения преступлений имеет своей задачей, главным образом, разработку мер, направленных на устранение причин и условий, которые уже породили преступление. При этом исходят из предположения, что под воздействием этих причин и способствующих обстоятельств преступления будут совершаться и в дальнейшем. Но, естественно, возникает вопрос, почему при наличии тех же причин и обстоятельств преступления совершаются не всегда; что удерживает морально неустойчивого человека в конкретном случае от их совершения? Спрашивается, нельзя ли выяснить, почему в другой среде, в других коллективах, несмотря на наличие подобных причин и обстоятельств, преступления все-таки предотвращаются?

При подобной постановке вопроса предметом изучения будут уже не преступные элементы и совершенные ими преступления, а граждане, коллективы, общественные группы, которые не характеризуются с отрицательной стороны. При таком подходе к проблеме изучается положительное действие советского права. Еще К. Маркс писал: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности».⁴ Какое важное значение имеет изучение положительного действия права, видно хотя бы из следующего.

Причины совершения преступлений не всегда могут быть полностью устранены принятыми Советским государством ме-

³ П. П. Михайленко и И. А. Гельфанд, Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности, М., 1964, стр. 30.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 131.

рами. Такая причина преступности, как наличие лагеря империалистических государств, сохранится, пока сами народы не свергнут власть агрессивной буржуазии своей страны. Но посредством поднятия положительного действия права и коммунистического воспитания трудящихся вполне возможно добиться невосприимчивости советских граждан к враждебной идеологии извне.

II

В период развернутого строительства коммунизма вместе с увеличением значения субъективного фактора в прогрессивном развитии общества неизмеримо возрастает активная роль права. Значительно усиливается оказываемое им регулирующее воздействие. Все более редким явлением становится несоблюдение норм советского права.

На современном этапе развития нашего общества важнейшим фактором повышения регулирующей роли советского права является рост сознательности населения, укрепление коммунистических убеждений трудящихся. Именно коммунистические убеждения лежат в основе добровольного соблюдения норм права.

Наряду с коммунистическими убеждениями определенную и пока еще весьма важную роль в правовом регулировании играет также принуждение. Оно имеет форму либо государственного, либо общественного принуждения и свою мотивационную функцию выполняет прежде всего посредством угрозы принуждением. Фактическое применение принуждения имеет место в тех случаях, когда ни убеждение, ни угроза принуждением не оказали достаточного мотивационного воздействия и нормы права были нарушены.

То, что убеждение и принуждение являются основными источниками мотивационного воздействия права, не вызывает каких-либо сомнений и на достигнутом уровне развития советской науки не нуждается в доказательстве. Перед ней стоят задачи более ответственные, решение которых должно идти, в основном, в двух направлениях. Во-первых, необходимо всестороннее изучение механизма этого воздействия с целью раскрытия закономерностей, присущих психическим процессам вообще. Для решения этой задачи юридические исследования сочетаются с психологическими. Второе направление состоит в исследовании социальной эффективности убеждения и принуждения в деле правового регулирования. В этом случае юридические исследования сочетаются с социологическими.

Раскрытие присущих психическим процессам закономерностей в механизме мотивационного воздействия, оказы-

взаемого убеждением и принуждением в ходе правового регулирования, — задача первостепенной практической важности. В результате решения этой задачи открывается широкий простор для использования этих закономерностей с целью развития правосознания и закрепления его в мировоззрении человека, формирования морального облика людей периода развернутого строительства коммунизма, изыскания средств для усиления воспитательного воздействия права и предупреждения правонарушений, в том числе преступлений.

Раскрытие социальной эффективности убеждения и принуждения в деле правового регулирования является составной частью анализа эффективности действующих норм права вообще. Эта задача была поставлена перед советской юридической наукой в редакционной статье журнала «Коммунист».⁵ Значение этой проблемы заключается в проверке действительности норм права живой общественной практикой и в разработке на этой основе предложений не только по усовершенствованию законодательства, но и по повышению уровня правовой практики.

Чтобы раскрыть социальную эффективность убеждений граждан и угрозы принуждением, необходимы конкретные социологические исследования. На основании последних необходимо исчисление коэффициента полезного действия убеждения и принуждения в практике правового регулирования. Эти исследования должны иметь своим предметом положительное действие права,⁶ правосознание граждан, их правовой быт.

В советской уголовно-правовой литературе утверждалось, что существует категория лиц, «...которые не совершают преступлений потому, что боятся наказания. Достаточно только поставить вопрос, увеличилось ли бы число преступлений, если бы были отменены нормы уголовного права, чтобы всякий понял, что число преступлений в таком случае, безусловно, возросло бы».⁷ С подобным утверждением нельзя не согласиться. И тем не менее практическое значение этого положения весьма невелико. В данных условиях места и времени важно установить хотя бы приблизительно, коэффициент полезного действия угрозы наказанием в деле предупреждения преступности. Конкретные социологические исследования возможны также в этой области и могут дать полезные результаты.

⁵ См. Юридическая наука в условиях коммунистического строительства, «Коммунист», 1963, № 16, стр. 26.

⁶ Об этом хорошо сказано в статье С. С. Алексеева, Д. А. Керимова и П. Е. Недбайло, Методологические проблемы праведения. «Правоведение», 1964, № 4, стр. 26.

⁷ М. Д. Шаргородский, Наказание по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 22.

В прошлом делались попытки конкретного социологического исследования положительного действия советского права. По сообщению В. П. Казимирчука в 1927—1928 гг. секцией общей теории права и государства Коммунистической академии посредством анкетирования обследовался «правовой быт рабочего класса» и разрабатывались такие темы, как отрицательное влияние быта, советский суд в рабочем быту, преступления и борьба с ними и пр.⁸ Еще раньше, в 1924 г. М. М. Исаевым⁹ проводилась анкета среди т. н. «непреступного населения». Цель ее заключалась в том, чтобы путем ряда вопросов выяснить, насколько сдерживающим началом является угроза наказанием. Центральным был вопрос: «Приходилось ли вам быть в таком положении, когда совершение уголовно-наказуемого деяния было удобно по обстоятельствам дела и практически полезно, но деяние не было совершено?». Преступление не было совершено находящимися в таком положении по следующим мотивам:

	мужчины	женщины
	в процентах	
совесть не позволяла	24,3	36,0
страх наказания	19,6	20,0
неловко перед людьми	3,8	4,0
из отвращения к поступку	30,8	28,0
из принципиальных соображений	19,6	12,0
по нерешительности	1,9	—

Пока отсутствуют конкретно-социологические исследования положительного действия уголовного права, относящиеся к современному периоду. Может быть намечена только программа таких исследований путем анкетирования. Анкетирование должно проводиться отдельно по возрастным и социальным группам населения с учетом уровня образования (промышленные и др. рабочие, колхозники, служащие, в том числе, например, бухгалтера, торговые работники и т. д.). При этом опрашивать не должны лица с юридическим образованием и работники юстиции ввиду отсутствия у них «непосредственности» уголовно-правовых переживаний, а также лица, осужденные в прошлом за преступления.

Вот примерное содержание анкеты таких обследований по вопросу «правосознание граждан в борьбе с преступностью».

⁸ См. В. П. Казимирчук, Наука права и метод конкретно-социологического исследования, «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 34.

⁹ См. М. М. Исаев, Общая часть уголовного права РСФСР, Л., 1925, стр. 150—151.

I. Анкетные данные: 1) возраст; 2) пол; 3) национальность; 4) образование; 5) профессия; 6) семейное положение.

II. Юридические знания: 7) интересуют ли опрашиваемого юридические вопросы; 8) к кому опрашиваемый обращается в случае необходимости получить консультацию по юридическим вопросам; 9) читал ли опрашиваемый статьи, брошюры или книги на юридические темы, посещал ли он лекции на такие же темы, читал ли кодексы или иные нормативные материалы (в том числе и уголовный кодекс) и имеется ли у него литература на юридические темы; 10) достаточно ли, по мнению опрашиваемого, освещаются юридические вопросы в печати, в школе, на работе и достаточно ли доступны ему законодательные материалы; 11) из каких источников получены знания, на основании которых опрашиваемый ответил на вопросы раздела III настоящей анкеты?

III. Знания в области уголовного права: 12) допустима ли, по мнению опрашиваемого, самооборона (необходимая оборона); 13) что понимает опрашиваемый под хулиганством; 14) в чем состоит; по мнению опрашиваемого, различие между кражей и разбоем; 15) является ли, по мнению опрашиваемого, уголовно-наказуемым неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении (при условии, что оказание помощи возможно без серьезной опасности для самого опрашиваемого); 16) какие виды наказаний известны опрашиваемому; 17) на какой срок, по мнению опрашиваемого, может быть назначено лишение свободы?

IV. Отношение к отдельным вопросам уголовного права: 18) с какими преступлениями, с которыми опрашиваемый имел дело (был потерпевшим, очевидцем и пр.), ведется, по его мнению, недостаточно решительная борьба; 19) как относится опрашиваемый к передаче лиц, совершивших преступления, на поруки общественности и оправдывает ли себя, по мнению опрашиваемого, общественное поручительство как мера исправления и перевоспитания преступников; 20) что необходимо, по мнению опрашиваемого, предпринять для искоренения хулиганства; 21) защитил бы ли опрашиваемый другого гражданина против хулигана и при каких условиях; 22) сообщил бы ли опрашиваемый органам власти (в милицию, прокуратуру) о тяжком преступлении, совершенном членом его семьи или близким ему человеком?

V. Отношение к лицам, отбывшим лишение свободы: 23) приходилось ли опрашиваемому встречаться с лицами, отбывшими лишение свободы; 24) если да, то при каких обстоятельствах (по работе, в семье, среди знакомых и пр.); 25) если да, то за какие преступления эти лица были осуждены; 26) как относился опрашиваемый к таким лицам (избегал встреч, с предубеждением, было неловко и пр.), и по-

чему; 27) как отнеслись к отбывшему лишение свободы члены семьи опрашиваемого, его друзья, товарищи по работе; 28) беседовал ли опрашиваемый с отбывшим лишение свободы о совершенном последним преступлении, напомнил ли он ему об этом преступлении или дал понять, что не желает встреч с ним; 29) считал ли опрашиваемый отбывшего лишение свободы исправившимся?

VI. Опрашиваемый и товарищеский суд: 30) избран ли по месту работы (жительства, учебы) опрашиваемого товарищеский суд; 31) присутствовал ли опрашиваемый на заседаниях товарищеского суда; 32) оказывал ли товарищеский суд, по мнению опрашиваемого, воспитательное воздействие на присутствующих и на лицо, чье дело рассматривалось; 33) какие недостатки отмечал опрашиваемый при проведении заседания товарищеского суда; 34) как можно было бы, по мнению опрашиваемого, повысить качество работы товарищеского суда?

VII. Опрашиваемый и суд: 35) присутствовал ли опрашиваемый на заседаниях суда при рассмотрении уголовных дел; 36) если да, то в качестве кого (свидетеля, потерпевшего, слушателя и т. д.); 37) какое дело рассматривалось; 38) жалел ли опрашиваемый подсудимого и почему; 39) выступление кого, прокурора (общественного обвинителя) или адвоката (общественного защитника) было, по мнению опрашиваемого, более обоснованным; 40) оказал ли суд, по мнению опрашиваемого, воспитательное воздействие на присутствующих и на самого подсудимого; 41) доволен ли опрашиваемый приговором суда и почему; 42) какие недостатки отмечал опрашиваемый при проведении заседания суда?

VIII. Опрашиваемый и предупреждение преступлений: 43) приходилось ли опрашиваемому быть в таком положении, когда совершение уголовно-наказуемого деяния было удобно и практически полезно, но преступление не было совершено; 44) если да, то почему преступление не было совершено (принципиальные соображения, совесть не позволяла, отвращение к поступку, неловко перед коллективом или людьми, нерешительность, страх перед наказанием и пр.); 45) был ли опрашиваемый в дальнейшем доволен своим поведением или он имеет на этот счет другие соображения?¹⁰

Конкретные социологические исследования, относящиеся к определению коэффициента полезного действия убеждения и угрозы принуждением в сфере уголовного права, имеют большое значение для понимания тех процессов, которые при правовом

¹⁰ Обследования по этой программе проводятся сейчас силами студентов-заочников юридического факультета Тартуского государственного университета. Данные этих обследований только поступают. Поэтому разработка и обобщение их были бы преждевременны.

регулировании имеют место в объективной действительности. При этом наука не должна забывать значения данной проблемы для практики. Она должна указать на более эффективные способы уголовно-правового регулирования, наиболее целесообразно сочетающие полезное действие убеждения и принуждения на достигнутом уровне общественного развития. Задача ее состоит также во внесении предложений по усовершенствованию правовых норм и всего механизма уголовно-правового регулирования с целью максимального использования силы убеждения и принуждения при возможно большей экономии мер принуждения.

Данные конкретных социологических исследований являются в рассматриваемой области одним из показателей общественной сознательности граждан. На основании этих данных можно установить, в какой мере уголовно-правовая норма соблюдается из внутренней потребности (в этом отношении она начинает фактически терять свой принудительный характер, превращаясь на самом деле в общественное правило, которое будет существовать также при коммунистическом самоуправлении).

Поэтому нельзя забывать и о более дальних перспективах. Как только в определенной сфере общественной жизни назреют условия для перехода от государственно-правовых форм нормативного регулирования к формам общественным, наука должна ставить программные требования. Перерастание юридических норм в правила коммунистического общежития, соблюдаемые без применения государственного принуждения и угрозы таким принуждением, происходит в значительной мере на базе самих норм права и при их помощи.¹¹ Ответить на вопрос, достаточно сильны ли уже моральные стимулы для того, чтобы обеспечить соблюдение тех или иных правил поведения юридического характера, можно только на основании научных данных.

III

Хотя успешность борьбы с преступностью зависит, прежде всего, от предупреждения преступлений (достижению этой цели служит также поднятие положительного действия уголовного права), а наказание является лишь вспомогательным средством в этой борьбе, тем не менее без уголовной репрессии пока не обойтись. Из этого со всей очевидностью явствует, что в борьбе

¹¹ Неверным представляется высказанное в философской литературе мнение о том, что правовая норма, в отличие от норм морали, не имеет программного характера на будущее, а является лишь осмыслением и закреплением того, что в основном достигнуто уже в данном обществе. См. В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова, *Очерки марксистско-ленинской этики*, Л., 1963, стр. 39; Я. Энгст, *Некоторые проблемы научной этики*, М., 1960, стр. 33.

с преступностью необходимо использовать также все потенциальные возможности самого наказания.¹² Если неизвестно, каких полезных результатов можно добиться путем применения наказаний, а также, если нет достоверных данных о том, насколько цели наказания в самом деле достигаются, то эта задача неосуществима. Вместе с тем, максимально эффективное применение наказаний предполагает не только знание механизма уголовно-правового воздействия вообще, но и достижение отдельных целей наказания. Одна только судебская интуиция, а тем более огульное, механическое применение наказаний со ссылкой на необходимость проведения решительной борьбы с данным видом преступлений не соответствует ни практическим потребностям, ни достигнутому уровню развития советской уголовно-правовой науки, позволяющему применять наказания на действительно научной основе.

Изучение эффективности наказаний невозможно без конкретных социологических исследований. На это вполне обоснованно обращалось внимание в советской юридической печати.¹³ Но, к сожалению, в этом направлении делаются только первые шаги.

При изучении эффективности наказаний методами конкретно-социологических исследований анкетирование является лишь одним из источников первичных данных, подвергаемых в дальнейшем научной обработке. В этой области необходимы исследования глубокие, всесторонние, массовые, проводимые по заранее установленной программе. Эта программа должна включать также изучение личности преступника и его психических процессов и может иметь своим предметом, в частности: эффективность отдельных видов наказания и определение области наиболее целесообразного их применения; отдельные цели наказания и средства их достижения;¹⁴ причины неэффективности применения наказаний (в том числе вопросы, связанные с уголовным рецидивом); участие общественности в применении наказаний; деятельность исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию лиц, отбывающих наказание, и пр. Особый интерес с этой точки зрения представляют, однако, вопросы, связанные с условно-досрочным освобождением.

---

¹² См. также Б. С. Никифоров, Некоторые вопросы уголовного права в условиях международного государства, «Советское государство и право», 1963, № 4, стр. 63.

¹³ См. И. И. Карпец, Некоторые проблемы науки советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», «Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 14.

¹⁴ Эти вопросы разрабатывались Н. А. Беляевым в монографии Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963.

дением от наказания и заменой последнего более мягким видом наказания (ст. 55 и 56 УК ЭССР).

Конкретно-социологическое исследование условно-досрочного освобождения от наказания и замены последнего более мягким видом наказания представляет собой особый интерес именно ввиду широты охватываемых таким исследованием вопросов. Подобные исследования проводились с 1962 г. в виде эксперимента в ходе учебного процесса студентами Тартуского государственного университета. Обследования проводились посредством личных наблюдений за жизнью условно-досрочно освобожденных в течение неотбытого срока наказания (непосредственный контакт с обследуемым и членами его семьи, а также с администрацией и общественностью места работы этого лица; данные, имеющиеся в отделе милиции, в домоуправлении или в сельском совете; личные дела в исправительно-трудовом учреждении, а также судебное дело об условно-досрочном освобождении и пр.).¹⁵ В результате этого был получен обширный материал, который обобщен в отношении 35 лиц, характеризующихся следующими данными.

Таблица 1

Возраст обследуемых

до 20 лет	3
от 21 до 30 лет	15
от 31 до 40 лет	10
свыше 40 лет	7
итого	35

Таблица 2

Род занятий обследуемых

грузчики	5 ¹⁶
шофера	5
без определенных занятий	5
прочие	20
итого	35

Таблица 3

Пол обследуемых

мужчины	31
женщины	4
итого	35

Таблица 4

Семейное положение обследуемых

состоящие в браке	20
одинокие	15
итого	35

¹⁵ Для проверки истинности полученного материала некоторые лица обследовались параллельно двумя студентами. Обследуемые выбирались студентами по собственному усмотрению.

¹⁶ Интерес представляет большое количество грузчиков среди молодых возрастных групп преступников. В связи с этим следует отметить, что профессия грузчиков не требует особой трудовой квалификации, но в то же время труд грузчиков сравнительно хорошо оплачивается. Кроме того, встречаются также приписки к рабочим рядам грузчиков.

Таблица 5

Судимость обследуемых до совершения последнего преступления	
несудимые	29
судимые	6
итого	35

Таблица 6

Признание обследуемыми вины при вынесении приговора	
да	26
нет	5
частично	4
итого	35

Таблица 7

Характер преступлений, совершенных обследуемыми	
преступления против социалистического имущества	12
хулиганство	9
преступления против личного имущества	7
транспортные преступления	5
половые преступления	2
итого	35

Таблица 8

Режим отбывания лишения свободы в исправительно-трудовой колонии	
общий	29
усиленный	3
строгий	2
колония для несовершеннолетних	1
итого	35

В той или иной мере в программу обследований было включено изучение почти всех аспектов борьбы с преступностью, но, разумеется, особое внимание было уделено уголовно-правовым средствам — применению наказаний к лицам, совершившим преступления. При этом в процессе изучения жизни условно-досрочно освобожденного и воздействия, оказываемого на него во время отбывания наказания, были получены данные и о деятельности органов юстиции, а также других учреждений и организаций, в том числе о работе исправительно-трудовых колоний и наблюдательных комиссий. Но исследование всех этих аспектов борьбы с преступностью проводилось под специфическим углом зрения. Вопрос был поставлен так: в какой мере применение наказания способствует достижению действительного повышения положительного действия уголовного права, исключена ли вследствие отбывания лишения свободы активизация причин совершения преступлений условно-досрочно освобожденным под воздействием обстоятельств, содействующих совершению

преступлений, и, следовательно, достигнуты ли и в какой мере достигнуты цели наказания в отношении обследуемого?

Подобная постановка вопроса основана на следующих соображениях.

Согласно ст. 44 ч. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 55 ч. 1 УК ЭССР) к лицам, доказавшим примерным поведением и честным отношением к труду свое исправление и, следовательно, не нуждающимся в дальнейшем исправительном воздействии,¹⁷ может быть применено не только условно-досрочное освобождение от наказания, но и замена его более мягким видом наказания. Это те лица, правовое регулирование поведения которых стало возможным без принуждения (включая и угрозу принуждением), и те, которые снова стали доступными воздействию, оказываемому мерами убеждения.

Данные обследований свидетельствуют о том, что в течение неотбытого срока наказания после условно-досрочного освобождения подавляющее большинство обследуемых вообще не совершило каких-либо правонарушений. Правила общежития ими соблюдались. Преступления были совершены вновь только тремя лицами.

Обследуемый № 33 был впервые осужден за групповую кражу личного имущества граждан, совершенную им до достижения восемнадцатилетнего возраста. От наказания за это преступление он был условно-досрочно освобожден (ст. 56 ч. 1 п. 1 УК ЭССР), но в течение неотбытого срока наказания вновь совершил преступление — кражу социалистического имущества (ст. 88 ч. 2 п. 1 и 2 УК ЭССР), причем, по предварительной договоренности с лицом, совместно с которым было совершено и первое

¹⁷ Закон не говорит о перевоспитании как предпосылке для применения ст. 55 УК ЭССР. Объясняется это, по-видимому, тем, что к лицам, нуждающимся не только в исправлении, но и в перевоспитании — в коренном изменении сознания, в воспитании новых взглядов, представлений, привычек (см. Советское исправительно-трудовое право, М., 1960, стр. 93), — ст. 55 УК ЭССР вообще неприменима. К таким лицам закон, очевидно, относит и преступников, перечисленных в ст. 55 ч. 5 УК ЭССР. Неприменимостью к последним ст. 55 УК ЭССР, несмотря на доказанность их перевоспитания, лишней раз подтверждается положение о том, что наказание имеет также карательные цели, необходимость достижения которых в данном случае исключает возможность условно-досрочного освобождения этих лиц (см. также И. И. Карпец, Индивидуализация наказания, М., 1961, стр. 38—39). Впрочем, карательные цели наказания очевидны и в тех случаях, если лицо, доказавшее свое исправление, продолжает отбывать более легкий вид наказания либо дополнительное наказание (ст. 55 ч. 1 УК ЭССР). При отрицании во всех этих случаях цели кары следовало бы признать, что наказание применяется вообще без всякой цели, ибо вряд ли необходимость применения наказания в указанных случаях может быть обусловлена задачами только общего предупреждения преступлений. О каре как цели наказания см. также Н. А. Белаяев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 33—36.

преступление. Несмотря на это, от наказания были снова оба условно-досрочно освобождены. В течение неотбытого срока наказания обследуемый совершил опять преступления: угнал транспортное средство (ст. 197 УК ЭССР) и нарушил правила движения (ст. 204 ч. 1 УК ЭССР). Учитывая также, что обследуемый № 33 часто менял место работы и систематически допускал нарушения трудовой дисциплины, определение суда об условно-досрочном освобождении его было в порядке надзора отменено и он был предан суду.

Другие обследуемые, совершившие в течение неотбытого срока наказания новые преступления, не были преданы суду. Один из них (обследуемый № 3) был привлечен к уголовной ответственности за преступление, совершенное в течение неотбытого срока наказания, но он был передан на поруки обществу. Некоторое время после условно-досрочного освобождения его поведение было безупречным, но затем он попал под дурное влияние других лиц. Наблюдения за ним не проводилось, он был полностью предоставлен самому себе и совершил мелкое хищение государственного имущества путем мошенничества (выразившееся в неуплате счета в ресторане). Другой обследуемый (№ 5) в течение срока неотбытого наказания допустил в нетрезвом состоянии аварию на мотоцикле своего друга (ст. 204 ч. 1 УК ЭССР). Несмотря на то, что он после условно-досрочного освобождения продолжал употреблять алкогольные напитки и допускал нарушения трудовой дисциплины, дело о нем было прекращено ввиду того, что при аварии он сам получил тяжкие телесные повреждения.

Со стороны отдельных условно-досрочно освобожденных имели место и нарушения правил общежития.

Так, обследуемый № 31 продолжает после условно-досрочного освобождения пьянствовать, на работу является в нетрезвом виде, допускает самовольные отлучки, устраивает скандалы, имеет приводы в милицию. Дважды он подвергнут штрафу в административном порядке. Обследуемый № 31, имеющий высшее образование по специальности физкультуры, но до совершения преступления нигде не работавший, был осужден за крупные мошенничества по ст. 143 УК ЭССР (редакция 1961 г.). Перед условно-досрочным освобождением он представил администрации колонии справку о том, что в случае освобождения он поступит на работу на один из заводов; фактически же он стал работать по специальности в одном из спортивных обществ. Вследствие злоупотребления алкогольными напитками он был вскоре переведен на работу в одну из средних школ в качестве преподавателя физкультуры (это обосновывалось необходимостью предоставить ему, якобы, «последнюю возможность» исправить себя); но образ его жизни не изменился.

Интерес представляет также обследуемый № 24, бывший руководящий работник райисполкома, осужденный по ст. 204 ч. 2 УК ЭССР. После совершения в нетрезвом виде преступления он был снят с занимаемой должности. Он поступил в качестве жестянщика на один из комбинатов, а после условно-досрочного освобождения продолжал работать в качестве жестянщика на этом же комбинате. На работе к нему отнеслись как к несчастному страдальцу, который был непрочь выпить и с простым рабочим. Вскоре его авторитет оказался до того раздутым, что его избрали председателем месткома профсоюза. Но отныне прежняя работа его уже не устраивала. Он занял должность заведующего на одном из заготпунктов. Обследуемый принимал здесь систематически участие в пьянках, организованных заготовителями, и был замешан в спекулятивные махинации. Имелись также подозрения об участии его в хищениях, производимых одним из заготовителей, который впоследствии скрылся. В результате обследуемый был уволен. Он трудоустроился грузчиком в другой организации. Выпивать он стал реже.

Один из освобожденных (обследуемый № 7) непосредственно после выхода из исправительно-трудовой колонии допустил ряд нарушений служебных обязанностей, но в результате принятых мер стал вскоре образцовым работником и заслужил доверие администрации и всего коллектива места работы.

Все остальные условно-досрочно освобожденные (их число 29) нарушения правил поведения не допустили, по работе характеризуются положительно (в ходе обследований были получены соответствующие характеризующие материалы), многие из них имеют поощрения за полезную инициативу (рационализаторские предложения и пр.), принимают активное участие в общественной жизни, у многих из них значительно расширился круг интересов. Это, в частности, относится к молодым возрастным группам, а также к лицам, имеющим до осуждения низкую профессиональную квалификацию или невысокий общеобразовательный уровень. Особо должно быть отмечено, что обследуемые, как правило, стали больше читать художественную и научно-популярную литературу, газеты и журналы, чаще посещать театры и концерты, у многих появилась тяга к учебе. У большинства обследуемых изменилось отношение к семье. В ряде случаев была восстановлена разрушившаяся семейная жизнь.

Почти половина условно-досрочно освобожденных (14 обследуемых), до совершения преступления систематически пьянствовавших, полностью отказалась от употребления алкогольных напитков. Некоторые обследуемые (4 человека) стали употреблять алкоголь умеренно, редко или во всяком случае реже, чем до осуждения. Пять обследуемых,

употреблявших алкогольные напитки до осуждения, продолжают их употреблять и после освобождения. Двое обследуемых употребляют алкогольные напитки чрезмерно (обследуемые № 31 и 33, о которых было сказано выше), один, ранее не употреблявший алкогольные напитки, стал их систематически употреблять (обследуемый № 28, о котором будет сказано ниже). Таким образом ряд лиц, условно-досрочноосвобожденных из исправительно-трудовых колоний, нуждаются и после освобождения в принудительном противоалкогольном лечении.

В связи с этим интерес представляет обследуемый № 9. Поступив после освобождения на работу в качестве экспедитора, обследуемый стал употреблять под влиянием грузчиков алкогольные напитки. Чтобы избавиться от этого, администрация места работы трудоустроила по договоренности с обследуемым его жену в качестве грузчика на автомашину, которая обслуживалась обследуемым.

Все освобожденные возместили полностью или в основном (за исключением обследуемых № 28 и 31) материальный ущерб, причиненный преступлением.

Подводя итоги, можно отметить, что для применения к подавляющей массе обследуемых условно-досрочного освобождения имелись все законные основания. Совершение отдельными лицами новых правонарушений могло бы быть предотвращено. Таких причин совершения ими правонарушений либо таких обстоятельств, способствующих нарушению ими правил поведения, действие которых не могло быть пресечено, не имеется. Однако встречаются отдельные случаи необоснованного условно-досрочного освобождения (например, обследуемый № 33, о котором речь шла выше). Но эти случаи нетипичны.

В связи с бесспорностью исправительного воздействия отбывания лишения свободы возникает более конкретный вопрос, а именно: о механизме этого воздействия, о конкретных методах исправления осужденного в местах лишения свободы.

Следует предостеречь от общего ответа на этот вопрос. При раскрытии именно механизма исправительного воздействия лишения свободы обнаруживается поверхностность, а подчас и односторонность данных, имеющих своим источником одно только анкетирование. Ответы на поставленные вопросы в виде «да» или «нет» не могут служить достаточно надежной базой для научных обобщений. В связи с этим необходимо сделать два предварительных замечания.

Во-первых. В постановлении июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС указывается, что в идейно-политической работе необходим дифференцированный подход к различным возрастным, национальным и пр. группам населения. Это указание полностью

применимо и к воспитательной работе, проводимой в местах заключения, — к исправительному воздействию в отношении лиц, отбывающих лишение свободы. Необходимость такого дифференцированного подхода к исправлению преступников объясняется, очевидно, тем, что эффективность способов воздействия, оказываемого на человека, зависит от специфических особенностей его психических процессов и обстоятельств, влияющих на них: его темперамента, образования, возраста, жизненного опыта и пр. Отсюда, однако, напрашивается и другой вывод: без учета этих особенностей было бы неправильно придавать всеобщее значение тем методам исправительного воздействия, которые оказались эффективными в отношении определенной, даже многочисленной группы заключенных.

Во-вторых. Оценка, даваемая методам исправительного воздействия самими лицами, отбывающими лишение свободы, либо условно-досрочно освобожденными от наказания, не может служить единственным критерием эффективности этих методов. Но бесспорно и другое. Конкретно-социологическое исследование эффективности наказания невозможно без учета подобной оценки. Это верно особенно в тех случаях, если обследуемый владеет способностью анализировать свои психические процессы и умеет наблюдать за их ходом.

Н. А. Беляев сообщает, что в одной из колоний перед большой группой заключенных был поставлен вопрос: «Считаете ли Вы, что для того, чтобы после отбытия срока наказания больше не совершать преступлений Вам нужно в колонии перевоспитаться или же Вы в этом не нуждаетесь?». Из всех опрошенных по этому поводу заключенных 88,4% ответили, что они не нуждаются в перевоспитании.¹⁸

Обобщение данных, полученных нами по этому вопросу, поставленному, однако, под несколько иным углом зрения, сводится к следующему.¹⁹

Из 35 обследуемых 8 отрицают воспитательно-исправительное воздействие отбывания лишения свободы. Один из них заявляет прямо, что пребывание в исправительно-трудовой колонии оказывает отрицательное влияние. Четверо обследуемых, входящих в эту группу, полагают, что лишение свободы не перевоспитывает, но перспектива повторного заключения внушает страх, и поэтому отбывание наказания все же оказывает предупредительное воздействие и заставляет более критически, более серьезно относиться к своим поступкам. Вышеназванные обследу-

¹⁸ См. Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 36.

¹⁹ Следует отметить, что не всеми обследуемыми были даны ответы на эти вопросы. Ответы некоторых были уклончивы. Ряд обследуемых объясняет положительное воздействие отбывания лишения свободы наличием нескольких факторов одновременно.

дуемые усматривают в лишении свободы одну только репрессию. Следует, однако, отметить, что эти лица (за исключением одного) либо неполностью признали себя виновными, либо считали назначенное им наказание несправедливым вследствие чрезмерной суровости его. Прочие обследуемые этой группы (3 из 8) относят отсутствие исправительно-воспитательного воздействия лишения свободы за счет различных недостатков в работе мест заключения (грубость со стороны надзирателей, случаи унижения человеческого достоинства, отрицательное влияние со стороны других заключенных и пр.).

Остальные обследуемые (их число 25), от которых получены ответы, признают воздействие, оказываемое на них в результате отбывания лишения свободы, положительным и, как правило, необходимым с точки зрения их исправления, правда, на разных основаниях.

Так, 7 обследуемых относят исправительное воздействие отбывания лишения свободы за счет трудового воспитания. В связи с этим 5 указывают на приобретение ими специальности либо повышение их трудовой квалификации, а двое на то, что они в колонии научились по настоящему трудиться.

Многие обследуемые заявили, что они хорошо работали до осуждения, честно трудились в колонии, а после освобождения также продолжают хорошо работать. Четверо обследуемых признали, что они работали в колонии добросовестно только потому, чтобы скорее добиться освобождения. Двое обследуемых полагали, что труд в колонии вообще не воспитывает.

В связи с этим следует отметить, что после освобождения на прежнее место работы вернулось значительное количество обследуемых — 11 условно-досрочно освобожденных, 6 поступили на работу по старой специальности в другие организации. Число обследуемых, которые стали работать по новой специальности, приобретенной в колонии, равно 8. Один из условно-досрочно освобожденных не поступил на работу вообще, а 9 трудоустроились в качестве учеников, разнорабочих либо по специальности, не имеющей отношения ни к старой, ни к новой квалификации, приобретенной в колонии.

Интерес представляют также данные о зарплате условно-досрочно освобожденных. В шести случаях зарплаток увеличился, а в пяти случаях, наоборот, снизился. Зарплаток остальных обследуемых остался примерно прежним.

Относительно политико-воспитательной работы, проводимой в колонии, 5 обследуемых заявили, что в результате повышения общеобразовательного уровня, культурно-массовой работы, чтения книг и журналов, а также благодаря участию в самодеятельности их кругозор в колонии расширился и это имело серьезное воспитательное значение. Наоборот, 4 об-

следуемых сослались на отсутствие положительного воздействия проводимой в колонии политико-воспитательной работы ввиду ее массового, огульного характера, недифференцированного подхода и приспособления ее к слишком низкому общеобразовательному уровню. Остальные обследуемые либо воздержались от ответа на данный вопрос, либо усмотрели в этой работе один из способов культурного обслуживания заключенных.

К факторам исправительного воздействия обследуемыми были отнесены также: развитие коллективности (1 обследуемый) и противоалкогольное лечение (1 обследуемый).

Значительное количество обследуемых (16 лиц) заявили, что они стали более критически оценивать свои поступки, более серьезно относиться к жизни. При этом, некоторые из обследуемых усматривают источник подобного, более серьезного отношения в том, что это просто разумно.

Почти половина обследуемых (14 лиц) усматривает источник исправительного воздействия в нравственных переживаниях, связанных с осуждением и отбыванием наказания. В связи с этим обследуемые заявляли, что сам факт заключения под стражу и вынесения обвинительного приговора был сильным моральным ударом (2 обследуемых); другие же говорили о стыде перед близкими и коллективом (3 обследуемых); об отрыве от семьи и коллектива (3 обследуемых); об оказанном им доверии и заботе об их будущем (3 обследуемых); о том, что они после осуждения поняли смысл жизни и сущность человеческого счастья, а также значение честного отношения к труду (3 обследуемых); об одиночестве в колонии (2 обследуемых) и нравственной подавленности (2 заключенных) как источнике этих переживаний.²⁰ При этом многие обследуемые заявляли, что именно режим в колонии заставляет самокритически переоценивать прошлое и вызывает сильные моральные переживания.

Раскрытие механизма воздействия, оказываемого применением наказания, весьма важно при разработке вопроса о целях наказания. Однако особое значение в связи с этим приобретает вопрос об эмоциональной стороне наказания.

Известно, что значительное внимание уделял этим вопросам А. С. Макаренко.

Как указывал А. С. Макаренко, «убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, — это значит рисковать 50—60% успеха».²¹ Поэтому необходима и законна такая система взысканий, которая «помогает оформить крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство

²⁰ Скупость материала не позволяет делать выводов об источнике этих переживаний применительно к возрастным и национальным группам заключенных. Эти вопросы требуют дальнейшей разработки.

²¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 5, стр. 131.

ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их».²² В то же время А. С. Макаренко требовал такой системы взысканий, под влиянием которой у человека возникает и определенное эмоциональное отношение к своим поступкам. «Сущность наказания, — писал он, — в том, что человек переживает (разрядка наша — И. Р.) то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, то есть в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки»²³ (разр. наша. — И. Р.).

Действительно, переход от внешнего, непосредственного воздействия (в случае лишения свободы — изоляции преступника) к воздействию на внутренние побуждения осуществляется, главным образом, именно посредством нравственного осуждения поступков виновного. Исправление и перевоспитание преступника не могут быть обеспечены, если внешнее воздействие, оказываемое посредством наказания, не преломляется в его сознании и он не переживает совершение преступления как нарушение своего долга. Лишь с того момента, когда это внешнее воздействие преломляется в его сознании, представляется возможным эффективное сочетание принуждения с мерами воздействия, вообще не обладающими принудительным характером. В связи с этим можно говорить о том, что данный субъект стал снова доступным положительному действию права.

Но данный вопрос имеет и другую сторону.

Материалы, полученные в результате обследований, свидетельствуют о том, что чувство одиночества, подавленности и стыда иногда развивается в чувство собственной неполноценности. Освобожденный теряет инициативу и жизнерадостность, становится замкнутым и чувствует себя лишним человеком. Отбытие лишения свободы часто оставляет горький осадок. В связи с этим особое значение приобретает положение К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «... при человеческих отношениях наказание действительно будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой ... В других людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя...».²⁴

Абсолютное большинство обследуемых (27 из 35) заявили, что после условно-досрочного освобождения факт отбытия наказания ни в быту, ни на работе не отражается, каких-либо затруднений ни при трудоустройстве, ни с жилплощадью у них не возникало. О совершенном преступлении им никто не напоминает, коллективы в обращении с ними проявляют максимальную

²² А. С. Макаренко, Соч., т. 5, стр. 399.

²³ Там же, стр. 159.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 197.

тактичность: к освобожденному относятся как к полноценному члену коллектива, ему поручаются ответственные участки общественной работы, ему оказывают доверие.²⁵

Но не всегда бывает так. У одного из обследуемых не стало семьи (жена отказалась его принять), у другого невеста порвала с ним связи, одного не приняли в вуз, один тяжело переживает тот факт, что товарищи по работе смотрят на него косо. Особого внимания заслуживают, однако, два случая.

Обследуемый № 11, молодой парень, осужденный по ст. 196 УК ЭССР, после условно-досрочного освобождения никак не мог устроиться на работу. Как только узнали о его судимости, его отказались принять. Не имея ни жилплощади, ни заработка, он жил у товарищей и питался за их счет. Тогда на помощь ему пришел начальник отдела милиции. При содействии последнего парень был трудоустроен, ему дали место в общежитии, и он был также избавлен от бывших заключенных, которые усиленно обрабатывали его с целью вовлечения в преступную деятельность. Когда он сообщил о них в милицию, его стали подозревать в «предательстве» и бывшие товарищи по заключению совершили на него в клубе нападение, причем дружинникам было указано на него как на зачинщика драки. Он был арестован. При непосредственном участии начальника милиции, который и впредь проявлял неустанный интерес к нему, действительные виновники были разоблачены.

Другой случай носит противоположный характер.

Обследуемый № 28, 1918 г. рождения, холост, демобилизованный офицер Советской Армии, участник Отечественной войны, работая в качестве экспедитора, допустил растрату и был осужден к лишению свободы по ст. 93 ч. 2 п. 1 и 2 УК ЭССР. После условно-досрочного освобождения сестра, у которой он раньше жил, отказала ему в прописке. Он трудоустроился разнорабочим на одном из комбинатов, но вскоре был незаконно уволен ввиду «низкой профессиональной квалификации». Он поступил на работу в другую организацию и ему было предоставлено место в общежитии. В общественную жизнь он не вовлекался и был предоставлен самому себе. Обследуемый жалуется, что на работе смотрят на него косо и часто намекают на прошлое. Он стал совершенно апатичным, ни с кем не общается и в свободное от работы время бесцельно бродит по городу. Невыносимое чувство одиночества, потеря веры в свои силы, все более твердо укореняющееся убеждение, что он лишний, никому не нужный человек и т. п. послужили непосредственной причиной чрезмерного, все более прогрессирующего употребления алкогольных напитков.

²⁵ Иногда в этом отношении заходят даже слишком далеко. Так, одного из обследуемых готовят к принятию в кандидаты в члены КПСС, а другого (см. выше) избрали председателем месткома.

В свете этих фактов, а также имевших место случаев рецидива чрезвычайную практическую важность приобретает вопрос об установлении порядка наблюдения за условно-досрочно освобожденными и проведения с ними воспитательной работы (ст. 55 ч. 3 УК ЭССР).

Установление этого порядка нельзя рассматривать как продолжение отбывания наказания. Это — не мера принуждения вообще. Смысл этого института состоит в следующем.

Причины преступности, как указывалось выше, активизируются только под воздействием тех или иных конкретных обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Действие этих обстоятельств проявляется в отношении большинства членов общества, в том числе и условно-досрочно освобожденных. Нет, однако, достоверных данных о том, как последние противостоят действию этих обстоятельств на свободе. В условиях лишения свободы (изоляции) действие указанных обстоятельств в значительной мере ограничено. Вывод об исправлении освобождаемого может быть сделан только на основании его примерного поведения и честного отношения к труду в исправительно-трудовом учреждении. Поэтому в акте условно-досрочного освобождения всегда налицо элементы доверия. А на деле воздействие обстоятельств, способствующих совершению преступлений, может оказаться пагубным для условно-досрочно освобожденного. Оно и понятно. В условиях лишения свободы условно-досрочно освобожденный привык жить под наблюдением.²⁶ Его деятельностью руководила администрация. К тому же на свободе условно-досрочно освобожденному может понадобиться различная помощь. Ему должна быть вселена уверенность в свои силы, предотвращено возникновение чувства одиночества, показана перспектива полнокровной жизни. Замкнутость, отсутствие товарищей, оторванность от коллектива, воздержание от общения с условно-досрочно освобожденным — все это вызывает равнодушие у освобожденного, а следовательно, и безразличное отношение к соблюдению правил поведения.

Данные обследований подтверждают правильность этого вывода. Но материалы обследований свидетельствуют также о том, что с работой, проводимой с условно-досрочно освобожденными, еще не всё благополучно. Только в двух случаях судом был установлен порядок наблюдения за условно-досрочно освобожденными и проведения с ними воспитательной работы. Но общественность и администрация мест работы освобожденных нередко включались в это дело по собственной инициативе. В ряде случаев жизнью и работой освобожденных интересовались также участковые уполномоченные. О полезной инициа-

²⁶ Отсюда понятно какое значение с точки зрения предупреждения рецидива может иметь деконвоирование заключенных, подлежащих освобождению.

тиве одного из начальников милиции было сказано выше. С администрацией или отдельными сотрудниками исправительно-трудовых учреждений поддерживают личную связь или переписываются с ними 8 обследуемых. О поведении двух обследуемых начальниками отрядов колоний были сделаны запросы в адрес администрации места работы обследуемых.

Много лучшего оставляет желать работа суда и наблюдательных комиссий. Рассмотрению дела об условно-досрочном освобождении суд, как правило, уделяет не более десяти-двенадцати минут (включая также вынесение определения). Разумеется, при такой спешке вникнуть в суть дела невозможно. Позже сам суд интересовался жизнью условно-досрочно освобожденных только в двух случаях. Наблюдательные комиссии по данным обследований потребовали от администрации мест работы характеризующий материал относительно трех обследуемых, одного вызвали для собеседования на заседание комиссии, за одним был установлен постоянный контроль. Одного освобожденного посещал работник райисполкома. В целом, работа с условно-досрочно освобожденными поставлена лучше всего в районах (в частности, в Пайдеском районе).

В ходе обследований условно-досрочно освобожденные высказали также некоторые критические замечания по поводу существующих в исправительно-трудовых колониях порядков. Наиболее часто указывалось на то, что заключенные, случайно попавшие в колонию (а к «случайным» эти обследуемые — их число 5, они осуждены за хулиганство и по ст. 204 УК ЭССР — непременно относят и самих себя), недостаточно изолированы от рецидивистов и воров. Двое обследуемых жаловались на то, что шофёры организаций, на строительных площадках которых заключенные работают, доставляют последний алкогольные напитки. Вместе с тем указывалось и на то, что в колонии скучно (1 обследуемый) и что питание недостаточное (1 обследуемый). О некоторых других критических замечаниях было сказано выше. Никаких претензий исправительно-трудовым колониям не предъявил 21 заключенный. Большинство из них с уважением относится к сотрудникам колоний, положительно отзывается о существующих в них порядках и высоко ценит усилия, направленные на исправление лишенных свободы. Жалоб на строгость режима в колониях не имеется.

Проводимые нами обследования среди условно-досрочно освобожденных могут, по-видимому, служить основанием для выводов, сделанных нами выше не потому, что число обследуемых особенно велико (их было всего 35), а потому, что сами эти обследования были разносторонними. Обобщая опыт этих обследований, можно отметить, что они как положительный эксперимент оправдывают проведение подобных обследований в дальнейшем в более широких масштабах.

KONKREETSETEST SOTSIoloogilistest uurimustest JA Mõningaist nõukogude kriminaalõiguse KÜSIMUSTEST

I. A. Rebane

Resümee

1. Konkreetsetel sotsioloogilistel uurimustel on suur tähtsus eriti järgmiste kriminaalõiguslike küsimuste käsitlemisel: a) kuritegevuse põhjused ja asjaolud, mis soodustavad kuritegude toimepanemist; b) kriminaalõiguslike normide positiivne toime ja c) karistuste efektiivsus.

2. Nõukogude kriminaalõigusteaduses kasutatakse konkreetseid sotsioloogilisi uurimusi peamiselt kuritegevuse põhjuste ja kuritegude toimepanemist soodustavate asjaolude selgitamiseks. Need uurimused kannavad retrospektiivset iseloomu ja nende ülesandeks on tuvastada, millised on juba toimepandud kuritegude põhjused ja nende toimepanemist soodustanud asjaolud. Selliste uurimuste alusel töötatakse välja abinõud kuritegevuse profülaktikaks.

3. Kriminaalõiguslike normide positiivse toime selgitamisel otsitakse konkreetsete sotsioloogiliste uurimuste abil vastust küsimusele, millised faktorid on vältinud kuritegevuse põhjuste aktiveerumise ning on kõrvaldanud kuritegude toimepanemist soodustavate asjaolude mõju isikutele, kes ei ole kuritegusid toime pannud. Nende uurimuste ülesandeks on leida vahendeid kriminaalõiguse positiivse toime tõstmiseks. Artiklis esitatakse konkreetsete sotsioloogiliste uurimuste programm teemal: «Kodanike õigusteadvus ja võitlus kuritegevuse vastu».

4. Ka karistuste efektiivsuse ning viimase tõstmiseks kasutatavate vahendite küsimus ei ole käsitletav sellekohaste konkreetsete sotsioloogiliste uurimusteta. Karistuste toimet võib sel viisil uurida mitmest aspektist. Erilist huvi pakub aga uurimuste laia programmi tõttu tingimisi enne tähtaega karistusest vabastatud isikute (samuti isikute, kelle suhtes ärakandmata karistus on asendatud liigilt kergema karistusega) elukäigu igakülgne uurimine pärast kinnipidamiskohast vabastamist, et selgitada kohaldatud karistuse efektiivsus ja ära kasutada karistuses peituvad potentsiaalsed võimalused võitluseks kuritegevuse vastu. Artiklis on üldistatud tingimisi enne tähtaega kinnipidamiskohtadest vabastatud isikute elukäigu uurimise andmed. Neid uurimisi teostasid Tartu Riikliku Ülikooli Õigusteaduskonna mittetatsionaarsed üliõpilased õppetööprotsessis alates 1962. a.

MÕNINGAID KÜSIMUSI SEOTES «EESTI NSV KRIMINAALKOODEKSI» § 204 KOHALDAMISEGA

Aspirant K. Nigola

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

«Eesti NSV kriminaalkodeksi»¹ §-s 204 nähakse ette kriminaalvastutus isikute suhtes, kes mehhaniseeritud transpordivahendit juhtides põhjustasid transpordivahendi ohutu liiklemise või tehnilise ekspluateerimise eeskirjade rikkumisega seaduses ettenähtud kahjuliku tagajärje.

Nimetatud paragrahvi kohaldamisel kerkib praktikas rida küsimusi, eelkõige küsimused sellest, mida mõista transpordivahendi ohutu liiklemise ja tehnilise ekspluateerimise eeskirjade, mehhaniseeritud transpordivahendi ja kahjuliku tagajärje põhjustamise all ning millal on mehhaniseeritud transpordivahend teatava isiku juhtimisel. Samuti kerkib küsimusi seoses kõne all oleva kuriteo subjektiivse küljega.

Seaduses endas neid mõisteid ei ole avatud. Ka ei ole meie juriidilises kirjanduses kõigi nende mõistete läbitöötamisele veel vajalikku tähelepanu pööratud. Neid küsimusi lahendamata ei ole aga kindlustatud seaduse õige kohaldamine. Praktiliselt võib see viia selleni, et KrK § 204 järgi võetakse vastutusele isik, kes faktiliselt sooritas mõne muu kuriteo, või et isik, kes faktiliselt sooritas KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo, võetakse vastutusele mõne muu kuriteo eest. Ka võib see viia selleni, et KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo sooritanud isik jäetakse üldse kriminaalvastutusele võtmata või võetakse kriminaalvastutusele isik, kes kuritegu ei ole sooritanud. Kõik sellised juhud on vastuolus riigi, samuti kodanike õiguslikult kaitstud huvidega ning nõrgendavad efektiivset võitlust KrK §-s 204 ettenähtud kuritegudega.

Käesolevas artiklis püütakse kaasa aidata eespool nimetatud küsimuste lahendamisele. Seejuures on tuginetud NSV Liidu Ülemkohtu ning Eesti NSV uurimis- ja kohtuorganite praktika analüüsile.²

¹ Edaspidi KrK.

² Nende küsimuste läbitöötamine on ühtlasi eelduseks autotranspordialaste kuritegude uurimisele kriminoloogilisest aspektist, mis käesoleva artikli autoril on teostamisel.

A. I. Mehhaniseeritud transpordivahendi liikumine — see on igasugune asukoha muutmine transpordivahendi enda jõuallika vahendusel. Ent transpordivahendi liikumisest tuleb eristada liiklemist.

Liiklemine on ühiskonna arenemise tulemusena kujunenud suhtlemise vorme, mida iseloomustab liikumine ühest asukohast teise kui vahetu eesmärk, mis seejuures on vahendiks mõne kaugema, peamiselt (kuid mitte ainult) majandusliku eesmärgi saavutamisele ja mis toimub teataval, selleks ruumiliselt määratud aladel (teedel, tänavatel jmt.).

Nimetatud tunnustele vastavat liikumist me nimetamegi liiklemiseks. Kui seejuures kasutatakse transpordivahendeid, räägime transpordivahendite liiklemisest.

Niipea kui kas-või üks nimetatud tunnustest puudub, ei saa rääkida liiklemisest.

Kui näiteks jalakäija läheb tänaval kauplusse sisseoste tegema, s. t. liigub ühest punktist teise, on see vaadeldav liiklemisena, sest kauplusse jõudmine, kasutades selleks tänavat, on sellele jalakäijale vahetuks eesmärgiks ja ta realiseeribki seda eesmärki kui vahendit sisseostude tegemiseks. Teisiti on lugu heinalisega, kes aasal heina niites liigub ka pidevalt ühest punktist teise. Siin on heinalise vahetuks eesmärgiks mitte aasal ühest punktist teise jõudmine, vaid heina niitmine, teise punkti jõudmine on niitmisele paratamatult kaasnevaks nähtuseks. Sellist liikumist ei saa vaadelda liiklemisena. Samal põhjusel ei saa vaadelda liiklemisena ka põllul töötava kombaini liikumist, teed hõoveldava teehöövli liikumist jne.

Teise tunnuse seisukohalt ei saa käsitleda liiklemisena jalakäija või transpordivahendi liikumist põllul, metsas, ehitusplatsil jne., s. o. väljaspool teid ja tänavaid, kuigi esimese tunnuse seisukohalt võiks selline liikumine olla vaadeldav liiklemisena. Liiklemisele kui ühiskondlikule protsessile on omane selle toimumine siiski vaid teedel ja tänavatel, mis selleks spetsiaalselt ongi rajatud.

2. Kuni 1. jaanuarini 1965 kehtinud «NSV Liidu teedel ja tänavatel liiklemise eeskirjades» peeti silmas vaid üldkasutatavaid teid. Praegu kehtivates «Eeskirjades liiklemiseks NSV Liidu teedel ning linnade ja asulate tänavatel»³ räägitakse aga mitte üldkasutatavatest teedest, vaid teedest üldse (vt. punkt 1). Sellest järeldub, et praegu kehtivad «Liiklemiseeskirjad» on kohaldatavad ka mitte-üldkasutatavatel teedel.⁴

³ Edaspidi «Liiklemiseeskirjad».

⁴ Üldkasutatavate teedena tuleb mõista selliseid, mis ühendavad omavahel asustatud punkte, asulaid ja linnu ning on, nagu nende nimetuski juba ütleb, üldiseks kasutamiseks. Mitteüldkasutatavate teedena tuleb mõista juurdesõidu-

Kui üldkasutatavate teede puhul praktiliselt ei kerki küsimust sellest, kas teataval juhul on tegemist teega kui sellisega, siis mitteüldkasutatavate teede puhul võib selline küsimus kerkida. Ja seda neil juhtudel, mil teatavat maariba hakati liiklemiseks kasutama suhteliselt hiljuti, selle kasutamise intensiivsus on väike ja see maariba ei ole saanud sellist spetsiaalset väljatöötust, nagu on saanud üldkasutatavad teed.

Nii on see näiteks juhul, kui sovhoos hakkab kusagile eemale põllule ehitama mingisugust tootmishoonet. Tööde teostamise algperioodil võivad transpordivahendid sinna juurde sõita suhteliselt harva ja teha seda sugugi mitte üht ja sama maariba mööda. Nüüd kerkibki küsimus: kas iga juurdesõiduks kasutatav maariba on tee ja kui ei, siis milline see oleks ja alates mis momendist?

Meie arvates võiks see küsimus olla lahendatav järgmiselt.

Kui transpordivahendite liikumine kandub põhiliselt ühele, kõige otstarbekamalt valitud maaribale ja vastava otsuse kohaselt see maariba arvatakse põllumajandusliku maa hulgast välja ning kantakse teede all olevate maade bilanssi, siis sellist maariba võib juba nimetada teeks. Tavaliselt kujuneb selline tee alaliseks ja saab enam-vähem parema töötluse.

Õeldust ei tule aga järeldada, et kõiki teisi maaribasid, mis jäävad endiselt põllumajanduslike maade bilanssi ja tulevad hiljem sellistena kasutamisele, ei saa teedena vaadelda. Kui põhitee kõrval liiklevad transpordivahendid mõnel teisel maaribal intensiivselt edasi, kuigi on ette näha, et see toimub vaid ajutiselt, mistõttu ka neid maaribasid teede all olevate maade hulka ei ole arvatud, võiks neid maaribasid nende faktiliselt teedena kasutamise ajal lugeda ka teedeks. Ülejäänud maaribasid, millel transpordivahendite liikumine on vaid juhuslik ja pigem juhtide suva kohane kui vajadusest tingitud, ei tuleks teede hulka arvata.

Seega tuleks teedeks lugeda: a) kõiki neid maaribasid, mis vastavas bilansis on arvele võetud teede all olevate maadena ja kus transpordivahendite liiklemine on faktiliselt alanud; b) nendest maaribadest, mis vastavas bilansis ei ole arvele võetud teede all olevate maadena, vaid selliseid, mis teatava perioodi vältel on faktiliselt kasutatavad üksnes transpordivahendite enam-vähem pidevaks liiklemiseks (ajutised ümbersõiduteed remonditavatest teelõikudest, juurdesõiduteed ajutiste ekspeditsioonijaamade juurde jne.).

3. Liiklemist tänapäeval iseloomustab selle üha suurenev tihe-
sus, transpordivahendite liikumiskiiruse tõus ja spetsiaalsete auto-
teede rajamine. Et transpordivahendite arvu kasvu ja nende liiku-
miskiiruse tõusu puhul oleks tagatud liiklusõnnetuste vähenemine
ning lõpuks nende täielik likvideerimine, on vaja pidevalt täius-

teid loomakasvatusfarmide, karjamaade, metsade, karjäärade jne. juurde ning
muid teid, mis ühendavad mitmesuguseid ettevõtteid teede üldvõrguga ja tee-
nivad eelkõige nende vajadusi.

tada liiklemise organiseerimist. Eelkõige tähendab see vastavate eeskirjade kehtestamist, mis loovad kindla korra tänavate ja teede kasutamises. Ka tähendab see liiklemisest osavõtvate isikute distsiplineerituse tõusu nende eeskirjade nõuete järgimises. Lõpuks tähendab see liiklemise objektiivsete tingimuste (tee profiili, teekatte, teepäraldiste, nähtavuse ja vaatepiiri, transpordivahendite tehnilise seisundi, jne.) üha paremaks muutmist.

Transpordivahendite ohutu liiklemisena tuleb mõista sellist liiklemist, mil transpordivahendi osavõtt liiklemisprotsessist ei saa inimeste surma või nende kehavigastuse tekkimise, samuti riigi ja ühiskonna vara või kodaniku isikliku vara hävitamise või rikkumise põhjuseks. Seejuures on silmas peetud nii transpordivahendeid kasutavaid isikuid kui ka kõiki teisi isikuid, keda liiklev transpordivahend saab kahjustada, samuti nii transpordivahendit asuvat vara, transpordivahendit ennast kui ka igasugust muud vara, mille hävimist või rikkumist saab põhjustada liiklev transpordivahend. Siin ei ole silmas peetud vaid selliseid isikuid, kes on asetleidnud õnnetuses ainsateks süüdlasteks ja kes seejuures kahjustasid üksnes iseennast või oma vara. Seda seepärast, et seadus ei näe ette isiku kriminaalvastutust kahju ettevaatamata tekitamise eest oma tervisele või varale, samuti ka liiklemisele ainuüksi ohu (abstraktse või reaalse) loomise eest.

B. I. Transpordivahendi ohutu liiklemise eeskirjadena ei tule mõista teatavat üht normatiivset akti või sellesse koondatud eeskirju, vaid nad on teatavates normatiivsetes aktides sisalduvate eeskirjade üldnimetuseks. Ennekõike tulevad siin arvesse «Liiklemiseeskirjad».

Kuid ohutu liiklemise eeskirjadena ei ole vaadeldavad mitte kõik nimetatud aktis formuleeritud eeskirjad.

«Liiklemiseeskirjades» formuleeritud eeskirjad on oma sisult kahesugused: a) sellised, mille rikkumine saab otseselt kahjustada liiklemise ohutust, ja b) sellised, mis seda ei saa ja mis sätiavad vaid transpordivahendite kasutamise korda laiemas mõttes. Ohutu liiklemise eeskirjadena on vaadeldavad vaid esimesena mainitud eeskirjad.⁵ Teisena mainitud eeskirju nimetame lihtsalt

⁵ Seisukohta, et liiklemiseeskirjad on liigitatavad ühelt poolt sellisteks, mille rikkumine ei saa kunagi põhjustada kahjulikku tagajärge, ja teiselt poolt sellisteks, mis on kehtestatud just liiklemise ohutuse tagamise huvides, kaitseb oma monograafias B. Kurinov. Vt. Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, М., 1957, lk. 37.

Kuid sellele seisukohale on ka vastuväiteid. Nii märgib N. Aleksejev, et liiklemiseeskirjade selline liigitamine on ebaõige, sest liiklemiseeskirjade kogu kompleks on suunatud liiklemise ohutuse tagamisele. Vt. Н. С. Алексеев, Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, «Правоведение», 1958, № 2, lk. 145.

N. Aleksejevi selline vastuväide võib olla põhjendatud, kui rääkida liiklemiseeskirjadest kui terviklikust normatiivsest aktist. Kui aga rääkida niisuguse akti üksikute eeskirjadest, on B. Kurinovi seisukoha õigsus meie arvates ilmne.

liiklemiseeskirjadeks. Meie peatume allpool vaid ohutu liiklemise eeskirjade juures.

Ohutu liiklemise eeskirju võib omakorda liigitada kolme rühma vastavalt sellele, millisel viisil nende rikkumine kahjuliku tagajärje esile kutsub. Need oleksid: ohutu liiklemise eeskirjad kitsamas mõttes, ohutustehnika eeskirjad ja tehnilise ekspluaterimise eeskirjad.

a) Transpordivahendi ohutu liiklemise eeskirjadeks kitsamas mõttes on eeskirjad, mis reguleerivad teede ja tänavate kasutamise korda, loovad kooskõla kõigi liiklejate käitumises, et ühe liikleja käitumine ei ohustaks teiste liiklemist. Nende puhul domineerib liiklejate omavahelise käitumise reguleerituse moment ja maksimaalselt realiseeritud kujul võime neid võrrelda laitmatult töötava keeruka aparaadiga. Vaadeldavate eeskirjade hulka kuuluvad ristteede ja väljakute ületamise eeskirjad, liikumissuuna muutmise, eesliikujast möödasaõidu jts. eeskirjad.

Kõik ohutu liiklemise eeskirjad kitsamas mõttes on paigutatud «Liiklemiseeskirjadesse». Üheski teises üldkehtivas normatiivses aktis neid ei esine. Küll aga sisaldavad «Liiklemiseeskirjad» ise peale kõne all olevate eeskirjade ka ohutustehnika ja tehnilise ekspluaterimise eeskirju.

b) Tüüpilisemateks ohutustehnika eeskirjadeks, mis võivad olla kohaldatavad KrK § 204 puhul, on reisijate ja veoste vedu reguleerivad eeskirjad. Nii on keelatud reisijate vedu luukideta platvormidel, isekallutatavate autode veokastis, tsisternidel jms. («Liiklemiseeskirjade» p. 135); mootorratta (motorrolleri) tagaistmel on keelatud vedada isikuid, kes on nooremad kui 12 aastat («Liiklemiseeskirjade» p. 133 «d»), jne.

Ohutustehnika eeskirjade mittetäitmine võib põhjustada kahjuliku tagajärje sõltumatult sellest, kas seejuures rikuti ka ohutu liiklemise eeskirju kitsamas mõttes või tehnilise ekspluaterimise eeskirju.

Ohutustehnika eeskirjade rikkumine liiklemisprotsessis ohustab üldreeglina eelkõige rikkumises süüdi oleva isiku enda ning tema poolt juhitalval transpordivahendil viibivate teiste isikute elu ja tervist, samuti ka transpordivahendi ja sellele oleva veose terveolekut, ning alles selle kaudu teiste liiklemist. Nii on ebakaine reisija väljakukkumisel auto veokastist eelkõige ohustatud tema ise. Teiste liiklemist võib see ohustada näiteks sellega, et sunnitakse teist juhti järsult pidurdama või kõrvale pöörama, mis võib omakorda kaasa tuua õnnetuse.

Teravat piiri ohutustehnika eeskirjade ja ohutu liiklemise eeskirjade vahele kitsamas mõttes alati tõmmata ei saa. Ja selleks pole ka KrK § 204 seisukohalt praktilist vajadust. Meie eraldasime nad vaid selleks, et tõmmata piiri ohutustehnika eeskirjade ja muude liiklemiseeskirjade vahele eri normatiivsetes aktides, kuna ohutustehnika eeskirjadest räägitakse nii juriidilises kirjanduses

kui ka normatiivsetes aktides (näiteks kuni 1. jaanuarini 1965 kehtinud «Liiklemiseeskirjade» punktis 4). Sisuliselt on ka need ohutustehnika eeskirjad, mille rikkumise puhul võib kaasneda vastutus KrK § 204 järgi, ohutu liiklemise eeskirjadeks selle sõna laiemas mõttes. Kui me edaspidi räägime ohutu liiklemise eeskirjadest, mõtleme nende all ka ohutustehnika eeskirju.

Peale «Liiklemiseeskirjade» leiame ohutustehnika eeskirju ka teistes normatiivsetes aktides, eelkõige aga Sidetöötajate, Autotranspordi ja Maanteede Töölise Ametiühingu Keskkomitee Presiidiumi 8. veebruaril 1963. a. kinnitatud «Autotranspordi ettevõtete ohutustehnika eeskirjades»,⁶ mille üks osa on pühendatud ohutustehnikale sõiduajal.⁷

c) Transpordivahendi tehnilise ekspluaterimise eeskirjade hulka kuuluvad eeskirjad, mis esitavad nõudeid transpordivahendite tehnilise seisundi kohta.

Suur osa tehnilise ekspluaterimise eeskirjadest on paigutatud «Liiklemiseeskirjadesse» (üheksas osa). Seal loetletakse rooli-seadme, pidurite, jõuülekande jne. rikked, mille puhul on transpordivahendiga väljasõit keelatud.

Autotranspordivahendite tehnilise ekspluaterimise eeskirjad on aga antud ka spetsiaalses normatiivses aktis — endise NSV Liidu Autotranspordi ja Maanteede Ministriumi 24. mai 1956. a. kinnitatud «Autotranspordi tehnilise ekspluaterimise eeskirjades».⁸

Peale rikete loetelu, mille puhul transpordivahendiga väljasõit on keelatud, on seal antud rida nõudeid transpordivahendi juhtimise suhtes, et säilitada transpordivahendi tehniline korrasolek sõiduajal. Nii on juht kohustatud sõitmisel auklikul teel vähendada liikumiskiirust, et vältida liiga suuri lööke transpordivahendi detailidele (punkt 149 «a»); võimaluse korral tuleb vältida kahe esimese või kahe tagumise ratta samaaegset sattumist lohkudesse või aukudesse (punkt 149 «b»). jne.

Transpordivahendi tehnilise ekspluaterimise eeskirjad on suunatud liiklemise ohutuse tagamisele n.-ö. vahendatult, sel teel, et nende täpne täitmine tagab transpordivahendi tehnilise korrasoleku, mis on liiklemise ohutuse üheks tingimuseks.

2. Ka ohutustehnika ja tehnilise ekspluaterimise eeskirjad on kehtestatud mitte ainult liiklemise ohutuse tagamiseks. Nende reguleerimisobjekt on tunduvalt laiem. Nii on «Tehnilise ekspluaterimise eeskirjades» peale liiklemise ohutust tagavate eeskirjade veel selliseid eeskirju, mis reguleerivad transpordivahendite tehnilise teenindamise ja remondi korda ning esitavad nõuded transpordi ehitiste ja tehniliste seadmete suhtes. Tervikuna on «Tehni-

⁶ Edaspidi «Ohutustehnika eeskirjad».

⁷ Vt. Autotranspordi ettevõtete ohutustehnika eeskirjad, Tallinn 1964.

⁸ Edaspidi «Tehnilise ekspluaterimise eeskirjad». Vt. Справочник работника автомобильного транспорта, т. I, М., 1957, lk. 192—222.

lise ekspluaterimise eeskirjad» lõppastmes suunatud sellele, et tagada peale liiklemise ohutuse ka transpordivahendi ja veetava veose terveolek, transpordivahendi töö katkematus, mugavused reisijatele, juhi töö normaalsed tingimused, kütuse, õli ja teiste ekspluataatsiooni materjalide kulutuste normeerimine, veoste ja reisijate vedu vastavalt kehtestatud plaanile ja graafikule, tootliku läbisõidu maksimaalne suurendamine, mittetootlike seisakute vältimine liinil, transpordivahendi kandejõu(mahu) täielik ärakasutamine ning vedude omahinna alandamine (vt. punktid 26 ja 136).

Kuna KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo objektiks on ühiskondlik julgeolek, siis ohutustehnika ja tehnilise ekspluaterimise eeskirjade rikkumine võib KrK § 204 järgi olla kvalifitseeritav vaid nendel juhtudel, mil nimetatud eeskirjade rikkumisega oli kahjustatud ühiskondlik julgeolek. Seepärast, kui näiteks auto veokastis olnud esemed rikesid auklikul teel suure kiirusega sõitmisest tingitud rappumise tõttu, ei saa selles süüdi oleva juhi vastutuselevõtmine KrK § 204 järgi tulla kõne alla.

C. Kuna liiklemisest saame rääkida vaid teedel ja tänavatel, siis seda reguleerivad eeskirjad — ohutu liiklemise eeskirjad — saavad kehtida ka ainult teede ja tänavate puhul. See põhimõte on otseselt fikseeritud praegu kehtivate «Liiklemiseeskirjade» punktis 1 ning oli seda ka kuni 1. jaanuarini 1965 kehtinud «Liiklemiseeskirjades». Järelikult saame kahjuliku tagajärje põhjustamisest liiklemiseeskirjade rikkumisega rääkida üksnes nendel juhtudel, mil transpordivahendijuht põhjustas kahjuliku tagajärje liiklemisel teel või tänaval.⁹

Eesti NSV uurimis- ja kohtuorganite praktika läheb sageli liiklemiseeskirjade kehtivuse sfääri laiendamise teed, inkrimineerides «Liiklemiseeskirjade» rikkumisi ka neile transpordivahendijuhtidele, kes põhjustasid kahjuliku tagajärje liikumisel väljaspool teid ja tänavaid (õues, ehitusplatsil, metsas jne.).¹⁰ Selline praktika on ilmses vastuolus seadusega ja suurendab kunstlikult liiklemiseeskirjade rikkumisega seonduvate kuritegude arvu Eesti NSV-s.

Väljaspool teid ja tänavaid võib kõne alla tulla vaid ohutustehnika ja tehnilise ekspluaterimise eeskirjade rikkumine. Kuna aga KrK § 204 dispositioonis räägitakse peale ohutu liiklemise eeskirjade vaid tehnilise ekspluaterimise eeskirjade rikkumisest, on väljaspool teid ja tänavaid transpordivahendiga kahjuliku tagajärje põhjustamine KrK § 204 järgi kvalifitseeritav üksnes

⁹ See ei tähenda muidugi, et kahjulik tagajärg peab olema põhjustatud transpordivahendi teel või tänaval asumise ajal. Kahjulik tagajärg võib olla põhjustatud ka väljaspool teid ja tänavaid, kui transpordivahend sattus väljapoole teed või tänavat tingitult ohutu liiklemise eeskirjade rikkumisest sõiduajal teel või tänaval.

¹⁰ Vt. Tartu Linna Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-161/1962, Tartu Linna Prokuratuuri kriminaaltoimik 07590/1963, Tallinna Kalinini Rajooni Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-199/1963, Tallinna Mere Rajooni Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-164/1963, Harju Rajooni Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-24/1964 jne.

nendel juhtudel, mil oli tegemist tehnilise eksploateerimise eeskirjade rikkumisega.¹¹ KrK § 204 dispositsiooni selline konstruktsioon on vaevalt millegagi põhjendatav ja vajaks revideerimist.¹²

II

Mehhaniseeritud transpordivahendi mõiste on KrK § 204 puhul üks kesksemaid küsimusi. See on osa küsimusest, kes võib olla KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks, samuti osa ka objektiivset külge iseloomustavatest tunnustest.

Et mehhaniseeritud transpordivahendite hulka kuuluvad iga tüüpi autod, autobussid, mootorrattad, motorollerid ja teised taolised vahendid, mille sihipärane kasutamine seisneb nendega veoste või reisijate transportimises, see ei ole meie teoorias ja praktikas kunagi vastuväiteid esile kuksunud. Teisiti on lugu traktorite, teede-, ehitus-, koristus-, kastmismasinatega ja teiste spetsiaalsete, mitte auto šassiile konstrueeritud masinatega, mis oma majanduslikult otstarbalt ei ole mõeldud veoste või reisijate transportimiseks, kuigi neid teatud juhtudel võidakse sellistena teedel ja tänavatel kasutada. Kas ka need masinad kuuluvad transpordivahendite hulka või mitte, selles küsimuses ei ole veel täielikku üksmeelt.

Põhjalikumalt hakati selle probleemi kallal töötama alles 1962. a., pärast J. Severini vastavasisulise artikli avaldamist.¹³ Pärast seda käsitlesid seda küsimust aastail 1962—1963 veel M. Brainin, I. Sapožnikov ja V. Tkatsenko. Nimetatud autorite töödes diskuteeriti eelkõige traktori kuuluvuse üle transpordivahendite hulka. Teised selles küsimuses oma arvamust avaldanud autorid on seda teinud vaid möödaminnes, oma seisukohta põhjalikult motiveerimata.

J. Severini arvates kuulub traktor mehhaniseeritud transpordivahendite hulka, kuna paljudes majandusharudes kasutatakse seda aasta läbi transpordivahendina.¹⁴ Analoogilist seisukohta väljendas J. Severini järel M. Brainin.¹⁵ I. Sapožnikov soovust vaatleb traktorit kui peamiselt põllumajandusliku tähendusega masinat.¹⁶ Viimasena sõna võtnud V. Tkatsenko leidis samuti, et trak-

¹¹ NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 9. aprilli 1965. a. määruse nr. 2 punktis 4 väljendatud seisukoht (vt. Бюллетень Верховного Суда СССР, № 3, 1965, lk. 11) on seepärast Krk § 204 kohaldamisel arvesse võetav vaid osaliselt.

¹² Analoogiliselt on konstrueeritud ka Moldaavia Krk § 177 dispositsioon.

¹³ Ю. Северин, Ответственность трактористов за преступные нарушения правил движения, «Соц. законность», 1962, № 6, lk. 58—61.

¹⁴ Ю. Северин, *op. cit.*, lk. 60.

¹⁵ М. Брайнин, Как квалифицировать нарушение правил техники безопасности трактористами, «Советская юстиция», 1962, № 13, lk. 24.

¹⁶ И. Сапожников, Ответственность трактористов за преступные нарушения правил безопасности движения, «Соц. законность», 1962, № 11, lk. 24.

torit tuleb vaadelda transpordivahendina, sest traktorid on käesoleval ajal muutunud universaalseteks agregaatideks ning neid kasutatakse kui transpordivahendeid kõikjal.¹⁷

Seega peab enamus diskussioonil sõnavõtnutest traktorit transpordivahendiks, ja seda põhjusel, et neid tihti kasutatakse transpordivahenditena. Sama seisukohta jagavad veel paljud teised autorid.¹⁸

Erinevaid seisukohti on avaldatud ka küsimuses, kas transpordivahendite hulka kuuluvad teede-, ehitus-, koristus-, kastmis- masinad ja teised spetsiaalsed, mitte auto šassiile konstrueeritud masinad.

Nii on Vene NFSV KrK kommenteeritud väljaandes asunud seisukohale, et kõik viimati nimetatud masinad kuuluvad transpordivahendite hulka. Seevastu näiteks N. Aleksejev ütleb, et peale autode, traktorite, mitmesuguste iseliikuvate transportööri, trollebusside, metroo, trammide, mootorrataste ja motorollerite kuuluvad transpordivahendite hulka veel vaid sellised mehhanismid, mis on mõeldud veoste ja reisijate transportimiseks, kui nende liikumiskiirus ületab 5 km/h ja nende juhtimiseks on nõutav eriluba.¹⁹ Ei ole raske näha, et Vene NFSV KrK kommenteeritud väljaandes mõistetakse transpordivahendit väga laialt, igasuguse iseliikuva masina tähenduses, sõltumatult selle otstarbest, samal ajal, kui N. Aleksejev mõistab transpordivahendite all ainult selliseid masinaid, mis on mõeldud veoste ja reisijate transportimiseks.

Omapäraselt mõistab transpordivahendit P. Matõševski. Ta märgib: «Automototranspordi all mõistetakse autosid, mootorrataid, motorollereid, samuti ka muid iseliikuvaid masinaid (laadija-autod, traktorid ja teised mehhanismid) liikumisel teedel ja asulates, kui nende kiirus ületab 5 km/h ja nende juhtimiseks on nõutav eriluba».²⁰ Täheandab, mingi iseliikuv masin on vaadeldav transpordivahendina vaid siis, kui ta liigub teel või asulas.

Ka kohtupraktika asub põhiliselt Vene NFSV KrK kommenteeritud väljaandes esitatud seisukohal. Nii anti Eesti NSV Ülemkohtu Pleenumi 2. detsembri 1963. a. määruses nr. 5 «Kohtupraktikast ohutu liiklemise ja transpordivahendite ekspluateerimise eeskirjade rikkumisega seotud kuriteoasjades» kohtutele juhised, et traktorid, tee-ehituse ja teiste iseliikuvate masinate juhid võivad teatavatel juhtudel olla KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks

¹⁷ В. Ткаченко, Ответственность трактористов за нарушение правил безопасности движения, «Соц. законность», 1963, № 5, lk. 23.

¹⁸ Vt. näit. Научно-практический комментарий Уголовного Кодекса РСФСР, М., 1963, lk. 451; Н. С. Алексеев, Автотранспортные происшествия и их расследование, М., 1962, lk. 8; П. С. Матышевский, Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, М., 1964, lk. 47.

¹⁹ Н. С. Алексеев, Автотранспортные происшествия и их расследование, М., 1962, lk. 8—9.

²⁰ П. С. Матышевский, *op. cit.*, lk. 47.

(määruse punkt 7).²¹ Siit järeldub, et traktoreid, tee-ehitusemasinaid ja teisi iseliikuvaid masinaid peab Eesti NSV Ülemkohus transpordivahenditeks.

Meie arvates ei tule mehhaniseeritud transpordivahendi mõistet ning seega ka KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektide ringi põhjendatult avardada. Tuleks asuda seisukohale, et mehhaniseeritud transpordivahendina on vaadeldav mitte ükskõik milline iseliikuv masin, vaid ainult selline, mis on mõeldud veoste või reisijate transportimiseks, s. t. nende toimetamiseks ühest kohast teise. Mingisuguse teise sisu omistamine terminile «transpordivahend» tundub olevat meelevaldne.

Seepärast me teede-, ehitus-, koristus-, kastmismasinaid jt. spetsiaalseid, mitte auto šassiile konstrueeritud masinaid ei vaatle transpordivahenditena. Ja seda mitte üksnes sel põhjusel, et termin «transpordivahend» ei iseloomusta nende masinate majanduslikku otstarvet. Ei ole raske näha ka muid erinevusi nimetatud masinate ja autode, autobusside, mootorrataste jne. vahel, mis on mõeldud ainult veoste ja reisijate transportimiseks. Põhilisemate erinevustena nimetame siinkohal kolme järgmist:

1. Transpordivahenditena mõeldud masinate liikumiskiirus on üldreeglina tunduvalt suurem muude masinate liikumiskiirusest. See aga tähendab, et liiklusõnnetuste esilekutsumise seisukohalt peitub transpordivahendites suurem oht kui muudes iseliikuvates masinates. Seepärast seab suurem liikumiskiirus ka erilisi, suuremaid nõudeid liiklemise ohutuse kindlustamiseks.

2. Transpordivahendijuhi põhjustatud liiklusõnnetuse puhul on ohustuda võivate huvide ring laiem kui muu masina juhi põhjustatud liiklusõnnetuse puhul, sest viimati nimetatud masinatega ei veeta üldreeglina materiaalseid väärtusi ja reisijaid.

3. Teede-, ehitus-, koristus-, kastmismasinate jt. spetsiaalsete, mitte auto šassiile konstrueeritud masinate osatähtsus teedel ja tänavatel toimivas liiklusprotsessis on tunduvalt väiksem transpordivahendite omast. See tähendab, et nende masinatega põhjustatavaid liiklusõnnetusi on transpordivahenditega põhjustatavate liiklusõnnetustega võrreldes suhteliselt vähe.

Toodud erinevused ühelt poolt transpordivahendite ja teiselt poolt muude masinate vahel on meie arvates niivõrd olulised, et võrdsusmärki nende vahele tõmmata ei saa. On ilmne, et liiklusõnnetustel transpordivahenditega on ülalmainitud eristuse tõttu tunduvalt suurem ühiskonnaohtlikkus kui liiklusõnnetustel muude iseliikuvate masinatega. Sellest lähtudes on viimati nimetatud masinate arvamine transpordivahendite hulka vale ka sellepärast, et sellisel juhul vastutaksid nende juhid samadel alustel transpordivahendite juhtidega, kuigi nende teod on tunduvalt erineva ühiskonnaohtlikkusega.

²¹ Vt. «Eesti NSV Ülemkohtu Bülletään» 1964, nr. 1, lk. 21.

Ainsaks ühiseks omaduseks, mis iseloomustab nii transpordivahendeid kui ka muid iseliikuvaid masinaid, on see, et nii ühed kui teised on liiklemisel teedel ja tänavatel suurema ohu allikaks. Kuid ainuüksi sellest on vähe, et kõiki neid masinaid omavahel juriidiliselt võrdsustada. Ka suurema ohu allikad vajavad diferentseerimist nende kasutamisel muude võrdsete tingimuste juures. Vastasel juhul ei ole kindlustatud neid juhtinud isikute käitumise ühiskonnaohtlikkuse õige hinnang ja seega ka nende käitumise õige juriidiline kvalifikatsioon. Et seaduseandja diferentseerib suurema ohu allikaid, nähtub kasvõi sellestki, et raudtee-, vee- ja õhutranspordi töötajad vastutavad õnnetusjuhtumite põhjustamise korral hoopis teistel alustel kui autotransporditöötajad, kuigi nii raudtee-, vee- ja õhu- kui ka autotranspordivahendid on samuti suurema ohu allikaks.

Traktorite kuuluvuse küsimus transpordivahendite hulka tuleks meie arvates lahendada järgmiselt.

Roomiktraktorid transpordivahendite hulka ei kuulu, sest nad on mõeldud eeskätt siiski põllumajanduslikeks ja muudeks töödeks väljaspool teid. Asjaolu, et neid vahel küll kasutatakse kui transpordivahendeid ka maanteedel, ei muuda nende põhiolemust. Suhteliselt väikese liikumiskiiruse tõttu on roomiktraktorid meie vabariigi maanteedel transpordivahenditest kvalitatiivselt erinevad masinad.

Teisiti on lugu kiirekäiguliste ratastraktoritega. Need arendavad roomiktraktoritest tunduvalt suuremat liikumiskiirust (traktor MT3-5 näiteks kuni 40 km/h) ja nende majanduslik otstarve ei seisne ainult mitmesuguste tööde teostamises väljaspool teid ja tänavaid. Mitte vähemal määral on nad mõeldud kasutamiseks transpordivahenditena. Mõningad traktorimudelid on aga varustatud veokastiga ning mõeldud kasutamiseks eeskätt just transpordivahenditena. Ülalöeldust lähtudes arvaksime me kiirekäigulised ratastraktorid transpordivahendite hulka.

Seega kuuluksid käesoleval ajal meie teedel ja tänavatel liiklevatest masinatest transpordivahendite hulka iga liiki autod,²² autobussid, trollibussid, trammid, mootorrattad, motorollerid, invaliidi-mootorsõidukid, mopeedid silindrimahuga vähemalt 49,8 ccm²³ ning kiirekäigulised ratastraktorid.

Selline seisukoht on põhilises osas kooskõlas ka «Liiklemiseeskirjadega», kus räägitakse ühelt poolt mehhaanilistest²⁴ transpordivahenditest ning teiselt poolt traktoritest, teede-, ehitus-, koristus-, kastmismasinatest jt. spetsiaalsetest, mitte auto šassiile

²² Kaasa arvatud ka autode šassiile konstrueeritud mitmesugused masinad, sest oma põhiolemuselt on neil juhtudel tegemist ikkagi autodega.

²³ Vastavalt «Liiklemiseeskirjade» p. 17 märkusele.

²⁴ «Mehhaaniline transpordivahend» ja «mehhaniseeritud transpordivahend» on sisult identsed mõisted.

konstrueeritud masinatest (punkt 17). Tähendab, «Liiklemiseeskirjad» ei loe viimati mainitud masinaid transpordivahenditeks.

Armeenia ja Leedu KrK-des on traktorite ja teiste iseliikuvate masinatega kahjuliku tagajärje põhjustamise juhtudeks ette nähtud spetsiaalne kuriteokoosseis (vastavalt §-d 174 ja 247). Küsimuse sellist lahendamist peame me kõige õigemaks.

III

Eesti NSV KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo objektiivse külje koosseisuliseks tunnuseks on põhjuslik seos ohutu liiklemise või tehnilise ekspluaterimise eeskirjade rikkumise ja saabunud kahjuliku tagajärje vahel. See põhimõte on otseselt väljendatud ka KrK § 204 dispositsioonis.

Kuidas aru saada tagajärje põhjustamisest?

Terminil «põhjus» on erinevad nüansid. Selle abil tähistatakse nii vahetut põhjust kui ka kauget paljukordselt vahendatud tingimust, mis on vaid antud nähtuse väljakutsunud põhjuste põhjuseks.²⁵ Kui näiteks ebakaine reisija tõuseb sõiduajal auto veokastis püsti, kaotab tasakaalu ja kukub veokastist välja, mille tagajärjel saab vigastada, on saabunud kahjuliku tagajärje põhjuseks mitte ainult selle reisija poolt «Liiklemiseeskirjade» punkt 16 rikkumine²⁶, mis antud juhul on vaadeldav tagajärje vahetu põhjusena, vaid ka autojuhi poolt «Liiklemiseeskirjade» punkt 133 «e» rikkumine,²⁷ mis on vaadeldav vaid tagajärje kaudse põhjusena. Veelgi enam. Saabunud tagajärje põhjuseks on ka paljud muud asjaolud. Ni võib selleks olla mõne sõbra käitumine, kui reisija ebakaine olek on tingitud sellest, et sõber mõjutas teda alkoholi tarvitama, jne.

Kuna KrK § 204 dispositsioonis ei ole terminit «põhjustamine» diferentseeritud, tuleb asuda seisukohale, et siin on silmas peetud nii vahetut kui ka kaudset põhjustamist.²⁸

Ei saa õigeks lugeda seda uurimis- ja kohtuorganite praktikat, mille kohaselt eitatakse transpordivahendijuhi käitumises KrK §-s 204 ettenähtud kuriteokoosseisu esinemist juhtudel, mil juhi käitumine ei olnud saabunud kahjuliku tagajärje ainsaks põhjuseks.

²⁵ M. Makarov, Materialistliku dialektika kategooriad, Tallinn 1963, lk. 111.

²⁶ P. 16 keelab sõiduajal veokastis püstiseismise.

²⁷ P. 133 «e» keelab vedada ebakaineid reisijaid auto veokastis ilma saatja vahetu järelevalveta.

²⁸ Sellest ei tule muidugi järeldada, et kõik eespool toodud näidetes esinevad põhjuslikud seosed on vaadeldavad kõne all oleva kuriteo objektiivse külje tunnusena. Sellisena on vaadeldav vaid põhjuslik seos reisija enda ja autojuhi käitumise vahel ühelt poolt ning kahjuliku tagajärje vahel teiselt poolt. Kuna reisija sõbra käitumine ei kujuta endast ohutu liiklemise eeskirjade rikkumist, ei saa selles osas rääkida ka põhjuslikust seosest kui KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo objektiivse külje tunnusest.

Nii juhtis kod. T. Rakvere—Tartu maanteel sõiduautot «Volga» kiirusega 80—90 km/t. Märganud umbes 250 m kauguselt vales teepoolel vastu sõitmas jalgratturit, ei vähendanud ta liikumiskiirust, vaid juhtis auto ainult mõnevõrra vasemale. Kui vahemaa nende vahel oli vähenenud 60—70 meetrile, hakkas jalgrattur liikuma õigele teepoolle. T. ei suutnud siis enam kiirust vajalikul määral vähendada ja toimus kokkupõrge.

Rahvakohus leidis, et kuigi T. rikkus liiklemiseeskirju ohutust mittetagava liikumiskiiruse valiku näol, ei ole see siiski liiklusõnnetuse põhjuseks, vaid soodustavaks teguriks, ning mõistis T. õigeks.²⁹

Rahvakohtu sellist seisukohta ei saa pidada põhjendatuks.

Tuleb täiesti nõustuda V. Kudrjajtsevigaga, kes ütleb: «... transporditöötajad kannavad vastutust isegi liiklemiseeskirjade selliste rikkumiste eest, mis on võrdlemisi kauges põhjuslikus seoses kuritegeliku tagajärjega, mis saabus vahetult kannatanu süül.³⁰ Sellist seisukohta on väljendanud ka NSV Liidu Ülemkohus.³¹

Praktiliselt tuleb öeldust aru saada nii, et niipea kui isik transpordivahendit juhtides rikkus ohutu liiklemise või tehnilise ekspluateerimise eeskirju, mis on põhjuslikus seoses saanud kahjuliku tagajärjega, on selle isiku käitumine vaadeldav kahjuliku tagajärje põhjustamisena ning teiste koosseisuliste tunnuste esinemisel seega ka KrK §-s 204 ettenähtud kuriteona.

IV

Küsimus sellest, millal on transpordivahend³² teatava isiku juhtimisel, on osa KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjekti küsimusest.

Väljendit «transpordivahend on isiku juhtimisel» võib mõista kitsamas ja laiemas tähenduses. Kitsamas tähenduses on transpordivahend isiku juhtimisel neil juhtudel, mil transpordivahend liigub, vastav isik viibib juhi jaoks ettenähtud kohal ja suunab oma tahte kohaselt transpordivahendi liikumist. Laiemas tähenduses on transpordivahend teatava isiku juhtimisel ka transpordivahendite ajutistel seisuaegadel (reisija pealevõtmiseks, tehnilise rikke kõrvaldamiseks jne.).

KrK § 204 dispositioonis ei ole sõnaselgelt märgitud, kas siin on silmas peetud transpordivahendi juhtimist kitsamas või laie-

²⁹ Rakvere Rajooni Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-133/1964.

³⁰ В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, lk. 183—184.

³¹ Vt. näiteks NSV Liidu Ülemkohtu kriminaalrajade kohtukolleegiumi 12. veebruari 1961. a. määrust Rogati jt. süüdistusasjas, kus muuhulgas on öeldud: «Kannatanu süü ei välista juhi vastutust liiklemiseeskirjade rikkumise eest...». Vt. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1962, № 5.

³² Mõeldud on mehhaniseeritud transpordivahendeid.

mas tähenduses. Kui asuda seisukohale, et siin on silmas peetud transpordivahendi juhtimist laiemas tähenduses, tuleb näiteks nende juhtide käitumist, kes parkisid transpordivahendi valgustamata teel või tänaval ilma gabariiditulesid sisse lülitamata ja see oli toimunud liiklusõnnetuse üheks põhjuseks, kvalifitseerida KrK § 204 järgi. Kui aga asuda seisukohale, et KrK § 204 puhul on silmas peetud transpordivahendi juhtimist kitsamas tähenduses, on nende juhtide käitumise kvalifitseerimine KrK § 204 järgi välistatud.

Meie arvates võiks vaadeldav probleem olla lahendatud järgmiselt.

Et transpordivahendit lugeda teatava isiku juhtimisel olevaks, on vajalik, et see isik samal ajal ka ekspluateeriks seda transpordivahendit. See nõue tuleneb otseselt KrK § 204 dispositsioonist.

Transpordivahendi ekspluateerimise all tuleb KrK § 204 seisukohalt mõista selle kasutamist teel või tänaval liikumiseks ühest kohast teise. Objektiivselt seisneb see eelkõige transpordivahendiga liikumises. Kuid mitte ainult selles. Ka transpordivahendi ajutised paigalseisud on vaadeldavad selle ekspluateerimisena. Subjektiivselt iseloomustab transpordivahendi ekspluateerimist eesmärk jõuda selle vahendusel ühest kohast teise.

Transpordivahendi juhtimisel olemise all tuleb mõista selle valitsemist. Ennekõike seisneb see transpordivahendi füüsilises mõjutamises vastavate mehhanismide abil, millega kutsutakse esile, suunatakse või lõpetatakse transpordivahendi liikumist. Transpordivahend ei lakka aga teatava isiku juhtimisel olemast ka ajutiste paigalseisude ajal liiklusprotsessis.

Kui transpordivahend on teataval ajavahemikul harilikult ühe isiku juhtimisel, siis ekspluateerida võivad seda samaaegselt mitu isikut (näiteks takso kasutajad).

Kas transpordivahend oli liiklusõnnetuse momendil teatava isiku juhtimisel või mitte, see probleem kerkib peamiselt neil juhtudel, mil isik füüsiliselt mõjustas juba liiklusprotsessis olevat transpordivahendit, mille juht ta ei ole.

Nii on võimalikud juhud, mil isik vabastab kallakul seisva auto pidurdatud seisundist selleks, et kõrvalt jälgida, kuidas see alla veereb ja mis edasi juhtub. Toimub aga liiklusõnnetus. Ka on võimalikud juhud, et isik hüppab kallakust allaveereva auto kabiini ning püüab autot peatada, mis tal aga vajalikuks hetkeks ei õnnestu, ning toimub liiklusõnnetus.

Kuna mõlemal kirjeldatud juhul vastavad isikud autot eelnevalt ei ekspluateerinud ning auto ekspluateerimise eesmärk puudus neil ka õnnetuse momendil, ei saa lugeda autot nende juhtimisel olnuks, kuigi nad seda füüsiliselt mõjustasid (esimesel juhul liikumise esilekutsumiseks, teisel juhul liikumise lõpetamiseks).

Kuigi isik kutsub transpordivahendi liikumise esile ilma transpordivahendi ekspluateerimise eesmärgita, ei tähenda see veel, et

see transpordivahend ei saa mingil juhul-olla selle isiku juhtimisel. Transpordivahendi ekspluateerimise eesmärk võib kujuneda hiljem.

Kod. K., kes oli tugevas alkoholijoobe seisundis, istus tänava-kallakul käsipiduri ja käiguga pidurdatud furgoonauto TA-9-A kabiini kaasasõitja istmele ajal, mil juht läheduses ei viibinud. Teadmata isegi miks, asetab ta käigukangi neutraalasendisse, mille tagajärjel auto hakkas aeglaselt paigalt liikuma. Seejärel ronis K. üle mootori juhi kohale (mootor asub seda tüüpi autodel kabiini keskel) ja püüdis autot peatada, mis vähiklusest aga ei õnnestunud. Kui auto oli liikunud umbes 200 m ja saavutanud kiiruse umbes 30 km/h, otsustas K. peatada auto vasakul asuvate puude vastu sõitmise teel. Auto riivas haljasala nurgal kasvavat esimest puud, sõitis siis üle istepingi ja jäi seisma pärast pörkumist vastu teist puud. Pingil istunud naiskodanikule, keda K. varem ei märganud, tekitati eluohtlik kehavigastus.

Uurimisorganid asusid seisukohale, et K. ei saa olla KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks, kuna ta ei pannud autot liikuma tahtlikult, mistõttu tema käitumine kvalifitseeriti KrK § 111 lg. I järgi.³³

Kuna pärast auto liikumahakkamist oli K. kogu tegevus suunatud auto peatamisele, mis tal aga ei õnnestunud vähikluse tõttu, ei saa rääkida auto ekspluateerimisest K. poolt. Seepärast ei olnud auto antud juhul K. juhtimisel ning K. käitumise kvalifitseerimine KrK § 204 järgi oleks olnud ebaõige. Ses mõttes on uurimisorgani seisukoht põhjendatud.³⁴

Kui nüüd aga oletada, et auto liikumise käigus leppis K. selle faktiga ja otsustas sõitu jätkata, tuleb alates momendist, mil K. hakkas autot suunama edasiliikumise eesmärgil, s. t. asus auto faktilisele ekspluateerimisele, lugeda auto tema juhtimisel olevaks. See asjaolu, et ta tugeva alkoholijoobe või vähikluse tõttu ei tulnud seejuures toime auto valitsemisega, ei oma KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjekti seisukohalt mingit tähtsust.

Praktikas on esinenud juhtumeid, mil transpordivahendi liikumist suunavad samaaegselt kaks isikut.

Nii usaldas kod. S. tema vastutusel olnud auto juhtimise kod. A-le, teades, et viimasel juhitudunnistus puudub. Ise ta istus A. kõrvale. A. juhtis esialgu autot kiirusega umbes 40 km/h. Varsti leidis S., et kiirus on liiga väike ja hakkas A-d keelitama kiiruse suurendamiseks. Kui A. ikkagi jätkas sõitu endise kiirusega, asetask S. oma vasaku jala A. paremale jalale, mis oli gaasipedaalil,

³³ Tartu Linna TSN TK miilitsaosakonna kriminaaltoimik nr. 9845/1964.

³⁴ Me ei pea õigeks K. käitumise klassifitseerimist KrK § 111 järgi, kuna K. käitumises on KrK §-s 205 kirjeldatud kuriteokoosseisu tunnused. Ka oleks tulnud K. mittevastutavust KrK § 204 järgi motiveerida mitte sellega, et ta ei pannud autot liikuma tahtlikult, vaid sellega, et K. ei olnud asunud auto ekspluateerimisele.

ja suurendas sel teel gaasi juurdevoolu. A. oli sellega vaikivalt nõus ja kiirus tõusis kuni 70 km/h. Sõitnud niiviisi paar kilomeetrit ja jõudnud kurvi, ei tulnud A. sellise liikumiskiiruse puhul toime auto teel hooldmisega, ja tagajärjeks oli avariit. Rahvakohus mõistis nad mõlemad süüdi KrK § 204 järgi, asudes seega seisukohale, et auto oli nii A. kui ka S. juhtimisel.³⁵

Meie arvates on rahvakohtu seisukoht antud asjas igati õige. Alates momendist, mil S. asus reguleerima auto liikumiskiirust, millega A. ka nõustus, tuleb auto lugeda nende mõlema juhtimisel olnuks.

Teisiti on lugu järgmise juhu puhul.

Alaeline V. juhtis tänaval ajutise kasutamise eesmärgil ära viidud sõiduautot «Moskvitš-407». Tema kõrval istus teine alaealine M. Kui auto hakkas suunduma vasakule, haaras M. roolist ja pööras seda järsult paremale, et vältida, nagu ta ütles, auto võimalikku sõitmist vastu posti. Rooli järsu pööramise tagajärjel paiskus auto üle esiotsa kummuli ja purunes.

Materjalid V. kohta saadeti arutamiseks alaealiste asjade komisjonile, M. aga mõisteti rahvakohtu poolt süüdi KrK § 204 järgi.³⁶

Jääb arusaamatuks, miks uurimisorgan kvalifitseeris V. käitumise KrK § 204 järgi.

Materjalidest nähtub, et M. pööras rooli V-le ootamatult ja õnnetus saabus enne, kui V. suutis rooli tagasi oma valdusse saada või auto peatada. Seega lülitas M. V. vahetult enne õnnetust auto juhtimisest faktiliselt välja. Ka ei nähtu, et õnnetus oleks saanud liiklemiseeskirjade rikkumise tagajärjel V. poolt ajal, mil auto oli veel tema juhtimisel.³⁷

Meie arvates ei peaks V. kõne all oleva liiklusõnnetuse eest vastutama. M. süüdimõistmine KrK § 204 järgi on õige, sest rooli oma kätte haaramisega asus ta ise auto juhtimisele ja auto juhtimise ajal ta ka rikkus liikluseeskirju, mis põhjustaski kahjuliku tagajärje.

³⁵ Paide Rajooni Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-80/1964.

³⁶ Pärnu Linna Rahvakohtu kriminaaltoimik 1-88/1963.

³⁷ Asjaolu, et KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks saab olla vaid isik, kelle juhtimisel on transpordivahend, ei tähenda, et see peab vastava isiku juhtimisel olema ka liiklusõnnetuse momendil. Piisab, kui see isik rikkus liikluseeskirju momendil, mil transpordivahend oli tema juhtimisel, kui see oli saanud kahjuliku tagajärje üheks või ainsaks põhjuseks. Õnnetusmomendil võib see isik transpordivahendit meie poolt antud tähenduses mitte enam juhtida. Nii on mootorrattur KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks näiteks juhul, kui ta liiklemiseeskirjade rikkumise tagajärjel kukub ning mööda tänavat edasi lohisev mootorratas tekitab kehavigastuse läheduses viibivale kodanikule. Samuti on KrK §-s 204 ettenähtud kuriteo subjektiks juht, kes peatas teel transpordivahendi ja andis siis selle juhtimise üle juhtimisõigust mitteamavale isikule ja kui sellega kaasnes seaduses ettenähtud kahjulik tagajärje.

A. Transpordivahendi ohutu liiklemise ja tehnilise ekspluateerimise eeskirjade³⁸ rikkumisena tuleb mõista isiku sellist käitumist liiklusprotsessis, mis nende eeskirjadega ei ole lubatud.

Eeskirjade rikkumine kujutab endast objektiivse ja subjektiivse külje ühtsust. Praktiliselt tähendab see, et eeskirjade rikkumisest saame rääkida vaid juhtudel, kui eeskirju on rikutud nii objektiivselt kui ka subjektiivselt. Objektiivselt on eeskirju rikutud juhtudel, kui isiku teatavaviisiline käitumine liiklusprotsessis on väliselt vaadatuna vastuolus eeskirjade nõuetega, subjektiivselt aga neil juhtudel, kui isik nägi või võis ette näha teatud konkreetsetes tingimustes oma välise käitumisakti vastuolu eeskirjade nõuetega.

Eeskirjade objektiivse rikkumise tuvastamine liiklusõnnetuse puhul ei valmista erilisi raskusi. Selleks tarvitseb vaid välja selgitada liiklusõnnetuse toimumise konkreetset asjaolud ning võrrelda kõigi õnnetuseosaliste isikute käitumise vastavust eeskirjade nõuetele. Erilisi raskusi ei valmista ka eeskirjade subjektiivse rikkumise tuvastamine, sest üldreeglina on kõigil liiklejalatel võimalik tunda õppida eeskirju ning hoiduda nende rikkumisest. Praktikas tekitab raskusi vaid «Liiklemiseeskirjade» punkt 32 subjektiivse rikkumise tuvastamine.

Asi on selles, et «Liiklemiseeskirjades» ei tooda ära kiirust, millega on juhil lubatud liikuda igasuguses olukorras, vaid liikumiskiiruse valik jäetakse juhi enda otsustada, lähtudes konkreetsetest liiklustingimustest. Nendena märgitakse teetingimusi, nähtavust ja vaatepiiri, transpordivahendite ja jalakäijate liiklemise intensiivsust ja iseloomu, samuti transpordivahendi ja veetava veose iseärasusi ja seisundit («Liiklemiseeskirjade» p. 32). Millist sisu nendele tingimustele omistada, sellele «Liiklemiseeskirjad» vastust ei anna. Nii jääb näiteks ebaselgeks, millist laadi liiklemise puhul peab juht asuma transpordivahendi liikumiskiiruse vähendamisele või transpordivahendi koguni peatama. See asjaolu jätab juhtidele liiklusõnnetuse korral võimaluse väita, et nad ei võinud ette näha antud jalakäijas potentsiaalset ohtu liiklemisele ning seepärast ei pidanud ka vähendada liikumiskiirust. Kui uurimis- või kohtuorganid sellistel juhtudel ei suutu kriitiliselt juhi väitesse, võib see viia liiklusõnnetuses tegelikult süüdi oleva transpordivahendijuhi vastutusest vabanemisele.

Peatumegi siinkohal «Liiklemiseeskirjade» punktis 32 toodud liiklemistingimuste ja nende asjaolude juures, mil üks või teine liiklemistingimus on liiklemisele potentsiaalseks ohuks, mida on võimalik ette näha igal normaalselt arenenud transpordivahendijuhil, kui ta vaid peab vajalikuks olla tähelepanelik kaasliiklejate suhtes. Peamiselt on see küsimus ebaõige liikumiskiiruse valikus seisva ohutu liiklemise eeskirjade rikkumise subjektiivsusest küljest.

³⁸ Edaspidi «Eeskirjad».

B. 1. Teetingimuste all tuleb mõista: a) sõidutee laiust, tee profiili (sirge, kurv, tõus, lang, külgakallak) ning teekatte liiki ja seisundit (asfalt, lahtine liiv, kiilasjäa, tasane, auklik, märg jne.); b) teepäraldiste olemasolu; c) takistuste olemasolu sõiduteel (loomad, seisvad mehhanismid jne.).

Nii soodsad kui ka ebasoodsad teetingimused on juhtidele üldreeglina õigeaegselt märgatavad. Seepärast on ebasoodsates teetingimustes liikumiskiiruse vale valiku tõttu toimunud liikluseõnnetuste puhul juhtide väited, et nad ei saanud ette näha ebasoodsaid teetingimusi, harva arvessevõetavad.

Kod. J. asus autobussiga TA-6 liikumiskiirust vähendamata truubi kohal mööduma vastuliikuvast veoautost ZIL-164, eelnevalt veendumata, kas truubi laius võimaldab sellise kiiruse puhul ohutut möödasõitu. Truubi vahetus läheduses leidis J., et trüüp ei ole siiski küllaldaselt lai, kuid kuna tal autobussi peatada ei olnud enam võimalik, tuli seda juhtida niivõrd paremale, et autobussi tagumine parempoolne ratas riivas truubi käsipuu alusmüüri. Autobussi järsu rappumise tagajärjel paiskus selles istunud kod. T. vastu eesmise istme seljatuge ja sai vigastada.

Juurdlusorgan keeldus J. kriminaalvastutusele võtmisest tema käitumises kuriteokoosseisu puudumise tõttu. Vastavas määruses märgitakse, et õnnetus toimus J-st mitteolenevatel põhjustel, kuna sõidutee laius sellel kohal ei võimaldanud mainitud autobussi ja auto ohutut möödasõitu teineteisest, mida J., kes varem seda teed sõitnud ei olnud, ei võinud ette näha.³⁹

Meie arvates oli J-l suurema tähelepanelikkuse korral täielik võimalus ette näha antud truubi kohal vastuliikuvast autost sellise kiirusega möödasõidu ohtlikkust, mistõttu asja sellist lahendamist juurdlusorgani poolt ei saa lugeda õigeks.

2. Ebanormaalne nähtavus esineb siis, kui juhil on ümbruse jälgimine raskendatud puuduliku valgustuse või õhukihtide puuduliku läbinähtavuse tõttu (udu, lumesadu, vihm, tolm jne.). Piiratud vaatepiir esineb siis, kui juhil on ümbruse jälgimine raskendatud tee järskude tõusude või langude, teega külgnevate puude, põõsaste, ehitiste jne. tõttu või mitmesuguste takistuste tõttu sõiduteel (näit. ees liikuv või seisev suuremõtmeline transpordivahend).

Halb nähtavus ja piiratud vaatepiir on liiklemisele ebasoodsad tingimused. Seepärast tuleb juhil nendes tingimustes liikuda väiksema liikumiskiirusega, sellisega, mis võimaldab tal takistuse märkamisel õnnetust ära hoida. Kui see ei osutu enam võimalikuks, tuleb juhi poolt valitud liikumiskiirus antud tingimustes lugeda suureks.

Praktika näitab, et kõige hooletumalt suhtuvad juhid piiratud

³⁹ Tallinna Linna TSN TK MV Riikliku Autoinspeksiooni arhiiv. Kriminaal-asja algatamisest keeldumise 8. veebruari 1964. a. määrus.

nähtavusse, mis on tingitud kaugtulede ümberlülitamisest lähis-, eriti aga parktuledele, kui kohtutakse valgustamata teel teise transpordivahendiga. Neil juhtudel ei vähendata alati liikumiskiirust piirini, mis vastab nähtavusele.

Et kahe transpordivahendi lähenemisel pimedal ajal teineteisele lähistuledega ei ületa nähtavus kummalgi juhil praktiliselt 20—30 m (parktulede puhul on see veelgi väiksem), siis juhul, kui enne kaugtulede ümberlülitamist ei olnud tee vajalikus ulatuses hästi nähtav, tuleb kohtumisel teise transpordivahendiga kaugtulede ümberlülitamisel lähistuledele liikumiskiirust vähendada kuni 20 km/h. Selline nõue on otseselt väljendatud «Ohutustehnika eeskirjades» (p. 338). Möödumine vastutulevast transpordivahendist lähis- või parktuledega kiirusega 40—50 km/h, nagu seda pahatihti tehakse, tähendab äärmist riskimist. Neil juhtudel ei ole juhil sõidutee takistuse märkamisel õnnetuse ärahoidmine tavaliselt enam võimalik.

Kod. A. lükkas talvisel õhtul maantee paremal poolel tõukekelku. Talle lähenes tagant veoauto GAZ-51 kod. K. juhtimisel kiirusega umbes 40 km/h. Vastutuleva auto tõttu lülitas K. kaugtuled ümber parktuledele, vähendamata seejuures liikumiskiirust. Pärast autost möödasõitu lülitas K. kaugtuled ümber pooltuledele ja märkas siis ees liikuvat kod. A. Vaatamata pidurdamisele ja kõrvalepööramisele ei suutnud K. enam õnnetust vältida.

Uurimisorgan asus seisukohale, et K. ei rikkunud liiklemiseeskirju ja õnnetuses on süüdi ainult valel teepoolel liikunud A., ning lõpetas kriminaalasjas menetluse K. käitumises kuriteokoosseisu puudumise tõttu.⁴⁰

Meie arvates on K. poolt ebtõige liikumiskiiruse valik antud tingimustes ilmne.

Palju õnnetusi on jalakäijatega, kes astuvad ettevaatamatult sõiduteele seal seisvate suuremõotmeliste transpordivahendite (autobusside, veoautode jt.) tagant.

Sõiduteel seisev suuremõotmeline transpordivahend on vaadeldav vaatepiiri piirava esemena, sest see takistab juhil kas teatava osa sõidutee või sellega külgneva maa-ala mõneajalist jälgimist, kust transpordivahendi teele võib tulla ettevaatamatu jalakäija. Neil juhtudel võib juht sõiduteed ületada kavatsevat jalakäijat märgata alles siis, kui jalakäija on jõudnud juba kaugele sõiduteele. See asjaolu kohustab juhti mööduma eriti ettevaatlikult sõiduteel seisvast suuremõotmelisest transpordivahendist, kui ta ei saa olla kindel, et transpordivahendi tagant ei ole oodata ettevaatamatu jalakäija tulekut sõiduteele. Juhi ettevaatusabinõud seisnevad siin peamiselt ohutu liikumiskiiruse välikus, ümbruse hoolikas jälgimises ja möödumisel seisvast transpordivahendist

⁴⁰ Harju Rajooni Prokuratuuri kriminaaltoimik 08599/1963.

võimalikult suurema intervalli jätmises. Maanteel tuleb kõne alla helisignaali andmine.

Asjaoludeks, mis annavad juhile eriti alust eeldada seisva transpordivahendi tagant ettevaatamatu jalakäija sõiduteele astumise võimalust, on peatuskohas reisijaid mahalaskev autobuss ning üldse suuremõtmelise transpordivahendi seismine jalakäijate poolt sõidutee intensiivse ületamise kohtades (turuhoone, kaupluse jne. juures). Sellistes kohtades sõiduteed ettevaatamatult ületavale jalakäijale pealesõidu puhul ei saa juhi väidet, et ta ei võinud ette näha jalakäija sõiduteele astumise reaalselt võimalust, pidada põhjendatuks.

Nii lähenes veoauto GAZ-63 kod. A. juhtimisel 7 m laiusel tänaval kiirusega umbes 40 km/h peatuses seisvale autobussile. Seejuures juht üldse kiirust ei vähendanud, samuti ei andnud suunatulega märku suundumiseks vasemale. Samal ajal hakkas autobussi eest sõiduteed ületama alaealine, kes sai autolt löögi siis, kui tal jäi kõnniteele jõudmiseks teha vaid paar sammu.

Uurimisorgan asus seisukohale, et autojuht A. rikkus liiklemiseeskirju ainult sellega, et ei andnud suunatulega märku möödumiseks seisvast autobussist. Kuna see aga ei olnud põhjuslikus seoses toimunud õnnetusega, lõpetati asjas menetlus A. käitumises kuriteokosseisu puudumise tõttu.⁴¹

Meie arvates rikkus A. käesoleval juhul liiklemiseeskirju ka ebaõige liiklemiskiiruse valiku näol. Ja kuna see oli põhjuslikus seoses saanud kahjuliku tagajärjega, on A. käitumises kuriteokosseisu eitamine ebaõige.

3. a) Transpordivahendite ja jalakäijate liiklemise intensiivsuse all tuleb mõista transpordivahendite ja jalakäijate liiklemise tihedust ja nende liikumiskiirust.

Kui me transpordivahendite liiklemise intensiivsusest rääkides peame silmas transpordivahendite liiklemist sõiduteel, siis jalakäijate puhul tuleb silmas pidada ka jalakäijate liiklemist kõnniteedel ja teepeenardel. See tähendab, et juhil tuleb liikumiskiiruse valikul arvestada mitte ainult jalakäijate liiklemise intensiivsust sõiduteel, vaid ka kõnniteedel ja teepeenardel, kust jalakäijad võivad ootamatult astuda sõiduteele. On ju ilmne, et mida rohkem jalakäijaid kõnniteedel ja teepeenardel liikleb, seda suurem on nende ootamatu sõiduteele astumise võimalus.

Kui juht intensiivse liiklemisega tee- või tänavalõigule lähenedes ei vähenda liikumiskiirust määrani, mis võimaldab tal teiste liiklejate ettevaatamatu käitumise tõttu ohtliku olukorra tekkimisel võtta tarvitusele abinõud kahjulike tagajärgede ärahoidmiseks, ei ole juhtide väited, et nendel puudus võimalus ette näha valitud liikumiskiiruse osutumist antud olukorras liiga suureks, üldreeglinas arvessevõetavad.

⁴¹ Tartu Linna Prokuratuuri kriminaaltoimik 07441/1962.

b) Transpordivahendite ja jalakäijate liiklemise iseloomu ali tuleb mõista transpordivahendijuhtide ja jalakäijate käitumisviisi liiklusprotsessis. Nii võib jalakäija liikuda maanteepeenral sirgelt ja rahulikult; kuuldes tagant lähenemas transpordivahendit, vaatab ta tagasi ja võtab pärast seda veelgi lähemale teeservale või jääb koguni seisma, näoga läheneva transpordivahendi suunas. Jalakäija sellist käitumist võib juht vaadelda kui märguannet sellest, et tema lähenemist on märganud. Kuid jalakäija võib teepenral liikuda ka tuigerdades, pea rinnale langenud, nagu seda tihti teevad ebakained isikud, ja mitte millegagi märku andes, et ta on märganud lähenevat transpordivahendit.

Esimese jalakäija puhul võib juht olla põhjendatult veendunud selles, et teda on märganud, ning jätkata liikumist endise kiirusega. Teisel juhul tuleb juhil aga viivitamatult kiirust vähendada piirini, mis võimaldab jalakäijast möödumisel võtta tarvitusele abinõud kahjulike tagajärgede ärahoidmiseks, kui jalakäija peaks astuma mõne ootamatu sammu. Seda seepärast, et antud juhul ei saa juht olla põhjendatult veendunud selles, et jalakäija teda märkas ning et temalt ei ole oodata ettevaatamatut käitumist. «Transpordivahendite kõrgendatud oht nõuab, et transporditöötajad arvestaksid mitte ainult selle tehnika-alaga kokkupuutuvate koodarvete õige, vaid ka ebaõige käitumise, juhuslike vigade võimalusega», ütleb V. Kudrjajtsev.⁴² Sellega tuleb täiesti nõustuda.⁴³

Teiste liiklejate käitumise peamisteks tunnusteks, mis lubavad eeldada liiklemisele ohu tekkimise võimalust ja kohustavad seega juhti suuremale ettevaatlikkusele, oleksid peale eespool juba märgitu (märgatav ebakaine olek) veel järgmised.

aa) Liiklemiseeskirjade rikkumine teise liikleja poolt.

Eeskätt tuleb siin kõne alla liikumine sõidutee ebaõigel poolel väljaspool linna ja asulaid.

Tähelepanekud näitavad, et ajutiselt ebaõigel teepoolel liiklejad, märgates lähenevat transpordivahendit, püüavad tihti pöörduda tagasi õigele teepoollele. Ebakaine oleku, kõrge eluea jt. põhjuste tõttu võivad nad valesti hinnata läheneva transpordivahendi kaugust ja liikumiskiirust ning asuda sõidutee ületamisele siis, kui transpordivahend on juba jõudnud ohtlikku lähedusse. See asjaolu kohustab läheneva transpordivahendi juhti olema eriti tähelepanelik sellisest liiklejast möödumisel. Seda aga transpordivahendijuhtid tihti ei ole ning õnnetuse korral väidavad, et teise liikleja poolt sõidutee ületamine oli neile ootamatu, nad ei võinud seda ette

⁴² В. Н. Кудрявцев, *op. cit.*, lk. 183.

⁴³ On avaldatud ka vastupidist arvamust. Nii ütleb N. Aleksejev, et sellisel juhul peaks liikuma «teosammul». Vt. Н. С. Алексеев, *Транспортные преступления*, Л., 1957, lk. 88. Seda argumenti ei saa lugeda veenvaks, sest praktika kummutab selle pidevalt. Valdav enamus meie juhtidest ei ole põhjustanud ühtegi liiklusõnnetust, kuid see ei tähenda sugugi, et nad liiguvad kogu aeg «teosammul». Nad lihtsalt ei kihuta seal, kus see võib olla ohtlik. Põhjendatud vajadust kogu aeg kihutada meie juhtidel vähemalt praegu veel ei ole.

näha ning seepärast ei pidanud ka vajalikuks varem liikumiskiiruse vähendamisele asumist. Teisiti öeldes, nad väidavad, neil puudunud võimalus ette näha, et nad antud tingimustes liiguvad ebaõige kiirusega.

Nii sõitis veoauto GAZ-51 kod. K. juhtimisel pimedal ajal peaaegu jäätunud asfalkattega maanteel kiirusega umbes 50 km/h. Umbes 100 m kauguselt nägi K. ees paremal mingisugust halli kogu. Kui vahemaa oli vähenenud 50 meetrile, märkas K., et temast paremal teeäärel tuleb vastu jalgrattur ebakindlalt, vingerdades. K. võttis siis vaid gaasi maha ja suundus jalgratturist möödumiseks mõnevõrra vasemale. Kui vahemaa oli vähenenud 15 meetrile, tegi jalgrattur järsu pöörde paremale ja jäi auto alla. Nagu selgus, oli jalgrattur ebakaines olekus.

K. selätas, et auto liikumiskiiruse vähendamiseks olnud tal võimalus juba varem, kuid ta ei teinud seda, kuna ei arvestanud jalgratturi sellise käitumise võimalust.

Uurimisorgan lõpetas asjas menetluse kuriteokoosseisu puudumise tõttu, leides, et K. ei rikkunud liiklemiseeskirju ning õnnetuses oli süüdi ainuüksi jalgrattur.⁴⁴

Jalgrattur käesoleval juhul kahtlematult rikkus liiklemiseeskirju, mis oli kahjuliku tagajärje saabumiseks määravaks põhjuseks. Ei saa aga nõustuda uurimisorganiga selles osas, et K. liiklemiseeskirju üldse ei rikkunud. Võttes arvesse jalgratturi liikumist vael teepoolel, tema vingerdavat sõitu, mis osutas ebakaine oleku võimalusele, samuti seda, et K. lähenes jalgratturile tuledega, tulede järgi aga on mõnikord raske otsustada läheneva transpordivahendi kauguse ja liikumiskiiruse üle, pidi K. ette nägema jalgratturi sellise käitumise võimalust. Ka pidi ta teadma, et liikudes peaaegu jäätunud asfaldil kiirusega umbes 50 km/h, ei ole ta ohtliku olukorra ootamatul kujunemisel suuteline kahjulikku tagajärge ära hoidma.

Seda, et transpordivahendid liiklevad NSV Liidu teedel ja tänavatel sõidutee paremal poolel, teab meil küll iga kodanik. Kõik aga ei tea, et jalakäijad liiklevad maanteedel vasakul teepeenral. Ka seda teadvatest isikutest eelistab teatav osa ikkagi liigelda parempoolsel teepeenral. Harjumusest liikuda maantee paremal peenral võib isik, kes liigub näiteks sõidutee keskel ja märkab siis järsku talle lähedale jõudnud transpordivahendit, panna pikemalt mõtlemata jooksu parema teepeenra suunas. Teatava osa jalakäijate selline harjumus ei saa olla teadmata transpordivahendijuhtidele ning nad on kohustatud seda arvestama möödumisel sõidutee keskel liikuvast jalakäijast.

Nii liikusid jalakäijad L. M. ja M. M. maanteel sõidutee keskel. Neile lähenes tagant mootorrattur S. Viimane andis jalakäijatele lähenemisel helisignaali ja asus siis nendest mööduma paremalt.

⁴⁴ Rapla Rajooni Prokuratuuri kriminaaltoimik SL-7/1961.

Niipea kui mootorratas oli jõudnud jalakäijate vahetusse lähedusse, pöördusid jalakäijad järsku paremale. Kuna S. ei olnud siis enam suuteline valitud kiiruse tõttu kõrvale pöörduma, toimus kokkupõrge ühe jalakäijaga.

Uurimisorgan lõpetas asjas menetluse mootorratturi käitumises kuriteokoosseisu puudumise tõttu. Tema käitumises ei leitud üldse liiklemiseeskirjade rikkumist.⁴⁵

Meie arvates rikkus S. liiklemiseeskirju jalakäijatest möödumisel ebaõige liikumiskiiruse valiku näol. Materjalidest nähtub, et pärast signaali andmist ei vaadanud jalakäijad tagasi. Sellest pidi S. oletama, et jalakäijad võisid tema signaali mitte kuulda, ning mööduma seepärast nendest suurema ettevaatlikkusega.

bb) Sõidutee ületamine kõrgealiste jalakäijate poolt.

Eriti ohtlikud liiklemisele on sellised juhud, mil jalakäija, jõudnud sõidutee keskele, peatub korraks, ja märganud siis lähenevat transpordivahendit, jätkab selle vahetus läheduses sõidutee ületamist või pöördub tagasi. Kõige sagedamini käituvad selliselt kõrgealised jalakäijad. Seda peab iga transpordivahendijuht arvestama. Kõrgealise jalakäija selline käitumine ei tohi talle olla ootamatuseks.

Nii lähenes sõiduauto «Moskvitš-403» kod. L. juhtimisel kiirusega umbes 40 km/h jalakäijale, kes oli ületamas sõiduteed juhi poolt vaadatuna vasakult paremale. Jalakäija märkamisel oli L. temast umbes 50 m kaugusel. L. seletuse kohaselt jäi jalakäija teekeskel seisma. Sellest ta järeldas, et jalakäija teda märkas, ja jätkas liikumist, vähendades kiirust mõnevõrra vaid gaasi juurdevoolu katkestamisega. Kui vahemaa nende vahel oli vähenenud 7—10 meetrile, alustas jalakäija uuesti liikumist. Kuna tänav oli kergelt kiilasjääs, ei olnud L-l nüüd enam võimalik autot peatada ja auto sõitis jalakäijale peale.

Uurimisorgan lõpetas selles asjas menetluse juhi käitumises kuriteokoosseisu puudumise tõttu, kuna ta liiklemiseeskirju ei olnud rikkunud ja õnnetus toimus ainuüksi kannatanu süül. Seejuures tuginevi eksperdi arvamusele, mille kohaselt juht, sõites kiirusega 40 km/h ja märgates umbes 50 m kaugusel sõidutee keskel seisvat jalakäijat, ei pidanud kohe alustama auto pidurdamist, sest võis eeldada, et jalakäija lähenevat autot märkab ja sellele ette ei astu.⁴⁶

Eksperti seisukoht printsiiabis ei ole vale. Antud konkreetsetes tingimustes näib see aga vastuvõtmatusena.

Ekspert ei võtnud siin arvesse kõigepealt seda, et jalakäijaks oli kõrgealine kodanik (tõsi, hämaruse tõttu võis see eemalt olla raskesti märgatav, kuid märgatav see siiski oli). Ei võetud arvesse ka seda, et teekate oli libe. Toimiku materjalidest ei nähtu, et jala-

⁴⁵ Tartu Linna TSN TK miilitsaosakonna kriminaaltoimik nr. 9805/1964.

⁴⁶ Tallinna Linna Keskrajooni TSN TK miilitsaosakonna kriminaaltoimik nr. 4010/1963.

käija oleks sõiduteel seistes üldse vaadanud läheneva auto suunas. Kerkibki küsimus: mis alusel võis L. järeldada, et jalakäija lähenevat autot märkas ja sellele ette ei astu.

Meie arvates ei olnud L-il küllaldaselt alust selliseks eelduseks. Ei saa ju ainuüksi jalakäija hetkelisest peatumisest tänava keskel veel järeldada, et jalakäija peatus just läheneva transpordivahendi möödalaskmiseks. Seepärast oleks L-il tulnud jalakäija märkamisel asuda viivitamatult liikumiskiiruse efektiivsele vähendamisele ja alustada temast möödasõitu alles siis, kui oli ilmselt selge, et jalakäija seisatus tema möödalaskmiseks.⁴⁷

cc) Laste viibimine sõiduteel või selle läheduses.

On üldtuntud tõsiasi, et lapsed, samuti kui ebakained ja kõrgealised isikudki, ei suuda alati õigesti hinnata olukorda sõiduteel või valitseda oma käitumise üle, mistõttu neilt võib alati oodata üle sõidutee jooksmist transpordivahendi vahetus läheduses. See kohustab juhti pöörama erilist tähelepanu teepeenral või selle läheduses viibivatele järelevalveta lastele ja õigeaegselt reageerima nende kavatsusele ületada sõiduteed. Seepärast ei saa pealesõitu sõidutee ületavale lapsele, kui viimase viibimist sõidutee läheduses oli juhil võimalik märgata, lugeda vabandavaks põhjendusega, et juht ei võinud ette näha lapse sõiduteele ilmumist.

Need oleksid küsimused, mille juures siinkohal oli võimalik peatuda.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СТ. 204 УК ЭСТОНСКОЙ ССР

К. В. Нигола

Резюме

В настоящей статье делается попытка помочь разрешить некоторые вопросы, с которыми практика сталкивается при применении ст. 204 УК ЭССР и разработке которых, по нашему мнению, уделено недостаточно внимания. Разработка этих вопросов, служит предпосылкой для исследования автотранспортных преступлений в криминалогическом аспекте.

1. Под движением транспортных средств следует понимать не любое их передвижение, а лишь такое, при котором передвижение из одного места в другое является для лица, под вождением которого находится транспортное средство, непосредственной

⁴⁷ Siin ja eespool toodud näidetes me ei pea liiklemiseeskirjade rikkumisi juhtide poolt niivõrd jämedateks, et nad põhjustaksid tingimata kriminaalvastutuse.

целью, служащей при этом средством достижения другой, в основном, экономической (но не только) цели, и которое совершается по улицам и дорогам. Следовательно, Правила безопасности движения транспортных средств действуют только на улицах и дорогах, ввиду чего практику некоторых судебно-следственных органов Эстонской ССР, вставшую на путь расширения сферы действия Правил движения, следует признать неверной.

Лицо, виновное в причинении вреда транспортным средством вне улиц и дорог, может нести уголовную ответственность по ст. 204 УК ЭССР лишь в тех случаях, если эта вина связана с нарушением правил технической эксплуатации транспортного средства. Поэтому положение, приведенное в пункте 4 Постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 г., может быть учтено при применении ст. 204 УК ЭССР лишь частично. Такую конструкцию диспозиции ст. 204 УК ЭССР (а также диспозиции ст. 177 УК Молдавской ССР) нельзя считать удачной.

2. Из самоходных машин, движущихся в настоящее время на наших улицах и дорогах, к механизированным транспортным средствам относятся автомобили всех типов (в том числе и разные самоходные машины, сконструированные на автомобильном шасси), автобусы, троллейбусы, мотоциклы, мотороллеры, мотосколяски, мопеды с рабочим объёмом двигателя не менее 49,8 см³ и быстроходные колесные тракторы. Гусеничные тракторы, дорожные, строительные, уборочные, поливочные и пр. специальные машины, сконструированные не на автомобильном шасси, к механизированным транспортным средствам, по нашему мнению, не относятся, ввиду чего привлечение водителей таких машин по ст. 204 УК Эстонской ССР является неправильным. Более удачно решён этот вопрос в уголовных кодексах Армянской и Литовской ССР, где за причинение водителем трактора и других самоходных машин вреда предусмотрен специальный состав преступления.

3. Под причинением вреда ст. 204 УК Эстонской ССР имеет в виду как непосредственное, так и опосредствованное причинение ее. Водитель должен нести уголовную ответственность за наступившие вредные последствия и в тех случаях, когда нарушение им правил безопасности движения является лишь одной, может быть, довольно далекой причиной указанных последствий (разумеется, в случаях, если возможно предвидеть наступление вредных последствий).

4. Транспортное средство считается находящимся под вождем определённого лица только в случае, если это лицо при физическом воздействии на транспортное средство руководствуется целью его эксплуатации, т. е. целью передвижения из одного места в другое с помощью транспортного средства.

Транспортное средство не перестаёт находиться под вож-

дением данного лица также в случаях временных остановок в процессе движения (посадка пассажиров, устранение технической неисправности и т. д.).

Транспортное средство может находиться одновременно под вождением двух лиц.

5. При установлении субъективной стороны нарушения правил безопасности движения лицом, под вождением которого находилось транспортное средство, необходимо выяснить те конкретные условия, в которых это лицо управляло транспортным средством. При наличии определенных условий к утверждениям водителей о том, что они не могли предвидеть опасности для движения, следует относиться очень критично. Такими условиями являются: неблагоприятные дорожные условия, ненормальная видимость, вызванная переключением дальнего света фар на ближний при разъезде со встречным транспортным средством на неосвещенных участках улиц и дорог, нарушение правил движения другим участником движения, престарелые люди и дети на проезжей части дороги или улицы или вблизи их и т. д.

TÖENDITE HINDAMISE ERISUSED TEISE ASTME KOHTUS NÕUKOGUDE KRIMINAALPROTSESSIS

**Eesti NSV prokurör II klassi riigiõigusnõunik
V. Raudsalu**

1958. a. «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse aluste» § 45 kohaselt kontrollib teise astme kohus asja kassatsioonikorras läbivaatamisel esimese astme kohtuotsuse seaduslikkust ja põhjendatust tõendite hindamise teel. Kuid tõendeid hinnatakse teise astme kohtus teistsugustes tingimustes kui esimese astme kohtus, sest nende kahe kohtuastme menetluse vahel on printsiipaalne erinevus. Ainult esimese astme kohtul on õigus asja sisuliselt arutada, kuid teine aste peab piirduma vaid sellega, et kontrollib toimiku materjalide järgi, kas esimese astme kohus on tõenditest õiged järeldused teinud ja kas kogu otsus on seaduslik ja põhjendatud. Vastavalt sellele pole teise astme kohtul kõiki neid võimalusi, mis on tõendite hindamisel esimese astme kohtul. Tõendite hindamise erisused teise astme kohtus avalduvad järgmistes asjaoludes.

I. Vahendituse printsiibi piiratus. Et kohus ise toimunud kuritegu vahetult tajuda ei saa, peab ta selle teadvuses taastama. Selleks kasutab kohus kohtulikke tõendeid, mille abil ta tuvastab kuriteo olemasolu ja kohtualuse süüdioleku selle teo toimepanemises. Tõendite uurimine, hindamine ja neist järelduste tegemine peavad toimuma vahendituse printsiibil. Vahenditus kriminaalprotsessis seisneb selles, et kohus peab vahenditult asjas olevaid tõendeid uurima: üle kuulama kohtualused, kannatanud ja tunnistajad, ära kuulama ekspertide arvamused, vaatlema asitõendeid, avaldama protokolle ja muid dokumente («Aluste» § 37).

Õeldu käib esimese astme kohtu menetluse kohta, kes asja sisuliselt arutab. Esimese astme kohus on võrreldes teise astmega palju eelistatavamas olukorras tõendite hindamisel. Kuriteo pealtnägija on kohustatud vastaval kutsel ilmuma tunnistajana uurija juurde ja kohtusse, kohtunikel on võimalik temaga vahenditult kokku puutuda ja saada vahetuid muljeid tunnistajaist. Kohtunikel on võimalus täiendavate küsimuste esitamisega täpsustada ütlust

nii, et oleks kõrvaldatud kõik ebatäpsused, mis takistaksid ütlusest õigesti arusaamist.

Teise astme kohtus aga tunnistajaid ei ole ja kassatsiooniate vahenditult protsessist osavõtivate isikutega kokku ei puutu, vaid on sunnitud nende ütlusega tutvuma ainult protokollide kaudu. Kassatsiooniate ise protokolle täiendada ei saa ja ta peab neid hindama nii, nagu nad on uurija ja esimese astme kohtu poolt koostatud. Seepärast ongi kassatsiooniate tõendite hindamisel palju raskemas olukorras kui esimese astme kohus. Siin on kohtunike ja protsessist osavõtivate isikute vahel vahelülis protokollid, mis takistavad kassatsiooniaset vahenditult tajumast. M. S. Strogovitš märgib, et vahendituse priitsiip on kassatsioonimenetluses piiratud, sest ainult kirjalikke dokumente ja asitõendeid saab kassatsiooniate vahenditult tajuda.¹

Vahendituse piiratus avaldab ka mõju teise astme kohtu aktiivsusele. Viimane on tõendite hindamisel suure tähtsusega. Lähtudes nõukogude kohtu aktiivsuse printsiibist, ei ole esimese astme kohus piiratud nende tõenditega, mis on kogunud uurimisorganid. Kohus võib omal initsiatiivil välja nõuda teisi täiendavaid tõendeid, muuta tunnistajate nimekirja ja kutsuda tunnistajatena kohusse ka neid isikuid, keda uurimisorganid üle kuulanud ei ole. Selline võimalus aga kassatsiooniasetmel puudub.

Lisaks aktiivsusele tõendite täiendamise osas on esimese astme kohtul võimalik iga üksikut tõendit põhjalikult uurida ja analüüsida. Kui tunnistaja ütlus või eksperdi arvamus pole küllalt üksikasjalik, on esimese astme kohtul seda võimalik täpsustada, samuti on võimalik vastastada tunnistajaid ja kohtualuseid. Asitõendite puhul saab esimese astme kohus esitada küsimusi kohtualusele, tunnistajatele, eksperdile jne. Vajaduse korral võib teostada vaatlust. Selline tõendite uurimine toimub protsessiosaliste osavõtul, kellel on õigus omapoolsete küsimustega uurimist täiendada.

Kõigest sellest on ilma teise astme kohus. Nende elavate muljete asemel, mida esimese astme kohtunikud saavad tõendite vahenditult uurimisel, peab teise astme kohus leppima ainult protokollide lugemisega. Üleskerkinud küsimustele üksikute asjaolude täpsustamiseks ta vastust ei saa. Kui need küsimused on olulise tähtsusega, millest oleneb lõplike järelduste kujunemine, peab teise astme kohus kohtuotsuse tühistama ja saatma asja uueks arutamiseks ja vajalike asjaolude väljaselgitamiseks.

Kuid sellest ei tule järeldada, et vahendituse piiratus tõttu pole kõrgemalseisval kohtul üldse võimalik tõendeid hinnata. Sellele seisukohale asumine teeks kassatsiooniasetme tegevuse üldse mõttetuks.

Alahindamata vahendituse printsiibi tähtsust nõukogude kri-

¹ Vt. M. С. Стрoгович, Проверка законности и обоснованности судебных приговоров, изд. АН СССР, М., 1956, lk. 173.

minaalprotsessis, tuleb märkida, et seda pole võimalik järjekindlalt kohaldada igas protsessi staadiumis ja kõikide tõendite suhtes. Erandjuhtudel, mis tulenevad asja arutamise iseärasustest, lubab ka seadus vahenditusest kõrvale kalduda. M. A. Gurvitš märgib õigesti, et kui tähtis ka ei oleks vahendituse printsiibi ellurakendamise, ei ole võimalik seda kõikidel juhtudel lõpuni kohaldada.²

Vahendituse printsiibist mõningat kõrvalekaldumist esineb ka esimese astme kohtu töös, ja seda sel juhul, kui kohus on sunnitud kasutama eeluurimise materjale. Mõnikord on esimese astme kohus sunnitud otsuse tegemisel tuginema eeluurimise protokollidele. Selline olukord esineb siis, kui kohtulik asja arutamine toimus kohtualuse juuresolekuta.

Eesti NSV KrPK § 208 näeb ette tingimused, mille puhul võib kohtus asja arutada kohtualuse juuresolekuta. Kohtud kasutavad seda õigust harva. Nad püüavad kindlustada kohtualuse kohtusse ilmumise, et luua temaga vahenditult kontakt ja vältida ebaõigete järelduste tegemist. Kuna aga seadus lubab erandjuhtudel asja arutada kohtualuse juuresolekuta, siis tuleb sellest teha järeldus, et kohus võib kohtuotsuse tegemisel tugineda eeluurimise protokollidele, kuid ainult tingimusel, et need protokollid oleksid kohtulikult uurimisel avaldatud. Lähtudes sellest, määrab Eesti NSV KrPK § 246 lg. 1 p. 2, et kui tunnistajal pole võimalik kohtuistungile ilmuda või kui ta keeldub ütluse andmisest, siis võib tema eeluurimisel antud ütlusi avaldada ja nendele võib kohus tugineda kohtuotsuse tegemisel.

Mõnikord on kohtuotsuse tegemisel eeluurimise protokollide kasutamine möödapääsmatu. Näiteks asitõendite kaotsimineku või riknemise puhul ei saa kohus neid vaadelda ja on sunnitud piirduma vaid uurija koostatud asitõendi vaatlusprotokolliga. Samuti teevad tunnistaja või eksperdi haigus, surm või mõni muu nende kohtusse ilmumist takistav põhjus võimatuks nende ülekuulamise kohtus ja viimane on sunnitud pöörduma eeluurimismaterjalide poole. Eeluurimismaterjalide kõrvalejätmine võib põhjustada ebaõiged kohtu järeldusi, sest tihti on protokollides niisuguseid andmeid, mis on järelduste tegemisel otsustava tähtsusega.

Neil juhtudel, kui esimese astme kohus oli sunnitud otsuse tegemisel tuginema eeluurimismaterjalidele, on ta tõendite hindamisel samasuguses olukorras kui teine aste, kes samuti otsustab ainult toimiku materjalide alusel. Mõlemad kohtuastmed on ühesugustes tingimustes tõendite hindamisel ja neid tingimusi iseloomustab vahendituse printsiibi teatud piiratus.

2. Lõplike järelduste tegemise piiratus. Tõendite hindamise erisused ilmnevad ka tõenditest järelduste tegemises. Kohtuotsuse seaduslikkuse ja põhjendatuse kontrollimisel võib

---

² Vt. M. A. Gurvitš, Лекции по советскому гражданскому процессу, БЮЗИ, 1950, lk. 43.

kassatsiooniate küll kahelda ja lugeda tuvastamatuks need faktid, mis esimese astme kohus luges tõendatuks, kuid tal ei ole endal õigust uusi fakte tuvastada, mida esimese astme kohus ei tuvastanud ja ümber ei lükanud.

See printsiip on kohtupraktikas järjekindlalt läbi viidud, NSV Liidu Ülemkohus suunab kõrgemalseisvaid kohtuid sellele, et nad ei piiraks esimese astme kohtu õigusi selles osas, mis kuulub ainult viimase kompetentsi.

NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi ja kohtukolleegiumi paljudes määrustes on otseselt juhitud kohtute tähelepanu sellele, et teise astme kohus ei või ise teha järeldusi asjaolude kohta ja sel alusel kohtuotsust muuta või tühistada, kui neid fakte esimene aste pole tuvastanud. Selles osas pakub huvi NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 7. detsembri 1945. a. määrus Mahmutova asjas, milles kirjutatakse: «Lükates ümber kohtuotsusega tuvastatud süüdistuse versiooni, kohtukolleegium püstitas uue versiooni, mis asendab kohtuotsust ja tuvastab rida uusi asjaolusid, mida ei olnud kohtuotsuses ja mis oluliselt muudavad süüdistuse faktilist külge... Omades õiguse kriitiliselt suhtuda esimese astme tõendite hindamise ja avastades andmeid, mis viitavad uutele faktidele ja oluliselt muudavad süüdistuse faktilise külje, ei tohtinud kolleegium ise oma määruks tuvastada neid fakte, vaid pidi saatma asja esimese astme kohtule uueks arutamiseks, kus nende asjaolude uurimine oleks toimunud vastavatest protsessieeskirjadest kinnipidamisega (poolte osavõtt, tunnistajate ülekuulamine jne.)»³

Selles, missugused protsessuaalsed järeldused on tõendite hindamisel esimese ja teise astme kohtus, seisnebki erinevus nende kahe kohtuastme vahel. Kui kassatsiooniate asja läbivaatamisel avastab, et esimese astme kohus on ebaõigesti fakte tuvastanud, ei ole tal endal õigus teha lõplikke järeldusi, vaid ta peab kohtuotsuse tühistama ja asja saatma uueks arutamiseks. Asjas olevate tõendite hindamisel võib kassatsiooniate mitte nõustuda faktidele esimese astme poolt antud hinnanguga, ta võib ühe või teise fakti tõendatuse osas asuda hoopis teistsugustele seisukohtadele. Kuid need seisukohad on esialgu ainult arvamused ja tuvastatud faktideks võivad nad muutuda ainult esimese astme kohtus.

Selles üldises õiges kohtupraktika liinis esineb mõnikord erandeid. Kõrgemalseisev kohus, tunnistades esimese astme tõendite hindamise ja selle alusel tehtud kohtuotsuse ebaõigeks, ei saada vahel asja uueks sisuliseks arutamiseks, vaid, tühistanud kohtuotsuse, annab ise lõpliku otsuse.

V. Livšits peab lõpliku otsuse tegemist kassatsiooniasime poolt võimalikuks, kuid ainult siis, kui süüdistus on alusetu või kui süü-tõendid on puudulikud ja pole võimalik enam täiendavaid tõendeid saada. Sel juhul võib kassatsiooniate teha lõpliku otsuse, s. t.

³ Vt. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 1, lk. 8—10.

tühistada kohtuotsuse ja lõpetada menetluse, saatmata asja esimese astme kohtule teistkordseks arutamiseks.⁴ Seda toetab ka N. N. Poljanski, kes märgib, et siin pole karta apellatsiooni lange mist, sest õigusemõistmise huvid ei nõua asja uueks arutamiseks saatmist.⁵

Tõendite puudulikkuse tõttu menetluse lõpetamist teise astme kohtus ei pea õigeks mõned teised autorid. Nii peab A. M. Levini arvates selle küsimuse otsustamine kuuluma ainult esimese astme kohtu kompetentsi ja asi peab lahendatama ainult sisulisel arutamisel tõendite vahenditu tajumise teel.⁶ Ka I. D. Perlov rõhutab, et kuna esimese astme kohtul on palju paremad võimalused tõendite õigeks hindamiseks, siis ei pea teise astme kohus lõplikku otsust tegema, vaid peab otsuse tühistama ja asja saatma veel kord esimese astme kohtule uueks sisuliseks arutamiseks.⁷

Kohtupraktika on asunud seisukohale, et neil juhtudel, kui tõendid osutuvad puudulikeks ja täiendavate tõendite saamise võimatus on ilmne või kui asjas puudub kuriteo koosseis, võib kõrgemalseisev kohus ise lõpliku otsuse vastu võtta ja menetluse lõpetada, kui ta on veendunud, et kogutud tõendid ei kinnita süüdistust ja täiendavate tõendite võimatuse puhul oleks asja esimese astme kohtule uueks arutamiseks saatmine asjatu protsessi venitamine, kus menetlus ikkagi kuulub lõpetamisele.

Kuna selline praktika end igati õigustas, arvestati seda liiduvabariikide uutes kriminaalprotsessi koodeksites. Nii võib Eesti NSV KrPK § 316 kohaselt teha kassatsiooniasjade lõpliku otsuse, s. t. süüdimõistva kohtuotsuse tühistada ja asja lõpetada, kui kriminaalasjas esinevad menetlust kõrvaldavad asjaolud, kui süüdlane antakse käendusele või tema süüdistus läbivaatamiseks seltsimehelikule kohtule või alaealiste asjade komisjonile ja kui pole tõendatud kohtualuse süüdi olek ning uusi tõendeid pole võimalik koguda. Kui on aga tegemist uute faktide tuvastamisega, ei saa teise astme kohus ise lõplikku otsust vastu võtta, vaid peab kohtuotsuse tühistama ja asja saatma esimesele astmele uueks arutamiseks.

Asja lõplik otsustamine kõrgemalseisva kohtu poolt ei seisne alati mitte ainult esimese astme kohtuotsuse tühistamises ja menetluse lõpetamises, vaid ka kohtuotsuse muutmises. Kohtuotsuse muutmine väljendub selles, et esimese astme kohtuotsus jää-

⁴ Vt. В. Лившиц, Проблема оценки доказательств в кассационной инстанции, «Социалистическая законность», 1946, № 3, lk. 31.

⁵ Vt. Н. Н. Полянский, Оценка доказательств вышестоящим судом, «Советское государство и право», 1951, № 7, lk. 36.

⁶ Vt. А. М. Левин, Пределы процессуальных полномочий кассационной инстанции по уголовному делу, «Советское государство и право», 1948, № 8, lk. 40.

⁷ Vt. И. Перлов, Порядок обжалования и пересмотра приговоров должен быть более совершенным, «Социалистическая законность», 1947, № 8, lk. 5.

takse tühistamata, kuid selles asendatakse esimese astme kohtu järeldused kriminaalseaduse kohaldamise ja karistuse raskuse osas uute järeldustega, mida teise astme kohus peab õigemaks.

Nii mõisteti kaupluse juhataja Sinikas rahvakohtu otsusega süüdi selles, et ta suhtus lohakalt oma tööülesannete täitmisse, ei kontrollinud kaupade vastuvõtmisel ja väljaandmisel kaalu ja kogust, mille tagajärjel tekkis suur puudujääk. Koos süüdimõistmisega rahuldati tema vastu täies ulatuses ka tsiviilhagi. Eesti NSV Ülemkohtu Presiidium märkis asja läbivaatamisel, et rahvakohus ei ole kahjutasu väljamõistmisel arvestanud kohtualuse süü astet ja tema majanduslikku olukorda. Vaatamata raskele majanduslikule olukorrale on Sinikas ühe kolmandiku kahjusummast tasunud. Kogu kahju väljamõistmine asetaks süüdimõistetu äärmiselt raskesse olukorda ja sellepärast on võimalik tema suhtes kohaldada Töõseaduste koodeksi § 83⁹ eeskirju ja sissenõuet vähendada kuni tasutud summani.⁸

Oleks olnud ülearune ja põhjendamatu antud juhul nõuda, et tsiviilhagi vähendamiseks oleks tulnud kohtuotsus tühistada ja asi saata esimese astme kohtule uueks arutamiseks ja kahjusumma vähendamise võimaluse kaalumiseks. Teise astme kohus oli toimikus olevate materjalide alusel suuteline ise küsimuse lõplikult otsustama.

3. Teise astme kohtu juhtnõõride kohustuslikkuse piirid. Tühistanud kohtuotsuse, saadab teise astme kohus asja esimese astme kohtule uueks arutamiseks alates eeluurimise, kohtu alla andmise või kohtuliku arutamise staadiumist. Oma määruses peab teine aste näitama, milles seisnesid esimese astme kohtu vead ja mida tuleb teha asja uuel arutamisel.

«Aluste» § 51 kohaselt on kõrgemalseisva kohtu juhtnõõrid kohustuslikud kohtule, kes peale kohtuotsuse tühistamist uuesti asja arutab. Kuna kassatsiooniaseme juhtnõõrid puudutavad tihti ka tõendite hindamise ja kohtu järelduste kujunemise ning karistusmäära küsimusi, mis on tihedalt seotud esimese astme kohtunike sisemise veendumusega, siis peavad kassatsiooniaseme võimupiirid esimese astme kohtu funktsioonidesse vahelesegamisest hoidumiseks olema täpselt piiritletud. Kui kõrgemalseisev kohus kirjutaks asja uuesti arutavale kohtule ette, kuidas iga tõendit hinnata ja kuidas asja lõplikult otsustada, ning kui esimese astme kohus kõik need ettekirjutused täpselt täidaks, siis oleks otsus sisuliselt kõrgemalseisva kohtu otsus. Niisugune otsus kujuneks pealesunnituks, mis kõrvaldab täielikult esimese astme kohtunike sisemise veendumuse. Sel juhul poleks üldse vaja otsust tühistada, vaid kõrgemalseisev kohus võiks teha ise uue otsuse.

Kõrgemalseisva kohtu juhtnõõrid teistkordselt asja arutavale kohtule jagunevad oma iseloomult kolme liiki. Esimesed puuduta-

⁸ Vt. Eesti NSV Ülemkohtu Presiidiumi 17. mai 1961. a. määrus nr. 24.

vad eel- ja kohtuliku uurimise ebatäielikkust ja ühekülgset, teised käsitlevad tõendite hindamist ja kohtu järelduste kujunemist, kolmandad aga õige kriminaalseaduse, karistumäära ja protsessi-normide kohaldamise küsimusi.

Peatume nende juures lähemalt.

a) Kui teise astme kohus tühistab kohtuotsuse eel- ja kohtuliku uurimise puudulikkuse ja ühekülgsete pärast, on kõrgemal-seisva kohtu juhtnõored uurimise täiendamise ja uute tõendite kogumise osas igal juhul kohustuslikud.

Kuid kassatsiooniasste ei või ette kirjutada, missugused tõendid tuleb hankida ja missugused uurimistoimingud selleks teostada, sest nende küsimuste otsustamine peab kuuluma ainuüksi esimese astme kohtu kompetentsi. Kui mõni asjaolu ei olnud esimese astme kohtus küllaldase täielikkusega välja selgitatud, siis teise astme kohtu seisukohalt ei pea see tähtis olema, milliste täiendavate tõenditega uurimist täiendatakse ja milliseid uurimis- ja kohtutoiminguid selleks teostatakse. Tähtis on siin vaid tagajärg, mis seisneb selles, et kõik ebaselged asjaolud oleksid saanud põhjalikult selgitatud. Kui teise astme kohus arvas, et seda eesmärki tuleb saavutada ühtede tõendite abil, kuid uurimisorganid ja esimese astme kohus kasutasid selleks teisi tõendeid, siis ei ole millegagi kahjustatud õigusemõistmise huvid.

Ka NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 1. detsembri 1950. a. määrus «Puuduste kõrvaldamisest kohtute töös kriminaalasjade läbi-vaatamisel kassatsioonikorras» sisaldab sätte, ja meie arvates täiesti eksliku, et kohtuotsuse tühistamise korral peab teise astme kohus näitama, missugused uurimistoimingud on asjas veel vaja-likud.

Niisugune ettekirjutus ei tule asjale kasuks, pealegi pole see kooskõlas seadusega, sest ta piirab esimese astme kohtu initsia-tiivi. Ainult asja sisuliselt arutav kohus juhib Eesti NSV KrPK § 205 kohaselt kohtulikku uurimist suunas, mis kõige enam tagab asjaolude täielikku, igakülgset ja objektiivset uurimist ning tõe avastamist. Kui aga kohtuprotsessi käiku hakkab suunama kõr-gemalseisev kohus, kellel ei ole võimalik ette otsustada, mis-sugused toimingud on otstarbekohasemad konkreetse asjaolu sel-gitamiseks ja missuguseid täiendavaid tõendeid on võimalik han-kida, võib kõrgemalseisva kohtu ettekirjutus objektiivse tõe tuvas-tamisele kasu asemel kahju tuua.

Ka Eesti NSV KrPK-s pole kassatsiooniasste juhtnõõride sisu suhtes ühtlust. Kui kohus saadab korraldavalt istungilt asja täien-davaks uurimiseks, siis KrPK § 194 kohaselt peab ta näitama, mil-liseid asjaolusid on vaja täiendavalt uurida. Ka KrPK § 308 mär-gib, et eeluurimine ja kohtulik uurimine loetakse puudulikuks siis, kui ei ole uuritud neid asjaolusid, mis olid nimetatud kassatsiooni-astme määrukses asja täiendavaks uurimiseks saatmisel. Nendes

paragrahvides on küsimus õigesti asetatud ja uurimisorganeile ning esimese astme kohtule pole ette dikteeritud, missuguseid toiminguid nad peavad tegema uurimise täiendamiseks.

Kuid KrPK § 319, mis käsitleb kassatsiooniasimest asja täiendavaks uurimiseks saatmist, nõuab, et määruses oleks näidatud, missugused uurimistoimingud tuleb teha täiendaval uurimisel. Siin on tegemist ilmse kooskõlastamatusega koodeksi üksikute paragrahvide vahel. Paremini on küsimus lahendatud 1960. a. Vene NFSV KrPK-s. Nii §-de 232 ja 351 kohaselt korraldaval istungilt kui ka kassatsiooniasimest asja täiendavaks uurimiseks või uueks kohtulikuks arutamiseks saatmisel näidatakse kohtu määruses ainult need asjaolud, mis tuleb välja selgitada.

b) Kõrgemalseisva kohtu juhtnõride tõendite hindamise ja kohtu järelduste kujunemise kohta on tihedalt seotud esimese astme kohtunike sisemise veendumusega. Teise astme kohus võib kahelda ühe või teise tõendi usaldusväärsuses ja esimese astme kohtu järelduste veenvuses. Kuid ta võib ainult tähelepanu juhtida sellele, et esimese astme kohus on ühele või teisele tõendile omistanud teenimatult suurt tähtsust, või vastupidi, et ta on seda tõendit puudulikult uurinud ja tema tähtsust alahinnanud. Samuti võib kassatsiooniasiate juhtida tähelepanu sellele, et kohtu järeldused on kujunenud välja kõikide asjaolude pealiskaudse analüüsi tulemusena. Otsuse tühistamise korral peab kassatsiooniasiate esimese astme kohtule ette panema uuel asja arutamisel veel kord hoolega kaaluda tõendeid.

Kuid kõrgemalseisev kohus ei või anda juhtnõore selles osas, missuguseid tõendeid teiste ees eelistada ja missugustele järeldustele asja kohta peab esimese astme kohus tulema. Sellised ettekirjutused ületavad kassatsiooniasime õiguste piirid, sellepärast ei ole nad kohustuslikud esimese astme kohtule, kes hindab tõendeid oma sisemise veendumuse kohaselt ja teeb sel alusel kohtuotsuse.

Selliste ettekirjutuste eest on NSV Liidu Ülemkohus kõrgemalseisvaid kohtuid hoiatanud. Nii märkis Tšesnokovi krminaalasjas NSV Liidu Ülemkohtu Kriminaalasjade Kohtukolleegium, et tühistanud kohtuotsuse, andis teise astme kohus esimesele astmele juhtnõõri uuel asja arutamisel otsuse aluseks võtta tunnistajate Martõnovi ja Ritteri ütlused, «keda mitte usaldada polnud kohtul alust». Sellised juhtnõõrid otsustavad ette ära süüdimõistva otsuse ja jätavad kõrvale teiste tunnistajate ütlused, kes iseloomustavad kohtualust positiivselt. Kuigi seadus annab kassatsiooniasimele õiguse juhtida kohtu tähelepanu tõendite täiendamise vajadusele, ei luba ta kitsendada esimese astme kohtu kompetentsi ega piirata tema õigust põhjendada otsust kõikide asja materjalidega ja kohtus ülekuulatud tunnistajate ütlustega. Teise astme kohus ei või ette otsustada, missuguseid tunnistajaid esimese astme kohus peab uskuma ja missuguseid mitte.⁹

⁹ Vt. «Советская Юстиция», 1940, № 7, lk. 35.

c) Kassatsiooniastme juhtnöörid kriminaalseaduse kohaldamise, karistumäära valiku ja protsessinormide rikkumise kõrvaldamise kohta on esimese astme kohtule alati kohustuslikud, kui nad ei puuduta kohtunike sisemise veendumuse kujunemist.

Kassatsioonikorras kriminaalasja läbivaatamisel võib teise astme kohus mitte nõustuda konkreetse kriminaalseaduse kohaldamisega. Eesti NSV KrPK § 307 lg. 1 p. 4 kohaselt on kriminaalseaduse ebaõige kohaldamine kohtuotsuse tühistamise aluseks. KrPK § 314 kohaselt võib kassatsiooniaste ise teist kriminaalseadust kohaldada, kui sellega ei raskendata süüdimõistetute seisundit. Vastasel juhul aga peab kassatsiooniaste prokuröri protesti või kannatanu kaebuse olemasolul kohtuotsuse tühistama ja asja saatma täiendavaks uurimiseks või uueks kohtulikuks arutamiseks, et kohaldataks raskemat kriminaalseadust.

Kassatsiooniastme juhtnõör on esimese astme kohtule kohustuslik selles osas, et uuel asja arutamisel hoolega kaalutaks, kas süüdistatava suhtes ei tule kohaldamisele teine kriminaalseadus. Kuid kõrgemalseisva kohtu ettekirjutusi ei tohi täita pimesi. Kui esimese astme kohus uuel arutamisel leiab, et kuriteo asjaolud ei ole muutunud ja et õige kriminaalseadus oli kohaldatud juba esimesel arutamisel, peab ta jääma oma endise seisukoha juurde.

Eesti NSV KrPK § 307 lg. 1 p. 5 kohaselt on karistuse mittevastavus kuriteo raskusele ja süüdimõistetute isiksusele kohtuotsuse tühistamise aluseks. Kui kassatsiooniaste peab esimese astme kohtu poolt mõistetud karistust liiga raskeks, on tal endal õigus karistust kergendada. Kui aga kassatsiooniastme arvates väärrib süüdimõistetute raskemat karistust, siis ta tühistab otsuse prokuröri protesti või kannatanu kaebuse alusel ja saadab asja uueks arutamiseks.

Teise astme kohtu juhtnöörid raskema karistuse mõistmise osas on esimese astme kohtule soovitava iseloomuga. Karistuse mõistmine on ainuüksi esimese astme kohtu õigus. Karistuse mõistmisel arvestab esimese astme kohus toimepandud kuriteo iseloomu ja ühiskonnaohtlikkuse astet, süüdlase isiksust ning vastutust kergendavaid ja raskendavaid asjaolusid ning mõistab karistuse oma veendumuse järgi. Kui esimese astme kohus uuel asja arutamisel jõuab järeldusele, et karistuse raskendamiseks pole alust, võib ta mõista sama raske või veelgi kergema karistuse kui esimesel asja arutamisel.

Eesti NSV KrPK § 307 lg. 1 p. 3 kohaselt kuulub kohtuotsus tühistamisele, kui on oluliselt rikutud kriminaalprotsessi seadust. Otsuse tühistamisel peab kassatsiooniaste oma määruuses märkima, milles seisnevad rikkumised ja miks kohtuotsus kuulub tühistamisele. Kassatsiooniastme juhtnöörid kriminaalprotsessi seaduse rikkumise kõrvaldamise osas on esimese astme kohtule vastuvaidlemata kohustuslikud ja kui neid uuel asja arutamisel ei ole kõrvaldatud, kuulub otsus teist korda tühistamisele.

Ülaltoodust võime teha järelduse, et teise astme kohus on kohtuotsuse seaduslikkuse ja põhjendatuse kontrollimisel võimeline tõendeid hindama. Teise astme kohtu menetluse iseärasuste tõttu ei ole tal kõiki neid võimalusi, mis on tõendite hindamisel esimese astme kohtul. Tõendite hindamine teise astme kohtus on raskendatud vahendituse printsiibi piiratuse tõttu ning oma hinnangu tõenditele peab ta andma ainult toimiku materjalide alusel.

Kui teise astme kohus peab esimese astme poolt tõenditele antud hinnangut ebaõigeks, ei saa ta ise anda neile tõendeile oma lõplikku hinnangut, vaid peab asja saatma esimese astme kohtule uueks arutamiseks ja tõendite uuesti hindamiseks. Ainult erandjuhtudel, kui teise astme kohus loeb asjas olevate tõendite alusel süüdistuse tõendamatuks ja kui uusi tõendeid pole võimalik koguda, võib kõrgemalseisev kohus anda tõenditele lõpliku hinnangu ja asja menetluse lõpetada.

Kuna kõrgemalseisval kohtul pole õigust anda tõenditele lõpliku hinnangut, siis ei või ta ka esimese astme kohtule ette kirjutada, missugused tõendid tuleb uuel asja arutamisel kohtuotsuse aluseks võtta, kuidas neid tõendeid hinnata, missugust kriminaalseadust tuleb kohaldada ja missugune karistus süüdlastele mõista. Teise astme kohtu juhtnõõrid esimese astme kohtule on kohustuslikud ainult selles osas, et uuel asja arutamisel kõiki neid küsimusi kaaluda, kuid otsustamine toimub esimese astme kohtu sisemise veendumuse kohaselt.

Selles väljendub tõendite hindamise piiratus teise astme kohtus.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В. Ю. Раудсалу

Резюме

Соответственно статье 45 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», при рассмотрении дела в кассационном порядке суд второй инстанции проверяет законность и обоснованность приговора суда первой инстанции. Это происходит путем оценки доказательств. Оценка доказательств в суде второй инстанции производится в иных условиях, чем в суде первой инстанции, так как во второй инстанции дело по существу не рассматривается. Особенности оценки доказательств в суде второй инстанции состоят в следующем.

Во-первых, принцип непосредственности в суде второй инстанции ограничен. Если суд первой инстанции исследует имею-

щиеся в деле доказательства непосредственно — заслушивает показания подсудимого, потерпевшего и свидетелей, а также заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, в отношении которых участники процесса могут высказать свое мнение, то в суде второй инстанции это происходит иначе. Вышестоящий суд не имеет контакта непосредственно с участвующими в процессе лицами и вынужден знакомиться с их показаниями лишь по протоколам.

Ограничение принципа непосредственности препятствует активности суда второй инстанции. Он лишен возможности дополнять материалы следствия, уточнять показания путем дополнительных вопросов, производить очные ставки и т. д. Вместо живых впечатлений, которые судьи первой инстанции получают при непосредственном исследовании доказательств, суд второй инстанции вынужден ограничиваться лишь чтением протоколов.

Во-вторых, суд второй инстанции ограничен в окончательных выводах по имеющимся в деле доказательствам. Если кассационная инстанция обнаружит при рассмотрении дела, что суд первой инстанции, исходя из неправильной оценки доказательств, необоснованно счел доказанными факты, то она не имеет права самостоятельно сделать окончательные выводы, а обязана отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение.

Кассационная инстанция может не согласиться с оценкой фактов, данной судом первой инстанции, однако, точка зрения суда второй инстанции является только лишь предположением, окончательная же переоценка фактов может произойти только в суде первой инстанции в ходе рассмотрения дела по существу.

Лишь в исключительных случаях, если суд второй инстанции найдет, что по имеющимся в деле доказательствам обвинение не доказано и что новые доказательства добыть невозможно, кассационная инстанция может вынести окончательное решение и прекратить дело производством.

В-третьих, поскольку вышестоящий суд лишен права окончательной оценки доказательств, то он не правомочен также давать суду первой инстанции предписания о том, какие доказательства следует при новом рассмотрении дела положить в основу приговора, как оценивать эти доказательства, какой уголовный закон следует применить и к какой мере наказания приговорить виновного. Указания суда второй инстанции обязательны для суда первой инстанции только в той части, чтобы при новом рассмотрении дела еще раз взвесить: не следует ли в отношении обвиняемого применить какой-либо другой уголовный закон, и соответствует ли назначенная мера наказания тяжести совершенного преступления и личности виновного. Однако, решая эти вопросы, суд первой инстанции должен исходить только из своего внутреннего убеждения.

В этом и заключается ограниченность оценки доказательств в суде второй инстанции.

Однако, из этого не следует делать выводов о том, что суд второй инстанции, якобы, вообще не в состоянии оценивать доказательства. Такая точка зрения означала бы признание деятельности суда кассационной инстанции весьма неэффективной.

В статье делается вывод о том, что, несмотря на особенности оценки доказательств в суде второй инстанции, кассационная инстанция располагает всеми возможностями для проверки законности и обоснованности приговора. В распоряжении суда второй инстанции имеется уголовное дело с материалами предварительного и судебного следствия. Сравнивая эти материалы и сопоставляя их с изложенными в кассационной жалобе или протесте мотивами, представляется возможным решить, являются ли выводы суда первой инстанции правильными как в отношении каждого отдельного доказательства, так и в отношении всего приговора в целом.

SÜNDMUSKOHAL SÜÜDISTATAVA OSAVÖTUL TEOSTATAVAIST UURIMISTOIMINGUIST

Õlgustead. kand. O. Püssa

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

Valdav osa kõikidest kriminaalasjas esinevatest kohtulikest tõendeist saadakse uurimistoimingute abil. Viimaste sooritamise eesmärgiks ongi ennekõike kohtulike tõendite hankimine. Uurimistoiminguid reguleerivad üksikasjalikult kõikide liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid, teiste hulgas ka «Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeks» (11.—16. ptk.).¹

Võrreldes uurimistoiminguid käsitlevaid osi liiduvabariikide endistes ja praegustes kriminaalprotsessi koodeksites, võib neis märgata olulisi erinevusi. Esiteks reguleerivad praegused kriminaalprotsessi koodeksid uurimistoiminguid tunduvalt üksikasjalikumalt, teiseks tunnevad nad mitut uut, endistes koodeksites mittesisalduvat uurimistoimingut.

Nii mainiti endistes kriminaalprotsessi koodeksites tunnistajate vastastamise võimalust ainult möödaminnes (näiteks VNFSV 1923. a. KrPK § 163), üldse ei nimetatud uurimistoimingute hulgas aga äratundmiseks esitamist ja uurimiseksperimenti. Eesti NSV KrPK, nagu kõigi teiste liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksidki, tunneb kõiki eespool nimetatud uurimistoiminguid ja reguleerib neid küllaltki üksikasjalikult. Vaatamata sellele, et endised kriminaalprotsessi koodeksid äratundmiseks esitamist ja uurimiseksperimenti üldse ei tundnud, kasutati mõlemaid uurimistoiminguid kõikide liiduvabariikide uurimispraktikas väga laialdaselt juba ammu.

Siiski esineb ka praegu üks uurimistoiming, mis on kõikide liiduvabariikide uurimispraktikas üsna levinud, millest aga täielikult vaibub nii Eesti NSV KrPK kui ka valdav enamus teiste liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodekseid. Praktikas nimetatakse seda uurimistoimingut väga mitmeti: väljasõit sündmuskohale koos süüdistatavaga, koha kättenäitamine, süüdistatava ütluse

¹ Edaspidi Eesti NSV KrPK.

kontrollimine sündmuskohal, ütluse kontrollimine kohapeal, täna-vaoperatsioon jne.

Seda uurimistoimingut tuntakse nelja liiduvabariigi, nimelt Leedu NSV, Läti NSV, Tadžiki NSV ja Turkmeeni NSV KrPK-des, kus teda kõigjal nimetatakse ütluste kontrollimiseks kohapeal. Nii võib Leedu NSV KrPK § 205 kohaselt uurija, selleks et kontrollida või täpsustada kahtlustatava, süüdistatava, kannatanu või tunnistaja ütlusi sündmuse toimumise koha, olustiku, osavõtjate tegevuse või muude asjas oluliste asjaolude suhtes, minna koos isikuga, kelle ütlusi on vaja kontrollida või täpsustada, selle isiku poolt näidatud kohta ja manukate juuresolekul kõrvaltada kontrollitavaid ütlusi faktilise olukorraga kohapeal.

Sellele sisult lähedased, kuigi lühemalt sõnastatud, on ka Läti NSV KrPK 185, Tadžiki NSV KrPK § 183 ja Turkmeeni NSV KrPK § 173 redaktsioonid.

Selle, ainult nelja liiduvabariigi kriminaalprotsessi koodeksis reguleeritava, kuid kõikide liiduvabariikide uurimispraktikas üsna levinud uurimistoimingu kohta on sõna võetud ka meie juriidilises literatuuris, arutatud teaduslikel konverentsidel² ning avaldatud seejuures väga mitmesuguseid, koguni diametraalselt erinevaid seisukohti.

Ühed autorid eitavad seda kui omaette iseseisvat uurimistoimingut, pidades teda mõne senituntud ja kriminaalprotsessi koodeksis reguleeritud uurimistoimingu eriliigiks. Nii peavad G. Aleksandrov ja M. Strogovitš seda vaatluseks süüdistatava osavõtul,³ P. Tarassov-Rodionov, L. Arotsker ning varem ka V. Kolmakov uurimiseksperimentidiks,⁴ R. Belkin kas uurimiseksperimentidiks või äratundmiseks esitamiseks.⁵

² Seda küsimust arutas Üleliidulise Kriminialistika Teadusliku Uurimise Instituudi Opetatud Nõukogu laiendatud istung, millest antakse ülevaade I. E. Böhovski ja A. R. Ratinovi artiklis «Проверка показаний на месте», «Вопросы криминалистики», № 5/20, М., 1962, lk. 186—193.

³ G. Aleksandrov ja M. Strogovitš peavad seda uurimistoimingut süüdistatava osavõtul toimepandud vaatluseks ainult siis, kui sellega tõepoolest taotleatakse vaatlusele omaseid eesmärke. Nad näitavad aga, ja seda põhjendatult, et juhul, kui see uurimistoiming pannakse toime ainuüksi selleks, et sel viisil fikseerida süüdistatava poolt varem antud süütunnistust, on see seaduslikkuse rikkumine ja tuleb uurimispraktikast kõrvaldada koos sellekohase terminoloogiaga (Г. Александров, М. Строгович, Неправильная практика, «Социалистическая законность», 1960, № 3, lk. 20 jj.).

G. Aleksandrovi ja M. Strogovitši vaateid jagab ka G. Anaškin. (Г. Анашкин, Объективность — главное в следственной и судебной работе, «Социалистическая законность», 1960, № 5, lk. 20). Analoogilised seisukohad sisalduvad ka VNFSV KrPK kommentaarides, mille vastava osa autoriks on G. Aleksandrov (Г. Н. Александров, Г. З. Анашкин и др., Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, М., 1963, § 179 комм. 4).

⁴ Vt. В. Колмаков, Способы собирания и закрепления судебных доказательств, «Социалистическая законность», 1955, № 5, lk. 34; Hiljem on V. Kolmakov oma seisukohti mitmel korral muutnud.

⁵ Vt. Советская криминалистика, М., 1958, lk. 304; Советская криминали-

Teised autorid peavad seda iseseisvaks uurimistoiminguks, millel on küll mõnevõrra sarnasust kriminaalprotsessi koodeksis ettenähtud uurimistoimingutega (vaatlusega, uurimiseksperimentidega, äratundmiseks esitamisega, ülekuulamisega jne.), mitte aga siiski niivõrd, et seda saaks pidada mõneks neist. Sellisel seisukohal on A. Vassiljev, S. Stepitšev, M. Grodzinski, S. Golunski, M. Tselšov, F. Avdijenko, V. Koldin, N. Gukovskaja, M. Salamov ja oma hilisemates töodes ka R. Belkin.⁶

Kuigi kõik need autorid peavad kõnesolevat uurimistoimingut täiesti iseseisvaks (iga autor muidugi erineva nimetuse all), lähivad nende vaated omavahel lahku selle uurimistoimingu sisu suhtes. Selle grupi esindajaist on oma seisukohti kõige üksikasjalikumalt avaldanud A. Vassiljev ja S. Stepitšev.⁷ Nimetades seda uurimistoimingut ütluste taastamiseks kohapeal, ei pea nad teda mingiks universaalseks, igasuguseid ütluste kontrollimise juhte hõlmavaks uurimistoiminguks, vaid sisustavad teda suhteliselt kitsalt. Nad tunnistavad selle uurimistoimingu rakendamise ebaõigeks kõigil neil juhtudel, kui sisuliselt on tegemist sündmuskoha vaatluse, uurimiseksperimenti, läbiotsimise või mõne muu uurimistoiminguga. Kohapeal ütluste taastamise⁸ sisusse jäävad

стика, М., 1962, lk. 281; Л. Е. Ароцкер, Следственный эксперимент в советской криминалистике. Кандидатская диссертация, Харьков, 1951, lk. 127—128. (Osund. teose järqi P. С. Белкин, Теория и практика следственного эксперимента, М., 1959, lk. 123); Настольная книга следователя, М., 1949, lk. 374—375.

⁶ Vt. P. С. Белкин, К вопросу о природе, тактических целях и разновидностях следственного эксперимента, «Советское государство и право», 1958, № I, lk. 119. Hiljem muutis R. Belkin oma seisukohti ja peab seda toimingut iseseisvaks uurimistoiminguks.

⁷ Vt. С. С. Степичев, Выезд на место как тактический прием проверки доказательств, «Социалистическая законность», 1955, № 12, lk. 28 jj.; А. Н. Васильев, С. С. Степичев, Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений, М., 1959, lk. 16 jj.; М. Гродзинский, О способах получения доказательств в советском уголовном процессе, «Советская юстиция», 1958, № 6, lk. 14 jj.; М. М. Гродзинский, Советский уголовный процесс и криминалистика, «Вопросы криминалистики», М., 1961, lk. 17 jj.; С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, lk. 157 jj.; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, lk. 301 jj.; Ф. Авдиенко, Выход с обвиняемым на место происшествия, «Советская милиция», 1959, № 5, lk. 56 jj.; Криминалистика, изд. МГУ, 1963, lk. 341 jj.; Н. И. Гуковская, Следственный эксперимент, М., 1958, lk. 9 jj.; *Id.* Право суда на производство следственного эксперимента, «Советская юстиция», 1958, № 4, lk. 37; *Id.* Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии. Автореферат, М., 1959, lk. 6; Криминалистика, М., 1959, lk. 272 jj.; Р. С. Белкин, Теория и практика следственного эксперимента, М., lk. 128; *Id.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике, М., 1964, lk. 22 jj.

⁸ Vt. А. Н. Васильев, С. С. Степичев, Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений, М., 1959.

⁹ Hiljem nimetab S. Stepitšev seda uurimistoimingut «koha peale minekuks» ja «ütluse kõrvutamiseks olukorraga koha peal». Vt. С. Степичев, Проверка

nimetatud autorite arvates ainult need juhud, kus ütlustes on tõepoolest vaja midagi kontrollida (selgitada, kas ütlused vastavad sündmuskoha tegelikule olukorrale) või täpsustada (anda ülekuulatavale võimalus koha peal täpselt näidata, kus ta näiteks teo toimepanemise ajal asus jne.). Kuid nagu käesolevast artiklist hiljem nähtub, kujutab ka selline ütluse kontrollimine endast tegelikult uurimiseksperimenti, ütluse täpsustamine aga ülekuulamist sündmuskohal. Seega on ka Vassiljevi ja Stepitševi poolt käsitletud juhtudel tegemist ikkagi mitte iseseisva, vaid mõne juba KrPK-s reguleeritud uurimistoiminguga.

Kolmandasse, arvuliselt kõige väiksemasse gruppi võib koondata need üksikud autorid, kelle arvates kõnesolev uurimistoiming võib praktikas esineda sisult mitmesugusena ja olenevalt sellest olla kord üks, kord teine meie kriminaalprotsessi koodeksites tuntud uurimistoimingutest. Oma põhisuunalalt võib selliseid seisukohti pidada kõige õigemateks. Nii peab Rozenblit kõnesolevat uurimistoimingut sündmuskohal süüdistatava või tunnistaja osavõtul teostatavate uurimistoimingute (vaatluse, läbiotsimise, ülekuulamise, uurimiseksperimenti) taktikalisteks võteteks.⁹ N. Terzievi arvates on siin tegemist mitmesuguste uurimistoimingute ühendamise ja põimumisega, mille resultaadid tuleb vormistada eraldi.¹⁰ Kahjuks esitavad eespool nimetatud autorid oma seisukohad väga lühidalt ja üldsõnaliselt.

On lõpuks veel mõningad autorid, kes ainult teatavatel tingimustel näevad kõnesolevas uurimistoimingus mitmeid meie KrPK-s tuntud uurimistoimingud.¹¹ Nii jagavad I. Böhhovski ja A. Ratinov liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid kolme gruppi olenevalt sellest, kas ja kuidas need reguleerivad ütluse kontrollimist kohapeal. Esimesse gruppi arvavad nad need koodeksid, milles ütluse kontrollimine kohapeal on ette nähtud iseseisva uurimistoiminguga, teise gruppi need, milles teda küll reguleeritakse, kuid mitte iseseisvana, vaid teise uurimistoimingu, nimelt sündmuse olustiku ja asjaolude taastamise ühe vormina, kolmandasse gruppi aga kõik ülejäänud kriminaalprotsessi koodeksid, milles ütluse kontrollimist kohapeal pole üldse reguleeritud ei iseseisva uurimistoiminguna ega ka muus vormis. Et anda selle uurimistoimingu sooritamisele seaduslikku alust ka neis liiduvabariikides, kus kehtivad kolmandasse gruppi kuuluvad krimi-

показаний на месте, «Социалистическая законность», 1964, № 3, lk. 64 jj.; *Id.* Еще раз о «выходе на место», «Вопросы криминалистики», № 12 (27), М., 1964, lk. 32 jj.

⁹ Вt. С. Я. Розенблит, Выше мастерство расследования убийств и разбойные нападения, «Следственная практика», вып. 22, М., 1955, lk. 10.

¹⁰ Вt. Н. В. Терзиев, Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления, М., 1955, lk. 7.

¹¹ Вt. И. Е. Быховский, А. Р. Ратинов, Проверка показаний на месте. «Вопросы криминалистики», № 5 (20), М., 1962, lk. 186 jj.; Р. С. Белкин, Проверка и уточнения показаний на месте, М., 1961, lk. 23.

naalprotsessi koodeksid, soovivad Bõhhovski ja Ratinov juhitud seal tema toimepanekul kas uurimiseksperimenti, vaatluse, läbiotsimise või äratundmiseks esitamise eeskirjadest olenevalt ütluse kontrollimise iseloomust ja meetodist.

Kuigi ei saa nõustuda kriminaalprotsessi koodeksite eespool mainitud grupeerimisega,¹² on Bõhhovski ja Ratinovi kolmanda grupi puhul avaldatud seisukohad põhimõtteliselt õiged. Kahjuks aga ei ole need seisukohad selle uurimistoimingu üldise analüüsi resultaat, vaid on mõeldud praktiliseks abiks ainuüksi kolmandasse gruppi kuuluvate kriminaalprotsessi koodeksite räkendamisel.

Nagu puudub ühtlus küsimuse lahendamisel meie seadusandluses ja juriidilises kirjanduses, puudub ühtlus ka praktikas. See avaldub juba, nagu eespool nägime, selle uurimistoimingu nimetuste mitmekesisuses. Ilmneb see ka selles, milliste KrPK paragrahvidele kõnesoleva uurimistoimingu vormistamisel viidatakse. Üks osa uurijaid ei viita üldse ühelegi paragrahvile. Oieti polekski neil kuhugi viidata, sest Eesti NSV KrPK (samuti veel kümne liiduvabariigi kriminaalprotsessi koodeksid) ei tunne ju seda uurimistoimingu. Teine osa uurijaid viitavad kas sündmuskoha vaatlust, uurimiseksperimenti või ülekuulamist reguleerivatele paragrahvidele, tehes seda sageli mitte seepärast, et peaksid kõnesolevat uurimistoimingu üheks mainitud toimingust, vaid seepärast, et kuhugi peab viitama ja nimetatud uurimistoiminguid käsitlevad paragrahvid tunduvad selleks kõige sobivamatena.

Selline ebamäärasus ühe praktikas küllalt sageli kasutatava uurimistoimingu olemuse ja sellest tulenevalt muidugi ka tema protsessuaalse vormi suhtes kahjustab uurimistöö kvaliteeti, viies mõnikord koguni sotsialistliku seaduslikkuse rikkumiseni.

Millisele seisukohale tuleks selle uurimistoimingu suhtes asuda? Kas on väärt meie praktika, mis seda uurimistoimingu laiialdaselt kasutab, või on puudulik meie KrPK, mis seda uurimistoimingu ei tunne?

Sellele küsimusele vastamisel tuleb lähtuda tõsiasiast, et meie uurimispraktikas ei ole kõnesolev uurimistoiming mingi olemuselt üheilmeline ja alati ühel ning samal eesmärgil toimepandav toiming, nagu see on omane kõigile neile uurimistoimingutele, mida KrPK-s reguleeritakse.

¹² Kriminaalprotsessi koodeksite teine grupp tundub olevat kujundatud meelevaldselt. Sündmuse olustiku ja asjaolude taastamine kui omaette uurimistoiming, mida tunnevad Ukraina NSV (§ 194), Uzbeki NSV (§ 166), Gruusia NSV (§ 296), Kirgiisi NSV (§ 174) ja Armeenia NSV (§ 174) KrPK-d, on sisuliselt sama uurimistoiming, mida kõikides teistes kriminaalprotsessi koodeksites nimetatakse uurimiseksperimentiks. Ei ole alust näha nende erinevate nimetuste taga ka erisulisi uurimistoiminguid. Vähemalt ei järeldu see kuidagi vastavate paragrahvide sõnastusest. Põhjendatud oleks kriminaalprotsessi koodeksite jagamine kahte gruppi: koodeksid, kus kõnesolev toiming reguleeritakse iseseisva uurimistoimingu, ja koodeksid, kus teda üldse ei reguleerita.

Nii on näiteks läbiotsimise olemus ja eesmärk alati sama, vaatamata läbiotsimise kohta ja otsitavate esemete mitmekesisusele. Ka ülekuulamise olemus ja eesmärk jäävad alati muutumatuks, kuigi ülekuulatatavad isikud ja ütluse sisuks olevad faktid on erinevad. Analooqiline on olukord ka kõikide teiste KrPK-s reguleeritavate uurimistoimingutega.

Täpselt samuti püüab valdav osa meie uurimispraktikast ja teooriast mõista ka kõnesolevat uurimistoimingut. Lähtub ju enamuse meie kirjanduses avaldatud seisukohtadest, nii need, mis seda uurimistoimingut vaatlevad iseseisva uurimistoiminguna, kui ka need, mis teda peavad mõne senituntud uurimistoimingu alaliigiks, eeldusest, et selle uurimistoimingu olemus ja eesmärk on kõikidel juhtudel alati sama. Ta on kas alati vaatlus, alati uurimiskspereiment jne. või on alati iseseisvate tunnustega uurimistoiming.

Kui praktikas kasutataksegi tema puhul erinevaid nimetusi, siis kunagi mitte sellepärast, et iga nimetuse taga oleks mõistetud ka erinevat sisu. Iga uurija on valinud selle uurimistoimingu jaoks just sellise nimetuse, mis talle tundub kohasemana või mõnesugustel põhjustel lihtsalt rohkem meeldib.

Tuleb tunnistada, et meie poolt käsitletava uurimistoimingu ühtse nimetuse taga peituvad uurimispraktikas nii sisult kui toimepanemise eesmärkidelt ja seega ka vormilt väga erinevad uurimistoimingud.

Järgnevalt vaatlemegi, mis kujul see uurimistoiming meie praktikas tegelikult esineb.

1. Süüdistatav avaldab ülekuulamisel kohta, kus ta pani toime kuriteo, kuhu heitis kuriteo vahendi, kuhu peitis varastatud esemed jne. Ei ole harvad ka sellised juhud, kus süüdistatav teatab ülekuulamisel hoopis uutest, varem uurijale mitte teadaolevatest kuritegudest ning avaldab nende sooritamise kohad. Et uurija neid kohti varem ei teadnud, pole ta seal varem käinud ega loomulikult teostanud ka nende kohtade vaatlust. Koos süüdistatavaga lähivad nad viimase poolt juhutatud kohale, kus uurija teostab süüdistatava, manukate ja teiste seaduse poolt ettenähtud isikute juuresolekul vaatluse. Sel juhul on tegemist tavalise sündmuskohaga vaatlusega ning toimingu kohta vormistatud dokument on sündmuskoha vaatlusprotokoll. Süüdistatava osa seisneb siin ainult selles, et ta informeerib uurijat kohast, kus vastav kuriteoline sündmus oli aset leidnud (tegu ise toime pandud, kuriteo toimepanemise vahend heidetud, varastatud esemed peidetud jne.). See fakt, et just süüdistatav kohta kätte juhatas, on muidugi tähtis ja tuleb seetõttu märkida vaatlusprotokollis. Viimases on ju alati vaja näidata, kelle avalduse või teate peale vaatlus toimus.

2. Süüdistatav räägib ülekuulamisel kohast, kus pani toime kuriteo, kuhu peitis varastatud esemed, kuhu heitis kuriteo vahendi jne. Neist kohtadest on uurija aga ka varem teadlik. Ta on neil

kohtadel juba isiklikult viibinud, teostanud nende vaatluse ja avastanud seal leiduvad tõendid. Uurija soovib nüüd kontrollida, kas kuritegu võidi toime panna sellel kohal ja nii, nagu rääkis süüdistatav ülekuulamisel. Uurijat huvitab, kas süüdistatav oskab näidata sama kohta ja samasugust tegevust, nagu ta varem rääkis, s. t. kas tegevus varem esitatud kujul sobib sündmuskoha tegelikesse tingimustesse. Selle uurimistoimingu puhul on sageli oluline välja selgitada, kas süüdistatav oskab iseseisvalt minna sündmuskohale ja näidata seal mõningaid sündmuse episoodide. Selleks laseb uurija süüdistataval minna iseseisvalt sündmuskohale ja kui vaja, sooritada seal samu toiminguid, mida ta kuriteo toimepanemise ajal ütles olevat teinud. See kõik toimub muidugi uurija ja manukate juuresolekul. Peamine on selle uurimistoimingu juures mitte süüdistatava poolt sündmuskoha tingimustes antud ütlus, vaid tema tegevus ja toimingud sündmuskohal. Kuigi ta samaaegselt sündmuskohal ka midagi kõneleb, on selle sisu uurijale niikuinii juba varem teada. Sel uurimistoimingul on seega kõik uurimiskspereimendi tunnused.

Usna sageli on praktikas mõistetud uurimiskspereimendi suhteliselt kitsalt. Uurimiskspereimendina tavatsetakse mõista kuriteo selliste episoodide taastamist, mille toimepanemise juures kasutati mõnesugust tehnilist vahendit (näiteks kontrollitakse, kas saab traadiga avada ukse vahelt haaki, kas inimene mahub läbi teatavast avast jne.), aga ka nähtavuse või kuuldavuse väljaselgitamist. Eesti NSV KrPK § 154 mõistab uurimiskspereimendina uuritava sündmuse või olustiku taastamist.¹³ Selle all tuleb mõista kõikide kuriteo toimepanemises süüdistatavate või kahtlustatavate isikute, samuti kannatanute ja tunnistajate tegude ja käitumise, aga ka kuriteolise olustiku (esemete asetus sündmuskohal jne.) taastamist.

Peaks olema loomulik, et inimese oskuste ja isiklike võimete kontrollimine kuulub uurimiskspereimendi sisusse. Praktikast on teada juhte, kus uurimiskspereimendi sisuks on olnud näiteks isiku joonistamisoskuse väljaselgitamine,¹⁴ samuti selle kindlakstegemine, kas isik suudab kanda teatava raskusega viljakotti.

On ilmne, et uurimiskspereimendi sisuks võib olla ka selle väljaselgitamine, kas süüdistatav oskab iseseisvalt minna kohale,

¹³ Analoožilisel seisukohal on ka kõikide teiste liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid. Seejuures on mõnedes neist sõnastatud vastavad paragrahvid veelgi kaugemaleminevamat, nähes uurimiskspereimendi ühe eesmärgina otseselt ette uurimistoimingute (s. t. ka ülekuulamise) toimepanemise tulemusena saadud andmete kontrollimise (Läti NSV KrPK § 184, Kazahhi NSV KrPK § 131, Aserbaidžani NSV KrPK § 208, Kirgiisi NSV KrPK § 174). Kuigi osa liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksites on uurimiskspereimendi nimetatud sündmuse, olustiku ja asjaolude taastamiseks, ei erine nad sisuliselt (Ukraina NSV KrPK § 194, Uzbeki NSV KrPK § 166, Gruusia NSV KrPK § 296, Armeenia NSV KrPK § 174, Kirgiisi NSV KrPK § 174).

¹⁴ В. Н. И. Гук овская, Следственный эксперимент, М., 1958, lk. 82.

kus ta enda ütluste kohaselt pani toime kuriteo, või sooritada toiminguid, mida ta ütleb olevat sooritanud kuriteo toimepanemisel. Kõikidel neil juhtudel on tegemist isiku võimete kontrolliga. Võidakse väita, et sellises toimingus pole eksperimendi, puudub katse. Eksperiment on siin täpselt samuti olemas, nagu selgi juhul, kui süüdistatav püüab läbi pääseda mõnest avausest või avada traadiga ukse haaki. Eksperiment on alati olemas siis, kui teatav toiming sooritatakse katseliselt.

Nii on kõnesoleva uurimistoimingu praegu käsitletud vorm uurimiseksperiment. Toimingu kohta koostatav protokoll on uurimiseksperimenti protokoll.

3. Süüdistatav avaldab ülekuulamisel, et ta teatavaid fakte hästi ei mäleta, kuid koht, kus sündmus aset leidis, võiks talle neid meenutada. Uurija lähebki koos süüdistatavaga sündmuskohale ja kuulab seal süüdistatava üle. Süüdistatava ülekuulamine sündmuskohal, selleks et sealne olustik meenutaks talle ununenud asjaolusid, on tavaline ülekuulamine. Eesti NSV KrPK ei keela süüdistatava ülekuulamist sündmuskohal. Samuti teame, et ülekuulamise juures on võimalik esitada ülekuulatavale mitmesuguseid tõendeid (asitõendeid, dokumente, eksperdi arvamusi, ülekuulatud isikute ütlusi jne.). Mis tõendeid ja millisel ülekuulamise etapil ülekuulatavale esitada, see on üks ülekuulamise taktika põhiküsimusi. Esitada on aga võimalik mitte ainult üksiktõendeid, vaid ka omalaadset tõendite kogumit, tervet sündmuskohat, selleks et viimase olustik aitaks isikul meenutada kuriteolisi asjaolusid. Sellist assotsiatsioonide abil meenutamist tuleb pidada taktikaliselt õigeks ja soovitatavaks.

Kuid sündmuskohal ülekuulamisel pole mitte ainult ununenud asjaolude meenutamise tähtsus. Süüdistatav on soovitatav üle kuulata sündmuskohal ka siis, kui sündmuskoha olustiku abil saame teda veenda ta ütluste ilmses tõe mittevastavuses. Süüdistatava ütluse ja teiste asjas esinevate tõendite vastuolulisuse korral kasutatakse teatavasti väga laialdaselt süüdistatavale ülekuulamise käigus nende tõendite tutvustamist, mis on tema ütlustega vastuolus, kuid uurija arvates tõepärased. Sel eesmärgil esitavatavateks tõenditeks ei pruugi olla sugugi mitte ainult asjas esinevad üksiktõendid, vaid samuti ka sündmuskohat tervikuna. Selleks võibki uurija minna koos süüdistatavaga sündmuskohale ja kuulata seal süüdistatava üle. Kuna süüdistatav näeb, et tema varem antud ütlused ei sobi ilmselt kokku sündmuskoha olustikuga, saab ka talle endale selgeks ta endiste ütluste paikapidamatus.

Süüdistatava ülekuulamine sündmuskohal nii selleks, et sealne olustik meenutaks talle ununenud asjaolusid, kui ka selleks, et veenda ülekuulatavat ta ütluste tõe mittevastavuses, on tavaline ülekuulamine. Toimingu kohta koostatav protokoll on ülekuulamisprotokoll. Asjaolu, et ülekuulamiseks on mitte uurija

kabinet, vaid sündmuskoht, ei muuda põhimõtteliselt midagi. Nagu ülekuulamise puhul üldse, ei tohi muidugi ka sündmuskohal läbi- viidava ülekuulamise juures viibida manukaid.

4. Süüdistatav avaldab ülekuulamisel täielikult kõik talle tea- daolevad faktid. Vaatamata sellele, et uurija on teostanud sünd- muskohal vaatluse ja avastanud seal kõik võimalikud tõendid, et ta ei soovi sündmuskohal kontrollida süüdistatava ütluste tõepära- sust, sündmuskoha olustiku abil meenutada ununenud fakte ega ümber lükata süüdistatava ütlusi, läheb ta siiski koos süüdistata- vaga sündmuskohale ja laseb tal seal manukate juuresolekul kor- rata oma ütlusi ning näidata, kuidas sündmus toimus.

Kui kõikide eelnevate vormide puhul lootis uurija selle uurimis- toiminguga saada uusi, asjas seni mitteesinevaid kohtulikke tõen- deid ja kontrollida olemasolevaid, siis kõnesoleva, neljanda vormi puhul neid eesmärke uurijal ei ole. Selle uurimistoimingu sooritab uurija peamiselt siis, kui süüdistatava süütunnistus on asjas kas ainukeseks või peaaegu ainukeseks tõendiks ja uurija kardab, et süüdistatav, saanud asja materjalidega tutvumisel sellest teada, võiks asja kohtulikult arutamisel oma endistest ütlustest loobuda. Sellisel juhul jääks aga süüdistus täiesti tõendamata.

Et raskendada süüdistataval oma endistest ütlustest lahtiütle- mist, s. o. süütunnistusest loobumist, võib vahel meie uurimisprak- tikas märgata süüdistatava süütunnistuse objektiviseerimise ten- dentsi. Viimase väljenduseks ongi kõnesoleva uurimistoimingu praegu käsitletav, neljas vorm. Arvatakse, et siis, kui süüdistatav on sündmuskohal manukate juuresolekul oma ütlusi korranud, lisaks sellele näidanud veel sündmusega seotud esemeid, milline fakt on fikseeritud ka sellekohastel fotodel, ta nagu ei sõandaks anda kohtus teistsuguseid ütlusi.

Selline püüd siduda süüdistatavat tema käest varem saadud süütunnistusega on muidugi väär.¹⁵ Teame, et kohtu- ning uuri- mispraktikas on esinenud ka sisult valesid süütunnistusi. Kui uurija raskendab selletaolisest süütunnistusest loobumist, on see kahtle- mata toeks valetavale süüdistatavale, kahjustades uurimistööd ning rikkudesotsialistlikku seaduslikkust. Teisel poolt, nagu näitab praktika, ei suuda sageli ka sündmuskohal korratud ütlused takista- tada süüdistatava loobumist varem antud süütunnistusest.

Miks püütakse takistada süüdistatavat ütlustest loobumisel ainult siis, kui ta end süüdi tunnistab, mitte aga siis, kui ta oma süüdi olekut eitab? Sellises püüdes avaldub süütunnistuse teistest tõendeist paremaks pidamise tendents. Süüdistatavalt kord saadud süütunnistuse iga hinna eest säilitamise püüd on aga otseses vas- tuolus meie kriminaalprotsessis valitseva tõendite hindamise põhi- mõttega, mille kohaselt ei ole ühelgi tõendil kohtu, prokuröri, uurija

¹⁵ Vt. ka Г. Александров, М. Строгович, Неправильная прак- тика, «Социалистическая законность», 1960, № 3, lk. 21.

ega juurdlust teostava isiku jaoks ette kindlaksmääratud jõude (Eesti NSV KrPK § 50 lg. 2).

Selle uurimistoimingu teostamisel lähtuvad mõned uurijad ka kaalutlusest saada sel viisil süütunnistuse kõrvale veel teisi süütõendeid, s. o. luua asjas süütõendite kogumit. Selleks kuulatakse kõnesoleva uurimistoimingu läbiviimise juures viibinud manukad üle tunnistajatena ja nende ütlusi selle kohta, mida süüdistatav sündmuskohal rääkis ja näitas, arvestatakse omaette süütõenditena süüdistatava vastu. Kui neile kahele ütlusele lisada veel süüdistatava enda poolt esimesel ülekuulamisel antud ja sündmuskohal manukate juuresolekul korratud ütlus, ongi mõningate uurijate arvates olemas küllaldane tõendite kogum. Isegi juhul, kui süüdistatav peaks hiljem loobuma oma süütunnistusest, jääksid manukate kui tunnistajate ütlused süütõenditena alles. Sellised kaalutlused ei kannata muidugi mingit kriitikat. Niimoodi loodav tõendite kogum on ainult näiline.

Igasugust tõendit paljust ei saa pidada tõendite kogumiks. Nii pole tõendite kogumit siis, kui ühest ja samast allikast saabub sama fakt mitu korda, näiteks isik avaldab sama fakti mitmel üksteisele järgneval ülekuulamisel. Selline olukord esinebki siis, kui ennast varasemal ülekuulamisel süüdi tunnistanud süüdistatav veel kord oma ütlusi sündmuskohal kordab (ilma et seejuures toimuks mingit eksperimenti).

Tõendite kogumit ei ole ka üht ja sama fakti sisaldavate algsete ja tuletatud tõendite puhul. Tõendite kogumit ei moodusta sündmuskohal ülekuulatud süüdistatava ütlus kui algne tõend ja selle ütluse sisu kohta tunnistajatena ülekuulatud manukate ütlused kui tuletatud tõendid.

Ka meie kohtupraktika on tunnistanud ebaseaduslikuks kõnesoleva uurimistoimingu sooritamise ainuüksi selleks, et süüdistatavat siduda tema varasema ütlusega, samuti ka selle uurimistoimingu juures viibinud manukate hilisema ülekuulamise tunnistajatena ainult selleks, et niiviisi süüdistatava süüdi oleku kohta uusi tõendeid juurde saada.¹⁶

Tekib küsimus, mida peaks uurija ette võtma, kui asjas peale süütunnistuse teisi tõendeid kas üldse või peaaegu ei ole, ning lisaks sellele ähvardab veel oht, et süüdistatav oma süütunnistusest kui asjas ainukesest tõendist võiks loobuda? Neil juhtudel pole

¹⁶ Vt. VNFSV Ülemkohtu Kriminaalrajade Kohtukolleegiumi määrust I. asjas. Manukad K. ja M. olid tunnistajatena üle kuulatud selle kohta, et I. oli ennast sündmuskoha vaatlusel nende juuresolekul süüdi tunnistanud. Ülemkohus märgib: «Nimetatud tunnistajate ütlustest nähtub, et uurija, kutsudes neid kuriteokohale, avaldas juba enne minekut, et nad kuulevad seal süüdistatava seletust selle kohta, kuidas ta kuriteo toime pani. Niisugune küsimuse asetuse annab tunnistust sellest, et need uurimistoimingud olid ette võetud mitte uute tõendite kogumise, vaid süüdistatava ütluse kinnistamise eesmärgil». (Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг., М., 1960, lk. 340).

uurija ülesandeks mitte süüdistatava süütunnistuse (mis võib olla ka vale) kinnistamine ega ka manukate ülekuulamise teel tõendite kogumi (mis tegelikult on ainult näiline) moodustamine, vaid olemasoleva süütunnistuse kontrollimiseks uute tõendite hankimine. Selleks on vaja välja selgitada, kas kuriteoline tegevus sel kujul, nagu süüdistatav seda ülekuulamisel kirjeldas, sai tegelikkuses toimuda. On vaja lasta süüdistataval kas minna iseseisvalt sündmuskohale ja seal sooritada katseliselt teatavaid toiminguid või vajaduse korral ka mõlemaid, olenevalt sellest, mida konkreetselt on vaja süüdistatava ütluse juures kontrollida, Nagu eespool nägime, on selline toiming oma olemuselt uurimiseksperiment ja tema abil saadud uus tõend võimaldab kontrollida süütunnistuse tõele vastavust.

Nagu eelneva käsitluse pinnal võisime veenduda, pole kõnesolevat uurimistoimingut võimalik vaadelda olemuselt ühesisulisena. Praktikas on selle uurimistoimingu kõikidele vormidele ühine ainult see, et sellest võtab osa süüdistatav ja see toimub sündmuskohal. Need tunnused on aga omased mitmele uurimistoimingule, mistõttu nad ei suuda kuidagi määrata kõnesoleva uurimistoimingu olemust. Seega ei saa pidada puudulikeks neid kriminaalprotsessi koodekseid, kus seda toimingut pole omaette uurimistoiminguna ette nähtud, sest tegelikult see omaette uurimistoiming ei olegi: Samal ajal on aga ebaõigel seisukohal ka need autorid, kes teda peavad igal juhul ja alati ainult ühe meile tuntud uurimistoimingu eriliigiks. Praktikas võib kõnesoleva toimingu tegelikuks sisuks olla kas sündmuskoha vaatlus, ülekuulamine sündmuskohal, uurimiseksperiment või mõni muu uurimistoiming. Olenevalt sisust kujuneb ka vorm ning teda tuleb vastavalt ka nimetada mitte mingisuguse ühise nimetusega, vaid kas sündmuskoha vaatluseks, ülekuulamiseks, uurimiseksperimentiks või mõneks muuks uurimistoiminguks.

On muidugi täiesti võimalikud ka olukorrad, kus esinevad mitme praegu nimetatud uurimistoimingu kombinatsioonid. Nii võib uurimise seisukohalt olla tähtis mitte ainult selle väljaselgitamine, kas süüdistatav teab kuriteo toimepanemise täpset kohta ja oskab seal näidata oma toiminguid, vaid ka vaatluse teostamine juhul, kui uurija sündmuskohal varem polnud viibinud. Niisugusel juhul on tegemist kahe uurimistoiminguga, nimelt sündmuskoha vaatluse ja uurimiseksperimentiga. Vormistada võib neid toiminguid kas ühe koondprotokollina, mille pealkirjas sisalduvad mõlema toimingu nimetused, või eraldi protokollidena.

Juhud, kui ühe uurimisorgani läbiviimisel tekib teiste uurimistoimingute sooritamise vajadus ja need toimingud sooritatakse vahetult üksteise järel või koguni läbipõimunult, ei ole muidugi haruldased. Sellist võimalust reguleeritakse näiteks Eesti NSV KrPK § 150 lg. 3.

Tekib küsimus, miks on mõned autorid hakanud iseseisvaks uurimistoiminguks pidama just neid uurimiseksperimenti juhte, kus selgitatakse süüdistatava või teiste ülekuulatavate ütlustes sisalduvate faktide sobivus sündmuskoha tingimustesse, neid korruva ülekuulamise juhte, kus isik kuulatakse üle sündmuskohal, või neid vaatluse juhte, kus sündmuskoha asukoha avaldas süüdistatav ülekuulamisel. Ilmselt on siin põhjusteks asjaolud, et kõik praegu nimetatud uurimistoimingud pannakse toime sündmuskohal, et kõikidest neist võtab osa süüdistatav, kuid määravana kindlasti see, et kõikidel juhtudel on eelnevalt toimunud ka süüdistatava ülekuulamine, kus on välja selgitatud just samu fakte. Kuna samasisulised tõendid võimaldavad üksteise kontrollimist, ongi hakatud pidama kõnesolevate uurimistoimingute ühiseks eesmärgiks neile toimingutele ajaliselt eelnenud ülekuulamistel saadud ütluste kontrollimist. Kuid ometi pole see, et teatavat tõendit saab kontrollida mõne teise samasisulise tõendi poolt, spetsiifiline ainuüksi käsitletavale uurimistoimingule. Kogumis tuleb ju kontrollida ja hinnata eranditult kõiki tõendeid. Näha seega kontrollimises ainuüksi teatava uurimistoimingu ja tema abil saadava tõendi olemust, nagu seda teevad kõnesolevat uurimistoimingut iseseisva toiminguna vaatlevad autorid (isegi nimetades teda ütluse kontrollimiseks kohapeal), pole millegagi põhjendatud. Kuigi ülekuulamistel antud ütlusi saame kontrollida ajaliselt hiljem teostatud uurimistoimingutega (vaatlusega, uurimiseksperimentiga jne.), võimaldavad ülekuulamistel antud ütlused kontrollida ka ajaliselt hiljem teostatavate uurimistoimingutega saadud tõendeid.

Pöoldades seisukohta, et kõnesolev uurimistoiming pole iseseisev, omaette uurimistoiming, ei tahetud sellega teda meie uurimispraktikast kõrvaldada. Otse vastupidi. Meie eesmärgiks oli tema olemuse väljaselgitamine, talle uurimistoimingute hulgas koha andmine, mis võimaldaks tema teadlikku, ning kui tarvis, senisest veelgi sagedamat kasutamist. Tunnetades ta sisu, saame talle anda õige protsessuaalse vormi ning, mis pole ka tähtsusetu, nime-ta teda õige nimega.

Lõpuks käsitleme kõnesoleva uurimistoimingu juures tehtavaid fotosid. Uurimispraktikas võime kohata just viimastele liialdatud tähtsuse omistamist. Mõnede uurijate arvates on ennekõike just fotod need, mis takistavad süüdistatavat loobumast tema varem antud süütunnistusest. Sellest tingituna leiamegi vahel toimikutes fotosid, millel pole tegelikult ei tõenduslikku ega ka lihtsalt illustreerivatki tähendust. Need on fotod, millel kujutatakse tavaliselt süüdistatavat näitamas käega millegi suunas. Alles foto all asuv tekst selgitab, mida pilt peab tähendama. Seejuures minnakse vahel isegi kurioosumiteni. Näiteks ühe uurija tehtud foto alla, millel kujutati toas seisvat meest, oli kirjutatud: «Süüdistatav

L. toas, kus tal tekkis kuriteo toimepanemise tahtlus».¹⁷ Sellistef fotodel puudub muidugi igasugune tõenduslik tähendus.

Uurija poolt uurimise käigus valmistatud foto on alati mõne esemelise tõendi fotograafiline fikseering. Fotograafiliselt ei saa aga kuidagi edasi anda inimese sõnu ega mõtteid. Seega foto, millel on kujutatud isikut, kes näitab käega akna suunas, ei pruugi tähendada ainult seda, mis pildile alla kirjutatud, näiteks, süüdistatav näitab aknale, mille kaudu ta tungis tuppa, vaid ka seda, et süüdistatav näitab aknale, mille kaudu ta ei tunginud tuppa jne., jne.

Fakt, mida tahetakse fotograafiliselt fikseerida, peab olema nähtav fotol endal, mitte aga ilmnema alles selgitavast tekstist. Kui seda pole võimalik saavutada, ei saagi niisugust fakti fotograafiliselt fikseerida.

Sündmuskoha vaatluse juures tuleb alati valmistada fotosid, pildistades nii sündmuskoha kui ka seal leiduvaid asitõendeid. Seejuures pole aga kunagi vajalik, et sündmuskoha või asitõendi fotol oleks nähtav ka süüdistatav. Pildistada on võimalik ja sageli otse vajalik ka uurimiseksperimenti teostamist, kujutades pildil süüdistatava tegevust eksperimenti kestel. Fotograafiliselt ei ole aga võimalik fikseerida süüdistatava ülekuulamist sündmuskohal, sest ütlust kui isikulist tõendit ei saa kajastada fotol.

ОБ УЧАСТИИ ОБВИНЯЕМОГО В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ, ПРОИЗВОДИМЫХ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

О. К. Пюсса

Резюме

В настоящей работе рассматривается следственное действие, которое в нашей следственной практике носит разные названия: воспроизведение показаний на месте, выезд на место, указание места, проверка показаний на месте, уличная операция и т. д. Хотя его применение весьма распространено в следственной практике всех союзных республик, но законодательную регламентацию оно нашло лишь в уголовно-процессуальных кодексах четырех союзных республик (Латвийская ССР, Литовская ССР, Таджикская ССР и Туркменская ССР), в которых оно называется «проверкой показаний на месте».

¹⁷ С. Степичев, Выезд на место как тактический прием проверки показаний, «Социалистическая законность», 1955, № 12, к. 34.

В отношении сущности и процессуальной формы этого следственного действия господствует неопределенность как в законодательстве, так и в юридической литературе и в следственной практике.

Является ли наша практика, широко применяющая это следственное действие, неправильной или имеется пробел в тех уголовных кодексах (в том числе, и в УПК Эстонской ССР), которым это следственное действие неизвестно?

Ответить на этот вопрос можно лишь на основе результатов анализа практики расследования. Из последнего вытекает, что под общим названием рассматриваемого нами следственного действия в практике могут иметь место разные следственные действия, различающиеся как по содержанию, так и по цели их совершения, а, следовательно, и по своей форме. Рассмотрим, в каких случаях это следственное действие применяется на практике.

1. На допросе обвиняемый указывает место, где он совершил преступление, где он спрятал украденные вещи и т. д. Следователю эти места до того не были известны. Если он в сопровождении обвиняемого отправится на это место и произведет там осмотр, то это действие представляет из себя не «проверку показаний на месте», а просто осмотр места происшествия. Тот факт, что именно обвиняемый указал это место, отмечается в протоколе осмотра.

2. Следователь осведомлен об указанных обвиняемым местах. Он уже произвел их осмотр. Отныне его интересует лишь факт, сумеет ли обвиняемый пойти на то место и воспроизвести там то происшествие, о котором он говорил на допросе, то есть соответствует ли событие в таком виде, в каком его изложил обвиняемый, действительной обстановке на месте. С этой целью следователь предлагает обвиняемому пойти самостоятельно на место происшествия и, если нужно, произвести там те же действия, о которых он говорил на допросе. Такое следственное действие тоже не является «проверкой показаний на месте», а представляет собой проверку умения лица, составляя следственный эксперимент.

3. Обвиняемый заявляет на допросе, что тех или иных фактов он хорошо не помнит, но что место, где совершилось происшествие, могло бы воскресить их в его памяти. Допрос обвиняемого, произведенный на месте происшествия для того, чтобы обстановка местности воскресила в его памяти забытые обстоятельства, представляет из себя обычный допрос. Допрос обвиняемого на месте происшествия желателен и в том случае, если обстановка места происшествия может убедить его в явном несоответствии его показаний истине. Так как на допросе обвиняемому можно предъявить любые вещественные доказательства и документы, то нет ничего особенного, если ему предъяв-

ляется место происшествия как особая совокупность вещественных доказательств.

4. Следователь провел осмотр места происшествия. Он не считает необходимым проверить на месте происшествия правдивость показаний обвиняемого или в обстановке места происшествия заставить его вспомнить забытые им факты, не желает он также в указанной обстановке опровергнуть показания обвиняемого. Но все-таки в сопровождении обвиняемого он отправляется на место происшествия и заставляет обвиняемого повторить там свои показания и показать, каким образом происшествие имело место. Следователь производит это лишь для того, чтобы сделать обвиняемому затруднительным отказ от более раннего признания вины (в случае, если это в деле единственное или почти единственное доказательство). Такая попытка во что бы то ни стало связать обвиняемого признанием вины, конечно, неверна (признание вины может быть и ложным), а производство рассматриваемого действия с этой целью нельзя считать допустимым. Неправильно также производить это следственное действие для того, чтобы присутствовавших при производстве действия понятых допросить затем в качестве свидетелей. Получаемая при этом совокупность доказательств может являться лишь видимой.

Нельзя считать неполными те уголовно-процессуальные кодексы, в которых это действие не предусмотрено, поскольку оно само по себе не существует. Следственное действие, которое в УПК некоторых союзных республик называется проверкой показаний на месте, а в следственной практике носит также другие названия, не имеет на самом деле единого содержания. В зависимости от своего содержания оно может быть осмотром места происшествия, следственным экспериментом, допросом или каким-либо другим следственным действием, в силу чего его следовало бы соответственно и называть. Конечно, оно может встретиться и в виде комбинации нескольких следственных действий. В указанных случаях эти действия оформляются либо общим протоколом, заглавие которого содержит названия всех этих действий, либо отдельными протоколами.

На практике при этом следственном действии нередко увеличивают значение фотосъемок. Фотографическим путем можно зафиксировать лишь объекты внешнего мира, а не слова и мысли человека. Факт, фиксируемый фотографически, должен быть виден на самой снимке, а не проясняться только из текста под снимком.

KONTRASTIDE MUUTMISE KOMBINEERITUD MEETODITEST

Vanemlaborant J. Leppik

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

Üks dokumentide tehnilise ekspertiisi liikidest on mahakraabitud, radeeritud, keemiliselt kõrvaldatud või muudel põhjustel halvasti loetavaks muutunud ja kustunud tekstide uurimine. Nii-suguste tekstide nähtavaks muutmise eelduseks on dokumendile jäänud teksti jäägid, mis võivad olla inimsilmale kas nähtamatud või vaevalt märgatavad. Kuna kõikidel eespool nimetatud juhtudel on tegemist väga väikeste, sageli visuaalselt mittemärgatavate kontrastidega, on eksperdi ülesandeks nende suurendamine. Selle kõrval esineb ekspertiisipraktikas ka kontrastide nõrgendamise- või segavate kontrastide täieliku kaotamise vajadus. Näitena võib tuua juhu, kus uuritavale tekstile on peale kirjutatud mingi teine segav tekst.

Kriminalistikas tuntakse väga mitmesuguseid kontrastide muutmise meetodeid. Käesolevas artiklis käsitletakse neist ainult ühte liiki, nimelt kontrastide muutmist fotograafiliselt.

Ekspertiisipraktikas on enam kasutatavad alljärgnevad kontrastide muutmise fotograafilised meetodid.

Kontrastüpeerimine. Kontrastüpeerimisel suurenevad kontrastid mitmekordse ümberkopeerimise tulemusena. Valmistatakse vaheldumisi rida negatiive ja diaposiitive, kusjuures kasutatakse alati kontrastset fotomaterjali ja kontrastset ilmutit. Saadud negatiivist valmistatakse kontrastüpeerimise teel kontrastsele plaadile diaposiitiv, mida kasutatakse samasugusel viisil teise negatiivi saamiseks. Operatsiooni korratakse küllaldase kontrastsuse saamiseni. Viimasest negatiivist tehakse kontrastsele fotopaberile positiiv.¹

Kontrastüpeerimise protsessis suurenevad aga kõrvuti vajalike detailide väljailmumisega ka mitmesugused segavad kontrastid (plekid, punktid, kriimustused ja originaali struktuuri kujutus) ning

¹ Криминалистическая техника, М, 1959, lk. 139.

kaovad pooltoonid. Tuleb silmas pidada seda, et ülevalgustatud, üleilmutatud ja looristunud negatiivid on kontratüpeerimiseks kõlbmatud. Paremateks osutuvad kergelt allailmutatud negatiivid.

Negatiivide summeerimine. Uuritavat objekti fotografeeritakse kaks korda. Ühe foto tegemisel on objektiivi poole pööratud fotoplaadi emulsiooni pool, teise foto tegemisel aga klaasi pool. Teistkordse pildistamise juures lähendatakse plaadi tagaseina plaadi paksuse võrra objektiivile selleks, et tekiks terav sama suur kujutis. Saadud negatiivid asetatakse kokku nii, et kujutised satuksid täiesti kohakuti ja emulsioonid oleksid tihedalt teineteise vastas. Selliselt kokkuasetatud negatiividest tehakse suurendusaparaadi vahendusel positiiv.²

On võimalik ka tasafilmile pildistatud negatiivide summeerimine, sest emulsioonikihi aluseks olev tselluloidkiht ei ole eriti paks. Üle kahe-kolme negatiivi ei ole soovitatav summeerida, sest see vähendab kujutise selgust.

Emulsioonide summeerimine. Selle meetodi juures kas fotografeeritakse ühte ja sama objekti mitu korda või ühest negatiivist valmistatakse mitu (3—4) diaposiitvi kontrastsele fotomaterjalile. Tehniliselt lihtsam on mitme diaposiitvi valmistamises seisnev meetod, kuna sellega on kergem vältida kujutise mittekokkulangemist, mis mitme negatiivi valmistamisel aparatuuri liikumise (kasettide sissepanek ja avamine, teravustamine jne.) tõttu võib kaasneda. TRÜ kriminalistika laboratooriumi praktikas on selle meetodi kasutamisega saavutatud paremaid tagajärgi. Igalt diaposiitviilt võetakse maha emulsioonikiht. Selleks jäetakse diaposiitvi viieks minutiks alljärgnevasse lahusesse:³

kaaliumhüdroksiid	15 g,
potas	100 g,
vesi	150 ml.

Esiteks hõõrutakse iga diaposiitvi emulsioon villase lapiga täiesti kuivaks, lõigatakse seejärel neljast küljest lahti ja võetakse ettevaatlikult klaasilt. Kõikide diaposiitvide emulsioonid laotakse puhtaks püstud klaasile kuivama. Eeltoodud lahus ei andnud aga vajalikke tulemusi. Paremaid tulemusi saavutati järgmise lahuse kasutamisel:⁴

potas	50 g,
glütseriin	50 g,
formaliin 40%	50 g,
vesi	100 g.

² Vt. sealsamas, lk. 138.

³ Криминалистическая техника, М., 1959, lk. 139.

⁴ А. А. Эйсмэн, В. М. Николаичик, Физические методы выявления невидимых текстов, М., 1961, lk. 67.

Plaate hoiti lahuses 25° C temperatuuri juures 30 minutit. Eeltoodud retsepti järgi valmistatud lahus võtab emulsioonikihi klaasaluselt hästi lahti. Eemaldamisel peab olema aga küllaltki ettevaatlik, sest emulsioonikiht võib kergesti rebeneda. Kui foplaat pärast lahusega toimumist asetada vette (umbes 12 tunniks), siis tuleb emulsioonikiht ise lahti, kerkides veepeinnale. Emulsioonikihi kuivatamisel asetada ta rebenemise vältimiseks nii, et kihis ei tekiks kuivamisel mingeid tõmbeid, ja katta õhukese glütseriini kihiga. Kuigi emulsioonikihi kuivamisel vähenevad tema mõõtmed, ei muutu see segavaks, kuna ühesugustes tingimustes mahavõetud emulsioonikihid vähenevad võrdselt. Emulsioonikihtide ühtesobitamiseks on vaja, et nad saaksid üksteisel libiseda. Selle saavutamiseks kaetakse emulsioonikihid petrooleumi või vaseliiniõli õhukese kihiga, kastes nad enne kokkusobitamist ühte nimetatud vedelikku. Kokkusobitamise hõlbustamiseks on vaja negatiivi nurkadesse teha selgesti eraldatavad märgid. Viimaste kokkulangemine tagab ka emulsioonikihtide teiste piirkondade ühtimise. Summeeritud emulsioonikihtidest teeme negatiivi ja sellest kontrastselt foplaadile positiivi. Saadud positiivil on kujutis võrreldes originaaliga tunduvalt kontrastseni.

Suunatud ja hajutatud valguse kasutamine. Varjukontrastide suurendamiseks suuname ereda külvalguse objektile hästi väikese nurga all nii, et reljeefsete tekstiosade põhja valgust ei satuks. Paremaid tulemusi annab ühe objekti kahekordne pildistamine, valgustades teda esimese võtte juures paremalt, teise juures vasakult poolt. Positiivi teeme saadud negatiivide summeerimise teel. Varjukontrastide vähendamiseks kasutame aga tingimata ühtlast mitmepoolset valgustust, mis ei anna mingeid varje. Hästi sobib selleks hajutatud valgus.⁵

Valgusfiltrite kasutamine. Valgusfilter kui värviline keskkond neelab valgust valival, mistõttu tema abil saab suurendada või vähendada fotografeeritava objekti värvuskontraste. Valgusfiltreid valitakse kas katselisel teel või spetsiaalsete seadeldiste (spektrofotomeeter, monokromaator jt.) abil. Valgusfiltrite kasutamise põhimõtteid käesolevas töös põhjalikumalt ei käsitleta,⁶ piirduakse vaid näidetega nende praktilise rakendamise kohta.

Fotograafiline diskrimineerimine. Nimetatud meetod seisneb selles, et fotografeerimise või positiivi valmistamise juures kasutatakse alavalgustust. Selle tagajärjel tuleb ilmutamisprotsessis selgelt nähtavale ainult tugevamalt kirjutatud

⁵ Vt. üksikasjalisemalt Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств, М., 1963, lk. 144 jj.

⁶ Vt. üksikasjalisemalt Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств, М., 1963, lk. 156 jj. Криминалистика, М., 1964, lk. 107—108.

tekst, kuna vähenähtav, mis fotoemulsiooni vajalikul määral ei suutnud mõjustada, kaob kas täiesti või osaliselt.⁷

Nagu eelnevast nähtub, võib kontrastide muutmist saavutada rea võtete abil.

Kuid praktika näitab, et ainult ühe eespool kirjeldatud meetodi kasutamiseга pole sageli võimalik saavutada vajalikke tulemusi. See asjaolu tingibki vajaduse kasutada kontrastide muutmiseks omavahel kombineerituna mitut meetodit. Mõningatel juhtudel osutub mitmesuguste meetodite kombineerimine hädavajalikuks.

Ei saa kuidagi nõustuda E. Braitševskaja ja A. Mantsetova seisukohaga, et käesoleval ajal kasutusel olevate fotomaterjalide ja valgusfiltrite sortiment võimaldab kontraste muuta ilma teiste meetodite kasutamiseta, st. ilma nende kombineerimiseta.⁸

Kombineerimist tuleb kasutada juhtudel, kui üks meetod eraldi võetuna ei anna soovitud tulemusi. Selliseid meetodite kombinatsioone võib olla palju ja nende valikul peab ekspert lähtuma mitmesugustest asjaoludest, eriti aga uurimisobjekti iseloomust. Eksperdil tuleb otsustada, kas tugevdada või nõrgendada mitmesuguseid kontraste üheaegselt või ühtesid tugevdada ja teisi nõrgendada.

Järgnevalt esitame mõned näited praktikast, kus on kombineeritud suunatud ja hajutatud valguse kasutamise, kontratüpeerimise, emulsioonikihtide summeerimise, filtrite kasutamise ja fotograafilise diskrimineerimise meetodeid.

1. Kontrastide tugevdamise meetodite üks lihtsamaid variante on negatiivide summeerimise ja kontratüpeerimise teineteisele järgnev kasutamine. Selle meetodi olemus seisneb selles, et kahest summeeritud negatiivilt tehakse koopia mitte paberile, vaid diaposiitiivplaadile. Diaposiitiivist saame kontaktmeetodil negatiivi, negatiivist uuesti diaposiitiivi jne., kuni selliselt kontratüpeerides saame küllaldase kontrastsusega kujutise negatiivil. Negatiivide asemel saab ühte sobitada ka kahte diaposiitiivi. Selleks tuleb teha summeeritud negatiividest kaks koopiat, üks diaposiitiivplaadile, mille emulsioon on suunatud projektsiooniaparaadi objektiivi poole, teine plaadile, mille emulsioon paikneb vastassuunas. Teravuse tasapind viiakse ühte emulsioonikihi tasapinnaga.⁹

2. Uurimuslikus kohtufotograafias tuntakse kombineeritud meetodina fotograafilist maskeerimist.¹⁰ Viimast kasutame näiteks neil juhtudel, kus kahest osaliselt teineteist katvast tekstist on valgusfiltritega võimalik kaotada küll vajalikku, mitte aga segavat

⁷ Vt. üksikasjalisemalt Л. Н. Гаврилов, Выявление цветоразличий с помощью позитивного процесса. Вопросы судебной экспертизы и уголовного права, Фрунзе, 1961, lk. 116. А. А. Эйман, В. М. Николаичик, Физические методы выявления невидимых текстов, М., 1961, lk. 75—76.

⁸ Vt. Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств, М., 1963, lk. 175.

⁹ Vt. Криминалистическая техника, М., 1959, lk. 139.

¹⁰ Vt. Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств, М., 1962, lk. 185.

teksti. Fotograafilise maskeerimise meetodit selgitame järgmise näite varal.

Dokumendile oli kirjutatud rohelise pliiatsiga allkiri «K. Laumets», mida diagonaalselt kattis sinakasroheline pliiatsiga kirjutatud teine allkiri «A. Aruson». Eksperti ülesandeks oli kaotada segav allkiri «A. Aruson» ja muuta sel viisil selgemini loetavaks allkiri «K. Laumets». Filtrid ei võimaldanud seda ülesannet vahetult täita. Nende abil oli võimalik kaotada küll Laumetsa, mitte aga segavana esinevat Arusoni allkirja. Kõigepealt fotografeeriti allkirjad ilma filtrita kontrastsele fotomaterjalile «Mikraat 200». Saadud negatiivil olid nähtavad mõlemad allkirjad (foto 1 a). Seejärel fotografeeriti allkirju läbi valgusfiltri ЖЗС-12, mille tulemusena kadus negatiivilt Laumetsa allkiri ja jäi selgelt nähtavaks allkiri «A. Aruson» (foto 1 b). Sellest negatiivist tehti diapositiiv, kus «A. Aruson» oli nähtav tumedate joontena. Et saada teksti «K. Laumets» ilma segava tekstita «A. Aruson», tuli asetada diapositiiv esimese negatiiviga kohakuti, nii et A. Arusoni allkirja tumedad jooned diapositiivil kattuksid sama allkirja heledate joontega negatiivil. Selliselt kokkuasetatud filmikaadritelt teeme positiivi, millel ongi nähtav soovitud allkiri «K. Laumets» ja kaotatud segav «A. Aruson» (foto 1 c).

Kui diapositiivi ja negatiivi kokkuasetamisel jääb allkirjast «A. Aruson» veel mingisuguseid segavaid jälgi, võib neid kaotada fotograafilise diskrimineerimise teel.

3. Kortsunud ja krobeline pinnaga valgel paberil on vaevalt märgatav radeeritud grafiitpliiatsiga kirjutatud tekst. Eksperti ülesandeks on kaotada varjukontraste, mis tekivad paberi pinna ebatasasuste tõttu ja suurendavad kontrasti teksti ja fooni vahel. Selleks peame eelkõige uuritavat dokumenti pildistama varjudeta valguses, mis võimaldab fotol kaotada pinna ebatasasuste varjud. Teksti ja fooni vahelise kontrasti suurendamiseks osutub kõige otstarbekamaks ja lihtsamaks meetodiks kontratüpeerimine, sest siin ei esine pooltoonide kadumise ohtu. Juhul, kui radeeritud tekst on kirjutatud mingi värvilise ainega (värvipliiats, tint jne.), on soovitatav varjudeta valgustuses pildistamist kombineerida valgusfiltrite kasutamisega, kuna ka see võimaldab paremini esile tuua kontraste teksti ja fooni vahel. Kui sel viisil saavutatud kontrast pole veel küllaldane, võib kontrasti edaspidiseks suurendamiseks kasutada kontratüpeerimist.

4. Paberile jäänud reljeefne värvitu trükimasina kiri oli üle kirjutatud sinise tindiga. Eksperti huvitas vähenähtav masinakirja tekst. Sellele nähtavale toomiseks tuli suurendada kirjareljeefi varjukontraste ja nõrgendada segava teksti ja fooni vahelist kontrasti. Varjukontrasti suurendamiseks tuli reljeefset masinakirja pildistada madalas külvalguses, fooni ja segava teksti vahelise kontrasti kaotamiseks aga kasutada samaaegselt sinist valgusfiltrit.

5. Teisel juhul oli samasugune reljeefne masinakirja tekst üle

~~H. H. H. H.~~

~~H. H. H. H.~~

K. K. K.

kirjutatud grafiitpliiatsiga. On selge, et siin langeb valgusfiltrite kasutamise võimalus ära, kuna on tegemist akromaatiliste värvustega. Sellistel juhtudel saab segavat teksti kõrvaldada fotograafilise maskeerimise abil.

6. 1964. a. juunis leiti Emajõest tundmatu mehe laip. Laiba riiete vaatlusel leiti pükste sinakasrohelise värvli siseküljelt laiavalgunud sinisevärvilisi vähenähtavaid joonekatkeid tekstist. Sündmuskohalt võeti kaasa väljalõige värvlist ja suunati kustunud teksti väljaselgitamiseks ekspertiisi. Fotografeerimine tavalistes tingimustes ei võimaldanud teksti paremini nähtavale tuua (foto 2 a). Kontrastüpeerimisega küll paranes tulemus, kuid ühtlasi suurenes ka fooni segav mõju. Kasutades fotografeerimise juures valgusfiltrit KC-14, suurenes kontrast küll tunduvalt, kuid teksti täielikku loetavust veel ei saavutatud (foto 2 b). Nüüd, kus teksti ja fooni vaheline kontrast oli suurenenud, osutus võimalikuks emulsioonikihtide summeerimise teel saavutada soovitud tulemus (foto 2 c).

Tekst «Велициян ВП С-II» ja ankrude kujutis ilmusid loetavalt nähtavale. Tähtede ebaselged piirjooned on tingitud tindi laiavalgumisest kauaaegse vees ligunemise tõttu.

Selline mitmest kontraste tugevdavast meetodist kombineeritud menetlus võimaldas kindlaks teha tundmatu laiba isiku.

Kontrastide muutmise kombineeritud meetoditest on kriminalistikaalases kirjanduses senini vähe juttu olnud, kuigi see pakub ekspertidele laialdasi võimalusi ekspertiiside edukamaks tegemiseks. Kombineerimise viisid ei ole veel kaugeltki kõik ammendatud ja tuleb leida üha uusi võimalusi nende mitmekesistamiseks ja ära kasutamiseks.

О КОМБИНИРОВАННЫХ МЕТОДАХ ИЗМЕНЕНИЯ КонтРАСТОВ

И. В. Леппик

Резюме

В статье рассматриваются основные фотографические методы изменения контрастов. Автор останавливается кратко на контрастировании, на суммировании негативов и эмульсионных слоев, на пользовании световыми фильтрами и на других методах.

Основное внимание в статье обращается на комбинирование фотографических методов измерения контрастов между собой. На примерах доказывается наличие взаимосвязи между контрастированием и суммированием негативов, применением метода

пользования световыми фильтрами и суммированием эмульсионных слоев в комбинированном виде, а также рассматривается возможность использования фотографического маскирования и дискриминирования в судебной фотографии.

Комбинированные методы изменения контрастов предоставляют экспертам широкие возможности в деле выявления мало заметных или незаметных текстов, а также при устранении мешающих текстов или теней. Чтобы усовершенствовать применение комбинированных методов изменения контрастов в судебной фотографии, необходимо найти и применить на практике новые виды комбинирования.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

P. Vihalem, Riigi põhifunktsioonid	3
П. Ю. Вихалем. Основные функции государства. <i>Резюме</i>	15
E.-J. Truuväli. Kodanliku riigiparagraadi purustamine Eestis 1940. aasta revolutsioonis	17
Э.-Ю. Труувяли. Слом Эстонского буржуазного государственного аппарата в революции 1940 года. <i>Резюме</i>	35
И. Сильдмяэ и Л. Выханду. О применении математических методов к проработке данных о феодальной ренте	37
I. Sildmäe ja L. Võhandu. Matemaatiliste meetodite kasutamisest feodaalse maarendi andmete läbitöötamisel. <i>Resümees</i>	57
Э. Я. Лаасик. Вопросы осуществления жилищного правоотношения по гражданскому кодексу Эстонской ССР	58
E. Laasik. «Eesti NSV tsiviilkoodeks» ja elamuõigussuhte tekkimine. <i>Resümees</i>	76
Э. Л. Плом. Об обязанностях по договору проката легковых автомобилей	78
E. Plom. Poolte kohustustest sõidautode elukondliku üürimise lepingu järgi. <i>Resümees</i>	95
П. П. Каск. Вопросы осуществления права личной собственности на автотранспортные средства	97
P. Kask. Isikliku omandiõiguse teostamisest auto-mootorsõidukite suhtes. <i>Resümees</i>	115
V. Kelder. Kolhooside tööasjad kohtupraktikas	117
V. P. Kelder. Колхозные трудовые дела в судебной практике. <i>Резюме</i>	125
E. Salumaa. Tsviilasja algatamise ja läbivaatamise probleemid	127
Э. Э. Салумая. Вопросы, связанные с возбуждением и рассмотрением гражданских дел. <i>Резюме</i>	139
Ю. Р. Адоян. К вопросам гражданского иска в советском уголовном процессе	141
J. Adojaan. Tsviilihagist nõukogude kriminaalprotsessis. <i>Resümees</i>	169
И. А. Ребане. О конкретных социологических исследованиях и некоторые вопросы советского уголовного права	171
I. Rebane. Konkreetsetest sotsioloogilistest uurimustest ja mõningaist nõukogude kriminaalõiguse küsimustest. <i>Resümees</i>	194
K. Nigola. Mõningaid küsimusi seoses «Eesti NSV kriminaalkodeksi» § 204 kohaldamisega	195
K. V. Nigola. О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 204 УК Эстонской ССР. <i>Резюме</i>	218
V. Raudsalu. Tõendite hindamise erisused teise astme kohtus nõukogude kriminaalprotsessis	221
V. Ю. Раудсалу. Особенности оценки доказательств судом второй инстанции в советском уголовном процессе. <i>Резюме</i>	230
O. Püssa. Sündmuskohal süüdistatava osavõtul teostatavaist uurimistoiminguid	233
O. K. Püssa. Об участии обвиняемого в следственных действиях, производимых на месте происшествия. <i>Резюме</i>	245
J. Leprik. Kontrastide muutmise kombineeritud meetoditest	248
И. В. Леприк. О комбинированных методах изменения контрастов. <i>Резюме</i>	255

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

IV

На эстонском и русском языках

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja E. Laasik

Korrektorid E. Oja ja J. Sarv

Ladumisele antud 25. X 1965. Trükkimisele antud
23. IX 1966. Trükipoognaid 16 + 1 kleebis. Arves-
tuspoognaid 17,93. Trükiarv 500. Trükipaber nr. 3.
60×90, 1/16. Kohila paberivabrik. MB-06373. Tell.
nr. 8057.

Hans Heidemanni nim. trükikoda. ENSV, Tartu,
Ülikooli tn. 17/19. I

Hind 1 rbl. 20 kop.